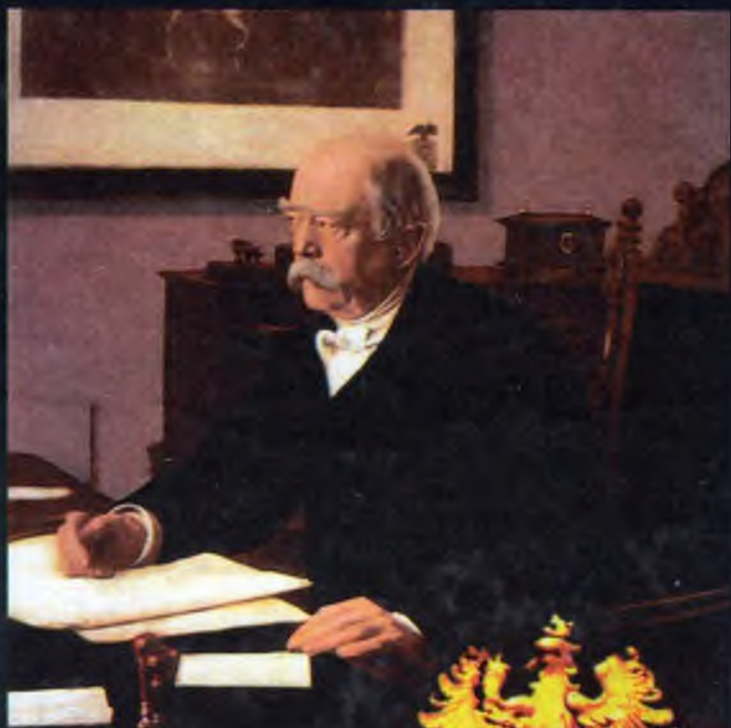

ТИРАНИЯ

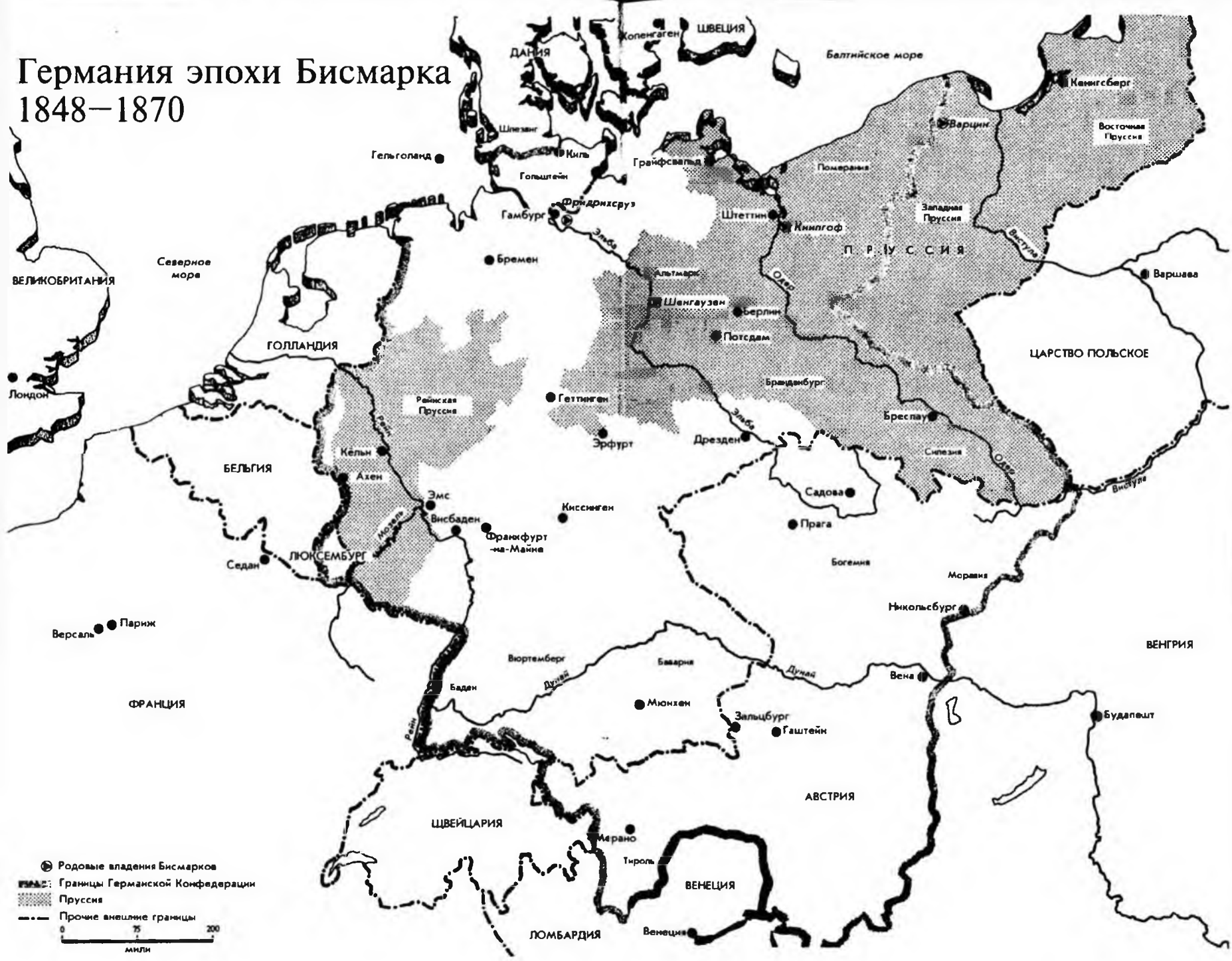
БИСМАРК

Алан Палмер

Германия эпохи Бисмарка 1848—1870

- Родовые владения Бисмарков
- Границы Германской Конфедерации
- ▨ Пруссия
- Прочие внешние границы

0 75 200
км

ТИРАНИЯ

Алан Палмер

БИСМАРК

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1997

ББК 63.3 (4Г)

П 14

УДК 943. 0 (093)

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского
*И. С. Соколова гл. (1–5),
Т. С. Бушуевой гл. (6),
В. А. Сухановой гл. (7–9),
С. И. Минкина гл. (10–13),
Т. Н. Замиловой гл. (14–16)*

Редактор *А. А. Жеребилов*
Художник *А. А. Шуплецов*

Палмер Алан

П 14 Бисмарк. /Пер. с англ. И. С. Соколовой, Т. С. Бушуевой, В. А. Сухановой, С. И. Минкина, Т. Н. Замиловой; Худож. А. А. Шуплецов. – Смоленск: «Русич», 1997. – 544 с. («Тирания»).

ISBN 5–88590–660–2

Книга Алана Палмера рассказывает об Отто фон Бисмарке – крупнейшем политике и государственном деятеле XIX века, вершившем судьбы Европы и всего мира, осуществившем объединение Германии. На основании многочисленных документов – писем, дневников, публикаций в прессе – показаны основные этапы жизни знаменитого «железного канцлера», талантливого целеустремленного человека, определявшего облик своей эпохи.

П 9430000000

ББК 63.3 (4Г)

ISBN 5–88590–660–2

- © «Bismarck» by Alan Palmer, 1976
- © Перевод. И. С. Соколова, Т. Н. Замиловой, Т. С. Бушуевой, В. А. Сухановой, С. И. Минкина, 1996
- © Составление, разработка серии. «Русич», 1997
- © А. А. Шуплецов, оформление, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отто фон Бисмарк, подобно Петру Великому, Наполеону и Черчиллю, стал легендой еще при жизни. Его личность, а также талант политика и государственного деятеля производили глубокое впечатление на современников и привлекали к нему внимание многих исследователей. Первое описание жизни Бисмарка на английском языке (перевод с немецкого биографии, составленной Эзекилем) появилось в Лондоне еще в феврале 1870 года за несколько месяцев до начала франко-прусской войны. Однако и по прошествии более чем ста лет интерес к создателю Второго рейха ничуть не уменьшился. Не проходит и месяца, чтобы в трудах ученых или в периодических изданиях мы не знакомились со все новыми документами, имеющими отношение к политике и частной жизни Бисмарка. Почти четвертая часть книг и статей, включенных в библиографию настоящего труда, была опубликована в течение последних десятилетий и, следовательно, эти наименования не значатся среди 6138 названий, упомянутых в библиографическом справочнике Гертеля и Борна, который вышел в ФРГ в 1966 году. Подход к изучению исторической фигуры такого масштаба может быть весьма различным, и в этой биографии я сделал акцент на самом Бисмарке как личности и государственном деятеле и меньше внимания уделял тем социально-экономическим условиям в Германии, на фоне которых происходило его становление как полити-

ческого деятеля и которые были столь скрупулезно проанализированы в последние годы профессорами Хамероу и Пфланце. Я уже давно придерживаюсь мнения, что все сказанное, сделанное или написанное Бисмарком не может не вызывать восхищения. Хотя каждый, кто пытался понять этого человека, находит свои причины для такого восхищения. Я старался, насколько возможно, сохранить в своем описании последовательность и динамику событий жизни Бисмарка и в то же время не хотел поддаться искушению впасть в ту или другую крайность, чего, к сожалению, не избежали многие историки. Они либо безоговорочно принимали сторону «железного канцлера», либо столь же безоговорочно становились его противниками.

Мой собственный интерес к Бисмарку имеет более чем тридцатилетнюю историю. Но я должен поблагодарить мистера Кристофера Фалкуса и мистера Эндрю Уиткрофта за их благожелательное отношение и поддержку, которые помогли моим идеям и энтузиазму материализоваться в виде данной биографии. И я еще раз выражаю признательность моей жене Веронике за помощь, которую она мне оказала. Она обсуждала со мной эту книгу, главу за главой, составила указатель и помогла установить личность той английской девушки, с которой Бисмарк считал себя помолвленным в 1837 г. Я обязан мисс Кэтрин Беван, внучке той самой молодой англичанки, как за разрешение воспроизвести портрет ее бабушки, так и за ценную информацию о ее семье. Мне также хотелось бы поблагодарить сотрудников Лондонской библиотеки и библиотеки Оксфордского университета. Особую благодарность выражаю ассистентам верхнего читального зала за их выдержку и терпение. Мне доставляет удовольствие упомянуть о заслугах миссис Пегги Бродбент, которая перепечатала рукопись этой книги с присущим ей высоким профессиональным мастерством и быстротой. Я хочу поблагодарить мистера Питера Янсона-Смита, который вот уже двенадцать лет консультирует меня как писателя.

А.В.П.

ВУДСТОК, АВГУСТ 1975.

ГЛАВА 1

ЛИС РАБЕНМАРК

В субботний день 1 апреля 1815 года Вильгельмина фон Бисмарк, двадцатипятилетняя жена прусского землевладельца, произвела на свет сына. Это событие произошло в особняке родового поместья Шенгаузен, расположенного в шестидесяти двух милях к западу от Берлина. Муж роженицы Фердинанд испытал по этому поводу немалое удовлетворение. Девять лет их супружества прошли в тревогах, которые наложили свой тяжелый отпечаток. Это было бурное время. Супруги построили дом и создали семью в военное лихолетье, им довелось познать тяготы иностранной оккупации и потерять обоих старших детей, умерших в младенчестве. Третий ребенок, Бернгард, выжил, но был слаб здоровьем, а поэтому Фердинанд, которому уже исполнилось 43 года, с появлением на свет второго сына и возможного наследника почувствовал себя более уверенно. Мальчику дали имя Отто Эдуард Леопольд, и в воскресенье его отец составил текст объявления, которое должно было появиться в берлинских газетах. Там в довольно лаконичной форме сообщалось следующее:

«Настоящим имею честь известить моих друзей о том, что вчера моя жена благополучно разрешилась

от бремени сыном, и почтительнейше прошу их не утруждать себя принесением мне личных поздравлений».

Шенгаузен находился в самом сердце Старой Марки, бранденбургской провинции, занимавшей особое место в истории ранней Германии. К западу от поместья без малого в пяти милях протекала река Эльба, главная водно-транспортная артерия Северной Германии, а за ней вырастал Стендаль, город с кафедральным собором, основанный в двенадцатом веке. Семья Бисмарков проживала близ Стендаля на протяжении вот уже более пяти веков, а поместье Шенгаузен находилось в их руках с 1562 года¹.

Все поколения этой семьи служили правителям Бранденбурга на мирном и военном поприщах, однако ничем особенным себя не проявили. В 1700 году Август фон Бисмарк снес особняк, построенный в шестнадцатом веке и возвел на его месте резиденцию в вошедшем тогда в моду стиле барокко, а в 1775 году отец Фердинанда добавил библиотеку и зал для музицирования, ибо ему не хотелось, чтобы Бисмарки казались менее цивилизованными, чем их король. Однако время текло, а статус семьи не претерпел значительных изменений. Они были владельцами феодалного поместья в четырнадцатом веке, а в начале девятнадцатого века превратились в мелкопоместных дворян.

Говоря другими словами, Бисмарки считались юнкерами, потомками рыцарей-завоевателей, которые основали первые немецкие поселения на обширных землях к востоку от Эльбы с малочисленным славянским населением. Это произошло в период раннего средневековья. Юнкеры относились к знати, но в том, что касалось богатств, влияния и социального статуса, они не шли ни в какое сравнение с аристок-

ратами Западной Европы и габсбургских владений. Бисмарки, конечно же, не принадлежали к числу земельных магнатов; они были довольны и тем, что могли похвастаться благородным происхождением, — генеалогическое древо, по которому их родословная прослеживалась вплоть до правления Карла Великого, висело в Шенгаузене еще за несколько лет до рождения Отто, — но в то же время они не питали никаких иллюзий в отношении собственного величия. Частенько они не брезговали тем, что лично стояли у возов с шерстью на ярмарках в Стендале и зорко следили за приказчиками, продававшими этот товар.

В своих поместьях они вершили гражданскую, судебную и полицейскую власть. Такой суверенитет их вполне удовлетворял. Прошло много столетий с тех пор, как последний из Бисмарков-Шенгаузенов искал счастья и карьеры за пределами Старой Марки.

Как и всякая другая юнкерская семья, Бисмарки не отлынивали от военной службы, исправно становились под знамена по зову короля, но и излишнего рвения в этом деле тоже не проявляли. В возрасте двенадцати лет Фердинанд фон Бисмарк был допущен к обучению в кадетской школе в Берлине — типичное начало пути для любого кандидата в прусский офицерский корпус. Всю свою жизнь он гордился тем, что его монарх, семидесятилетний Фридрих Великий, однажды соизволил с ним заговорить; и еще он был очень рад тому, что ему довелось воевать против французов под командованием племянника Фридриха, принца Людвига Фердинанда, бесшабашного кавалериста. Однако вялая кампания в Нидерландах не способствовала возникновению у Фердинанда честолюбивого намерения сделать карьеру в армии, тем более что не осталось никаких надежд на

скорое повышение в чине и должности. В высшем командовании прочно засели ветераны предыдущих битв. Исходя из этих соображений двадцатитрехлетний капитан фон Бисмарк перешел в резерв, а еще через три года и вовсе подал в отставку. Таким образом, ему не довелось испытать горечи поражения в битве при Йене в 1806 году и радости побед в освободительной войне 1813-1814 гг., когда один из его братьев достиг чина генерала. В течение двадцати лет, предшествовавших рождению Отто, его отец направлял всю свою энергию на управление помещьем Шенгаузен, хотя, когда в апреле 1813 года был объявлен массовый призыв в армию, он опять облачился в мундир и организовал ополчение из жителей окрестных деревень.

Разумеется, ведение хозяйства требовало неослабного внимания, особенно в период между 1807 и 1812 годами, когда в результате запоздалых реформ начал меняться статус его крепостных, которые стали свободными крестьянами с собственными земельными наделами. Лишь рачительный подход Фердинанда ко всем проблемам переходного периода позволил семье избежать банкротства, угрожавшего многим мелким юнкерам, желание которых модернизировать свои имения натолкнулось на непреодолимое препятствие в виде отсутствия достаточного капитала. И все же неучастие отца в кампании «за германское Отечество» имело для Отто отрицательные последствия, когда несколькими годами позже он заявил претензии на лидерство среди своих товарищей по школе.

Естественно, в двадцатые годы прошлого века было совсем неплохо иметь отца, с которым старый Фриц когда-то перемолвился парой словечек, но товарищи Отто являлись сыновьями тех, кто был значительно моложе Фердинанда и кто под командованием Блю-

хера и Гнейзенау с боями прошел путь от Пруссии до французской столицы. Когда речь шла о таких героях, лучше было помалкивать о заслугах Фердинанда в деле формирования ополчения в Шенгаузене. Неудивительно, что маленький Отто рос задиристым мальчуганом, всегда готовым к кулачному выяснению отношений со своими сверстникам. Это был агрессивный аутсайдер, остро ощущавший свою ущербность в свете патриотических настроений того времени, питавшихся воспоминаниями о славных боевых делах недалекого прошлого. Как свидетельствуют о том его мемуары, он оказался менее восприимчив к волне «германского национального» чувства, нежели окружавшие. Позднее Бисмарк поиному взглянул на военную карьеру своего отца: «Мне следовало родиться в 1795 году, чтобы успеть повзрослеть к 1813, — заметил он. — В течение жизни многих поколений моих предков все до единого исправно обнажали свои мечи в войнах против Франции. Мой отец и три его брата воевали против Наполеона I. Мой дед сражался при Россбахе, а их предки против Людовика XIV»². Однако напомним, что так считал имперский канцлер в январе 1871 года. У школьника же имелось куда меньше причин хвастаться заслугами его семьи.

Мать Отто, Вильгельмина, происходила не из юнкерской семьи. Ее отцом был Людвиг Менкен, высокопоставленный чиновник гражданской администрации, служивший при Фридрихе Великом и Фридрихе Вильгельме II. В течение непродолжительного времени он был также послом Пруссии в Стокгольме, а позже занимал пост министра внутренних дел. Менкены не были коренными пруссаками, они происходили из Лейпцига. Несколько поколений этой семьи оттачивали свой интеллект, упражняясь в хитроум-

ных головоломках и германской юриспруденции. Предки Вильгельмины либо преподавали право в качестве университетских профессоров, либо являлись практикующими юристами. Людвиг Менкен скончался от туберкулеза в 1801 году, когда его дочери исполнилось всего лишь двенадцать лет. Известная своим добрым сердцем королева Луиза пожалела девочку и взяла во дворец, где та должна была составить компанию королевским детям, Фрицу и Вильгельму. Первому в то время было шесть лет, а второму почти на полтора года меньше. Фрицу, будущему Фридриху Вильгельму IV очень нравилось играть с «моей Миной Менкен», как он называл ее. (Мина — нем. Mina, сокр. от Вильгельмина, нем. Wilhelmina.) Однако по мере того как Вильгельмина превращалась из девочки-подростка в девушку, ей все меньше нравилась ее роль — то ли подружки по играм для юных принцев, то ли их няни. По всем статьям она заслуживала большего. Ей нельзя было отказать ни в уме, ни в привлекательности — этих двух качествах, которые, как многим тогда казалось, отсутствовали у бранденбургского юнкера, ставшего мужем Вильгельмины, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Вне всякого сомнения можно сказать, что проживи ее отец чуть дольше, девушку ждало бы куда более блестящее будущее. Судьбе, однако, угодно было распорядиться так, что Вильгельмина стала хозяйкой поместья на Эльбе, реке, которую она до этого никогда не видела. И если уж не приятная внешность, то ее интеллект передался по наследству ее второму выжившему сыну, который имел ум Менкена в сочетании с физическими данными Бисмарка.

Когда Отто исполнилось двенадцать месяцев, семья оставила Шенгаузен на попечение управляющего и переехала в Книпгоф, в Померанию, где Фердинанду

принадлежали три небольших наследственных имения: собственно Книпгоф, Кюльц и Ярхелин. Почвы тут были крайне бедными, зато эта местность отличалась девственной природой. Книпгоф находился в тридцати милях к северо-востоку от Штеттина и примерно на таком же расстоянии от побережья Балтийского моря; до Берлина было около ста миль, но Вильгельмине казалось, что она очутилась на краю света. Однако леса и озера, соленый ветер, волновавший тучные луга, — все это было было полно притягательного очарования для маленького мальчика. Кроме того, это была и первоклассная школа для постижения азов хозяйствования. Правда, отношения Вильгемины с мужем к этому времени стали достаточно напряженными, поэтому она не имела никакого желания, чтобы внук Людвиг Менкена тратил свое бесценное время на сельские забавы. И если Фердинанд не видел ничего особенного в том, что Бернгард и Отто перед поступлением в кадетский корпус обучались дома под присмотром опытного наставника-гувернера, то их мать строила более амбициозные планы. Она настояла на отправке обоих мальчиков в школу Пламана в Берлин. Преподавание в этом заведении основывалось на идеях Песталоцци, который считал основной задачей воспитания развитие личности ребенка. Такое образование являлось настоящим прорывом, отходом от семейных традиций Бисмарков, имевшим еще большие последствия, чем их переезд в Померанию.

С 1822 по 1827 год Отто учился в школе Пламана, располагавшейся в доме №139 по Вильгельмштрассе. Эта школа была основана за пятьдесят лет до его рождения одним евангелистским пастором. Она пользовалась довольно высокой репутацией в кругах передового дворянства и чиновничества, не в последнюю

очередь из-за того, что сам Пламан шагал в ногу с требованиями времени. Он старался внедрять образовательную программу, разработанную патриотом-идеалистом Людвигом Яном (который одно время сам преподавал в этой школе). Ян выдвинул идею постоянного обновления политического организма государства через совершенствование физического состояния его граждан. Дисциплинированная телесная энергия, по его мнению, должна была способствовать тому, чтобы разум занимался решением вопросов высшего порядка. Подобные мысли производили впечатление на многих современников Яна, в числе которых была и Вильгельмина фон Бисмарк.

Однако младший сын, похоже, не разделял точку зрения матери. Для критического восприятия подобной философии он обладал слишком развитым от природы умом. Мальчик занимался плаванием и фехтованием, выполнял гимнастические упражнения, предписанные Яном, для тренировки мускулов и души, возделывал небольшую полоску земли в саду — то есть делал то же, что и другие учащиеся этой школы. Но он не был счастлив. Сохранившиеся письма его родителей позволяют сделать вывод, что отцу приходилось прилагать значительные усилия, чтобы достичь взаимопонимания с обоими сыновьями, в то время как мать, проявляя к Отто терпение, явно отдавала свое предпочтение Бернгарду. Впрочем, начало у младшего сына было довольно удачным. «Он легко находил себе товарищей благодаря своей жизнерадостности и приятным манерам», — говорилось в характеристике Отто, написанной после первого года обучения в школе Пламана. Но четыре года спустя накануне того дня, когда ему должно было исполниться одиннадцать лет, тон характеристики стал более строгим: «Он должен не идти на поводу у своего

энтузиазма, но уделять серьезное внимание учебе и оставить беззаботность для внеучебного общения»⁴. Впрочем, подобно большинству характеристик, это замечание говорит гораздо больше о школе, нежели об ученике.

«Согласно системе, сложившейся в образовательном учреждении Пламана, — писал позднее Бисмарк, — приставка «фон» перед моей фамилией являлась скорее недостатком... в моих отношениях как с товарищами по школе, так и с учителями»⁵. И все же дело тут заключалось скорее в его своенравии, нежели в непочтительном отношении к его юнкерскому происхождению. Мальчик, любивший на каникулах разъезжать по окрестностям Книпгофа на своем пони, терпеть не мог Берлин и городскую жизнь вообще, символом которой для него стала столица Пруссии. «Каждый прожитый час и даже четверть часа наполняли мое сердце радостью, ибо приближали меня к тому времени, когда наступят каникулы, и я отправлюсь домой в штеттинской почтовой карете», — вспоминал Бисмарк, посетив свою школу в 1851 году⁶. Но у будущего канцлера был слишком сильный характер, чтобы поддаться чувству жалости к самому себе. На портрете, принадлежащем кисти Франца Крюгера и написанном в последний год пребывания Отто в школе Пламана, перед нами предстает розовощекий курносый паренек с копной непослушных волос, решительным, твердо очерченным подбородком и насмешливым выражением лица. Однако у того, кто смотрит на этот портрет, возникает ощущение, что этот юноша вовсе не собирается улыбаться. Несмотря на то, что в этих живых глазах скрывается озорство, проказа, зрителя не оставляет чувство, будто там присутствует и скрытая злость. В старости он, похоже, считал себя чем-то вроде дикой утки из померанских

болот, которой бессердечный городской люд подрезал крылья. И все же, глядя на портрет, написанный Крюгером, напрашивается сравнение не столько с дикой уткой, сколько с лисом, посаженным в клетку, но уверенным в том, что ему удастся вырваться оттуда.

В возрасте двенадцати лет Отто оставил школу Пламана, но из Берлина не уехал, решив продолжать там свою учебу. В течение трех лет он посещал гимназию имени Фридриха Вильгельма на Фридрихштрассе, а когда ему исполнилось пятнадцать лет, перешел в гимназию «У Серого монастыря», где чувствовал себя вольготнее, чем в первых двух учебных заведениях. Квартировал он в семье одного из своих преподавателей, доктора Боннела, который достиг большего, чем Пламан, успеха в стимулировании интеллектуальных интересов мальчика. Теоретически прусская гимназия, пользовавшаяся тогда наивысшим авторитетом и влиянием, предлагала своим питомцам весьма обширный круг учебных дисциплин с гуманитарным уклоном. В учебном плане, особенно в старших классах, упор делался на изучение истории античного мира, математики и достижений новой, преимущественно германской, культуры за предыдущие полвека. Правда, Отто фон Бисмарк оказался самым обычным учеником, проявившим средние способности при обучении в двух предыдущих обычных школах. История Эллады не оставила глубокого следа в его воображении, а мир древнего Рима был мало доступен его пониманию. Его преподаватели не разглядели у него и способностей к математике. Он наслаждался чтением произведений Гете и Шиллера и хорошо владел французским. Хотя события недавней истории не лучшим образом сказались на популярности этого языка в Германии, знание которого традиционно считалось обязательным для немецких

интеллектуалов. Любому французскому автору Отто предпочитал английских писателей — особенно Шекспира. Неудивительно, что его главные интересы лежали в области политики прошлых лет, истории военного и мирного соперничества различных стран.

Все это явилось источником глубокого разочарования для Вильгельмины. Пока ее сыновья обучались в Берлине, она пользовалась этим обстоятельством как предлогом для того, чтобы проводить все больше и больше времени в столице или в Потсдаме, часто жалуясь на невыносимо скучную жизнь в Книпгофе. Она надеялась, что Бернгарду или Отто удастся «проникнуть в мир идей куда глубже, чем это было возможно для простой женщины». Но ни один из сыновей не доставил ей удовольствия гордиться его успехами на интеллектуальном поприще. По временам Отто казался в обществе таким скучным и невоспитанным, что его мать сомневалась, есть ли у него вообще какие-либо идеи.

Религия представляла проблему и для матери, и для сына. Взгляды Вильгельмины колебались между суровым агностицизмом, которого она придерживалась, находясь в деревне, и модным заигрыванием со спиритуализмом, к которому она выказывала склонность в городе. Ее муж не изменял вере в догматы Мартина Лютера. Правда, ему никогда не приходило в голову обсуждать свои религиозные убеждения с сыновьями. Чуть ли не с младенчества Отто привык возносить ежевечернюю молитву Всевышнему. Социальные условности повелевали, чтобы он готовился к обряду конфирмации, который должен был состояться по достижении им шестнадцати лет, и осенью 1831 года мать посоветовала Отто избрать своим религиозным наставником доктора Фридриха Шлейермахера, самого известного берлинского теолога. Шлейермахер

обладал самым изощренным умом, какой когда-либо приходилось встречать молодому человеку. Более трети века он посвятил поискам того, что могло бы примирить философию рационализма с опытом религии. Поучения на таком уровне могли бы, конечно, стимулировать интерес к религии у самой Вильгельмины, но для ее сына они оказались слишком запутанными. Лишь простейшее из них нашло хоть какой-то отклик в его душе. «Чтобы ты ни делал, делай это так, как если бы это было ниспослано от Бога и от всего сердца», — сказал ему пастор. И это изречение врезалось в память Бисмарку⁷. Обряд конфирмации прошел должным образом, но в отношении религии в голове у юноши продолжал царить полный сумбур. Почти сразу же после конфирмации он оставил практику ежевечерней молитвы, по-своему истолковав беседы с доктором Шлейермахером и сделав из них вывод, что обращение к Богу не изменит намерений последнего. В шестнадцать лет духовное послушание казалось ему чуждым по своей сути. Должно было пройти еще полтора десятка лет после конфирмации, прежде чем Бисмарк выработал свою собственную религиозную веру.

«Мое окончание гимназии в 1832 году совпало с Пасхой. Я вышел из нее нормальным продуктом нашей государственной системы образования», — писал Бисмарк в первой главе своих мемуаров; даже он утверждал, что «был пантеистом, и если не республиканцем, то во всяком случае вынес из гимназии убеждение, что республика — это самая разумная форма государственного устройства»⁸. И все же его взгляды не отличались глубиной. Он не имел установившегося мнения ни по одному серьезному вопросу. Это пришло к нему лишь с возрастом. И опять следующую стадию в его образовании определила мать:

молодой человек побывал в модных в то время гимназиях и получал религиозные наставления у почитаемого всеми пастора, теперь он должен был отправиться в университет Георга Августа в Геттингене, находившийся в королевстве Ганновер. В интеллектуальном плане это был самый свободный академический центр в Германии. Вильгельмина надеялась, что ее сын изучит право и поступит на дипломатическую службу.

В конце концов такой путь считался бы вполне естественным для Менкена. Но Отто, пройдя период становления характера, испытывал юношескую потребность во всем противоречить устоявшимся традициям предков с материнской стороны. Лекции и экзамены оказались не для него. Студенческая жизнь в Геттингене имела и другую сторону, и он преисполнился решимости насладиться ею до отказа. Его зачислили в университет 10 мая 1832 года. Это была единственная академическая церемония, которую он посетил будучи новичком.

Ближайшими друзьями его студенческих лет стали юные отпрыски аристократических семей Германии, причем не обязательно только прусских. Одним из первых друзей Бисмарка стал американец Джон Лотроп Мотли, который был старше Отто на год. Мотли совсем недавно прибыл в Европу из Гарварда. Четверть века спустя Мотли приобрел известность своими трудами по истории Нидерландов, но еще до этого он написал автобиографический роман «Мортон из Мортонз Хоуп», вышедший в свет в Лондоне и Нью-Йорке в 1839 году. С точки зрения литературных достоинств, это произведение не представляло из себя ничего примечательного, если не считать ошеломляющей масштабности, с какой автор реализовал свой замысел, — роман состоит из четверти миллиона

слов, — а также фона, на котором развиваются мелодраматические приключения главного героя. Мортон, как и Мотли, пересек Атлантический океан и посещал лекции в университетах Геттингена и Берлина: там-то он и познакомился и сдружился с бесшабашным и не знающим страха студентом из юнкерской семьи, Отто фон Рабенмарком.

«Геттинген — это хорошо устроенный и красивый город с явным преобладанием средневековья в своей архитектуре, — писал Мотли, допуская некоторую небрежность при описании прибытия Мортон в университет. — Вдоль улицы, взглянув вверх, я увидел головы и плечи студентов, высывавшихся из каждого окна. Они были облачены в безвкусные, производящие впечатление дешевого шика головные уборы и халаты, более похожие на женские пеньюары, а изотвов у них торчали длинные трубки и пышные кисточки (так в тексте у Мотли! Очевидно, он имел в виду курительные трубки, украшенные кисточками). Как я заметил, рядом с хозяином из того же окна часто выглядывала по-философски серьезная морда пуделя, лежавшая на передних лапах и по примеру своего хозяина глазевшая на пышногрудых служанок, набравших воду из уличного насоса».

Внезапно Мортон замечает странную фигуру, шествующую по улице: это, как он догадался, был студент по кличке Лис Рабенмарк.

«Я редко видел более нерасполагающую к себе личность... Хотя познакомившись поближе... я нашел его внешность довольно приятной. У него были лохматые волосы странноватого цвета, от рыжего до бледно-коричневого. Веснушки густо обсыпали его лицо, глаза были в центре бесцветными, а по краям как бы обведены красной полоской... Он носил какое-то удивительное пальто без воротника и пуговиц,

лишенное как цвета, так и формы огромные, широкие панталоны и сапоги с железными подковами и необыкновенной величины шпорами... Копна волос закрывала уши и шею, а еще у него имелась огромная сабля, которую он носил за поясом.

По его пятам следовали не модный в обществе пудель, а несколько терьеров. Студенты, пялившиеся из окон, насмехались над ним как из-за его внешности, так и из-за его вкуса в отношении собак — и Лис отвечал задирам предложением сразиться на дуэли»⁹.

Нет сомнения в том, что эта картина является простой карикатурой, даже семнадцатилетний Бисмарк не проносился такой грозой по Геттингену. В воспоминаниях других лиц говорится о его примечательной наружности — рост выше шести футов, худощавый, с гривой белокурых волос с рыжеватым оттенком, ниспадающих ему на плечи. Одевался он вычурно, как и Рабенмарк, изображенный в романе Мотли, в какое-то подобие плаща и имел обыкновение «носить в руке изогнутую железную трость». Среди собачьих пород его симпатии принадлежали скорее охотничьей гончей коричневого окраса, чем терьеру. Однако Мотли очень верно схватил такие черты своего друга, как заносчивость и самоуверенность. В школе Бисмарку приходилось общаться в основном с представителями средних классов, но попав в Геттинген, он твердо решил не спускать никому забывчивости при употреблении предлога «фон» перед его фамилией. Его приняли в самую замкнутую из всех студенческих корпораций, ганноверскую, на первой неделе июля 1832 года. А месяц спустя, девятого августа, он уже дрался на своей первой дуэли. В течение следующих девяти месяцев состоялись еще двадцать четыре поединка чести с его участием.

Однажды он был ранен в первый и единственный раз — от раны у него на щеке остался шрам — и этот инцидент настолько задел его гордыню, что, даже став премьер-министром Пруссии, он уверял, что удар противника противоречил правилам. Отто пил, повесничал, увивался за красотками и больше увлекался чтением Байрона и Вальтера Скотта, нежели изучением юриспруденции. Он залез в немалые долги. Университетские власти косо смотрели на его поведение: ему пришлось три дня провести в карцере, однако и после этого он не пожелал остепениться. Он мало чем отличался от «золотой» немецкой молодежи, задававшей тон не только в Геттингене, но и в других университетах, если не считать агрессивной вульгарности.

Но, возможно, все это было лишь внешней бравадой⁷. За буффонадой и напыщенностью скрывались, должно быть, живой и интересный ум и способность располагать к себе людей, в чем-то очаровывая их, иначе он никогда бы не подружился с Мотли и с Кейзерлингами, тонко воспитанными и высокообразованными представителями балтийской аристократии*.

В романе «Мортонз Хоуп» Лис Рабенмарк внезапно заявляет: «Я могу оставить эту буффонаду и быть разумным»; вполне вероятно, что Мотли слышал, как Отто действительно употребил подобную фразу. Бисмарк подчеркнуто высказывал презрение

* С графом фон Кейзерлингом Бисмарк близко познакомился в Геттингене, а в берлинском университете началась его дружба, которая продолжалась всю жизнь, с братом графа Германа, Александром фон Кейзерлингом. Александр впоследствии стал известным ученым-натуралистом. Похоже, что пристрастие, которое Бисмарк питал к музыке Бетховена, он перенял именно от Кейзерлингов.

ко всему академическому сословию (университетской профессуре в целом), предрассудок, который он пронес с собой всю жизнь; но будучи студентом, он по меньшей мере снисходил до того, что соглашался выслушивать мнение тех, кто разделял его исходные предпосылки (предположения). Таким образом, он с большим уважением относился к уроженцу Бремена, профессору Арнольду Герену, сферой ученых интересов которого являлись меркантилизм и система европейских государств восемнадцатого века. С другой стороны, будущий канцлер игнорировал учение Фридриха Дальмана, самого известного геттингенского историка, в тот самый период читавшего очень интересный курс лекций по исторической эволюции английской конституционной формы правления. Целое поколение студентов — многие из них впоследствии стали оппонентами Бисмарка в парламенте — было заражено либерально-национальным энтузиазмом Дальмана. Но только не Отто: члены ганноверской корпорации в общественном отношении никогда не признавали авторитета профессоров, а в политическом они были для них неприемлемы.

Бисмарк не завершил свое образование в Геттингене; жизнь на широкую ногу оказалась обременительной для его кармана, и в сентябре 1833 года он покинул город на Лайне под угрозой задержания со стороны университетских властей, раздраженных его не в меру эксцентричными и экстравагантными выходками. Жить в Берлине оказалось дешевле. Целый год он учился в Новом столичном университете. Если быть более точным, то там он лишь числился, поскольку лекций почти не посещал, а пользовался услугами репетиторов, посещавших его перед экзаменами. В мае 1835 года он успешно сдал первую сессию по различным отраслям юриспруденции и получил право именовать

себя аускультатором. (Аускультатор — должность, дававшая право на прохождение стажа в судебных или административных учреждениях.) Годом позже он защитил диссертацию по философии и политической экономии, что в доведенной до восхитительного совершенства бюрократической иерархии германской судебно-административной системы давало право на звание рефендария или младшего барристера. На этом университетское образование Бисмарка закончилось. Он не достиг тех высот, которых ожидала его мать от внука своего отца; но по меньшей мере ему представилась возможность сделать карьеру на дипломатическом поприще, на что Вильгельмина давно уже возлагала большие надежды.

В романе «Мортонз Хоуп» вымышленный Рабенмарк также строит планы дипломатической карьеры, которые терпят крах из-за пылкой любовной интриги с графиней. Дело закончилось схваткой, в которой он убивает двух человек, и торжественным появлением героя в зале суда, где он убивает кинжалом главного свидетеля обвинения и, проглотив яд, избегает виселицы. Тогдашние первые дипломатические амбиции реального Бисмарка также потерпели неудачу, но это происходило в менее драматичных обстоятельствах. Он записался на прием к министру иностранных дел Пруссии Иоганну фон Анциллону, который посоветовал ему поискать место в каком-нибудь административном учреждении внутри Германии, а не в сфере европейской дипломатии. Это была первая серьезная неудача для Бисмарка; она породила у честолюбивого молодого человека как разочарование, так и удивление. «У министра сложилось впечатление, что социальный класс нашего «доморощенного» прусского помещичества не являлся той средой, из которой он мог бы почерпнуть желаемый материал

для замещения дипломатических постов», — написал Бисмарк почти шестьдесят лет спустя, добавив при этом: «Такое впечатление не является абсолютно необоснованным».

Следует признать, что в самом деле кадры тогдашнего министерства иностранных дел Пруссии рекрутировались по большей части из лиц, родившихся за пределами прусского королевства. Однако в том, что касалось происхождения, Бисмарк все же больше подходил для дипломатической работы, чем «большинство кандидатов из нашего крупного помещицества», которые «не могли избавиться от узкого горизонта мышления, отличавшего берлинцев в те дни»¹⁰. Ведь в конце концов он был внуком бывшего посла, а его мать позаботилась о том, чтобы в определенных сферах не забыли, что в жилах ее сына течет кровь Менкенов. Она упорно трудилась на этой ниве, завязывая нужные знакомства в Берлине и обхаживая всех мало-мальски влиятельных людей. Можно лишь строить догадки в отношении истинной причины неудачи Бисмарка. Возможно, достигшие ушей министра слухи о чересчур бурной студенческой жизни искателя дипломатического поста позволили ему предположить, что тот еще не «наложил слой европейского глянца» (согласно его собственной метафоре) на вызывающе юнкерские манеры поведения. Едва ли Анцеллон захотел бы отправить в Лондон или Вену забияку, который при всяком удобном случае стремился помахать саблей.

Вместо этого Бисмарк поехал в Ахен. Этот город вошел в состав Рейнской провинции Пруссии по решению Венского конгресса в год его рождения. Там еще оставались следы французского влияния; в частности, Бисмарк, служивший в административной коллегии города, обнаружил, что здесь действовал

Наполеоновский кодекс, принятый в 1804 году, когда Ахен являлся частью Франции. Молодой чиновник занимался проблемами, связанными с присоединением этой пограничной территории к таможенному союзу, в котором доминировала Пруссия, — Золльферейну. В середине тридцатых годов XIX века этот союз служил задаче консолидации вновь обретенного экономического могущества Пруссии. Но, как позднее писал Бисмарк, «работа была необременительной», и у него оставалось много времени, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению — читать, совершать прогулки верхом, в общем, наслаждаться жизнью. Иногда он забредал на территорию Бельгии и охотился в Арденнах. Это была очень живописная местность.

Существовали и другие развлечения. Ахен становился модным курортом на минеральных водах, который английская знать облюбовала в качестве места отдыха между строгим пуританизмом Брюсселя и природными красотами Рейнской провинции. Вскоре 21-летний «барон фон Бисмарк» — наслаждавшийся чтением Вальтера Скотта, Байрона и «творений старика Шекспира» — стал пользоваться популярностью у английской колонии города. В Ахен он прибыл 20 июня 1836 года, а к 10 августа он уже обзавелся достаточно хорошими связями, чтобы с важностью и самодовольством описывать золотое общество, в котором ему приходилось вращаться:

«В настоящее время я столуюсь в компании, которая включает семнадцать англичан, двух французов и мою скромную персону».

Своим родным в Книпгоф он сообщал: «Во главе аристократического конца стола у нас восседают их высочество герцог с герцогиней К. и их племянница, мисс Р. (очаровательно прелестная)»¹¹. Несколько дней спустя он писал: «Сегодня вечером я иду слушать

Массаньело, билет на концерт которого мне прислан моей знакомой, герцогиней». Последние слова были написаны им по-английски, как будто он хотел похвастаться перед померанскими провинциалами той легкостью, с какой их сын вошел в столь аристократичные круги.

В действительности же происхождение герцогини Кливлендской было менее знатным, чем у Бисмарков. Она была дочерью йоркширского огородника, торговавшего на рынке, и впервые проникла в светское общество времен Регентства в качестве «доброй знакомой» банкира Кутса. По мнению Кривея, язвительного хроникера, который знал ее четверть века, она была просто «старой каргой-греховодницей». Но юный Бисмарк взирал на любого представителя аристократической Англии с почтением, близким к благоговению, точно так же, как и другой романтик — член партии Тори, не имевший аристократических корней, Бенджамин Дизраэли. Герцогиня произвела на Бисмарка несомненное впечатление, а ее племянница Лаура Рассель вскружила ему голову. Пребывание герцога в Ахене, где у него были деловые интересы, длилось несколько недель, и Бисмарк все это время сопровождал обеих леди, посещая вместе с ними театры и концерты и разъезжая в их карете по окрестностям. В его письмах этого периода проскальзывали не совсем ясные намеки в отношении брачных планов, однако, скорее всего, он просто витал в мире полуфантазий; а «роман с мисс Р.» оказался не более чем приятным предлогом для избавления от утомительной обязанности отсиживать в коллегии заполненные бездельем присутственные часы. В течение зимы у него случались и другие амурные похождения, в том числе интрижка с одной замужней кокеткой тридцати шести лет.

Следующий сезон — это было лето восшествия королевы Виктории на престол — застал Бисмарка все еще в Ахене. Двенадцать месяцев бурной светской жизни не уменьшили его восхищения хорошо воспитанными английскими дамами, одна из которых вызвала в нем столь неординарные чувства. Это была Изабелла Лорейн-Смит, семнадцатилетняя дочь английского священника, возглавлявшего приход в Пассенхэме, местечке на границе графств Нортгемптоншир и Бакингемшир¹².

В течение двух недель Бисмарк вставал с первыми лучами солнца, чтобы не пропустить случая повидаться с Изабеллой. Согласно тогдашней медицинской практике очень полезной считалась утренняя «ингаляция» водами, а священник придерживался вполне определенных, твердых взглядов на природные медицинские средства (да и на многое другое). К середине июля Бисмарк уже знал, что обрел новую любовь, к которой испытывал еще большее физическое влечение, нежели к «очаровательной мисс Р.», предмету его прошлогодних ухаживаний. В письме к брату, датированному 19 июля, содержался знакомый тревожный сигнал: дочь священника, уверял он Бернгарда, являлась «тем самым архетипом английской красоты». Он настолько увлекся, что немедленно подал прошение о предоставлении двухнедельного отпуска и отправился вместе с Лорейн-Смитами в поездку по Рейну, побывав во Франкфурте и Висбадене, где они испробовали для сравнения лечение водами другого термального источника.

«Юная белокурая английская дева исключительной прелести», — как он описывал Изабеллу в другом письме, вызвала к жизни в характере Бисмарка байроновские черты: она «доводит мою бедную разгоряченную кровь до кипения», — писал он, используя

внезапно пришедшую ему в голову метафору. В Висбадене он сорил деньгами направо и налево: минеральные воды перед завтраком сменялись ужинами с шампанским при луне, и в конце недели уже состоялось его обручение с Изабеллой. Поговаривали даже о свадьбе, которая должна была состояться в Англии следующей весной¹³.

Позднее, в зрелые годы, Бисмарк вспоминал об этой неделе, проведенной в Висбадене, как об экстравагантной юношеской выходке, причем весьма разорительной. В начале сентября он рассказал одному своему другу, что в одном Висбадене прокутил 1700 талеров, что по тогдашнему курсу составляло почти 200 фунтов стерлингов. Попытки пополнить кошелек игрой в рулетку имели вообще катастрофические последствия. Но он был преисполнен решимости не разлучаться со своей «английской девой» и приучить ее родителей рассматривать его в качестве будущего зятя. В то время будущий канцлер и сам верил в серьезность своих намерений. Удовольствие, которое он получал от общения с Изабеллой, побудило его продлить свой отпуск более чем на три месяца. Сопровождаемые Бисмарком Лорейн-Смиты перебрались в Страсбург, а затем в Швейцарию; они даже подумывали о путешествии через Альпы в Ломбардию перед тем как вернуться в Англию к началу охотничьего сезона. Бисмарк отослал в Книпгоф письмо, в котором просил денег и излагал свои планы возвращения в Ахен после посещения Парижа и Лондона. И только в конце сентября из Берна он написал графу Арним-Бойценбергу, своему начальнику, объяснение, принося извинения за свое столь длительное отсутствие, не подкрепленное официальным прошением о продлении отпуска. В качестве оправдания он приводил тот аргумент, что не может

бросить своих спутников (которых он уже преждевременно именовал «моя семья»). Арнима это письмо нисколько не растрогало: он отстранил Бисмарка от исполнения обязанностей без сохранения жалования.

Эта блажь Отто серьезно встревожила его домашних в Книпгофе. Изабелла, как признавал он в одном из писем, «понимала по-немецки всего лишь несколько слов»¹⁴; им было очень трудно представить ее женой прусского землевладельца, желающего сделать карьеру дипломата. По своему социальному положению Лорейн-Смиты мало чем отличались от Бисмарков. Лорейны принадлежали к мелкопоместному дворянству и происходили из Нортумберленда, а имя Смит добавилось к их первоначальной фамилии после того, как они унаследовали титул баронета.* Мужчины этого клана в течение нескольких поколений получали образование в иезуитском колледже в Кембридже, а до поступления в университет, как правило, учились в Итоне; они слыли отличными наездниками, принимавшими участие в верховой охоте в лучших охотничьих угодьях Англии. Его преподобие Лорейн-Смит, отец Изабеллы, был человеком тяжелым на подъем и не стремился к повышению своего социального статуса. Заняв пост приходского священника в Пассенхэме в 1814 году, он так и оставался им вплоть до своей смерти, последовавшей сорок три года спустя; а когда он подыскивал себе жену, то ограничил район своих поисков соседним приходом Мильтон Кейнс (где его дядя отправлял обязанности

* Впоследствии Бисмарк упоминал о ней скорее как о «Изабелле Лорейн, чем как о Изабелле Лорейн-Смит». Такое неофициальное обращение показалось бы вполне естественным тому, кто именовал себя «Бисмарк-Шенгаузен» только тогда, когда он хотел, чтобы его не спутали с представителями других ветвей клана Бисмарков.

викария) и женился на своей двоюродной сестре. И все же он был, несомненно, человеком с сильным характером, о котором в журнале «Джентельменз Мэ-гэзин» писали как о «властной личности», который «несомненно, вел себя с достоинством и своим появлением то ли в поле, то ли на большой дороге привлекал к себе почтительное внимание», тип священнослужителя, «реже видимый теперь, нежели в прежние годы». Но отцу Бисмарка не суждено было узнать об этом. Известие о том, что Бисмарк из рода Шенгаузенов собирается жениться на дочери английского сельского священника, повергло обитателей Книпгофа в смятение.

1 ноября Отто неожиданно прибыл домой и обнаружил свою семью в шоке от его поведения и особенно от его крайне легкомысленного отношения к исполнению своих служебных обязанностей в Ахене. Однако к этому времени шансов на то, что свадьба состоится, почти не было.

Осталось неясным, с чьей стороны последовала инициатива в расторжении помолвки, Лорейн-Смитов или же Бисмарков. Разрыв показал, что Отто и Изабелла имели между собой довольно мало общего «по складу мыслей и духу». Во всяком случае, уже в середине декабря Отто горестно писал другу: «Моя предполагавшаяся свадьба полностью и бесповоротно расстроилась, и у меня не осталось ничего, кроме памяти о четырех очень счастливых месяцах, полных любовной сладости, — помимо значительных долгов, до сих пор не выплаченных». ^{15*}

* Согласно Бисмарку Изабелла Лорейн-Смит стала «очаровательным призом» одного английского джентльмена, которого он сардонически описал как «пятидесятилетнего полковника, с одной рукой, четырьмя лошадьми и пятью тысячами фунтов годового дохода». Но по другим сведениям она вскоре устала от

Весь этот романтический эпизод мог повредить репутации Бисмарка как государственного служащего, поскольку в системе прусской государственной службы, проникнутой солдатским духом послушания и долга, самовольное оставление своих обязанностей, да еще на столь долгий срок, считалось очень серьезным преступлением. Но его семья все еще располагала влиятельными связями при дворе и в столице, и потсдамские власти, надзиравшие за деятельностью провинциальных органов управления, отнеслись к его «дезертирству» с отеческой снисходительностью. Они даже подыскали ему работу в самом Потсдаме, где Бисмарк и прослужил около трех месяцев. Вопрос о его будущем оставался открытым: начинающий государственный деятель не желал привязывать себя к бюрократическому столу и в то же время не спешил подавать прошение об отставке. Это вполне объяснимо: молодому человеку, оказавшемуся по уши в долгах, требовалась абсолютная уверенность в своей судьбе, прежде чем решиться на такой бесповоротный шаг; а перипетии прошлого года во многом подорвали его былую геттингенскую самоуверенность.

Пока с отставкой можно было и подождать. Служа в провинциальной администрации, Бисмарк не подлежал призыву на военную службу. Но впад в немилость в Ахене, он больше уже не мог уклоняться

своего пожилого соотечественника и так и не вышла за него замуж. В сентябре 1840 года она стала женой двадцатидевятилетнего банкира из Хэрроу, Ричарда Ли Бевана и продолжала наслаждаться прелестями охоты в Норгемтоншире, в то время как юнкер, чью кровь она «доводила до кипения» в Висбадене, охотился за другой добычей на более ужасных полях сражений при Садовой и Седане. Совершенно очевидно, что они больше никогда не встречались. Изабелла умерла в январе 1855 года; а ее муж пережил Бисмарка почти на двадцать месяцев, хотя и был на четыре года старше него.

от своей обязанности «поступить добровольцем». Весной 1838 года он записался в гвардейский батальон егерей. «Я чувствую боль каждый раз, когда поднимаю правую руку», — жаловался он членам военно-медицинской комиссии¹⁶. Не было сомнения в том, что подобные выдумки они слышали и от других рекрутов: человек с таким телосложением, как у Бисмарка, вполне мог выдержать двенадцать месяцев солдатской муштры в мирное время. На него напялили зеленый мундир и определили на службу в берлинский гарнизон.

С ним действительно ничего не случилось; однако он едва ли испытывал меньшую скуку, чем во время службы чиновником в ахенской и потсдамской администрациях. Когда срок службы в Берлине подошел к концу, его батальон послали в Грейфсвальд, город на Балтийском побережье, к северу от Штральзунда. Грейфсвальд, как и Геттинген сохранил следы своего средневекового прошлого и даже имел свой университет с несколькими сотнями студентов; но за исключением стычек, происходивших время от времени между пылкими либералами и полицией, в остальном ничто не нарушало сонную тишину его улиц. Жизнь там была еще скучнее, — хотя, к счастью, и дешевле, — чем в Рейнской провинции. Караульная служба на песчаном мысе в устье реки не содержала в себе никакой военной романтики. Вскоре Бисмарк уже с нетерпением отсчитывал недели, оставшиеся до конца марта, когда он сможет возвратиться к гражданской жизни в качестве офицера ландвера¹⁷. (Ландвер — часть прусских вооруженных сил, состоявшая из военнообязанных, отбывших военную службу и зачисленных в запас второй очереди.)

Однако печальное событие, случившееся дома, сократило срок службы будущего канцлера. Поздней

осенью 1838 года стало ясно, что Вильгельмина серьезно больна, и ее младшему сыну стали предоставлять продолжительные увольнения, сочувствуя его горю. Но ни он, ни кто-либо другой уже ничем не могли помочь Вильгельмине. Долгие годы непосильных забот подорвали ее здоровье. Ей приходилось вечно понукать, подталкивать своего быстро стареющего мужа к хозяйственным занятиям. Немало хлопот доставляли ей и проблемы, связанные с воспитанием ее единственной дочери Мальвины, родившейся в 1827 году, когда Вильгельмине исполнилось уже тридцать семь лет. Оба ее сына в тот период учились в Берлине. В последнее время матери Бисмарка пришлось взять на себя управление семейными поместьями, потому что Фердинанд с этими обязанностями уже не справлялся. В первые годы она еще надеялась сделать Менкена хотя бы из одного члена помещичьей семьи, с которой ей довелось породниться в результате брака, но теперь, когда дело шло к концу, оказалось, что она сама стала пленницей наследия Бисмарков. Во все не для такой жизни посылала Вильгельмина своего младшего сына в школу Пламана и в Геттингенский университет. Бедная женщина умерла полностью разочаровавшейся в детях в первый день нового, 1839 года.

Смерть матери не произвела сильного впечатления на Бисмарка: лишь много позже пришла к нему истинная оценка ее качеств. Однако это событие разрешило на какой-то срок неотложную проблему — чем ему следует заняться после окончания военной службы. Он должен был помочь брату Бернгарду вести хозяйство в померанских поместьях, а их отец вернулся в Шенгаузен, где методы управления оказались столь незамысловаты, что он смог жить, фактически не обременяя себя заботами. Потратив все лето

1839 года на то, чтобы войти в курс дела, вникнуть в суть проблем хозяйствования, Бисмарк в сентябре того же года отправил в Потсдам официальное прошение об отставке. В частных беседах Бисмарк объяснял это тем, что по своему темпераменту не подходил для должности подчиненного. Он не терпел над собой никакого начальства. «Моя гордость требует от меня повелевать, а не исполнять чужие приказания», — заявил он с оттенком старой геттингенской самоуверенности¹⁸. Его отец оставил военную службу в возрасте двадцати трех лет, после чего был вполне счастлив «жить и умереть в деревне». Теперь Отто, практически в том же возрасте сделал аналогичный выбор. Его будущее казалось заключенным в рамки вересковых пустошей и лугов восточно-эльбского горизонта.

ГЛАВА 2 «БЕШЕНЫЙ БИСМАРК»

«Впечатления, воспринятые мною в детстве, мало способствовали тому, чтобы во мне развились черты, свойственные юнкеру», — писал Бисмарк в своих мемуарах.¹ Это была чистая правда: все, чему его учили как в гимназиях, так и в университетах, не имело никакого отношения к ведению сельского хозяйства на научной основе. Будущий канцлер даже не имел понятия о примитивном учете, о том, как отмечать доходы и расходы в бухгалтерской книге. Но следует иметь в виду, что Бисмарк вообще имел тенденцию к преувеличению своих недостатков. Еще находясь на военной службе, он начал читать книги и статьи по аграрной экономике в сельскохозяйственном институте близ Грейфсвальда, где также посещал курс лекций по химии почвы. Обосновавшись в Померании, он начал задумываться над способами увеличения доходности своих поместий и поддержания на рынках стабильных и выгодных цен на шерсть и другую продукцию сельского хозяйства. Несмотря на ворчание по поводу необходимости вникать в премудрости двойной бухгалтерии и химии, все же он был куда более дисциплинирован, чем в гимназии или университете. Его брат, Бернгард, почти не при-

нимал участия в управлении поместьями. Позднее Отто жаловался, что всякий раз, когда приходилось оставлять Книпгоф на попечение старшего брата, к его возвращению накапливался «ворох огорчительных новостей», и «поскольку я не выражал удивления, у него находились для меня все новые и более худшие известия». Но вскоре Отто завоевал уважение соседей как своими теоретическими знаниями сельского хозяйства, так и практическими успехами. Ценность поместий возросла более чем на треть за девять лет, в течение которых он ими управлял, — причем на три года из этих девяти выпал широко распространившийся сельскохозяйственный кризис. Не приходится сомневаться в том, что Бисмарк оказался сметливым, и практичным землевладельцем. В последующие годы он заявлял, что выучился своему стилю дипломатии на конских ярмарках в Померании. Можно лишь посочувствовать торговцам, имевшим с ним дело.

И все же он всегда был слишком заметной фигурой. По временам он любил шокировать своих соседей-юнкеров тем, что разъезжал по лугам и лесам на своем огромном гнедом жеребце по кличке Калев, нимало не заботясь о том, кому эти земли принадлежат. Точно так же он поступал по отношению к дочерям соседских крестьян. Как жаловался его друг Кейзерлинг, Бисмарк, «следовал зову своих естественных инстинктов без каких-либо угрызений совести»².

Позднее, в приступе раскаяния, Бисмарк признавался, что в те годы он «не чурался никакого греха, водя дружбу с дурной компанией любого рода». Возможно, он и преувеличивал, но по сравнению с ахенским периодом будущий канцлер вел гораздо более разгульную жизнь. Случались вечера, когда он прося-

живал в карты все, что удавалось сберечь месяцами кропотливого хозяйствования. Многие из того, что он делал, было бессмысленным. Так, Бисмарк имел обыкновение извещать друзей о своем прибытии выстрелами из пистолета в потолок, а однажды он явился в гостиную соседа и привел с собой на поводке, как собаку, испуганную лису, а затем под громкие охотничьи выкрики отпустил ее. В таком поведении можно найти сходство с грубыми манерами английского помещичества, принятыми в восемнадцатом веке, с той разницей, что здесь еще присутствовала провокационная наглость, которая могла родиться в уме человека, удрученного несбывшимися надеждами. И люди говорили о нем с содроганием, называя «дер толле Бисмарк» («бешеный Бисмарк»)³.

Буйный нрав был не единственной чертой его характера. Отто проявлял покладистость в обращении с батраками в Книпгофе и двух других померанских имениях. В этом проявилось его патриархальное чувство ответственности, которое шло вразрез с публичной надменностью. И хотя, являясь лейтенантом ландвера, он любил изображать из себя бесшабашного кавалера, долгие зимние вечера посвящались чтению, причем не бессистемному. С геттингенской поры круг его исторических интересов расширился. Англия и ее дела занимали Бисмарка более, чем какая-либо другая страна. Он следил так внимательно, насколько это было возможно в его условиях, за методами, при помощи которых Пиль превращал тори в консерваторов. Бисмарк также расширил свое знакомство с английской литературой. Разумеется, «Тристан Шенди» и «Том Джонс» были для него в Книпгофе самым подходящим чтивом, но выбор Бисмарка не ограничился только этими или им подобными книгами, и это тем более удивительно.

От своих излюбленных поэм Байрона он перешел к чтению «Ирландских Мелодий» Томаса Мура, близкого друга Байрона. Список немецкой литературы, проштудированной им в это время выглядит более солидным: метафизика Гегеля — которая, впрочем, в той степени, в какой он сумел ее понять, показалась ему малопривлекательной, новый библейский критицизм Давида Фридриха Штрауса и переводы трудов Спинозы с их «кажущейся мечтательной ясностью». В интеллектуальном отношении «бешеный Бисмарк» далеко превосходил своих соседей-юнкеров. Во время этих первых лет жизни сельского дворянина он постепенно учился соотносить мысль с опытом.

«Сознание начало заявлять о себе более внятно в одиночестве (Книпгофа) и представлять, что многое из того, что я прежде считал допустимым, является неправильным», — писал он в 1846 году. Однако прошли еще многие годы, прежде чем Отто фон Бисмарк стал жить в соответствии с той легендой о себе, на создание которой ему пришлось затратить слишком много сил⁴.

В середине лета 1841 года Бисмарку, опять пришла в голову мысль о женитьбе. Оттолина фон Путткамер была дочерью богатого юнкера. Ухаживание продолжалось шесть месяцев; при этом соблюдались все благопристойные формальности, ничто даже отдаленно не напоминало о той неделе в Висбадене, когда искрометное, бившее в голову вино лилось рекой. Но к весне стало ясно, что фрау фон Путткамер, суровая матушка избранницы, не имела никакого намерения позволить своей дочери растратить себя и значительную часть семейного состояния, которую следовало отдать в приданое, на человека с репутацией Бисмарка. Сам Отто не чувствовал к Оттолине

такой романтической привязанности, как к Изабелле Лорейн-Смит за четырёх года до этого, но тем не менее отказ подобного рода сильно уязвил его гордость. Даже Фердинанда фон Бисмарка в Шенгаузене встревожила глубокая меланхолия младшего сына. Имения процветали, принося немалый доход, и отец с братом уговорили Отто развеяться, отправившись в путешествие.

Из всех стран зарубежья ему прежде всего хотелось повидать Англию. В начале июля 1842 года он выехал из Померании в Гамбург, откуда в Гулле регулярно ходил пакетбот (почтово-пассажирское судно), а некоторые корабли заходили в Лейт, что давало путешественнику возможность заодно посетить и Эдинбург.

Во время путешествия Бисмарк не вел дневник; вести от него в Книпгоф также приходили нерегулярно, а потому трудно восстановить его маршрут, но сохранившиеся письма и высказывания, сделанные в частных разговорах, позволяют с достаточной ясностью судить о том, какие стороны британской жизни обратили на себя наибольшее внимание Бисмарка. Он прибыл в Англию в воскресенье, очевидно, 10 июля. Личное знакомство со страной, чью литературу он так жадно поглощал, доставляло ему немалое удовольствие. Как-то раз, шагая по улице, Бисмарк стал весело насвистывать, и тут же получил суровое замечание за нарушение священного покоя выходного дня. Этот случай произвел на него такое глубокое впечатление, что более чем через сорок лет всемогущий канцлер вспоминал о нем. Но где это происшествие имело место? Сам Бисмарк говорил, что сошел на берег в Гулле, и этот инцидент вызвал в нем такой гнев, что он тут же сел на судно, отправлявшееся в Эдинбург. Более вероятно, одна-

ко, что пакетбот сначала зашел в Лейт и что легкомысленное поведение путешественника нарушило железную дисциплину шотландского кальвинизма. В письме к отцу говорится о путешествии по сельской местности из Гулля в Йорк; не мог же он в припадке ярости уехать из Гулля в Лейт, а затем вернуться назад, чтобы, преодолевая гнев, созерцать пейзаж английской глубинки⁵?

К счастью, там существовали и другие обычаи, более соответствовавшие наклонностям Бисмарка, нежели пуританские воскресенья. Например, огромная забота, которую англичане проявляли по отношению к своим лошадям, и то искусство, с которым их повара готовили говядину, хотя другие блюда английской национальной кухни вызывали у него значительно меньший энтузиазм, особенно «излюбленные английские торты и пироги». Большое впечатление на него произвел кафедральный собор в Йорке. Польстило его самолюбие и гостеприимство, оказанное ему офицерами одиннадцатого гусарского полка, который тем летом был расквартирован в Йоркшире. Из Йорка он перебрался в Манчестер, который в 1842 году был главным центром чартистского движения. Бисмарк ничего не говорит об английской радикальной политике и совсем мало о заводах, шахтах и фабриках, которые он видел вокруг, но зато восхищается развитой системой английских железных дорог, «с туннелями в три, а то и четыре мили длиной». Ему понравилась сельская местность с ее маленькими полями и естественными кустарниковыми изгородями, а по прибытии в столицу он посетил палату лордов и пришел в восторг от умелого сочетания церемониальности и отсутствия формальностей. В Лондоне Бисмарк провел несколько недель, а затем отправился в Портсмут. Вскоре он переправился через Ла-Манш и

очутился в Дьеппе. Конечным пунктом его пребывания в Англии стал, очевидно, Брайтон.*

Он провел некоторое время в Париже и прибыл домой на второй неделе октября.

Этот отпуск помог развеять смертную скуку жизни в Померании. Бисмарк стал более общительным. Еще со школьных дней в гимназии «У Серого монастыря» он познакомился с Морицем фон Бланкенбургом, сыном одного из юнкерских соседей отца; но лишь в 1842 году Мориц был причислен к кругу ближайших друзей. Благодаря этой дружбе у Бисмарка появилось много новых знакомых. У Морица был кузен, майор Альбрехт фон Роон, тридцатидевятилетний офицер Генерального штаба. Следует отметить одно немаловажное обстоятельство: в марте 1842 года Мориц обручился с Марией фон Тадден, двадцатилетней девушкой из известной семьи Тадденов из Триглафа⁶. Летом 1843 года и весь следующий год Бисмарк все чаще и чаще гостил у Бланкенбургов и у Тадденов. К его удивлению, их занимали более глубокие и отвлеченные проблемы, нежели те, которыми обычно интересовалось помещичество. Таддены были готовы бросить вызов поверхностному рационализму Бисмарка, опровергнуть его своей непоколебимой верой в христианского бога и в правоту божественного слова, такого, каким оно открыто для всех в писании. Но Таддены не были простыми эмоциональными фундаменталистами: да, они и в самом

* В его письме к отцу (собрание сочинений, т. XIV, №30) говорится, что он намеревался отплыть из Портсмута в Булонь. Это путешествие представляется весьма любопытным. В другом письме, к сестре, датированном более поздним числом (там же, №45) он упоминает о принятии им морских ванн в Дьеппе. Рейс Брайтон — Дьепп был очень популярен в начале 40-х годов XIX века.

деле не сквернословили, не пьянствовали и казались смиренными созерцателями, покорными воле Господа, и все же они не чуждались достижений других мыслителей, не отказывавших себе в удовольствиях светской жизни. Мария фон Тадден посещала театры, концерты и художественные галереи, читала Гете и Гейне, и не все ее беседы с женихом и его друзьями касались духовных материй. Несколько раз Бисмарк участвовал в шекспировских вечерах, организованных Марией. К сожалению, нам неизвестны ни пьесы, ни роли, которые она ему поручала, но к его мнению прислушивались, и не в последнюю очередь из-за неплохого знания Бисмарком английского языка. Стоит отметить, что его любимым шекспировским персонажем был Кориолан.

К этому времени появилась и вторая женщина, чье влияние помогало усмирить «бешеного» помещика из Книпгофа. Вплоть до того времени пока ей не исполнилось шестнадцать лет, сестра Бисмарка, Мальвина, большую часть года проводила в Берлине, получая образование, которое приличествовало иметь прусской леди. Отто почти не знал ее, хотя еще маленькой девочкой она часто приставала к нему с просьбами помочь ей собирать гусениц. Однако после Пасхи 1843 года срок обучения Мальвины истек, и она вернулась к своему отцу в Шенгаузен. С наступлением зимы старик настоял на том, чтобы дочь перевезла его в Книпгоф, который теперь целиком находился в распоряжении одного Отто, поскольку Бернгард исполнял административные обязанности в городе Наугарде. Общество Мальвины доставляло Отто удовольствие: она реально смотрела на вещи, хотя и с легким оттенком цинизма, и обладала довольно-таки тяжеловесным чувством юмора. Между братом и сестрой возникла духовная близость, вызванная сход-

ством во вкусах и симпатиях, большая, нежели даже та, что возникает между мужем и женой. Как и многие известные деятели того времени в Германии и России, Бисмарк глубоко привязался к своей сестре, и эта привязанность не ослабевала до конца его дней. Но Мальвина была дочерью своей матери и хотела жить своей собственной жизнью. Отто представил ей неуклюжего, бородатого и рыжеволосого товарища своей юности, графа Оскара фон Арнима (на этот раз из гимназии на Фридрихштрассе). К своему семнадцатилетию она уже была помолвлена с Арнимом, который владел не меньше чем семью поместьями, и 30 октября 1844 года они поженились.

«Я сидел у камина... в зеленом кожаном кресле, где ты имела обыкновение целоваться и шептаться с Оскаром, — писал Бисмарк Мальвине вскоре после свадьбы, — ... и с грустью размышлял о бессердечном и эгоистичном поведении одной молодой особы, у которой есть братья — и причем неженатые — и которая безрассудно надевает на себя брачные оклады». В этом послании, полном искренней тревоги за ее счастье, он нежно подтрунивал над сестрой, но и такой же искренней была собственная печаль. «Более чем когда-либо я чувствую себя одиноким в этом мире», — заявлял он⁷.

Имелась и еще одна причина, по которой Бисмарк погрузился в уныние и выказывал склонность жаловаться на судьбу. За четыре недели до этого, 4 октября, состоялась свадьба Морица фон Бланкенбурга и Марии фон Тадден. Вне всякого сомнения, Бисмарк восхищался Марией больше, чем какой-либо другой женщиной из тех, что до сих пор встречались ему на жизненном пути. Между ними завязались странные личные отношения: Мария — и Мориц тоже — чувствовали себя облеченными духов-

ной миссией пробудить дремлющую в Бисмарке религиозную веру. Неизбежно в утонченной атмосфере их встреч возникла некоторая напряженность: Бисмарк наполовину скрывал свои чувства; Мария наполовину открывала свои. Однажды во время прогулки в садах Триглафа она сорвала синий цветок, который дала Морицу, и красную розу, которую вручила Отто — фривольный жест со стороны той, чье благородство помыслов, казалось, брало верх над романтическим чувством. Дважды в 1844 году Бисмарк пытался спастись от сомнений, одолевавших его разум. В мае он несказанно удивил всех, кто знал его, тем, что вновь поступил на службу в потсдамскую администрацию, хотя не прошло и месяца, как скучная рутина канцелярских обязанностей заставила его подать в отставку, и в конце августа он отправился в одиночку отдохнуть на остров Нордеркей, ганноверское владение, находившееся неподалеку от устья реки Эмс⁸. Там он отрастил бороду, словно пребывая в неуверенности относительно своей прежней личности. Верность дружбе с Морицем принудила его отказаться от Марии физически, как бы сильно он ее ни любил; и едва ли приходится сомневаться, что в ту осень 1844 года его жизненные силы находились в состоянии крайнего упадка.

И все же брак Бланкенбурга не ослабил связей между Бисмарком и его друзьями, с той лишь разницей, что если раньше центром общения был Триглаф, то теперь этот центр переместился в имение Бланкенбургов, Кардемин. Они все так же часто встречались для обсуждения проблем религиозной веры, все так же играли Шекспира на летних пикниках; все так же Бисмарк думал, что члены этого кружка являлись в их внешней жизни почти совершенными образцами того, чем «я желал бы быть»⁹.

В Кардемине Бисмарк познакомился с братьями Леопольдом и Людвигом фон Герлахами, весьма авторитетными, придерживавшимися консервативных взглядов советниками короля Фридриха Вильгельма IV. Если Мария и Мориц старались склонить Бисмарка в сторону религии, то их друзья привили ему интерес к политическим делам и охотно выслушивали его взгляды. Их убеждения были окрашены в тона странного, правого идеализма: Прусское государство могло быть спасено от якобинства возрождением духа индивидуализма. Такая философия являлась тяжелым грузом для поникших плеч Бисмарка, но в тот момент он оказался готов принять ее.

На свадьбе Морица он впервые познакомился с подружкой невесты «из далекой, далекой Померании», по выражению Марии. Иоганна фон Путткамер была почти на девять лет младше и являлась дальней родственницей той девушки, за которой он ухаживал в 1841 году. На портретах Иоганна не выглядит красавицей. Она предстает высокой стройной женщиной с густыми блестящими черными волосами, зачесанными назад и собранными в пучок. Мы видим синие глубоко посаженные глаза и длинный нос. Ее рот и подбородок производят впечатление воли и решительности своими прямыми, жесткими линиями. Возможно, эти портреты не смогли передать ее остальных качеств. Ей нравились музыка, театр, поэзия, хотя она была немало озадачена цитатами из Мура и Байрона, которые Бисмарк включал в адресованные ей письма. Как и все члены триглафского кружка, она была набожна, но не интересовалась политикой, ни прошлой, ни настоящей. Ее манеры отличались некоторой провинциальностью и она, зная об этом, в рафинированном обществе чувствовала себя неловко. Само собой разумеется, она восхищалась Марией фон Тадден, с

которой брала пример для подражания. В результате получился силуэт с затянутой в корсет грудью и руками в узких рукавах, довольно призрачный как по содержанию, так и по форме. Однако этого сходства с Марией вполне хватило, чтобы привлечь Бисмарка, пусть даже оно и не могло воспламенить его дух. «С ней будет легко жить, — уверял он своего брата, — ... легче, чем с какой-либо другой известной мне женщиной»¹⁰. В этой оценке нет и намека на романтическое увлечение. Однажды он писал Бернгарду в восторженных выражениях о совершенстве женственности; но со времен блаженного висбаденского безрассудства миновало почти десять лет, и теперь он смотрел на такие вещи более трезво и сдержанно.

Однако в его характере оставалась еще ярко выраженная черта готической сентиментальности. В конце июля 1846 года он вместе с Морицем и Марией отправился на отдых в Гарц. В эту компанию входили также Иоганна фон Путткамер и еще одна подружка Марии. Присутствие лютеранского пастора придавало всей экспедиции несомненный оттенок респектабельности. Но романтическая долина Ильзе со своими водопадами, склонами, поросшими лесами, и деревянными гостиницами сорвала с отдыхающих покров пиетической сдержанности. Пастор начал распевать стихи Гейне, переложенные на музыку Мендельсона, Иоганна играла на клавире, а Бисмарк вторил своим тенором квартету, исполнявшему весь репертуар студенческих компаний. В двух каретах они поднялись на Кестенкиппе, кроме того, часто совершали прогулки при лунном свете. Бисмарк взял на себя хлопоты по продовольственному снабжению и размещению всей группы, и его спутники были приятно поражены «потоками шампанского, струившимися вечер за вечером».

«Никто не заподозрил бы в нас отдыхающих пистетистов», — удовлетворенно написала домой подруга Марии. До конца своих дней Бисмарк бережно хранил память о каждой минуте отдыха в Гарце.

Но вскоре последовала трагедия. Через девять недель умерла Мария, став жертвой опасного вирусного заболевания, распространившегося той осенью по всей Померании и уже унесшего жизни ее матери и самого младшего брата. Никакое другое событие в его жизни не потрясло Бисмарка так сильно. Он плакал как на людях, так и наедине с самим собой. Он читал священное писание, но теперь случившееся заставило его снова обратиться к молитве, приняв под воздействием эмоционального шока веру, которую годами проповедовали Мориц и сама Мария. И хотя со временем его убеждения стали играть подчиненную роль по отношению к чувству возложенной на него миссии, Бисмарк никогда больше не переставал считать себя верующим в бога и последователем Мартина Лютера. Каждое утро Отто обычно начинал с чтения отрывков из библии, и каждый вечер обращался к сборнику наставлений и заповедей: точно так же поступала и покойная Мария.

Мария при своей жизни надеялась, и Бисмарк знал это, что он женится на Иоганне фон Путткамер. В материальном плане он был очень выгодным женихом, потому что его отец умер в 1845 году, и Отто стал теперь хозяином Шенгаузена, владея также частью померанского наследства. Иоганна была не прочь стать его женой, но выдвинула предварительные условия. Претендент на ее руку должен был подтвердить свое возвращение в лоно религии и получить согласие ее отца, стойкого и богобоязненного протестанта. Соответственно этому в конце 1846 года Бисмарк написал господину фон Путткамеру очень искусно составлен-

ное письмо, посвященное рассказу об эволюции своего отношения к религии, от пантеизма университетских дней до «первой пылкой молитвы, исходившей из моего сердца», произнесенной им после получения известия о смертельной болезни Марии¹².

Несколько дней отец Иоганны пребывал в нерешительности: был ли Бисмарк уверен в том, что его вера отстоялась и «покоилась теперь на твердых основах»? Бисмарк проехал через всю Померанию с максимально возможной в условиях зимы скоростью — весь путь занял у него сорок часов — и, посетив своего будущего тестя в Рейнфельде, семейном поместье Путткамеров, постарался развеять все сомнения. 12 января 1847 года Бисмарк послал лаконичную записку своей сестре Мальвине из Рейнфельда. Она состояла всего лишь из двух слов, написанных по-английски: «All right» — «все в порядке». Это означало, что его помолвка состоялась.

Через две недели он вернулся в Шенгаузен. К этому времени он уже занимал официальную должность инспектора плотины на Эльбе, защищавшей пастбищные земли, расположенные на восточном берегу реки, от наводнений, которые постоянно угрожали весной, в феврале и марте. В его первых письмах к Иоганне часто выражается тревога по поводу этой угрозы: «Ты никогда не видела ледоход на большой реке? — спрашивал он 17 февраля. — Это одно из самых впечатляющих зрелищ, устроенных природой»¹³.

Помимо этой, затрагивавшая в начале февраля и другая тема, — правда, через две недели Бисмарк отбросил ее как несущественную, но внезапно, в первую неделю мая, эта тема стала реальностью — возможность войти в политику в качестве депутата вновь образованного Соединенного ландтага прусского королевства.

Эта перспектива не вызывала у Бисмарка особого энтузиазма. В течение трех десятилетий политическая жизнь в Берлине была стерильной. Из наполеоновских войн Пруссия вышла одной из пяти могущественнейших держав Европы, и хотя меттерниховская Австрия часто относилась к ней как к бедной родственнице, которой можно свысока покровительствовать или же втирать очки с помощью лести и мелких подачек, все же она сохранила этот статус в годы юности и возмужания Бисмарка. Когда заканчивалась его учеба, королевство претерпевало значительные изменения. Территории, приобретенные в 1815 году, более чем удвоили население Пруссии. Благодаря им она теперь располагала новыми ценными промышленными центрами в Вестфалии, Рейнской провинции и Прусской Саксонии, а рост Зольфферейна (таможенного союза под эгидой Пруссии) в период между 1819 и 1833 гг. означал, что в это объединение вошла почти вся Германия за пределами Габсбургской империи. Новые провинции и новые учреждения меняли характер прусской экономики, а государственная система оставалась все той же старой машиной с заржавевшим механизмом. Пять раз в период между 1810 и 1820 гг. король Фридрих Вильгельм III обещал своему народу конституцию, но умер в 1840 г., так и не выполнив своего обещания. Его сын и преемник Фридрих Вильгельм IV пользовался такими терминами, как «нация», «конституция» и «свобода», но подразумевал под ними нечто, совершенно расходившееся с современными идеями: монарх — это богом данный отец своих поданных, с которыми можно иногда посоветоваться, но чьей воле никогда не следует уступать. Фридрих Вильгельм IV не считал себя связанным обещаниями своего отца, но признал имеющим юридическую силу королевс-

кий указ, по которому для проведения государственного займа требовалось согласие всех провинций королевства. Зимой 1846-47 гг. прусскому государству понадобились деньги на строительство железной дороги, которая должна была связать Берлин и Восточную Пруссию. С целью изыскания необходимых средств король созвал Соединенный ландтаг, состоявший из восьми провинциальных ландтагов Пруссии. Этот ландтаг должен был собраться в Берлине в апреле 1847 года.

Либералы Западной Пруссии были твердо настроены воспользоваться этим случаем, чтобы потребовать создания народноизбранного парламента. Но не Бисмарк. Он рассматривал решение созвать Соединенный ландтаг как ошибку. Король, находившийся в плену ностальгии по феодально-абсолютистскому средневековью, мечтал о новой Германской Империи, в которой он удовлетворится ролью главного электора, но Бисмарк, как и его друзья по триглафскому кружку, считал подлинным отечеством лишь протестантскую Пруссию. В его представлении королю вовсе не было нужды собирать в столице представителей средних классов для обсуждения вопроса о займе; санкции всемогущего господина, по его мнению, для правителя Пруссии вполне достаточно, чтобы делать все, что он захочет. Бисмарк страшился, что Соединенный ландтаг 1847 года может стать для Гогенцоллернов тем, чем стали Генеральные Штаты 1739 года для французских Бурбонов. Восточно-эльбское юнкерство от этого ничего бы не выиграло, но потеряло бы все. Юнкерам требовалась железная дорога в Кенигсберг, но не ценой создания законодательного собрания, избранного всенародным голосованием.

Для Бисмарка существовала еще и личная про-

блема. Он всегда чувствовал себя в Берлине очень неуютно, вот и теперь у него не вызвала восторга мысль о том, что ему придется провести всю весну и начало лета, выслушивая речи приободрившихся либералов, полные «неистового насилия» и «импортированных фраз». До свадьбы оставалось всего лишь несколько недель, и Бисмарку не хотелось тратить их на занятие, вызывавшее у него отвращение. Во всяком случае, так он об этом говорил Иоганне¹⁴. В действительности, и он прекрасно это понимал, у него не было выбора. В течение двух предшествующих лет Бисмарк взял за правило каждый раз, когда позволяли обстоятельства, отправляться водным путем, по Эльбе в Магдебург, где Людвиг фон Герлах занимал высший пост в судебных органах. Откровенные и прямые манеры Бисмарка весьма импонировали как Людвигу фон Герлаху, так и его брату, генералу Леопольду фон Герлаху, личному адъютанту Фридриха Вильгельма. Оба они чувствовали, что прусские консерваторы нуждаются в человеке такого калибра. Когда заболел Браухич — один из депутатов Соединенного ландтага от Магдебурга, они убедили Бисмарка отправиться в Берлин в качестве его заместителя и выступить там от имени прусско-саксонского дворянства (к которому он, строго говоря, не имел права себя причислять, поскольку его имения находились в Старой Марке и Померании). Это предложение было очень лестным для начинающего политика. «Прости меня за то, что я согласился, — написал он Иоганне 8 мая. — Я не мог отклонить этот призыв, не обидев магдебурцев и не уничтожив тем самым все имеющиеся у меня шансы на будущее, которые основаны на моих отношениях с ними»¹⁵. Иоганна неохотно согласилась: ее отец, Адольф фон Путткамер представлял в Соединенном ландтаге Померанию, и

Иоганна понимала, какое значение имеет этот орган для всего юнкерского мира, в котором формировались ее надежды и предрассудки. Бисмарк занял свое депутатское место во вторник 11 мая 1847 года. К тому времени Соединенный ландтаг прозаседал уже четыре недели, и хорошо организованная либеральная оппозиция, возглавлявшаяся вестфальцем Финке превращала каждое заседание в дебаты по вопросу об основополагающих принципах прусского государства. Почему, спрашивал Финке, король созвал средневековый орган из людей, назначенных сословиями, а не парламентарную ассамблею, которую обещал его отец? В зале заседания, казалось, витал дух освободительной войны. Это был период недавней истории, о котором Бисмарк размышлял еще со времен своей учебы в школе Пламана. Он находил нетерпимым сидеть и в молчании слушать, как либералы присваивают себе национальную легенду.

Его час настал в следующий понедельник. Один пожилой либерал, воевавший против Наполеона в России, Германии и Франции, произнес речь, в которой утверждал, что народ Пруссии поднялся на борьбу против французов в 1813 году лишь потому, что король обещал дать конституцию сразу же после того, как Германия будет освобождена от врага. Это утверждение и побудило Бисмарка подняться на трибуну. «Аргумент депутата-либерала, — заявил он, — оскорбителен для нашего чувства национальной чести». В 1813 году на самом деле случилось так, что пруссаки, разбитые наголову французами, восстали и превратили поражение в победу, и война за освобождение не имела никакого конституционного значения. «Мое выступление произвело бурю», — отмечал Бисмарк с удовлетворением более чем сорок лет спустя и вспоминая о том, как он взял газету и стал ее

читать, повернувшись спиной к залу. Когда шум улегся, он спокойно закончил свою речь¹⁶.

В то время, однако, он был не слишком уверен в себе. В четверг утром Бисмарк написал Иоганне: «Вчера я поднял неслыханную бурю возмущения... Коснувшись характера народного восстания 1813 года, я ранил самолюбие многих моих единомышленников, ну и, разумеется, натравил на себя всю оппозицию. Возмущение было огромным, наверное, по той простой причине, что я сказал правду... Меня стали попрекать грехами молодости и прочей чепухой».

Заседания Соединенного ландтага получали подробное освещение в прессе — нововведение в стране, где до сих пор цензор пользовался почти неограниченными правами. Меньше чем за сутки Бисмарк стал скандально знаменитым; «бешеный» юнкер из Книпгофа превратился в «бешеного» депутата Берлинского ландтага.

«Я разворошил осиное гнездо, — сообщал он Иоганне в конце недели, — и злые осы, зажужжав, налетели на меня»¹⁷. Война с осами нравилась ему. Однако он жаловался, что иногда ему приходится ждать вызова на трибуну по шесть часов кряду, выслушивая потоки злобной клеветы от двадцати ораторов. Человеку его темперамента было очень трудно стать хорошим парламентарием.

Не прошло и месяца, как Бисмарк заработал себе прозвище «Преследователь Финке» своими нападками на кумира либералов Георга фон Финке, который и сам был горячим аристократом, наделенным редким даром оратора. Задиристые речи Бисмарка вернули ему поддержку юнкеров, утерянную было из-за необдуманного замечания о войне за освобождение. Правители других германских государств послали своих агентов для наблюдения за дискуссиями в Соединен-

ном ландтаге, и по меньшей мере один из них упомянул о растущем престиже прусско-саксонской знати: «Среди немногих ораторов, которые поддержали взгляд правительства и выразили волю монарха, — писал посланник великого герцога Гессенского 6 июня, — выдающимся образом проявил себя молодой человек по фамилии фон Бисмарк. Считают, что он может стать доминирующей фигурой на последующих заседаниях ландтага. Его твердый и решительный стиль ведения дебатов глубоко задел среди прочих господина фон Финке. Дело зашло так далеко, что уже стали ходить слухи о дуэли как о решенном вопросе, но путем переговоров все удалось уладить»¹⁸. И все же, хотя наблюдатели могли полагать, что Бисмарк представлял волю короля, сам Фридрих Вильгельм не торопился зачислять его в свои сторонники. Так, летом при дворе часто устраивали приемы и балы, а также грандиозный водный карнавал в Потсдаме; но каждый раз королю удавалось держать Бисмарка на расстоянии, причем делал он это весьма подчеркнуто. «Побеседовав с каждым присутствующим по очереди, он внезапно замолчал перед тем, как подойти ко мне, повернулся и зашагал прочь», — вспоминал Бисмарк в своих мемуарах¹⁹. Будущий канцлер находил своего суверена загадкой, но был не единственным, кому приходилось удивляться.

«Зачем было королю затевать все это вообще? — задавался вопросом Меттерних в Вене. — Созыв ландтага, кажется, больше похож на дурную шутку»²⁰. Либеральная оппозиция становилась все более несговорчивой. Несмотря на искусство, которое проявлял в дебатах Бисмарк, консерваторы при голосовании оказались в меньшинстве и раз за разом терпели поражение. В последнюю неделю июня ландтаг отклонил запрос короля о займе для строительства вос-

точно-прусской железной дороги. Оппозиция дала ясно понять, что она санкционирует займ только в том случае, если король сдержит клятву своего отца и дарует народу конституцию. Ответом Фридриха Вильгельма стал роспуск ландтага и повеление его членам разъехаться по домам. Весь этот эпизод напоминал парламентские конфликты в Англии семнадцатого века; вопрос о железнодорожном займе сыграл на руку Финке и его либералам, точно так же, как корабельный сбор и пошлины с веса помогли Элиоту и Холлесу в 1629 г.

Некоторые наблюдатели уже считали, что «молодому фон Бисмарку» уготована роль Томаса Вентворта. Но сам Бисмарк не разделял модного увлечения периодом английской гражданской войны. Он был более склонен проводить параллель с историей Франции. Политическая карьера Мирабо давно уже приводила его в восхищение.

С настоящего момента у него совсем не осталось времени подражать Вентворту, Мирабо или кому бы то ни было. «К началу следующего сезона охоты на куропаток я уже буду женат», — писал он своему брату в апреле еще до того, как заболел Браухич²¹. С тех пор общественная жизнь внесла коррективы в его личные дела, но он не отказался от своего намерения жениться в конце июля и сдержал свое слово, хотя это далось ему ценой титанических усилий. Неделя, последовавшая за роспуском Соединенного ландтага, оказалась особенно напряженной: с 1 июля в Магдебурге вплоть до шести часов вечера — дискуссии с Людвигом фон Герлахом об учреждении консервативной газеты; 2 июля, в пятницу, официальная церемония в Шенгаузене — оглашение имен лиц, предполагающих вступить в брак, причем здесь он едва не оконфузился, вспомнив лишь два из восьми имен

Иоганны; 3 июля в субботу — отъезд в Берлин по делам, связанным с созданием газеты; понедельник — поездка в Ангермюнде, имение Мальвины; вторник и среда — Книпгоф, улаживание дел о сдаче в аренду померанских владений; четверг — поездка в Рейнфельд насчет подготовки к свадьбе. К счастью, обе стороны согласились, что церемония должна быть тихой и скромной. Они обвенчались в деревенской церквушке в Кольциглове, близ Рейнфельда, 28 июля 1847 года²².

Герлахи предложили молодоженам провести медовый месяц в Баварии и Швейцарии, где можно было бы встретиться и еще раз обсудить возможность издания газеты. Это предложение не вызвало энтузиазма в Рейнфельде, и новобрачные отправились в Берлин, а затем девять недель путешествовали по габсбургским владениям. Сначала поехали в Прагу, а потом в Вену. Из Вены они поднялись вверх по Дунаю на новом и сравнительно дорогом пароходе, посетив Линц и Зальцбург. «Что касается меня, — писал Бисмарк Мальвине, — то я стал уже слишком стар, чтобы восхищаться всей этой новизной, и главное мое удовольствие состоит в наблюдении за тем, как радуется Иоганна»²³. Молодожены вместе поднялись на Шафберг и Капучинерберт, хотя сильная облачность во многом ухудшала обзор с этих вершин. После этого они поехали в Тироль и, проведя несколько дней в Мерано, где Иоганна лакомилась виноградом, повернули на юг в Венецию. В Шенгаузен путешественники вернулись лишь в начале октября. Бисмарк пытался быть экономным и заранее отложил на медовый месяц 400 талеров, но в конечном счете, как он сообщил своему брату: «Все путешествие обошлось в 750 талеров». (Около 155 фунтов стерлингов.) При этом Иоганне пришлось отдать мужу

почти 200 талеров, которые она хранила на покупку серебряного блюда²⁴. Среди женихов из поместного дворянства не принято было отправляться в свадебное путешествие с таким малым багажом: «Один костюм на мне и другой в чемодане». Дома же его поджидало пренеприятное известие «о потере шести коров и быка от сибирской язвы», которое стало для него таким же ударом, как и для любого другого фермера. Погибли «лучшие животные из всего стада», жаловался он Бернгарду.

Медовый месяц оказался не таким уж и безоблачным. В Мерано молодожены встретили майора фон Роона, не на шутку озабоченного растущим брожением внутри Германии, и на променаде под тополями с видом на горы Адидже состоялись серьезные разговоры о политике. А когда Бисмарки отправились в театр в Венеции, их там узнал король Фридрих Вильгельм, который сам находился на отдыхе, и пригласил их на обед. «Ввиду того, что я путешествовал налегке, а также ввиду полного отсутствия талантов у местного портного», — гостеприимство короля поставило Бисмарка в затруднительное положение. Но Фридрих Вильгельм вскоре заставил своих гостей позабыть о светских условностях, и Бисмарк убедился, что, несмотря на свое недавнее к нему прохладное отношение, король желал показать расположение к «сыну Минхен Менкен», на тот случай, если Пруссии будет угрожать серьезный политический кризис.

Когда на Шенгаузен обрушилась зима, этот кризис, казалось, уже назрел. В апреле прошлого года властям уже приходилось вызывать в Берлин гвардейские полки и кавалерию для подавления беспорядков, возникших в связи с повышением цен на продовольствие. К счастью урожай 1847 года был лучше, чем в предыдущие годы, но тревога Бисмарка не

проходила. Бывая в Берлине, он неизменно убеждался в том, что настроение городского рабочего люда по-прежнему не предвещало ничего хорошего. Ближе к концу года Фридрих Вильгельм ослабил тиски газетной цензуры в надежде, что эта мера стимулирует «полезную дискуссию». Бисмарк, настроенный пессимистично, не разделял этих убеждений. Крестьяне в Шенгаузене были настроены вполне лояльно, но вот горожан он опасался. Брожение не обошло стороной даже Йерихов и Тангермюнде, маленькие городки, которые Бисмарк мог видеть невооруженным глазом из своего поместья. Он понимал — для того чтобы воспламенить порох революции, теперь достаточно одной искры²⁵.

ГЛАВА 3

1848 И ДРУГИЕ ГОДЫ

За шесть месяцев, истекших после возвращения Бисмарка из Италии, Европа погрузилась в пучину революций. Формы и масштабы восстаний 1848 года потрясли его. Бисмарк сам видел растущую напряженность в политике и экономике Германии, но события за границей развивались так стремительно, что он не успевал за ними следить. Февральская революция в Париже, в результате которой Франция опять стала республикой, оказалась, по его мнению, «совершенно неожиданным происшествием», и он в мрачном настроении начал вести разговоры о возможности еще одной революционной войны. Его предсказания вызвали панику среди домочадцев в Шенгаузене: первого марта он сообщил своему брату, что Иоганна, которая была на четвертом месяце беременности, «заламывает руки в припадке отчаяния», вызванном всем тем, что тогда происходило¹. Газеты сообщали о студенческих волнениях в Бонне и Гейдельберге, о волне беспорядков и демонстраций, прокатившихся по северной Италии, и панической распродаже ценных бумаг на венской фондовой бирже. Бисмарки в тревоге ожидали вестей из Берлина. 11 января Отто впервые обедал в берлин-

ском дворце и хотя вернулся домой, польщенный комплиментами короля, он все же понимал, что Фридриха Вильгельма никак нельзя назвать человеком железной воли. Его взволновала реакция короля на вызов, брошенный улицами.

Неменьшие волнения испытывали и военные советники Фридриха Вильгельма. Когда во вторую неделю марта митинги и демонстрации политического характера стали происходить каждый день, генералы начали призывать своего повелителя разработать план действий на тот случай, если в столице завяжутся уличные бои, а также оставить окруженный соседними зданиями и поэтому неудобный для обороны королевский дворец и перебраться в потсдамскую резиденцию, находившуюся в шестнадцати милях от Берлина. Но Фридрих Вильгельм оставил их советы без внимания. Либерализм был ему совершенно чужд, и он вовсе не собирался терпеть посягательства на свои богом данные права со стороны выборного парламента. Однако и его затронула в эмоциональном отношении националистическая горячка, охватившая Германию, и бестолковый романтизм, который воспламенил патриотические чувства у многих его подданных. Со времени своего восшествия на престол Фридрих Вильгельм желал изменить структуру Германского союза — аморфного объединения тридцати девяти государств, созданного по решению венского конгресса в качестве предохранительного клапана для возраставшего германского национализма. Король был достаточно умен, чтобы понять, что союз слишком раболепствует перед Меттернихом и австрийцами. Он приказал генералу фон Радовицу подготовить план укрепления Германского союза, заручившись согласием глав германских государств. В начале марта Радовиц явился к Меттерниху в Вену и привез с

собой этот план. Австрийский канцлер и генерал все еще обсуждали различные детали плана утром в понедельник 13 марта, а вечером того же дня в Вене восторжествовала революция, и Меттерниху пришлось после тридцати девяти лет пребывания в должности подать в отставку.

Известие о падении Меттерниха достигло Берлина в четверг 16 марта, и напряжение на улицах сразу возросло. Вечером в пятницу Фридрих Вильгельм объявил о намеченном на апрель созыве Соединенного ландтага с расширенными правами, который будет работать до выработки прусской конституции. Он также заявил о своей готовности к коренному реформированию Германского союза. Эти уступки были обнародованы рано утром в субботу, 18 марта. Погода уже стояла по-майски теплая, и берлинцы готовились на следующий день отпраздновать свою победу грандиозной демонстрацией. Однако город был переполнен войсками, стянутыми из провинций. У королевского дворца между демонстрантами и солдатами произошла стычка, и вскоре улицы и площади покрылись баррикадами. В чисто военном отношении порядок еще можно было восстановить, хотя заплатить за это пришлось бы уничтожением сердца Берлина. Король пребывал в нерешительности. Проконсультировавшись с Финке, он по его совету призвал своих «дорогих берлинцев» поддержать короля и приказал вывести войска из столицы. Вечером в воскресенье 19 марта он возложил ответственность за поддержание внутреннего распорядка на гражданское ополчение (Vürgerwehr) и согласился обнажить голову перед телами демонстрантов, убитых его войсками на баррикадах. Генералы восприняли это как капитуляцию короля перед вооруженным сбродом.

Бисмарк не знал подробностей берлинских событий. В те дни он гостил у графа Вартенслебена в Карове, расположенном в восемнадцати милях южнее Шенгаузена. Первые слухи о том, что происходит в столице, доставил им сын графа, приехавший в субботу. Слухи оказались достаточно тревожными. На следующий день в Каров прибыла группа панически настроенных беженцев, от которых стало известно, что накануне вспыхнула революция, и король оказался пленником толпы. Донельзя взволнованный слухами о неоякобизме в самом сердце королевства, Бисмарк поспешил назад в Шенгаузен. Когда он приехал домой, там было все спокойно, но в понедельник утром ему сообщили, что в Шенгаузен прибыла депутация горожан из Тангермюнде, потребовавшая водрузить на колокольне черно-красно-золотое знамя — символ объединенной Германии. Бисмарк как владелец имения, рассерженный этим политическим покушением на его права, приказал крестьянам прогнать депутацию вон. Затем он вооружил своих людей ружьями, приказал их женам сшить импровизированное патриотическое знамя — белое с черным крестом, которое и вывесили на колокольне, и приготовился отбить дальнейшие попытки вторжения мародеров-либералов. После этого Бисмарк совершил поездку по соседним деревням, жители которых, по его утверждению, были готовы идти на Берлин «освободить» короля. Когда сосед-помещик пожаловался, что «Бисмарк бросает в деревню тлеющую головешку», и вызвался поговорить с крестьянами, чтобы убедить их не предпринимать никаких поспешных и необдуманных действий, будущий канцлер ответил: «Вы знаете, что я спокойный человек, но если вы это сделаете, я застрелю вас». Он полагал, что революционная ситуация достигла своей критичес-

кой точки, и это возбудило его в такой степени, что он чуть было не осуществил свою угрозу².

Обеспечив надежную, по его мнению, защиту Шенгаузена, Бисмарк с одним пистолетом и четырьмя патронами в кармане отправился в Потсдам. Там, в городском дворце, он повстречался со своим другом, майором фон Рооном, который тогда служил адъютантом у молодого племянника короля, принца Фридриха Карла. Роон дал понять, что, несмотря на недовольство офицеров поведением короля, в помощи вооруженных крестьян они не нуждаются. Регулярный подвоз зерна и картофеля — вот и все, что требовалось начальнику гарнизона от Бисмарка, как и от других юнкеров, да и то лишь в том случае, если новые берлинские власти прекратят поставки продовольствия.

Бисмарк не желал удовлетвориться скромной ролью поставщика продовольствия и фуража. У него было предчувствие, что он создан для более драматической роли в деле обуздания революции. Во вторник утром 21 марта он получил письмо от брата Фридриха Вильгельма Карла, резиденция которого также находилась в Потсдаме. Бисмарк надеялся, что это письмо послужит ему своего рода пропуском в Берлин, где он хотел повидать короля. Он был убежден, что ему удастся уговорить Фридриха Вильгельма дать армии свободу действий, чтобы та могла опять войти в столицу, разнести баррикады и устроить облаву на революционеров. Обкорнав бороду до размеров эспаньолки и нахлобучив широкополую шляпу с кокардой либерально-патриотических цветов, Бисмарк сел на дневной поезд, следовавший в столицу. Поскольку он все же надеялся на то, что государь удостоит его частной аудиенцией, ему пришлось облачиться во фрак, что в городе, перешедшем в руки радикалов,

сделало его слишком заметной фигурой. По-новому подстриженная борода оказалась недостаточной маскировкой. «О боже, Бисмарк, ну и вид у вас!» — воскликнул один из знакомых, едва лишь будущий канцлер вышел из вокзала. Это стало плохим началом для его миссии, и следующая пара часов оказалась не лучше. Когда он, наконец, добрался до дворца, охрана, состоявшая из городских ополченцев, не пропустила его, хотя впоследствии он утверждал, что ему все же удалось тайно переправить во дворец записку с выражением сочувствия и обещанием поддержки. Затем Бисмарк возвратился на вокзал, сопровождаемый улюлюканьем и угрозами узнавших его радикалов, вечером он уже был опять в Потсдаме. Нельзя не прийти к заключению, что Бисмарк поставил себя в глупейшее положение³.

Он не мог поверить в то, что король готов пойти на уступки демократам. Однако дело обстояло именно так. В тот же вторник Фридрих Вильгельм объявил во всеуслышание о своей приверженности германскому общенациональному делу. Король принял участие в шествии от дворца к университету с черно-красно-золотой повязкой на рукаве. Дважды монарх выступал с краткими речами, подчеркивая свой германский патриотизм, а позже, вечером, выпустил воззвание «К моему народу и германской нации», в котором объявил о своей готовности защитить всю Германию от бед, которые могут обрушиться на нее в ближайшем будущем. «С этого времени, — недвусмысленно заявил король, — Пруссия вливается в Германию».

Этот эпизод должен был отрезвить и предостеречь консерваторов-романтиков, рвавшихся спасти короля Фридриха Вильгельма от самого себя. Но Бисмарк не пал духом. Если монарх попал в тенета революционе-

ров, то на нем свет клином не сошелся, полагал Бисмарк. Оставались еще и другие члены королевского дома, способные поддержать традицию Гогенцоллернов, и первым среди них был Вильгельм, принц Прусский, старший из братьев короля и наследник трона. Бисмарк знал, что принц являлся ярким приверженцем автократии. Идейный облик Вильгельма сформировался под влиянием величайшего события, участником которого он стал в молодости, — вступления в Париж вместе с армиями союзников при первом падении Наполеона в 1814 году. Это случилось через неделю после того, как принцу исполнилось семнадцать лет. Теперь, по мнению Бисмарка, первой обязанностью принца была организация похода на Берлин с целью спасения юнкерской монархии от революции. Принц, однако, видел эту ситуацию в ином свете. Зная о том, что в глазах либералов он пользуется репутацией реакционера, Вильгельм не желал усугублять своего шаткого положения. Кроме того, как и всякий офицер, он оставался связанным присягой и потому не мог приказать армии действовать вразрез с повелениями короля. Когда начались революционные волнения, он укрылся на острове Пфауэн, находившемся на реке Хафель, в нескольких милях от Потсдама. Позднее в том же месяце он потихоньку улизнул в Англию. В те неопределенные дни не существовало ни малейшего шанса на то, чтобы принц Прусский прислушался к советам «бешеного» юнкера Отто фон Бисмарка.

Но второй брат короля Карл, несмотря на свой вполне зрелый возраст — сорок семь лет, имел горячий, несдержанный нрав и с благосклонностью выслушал Бисмарка. Тот заявил, что поскольку король больше не в состоянии осуществлять власть, следует установить регенство, а королем объявить сына при-

нца Прусского Фридриха Вильгельма (Фрица), которому тогда было шестнадцать лет.

Данное предложение отличалось смехотворностью, прежде всего потому, что его реализация зависела от позиции матери Фрица, принцессы Августы Прусской, которая презирала Карла как мелкого интригана. Бисмарк в какой-то степени сознавал это, но все же не отступился от своих замыслов. В четверг 23 марта Августа приняла его в Потсдаме. Ее мать была внучкой Екатерины Великой, а сама Августа приходилась племянницей царям Александру II и Николаю I и была по-своему колоритной личностью с устоявшимся мировоззрением.* Более того, она относилась к Бисмарку с предубеждением и приняла его не в своих апартаментах, а на половине слуг. В политическом отношении ее симпатии находились на стороне умеренного либерализма, вождем которого выступал Финке, и вряд ли «сердитый юнкер», как раз и заработавший себе репутацию нападениями на Финке, мог чего-нибудь от нее ожидать. Неясно однако, до какой степени откровенным был с Августой Бисмарк: его отчет об этой встрече грешит явной тенденциозностью и даже представляет дело таким образом, будто бы предложение об учреждении регенства исходило от нее. В ходе встречи Августа не скрывала своего враждебного отношения как к принцу Карлу, так и к его эмиссару. До конца своей жизни она

* Принцесса Августа (1811-1890) была дочерью бывшей великой княжны Марии Павловны (1786-1859), которая вышла замуж за Карла Фридриха Закс-Веймарского в 1804 году. Великая княжна, покровительствовавшая немецкой литературе, по мнению Гете, была одной из выдающихся женщин начала девятнадцатого века. Августа, вышедшая замуж за Вильгельма Прусского в 1829 году, унаследовала от своей матери ее необычную энергию, но не культурные интересы.

продолжала считать Бисмарка опасным и беспринципным интриганом, своим смертельным врагом. Это убеждение она передала своему сыну, который был кронпринцем и императором в то время, когда Бисмарк главенствовал в политике. Отзвуки этого мертворожденного дворцового заговора отдавались в прусской истории на протяжении четырех десятилетий.

Через два дня после прохладного приема у Августы Бисмарк сам имел случай увидеть, до каких пределов Фридрих Вильгельм готов терпеть революцию. 25 марта в субботу король выехал в Потсдам и в Мраморной галерее городского дворца поблагодарил офицеров гвардейского корпуса за то рвение и мужество, с которыми они выполняли его приказы в ходе уличных боев в субботу и воскресенье предыдущей недели. Но Фридрих Вильгельм одновременно воспользовался этим случаем, чтобы подчеркнуть перед собравшимися то доверие, которое он испытывал к своим добрым «берлинцам». «И тогда, — писал Бисмарк много лет позднее, — там поднялся, такой ропот и бряцание сабель в ножнах, каких ни одному прусскому королю никогда не доводилось прежде слышать в компании своих офицеров, и никогда, я в том уверен, не доведется слышать в будущем»⁴. Генерал Притвиц, командовавший войсками в Берлине, вспоминал, что его офицеры возвращались в свои казармы через Люстгартен, «словно побитые собаки». Они разочаровались в монархе, которому присягнули на верность, но в тот момент им ничего не оставалось делать, как приспособиться к его странному настроению гражданской эйфории.

Бисмарк возвратился в Шенгаузен. В мрачном письме, отправленном брату в середине недели, содержатся ссылки на фанатизм в Париже во время

террора и на тень гильотины⁵. Но к субботе — это был его тридцать третий день рождения — он уже опять приехал в Берлин на сессию Соединенного ландтага, чьей главной задачей было принятие закона о выборах в учредительное собрание. Такое развитие событий вряд ли могло устроить Бисмарка. Когда поступило предложение принять благодарственный адрес королю за его политические уступки, Бисмарк попросил слово.

«Прошлое погребено, — заявил он, — и я больше, чем кто-либо из вас, сожалею о том, что никому не под силу возродить его теперь, когда сама монархия бросила ком земли на его гроб». Бисмарк, по его словам, был бы готов вознести благодарность создателю нового порядка, «если это приведет к созданию единого германского отечества», но «пока я не могу этого сделать», — сказал он далее⁶. В этот момент своего выступления — а оно длилось немногим более пяти минут — Бисмарк дал волю эмоциям. Задыхаясь от рыданий, «бешенный юнкер» оставил трибуну, так и не произнеся заключительной части речи. «Моя речь, — объяснял он на следующий день Иоганне, — не имеет другой цели, кроме как показать мое нежелание быть зачисленным в один разряд с этими продажными бюрократами, которые с презренным бесстыдством переменили свои убеждения, привыкнув держать нос по ветру»⁷. Эта мелодраматическая сцена, признавал он, произвела тягостное впечатление на его соратников в ландтаге, но зато совесть его осталась чиста. Дождавшись окончания работы ландтага, Отто вздохнул с облегчением и вернулся на поля Старой Марки.

У него не было ни малейшего шанса пройти в новое Прусское национальное собрание. Его философия отличалась вызывающим консерватизмом. Со-

брание, избранное путем всеобщего голосования мужской части населения, состояло в своем подавляющем большинстве из представителей среднего класса. Половина депутатов была из юристов и бывших чиновников, другая половина во многом состояла из мелких предпринимателей — «торговцев рейнским вином в розлив» — так отзывался о них Бисмарк с типичным преувеличением. И хотя он продолжал жаловаться на то, что собрание угрожает традиционным юнкерским привилегиям, вскоре он успокоился. К началу июня Бисмарк уже был готов в частном порядке признать, что революция оказалась менее радикальной, чем это выглядело раньше. «Нас спасли чисто прусские добродетели, — сказал он видному журналисту Герману Вагенеру 9 июня. — Армию, эту прекраснейшую представительницу народа, от хребта, состоящего из офицерского корпуса, до самого молодого новобранца, вдохновляют старые прусские понятия о чести, верности, послушании и отваге. Пруссаки мы есть, пруссаками и останемся»⁸. Берлинское собрание тревожило его куда меньше, чем гораздо более демократичный Парламент германского народа, который открылся в Паульскирхе во Франкфурте 18 мая.*

* В Германии революционная агитация 1848 года всегда имела двойственную цель: создание представительной формы государственного устройства и образование единой федеральной Германии, либеральной по характеру. Именно унитарная идея и привела к созыву Франкфуртского парламента, собравшегося в том же городе, в котором собирался Германский союзный ландтаг (Франкфуртский ландтаг) с ноября 1816 года. Франкфуртский ландтаг самораспустился 12 июля 1848 года, передав свои функции Франкфуртскому парламенту. Но затем ландтаг, являвшийся фактически консультативным органом, в котором работали послы германских государств, был в 1850 году воссоздан опять же во Франкфурте и просуществовал до 1866 года.

«Мы никогда не должны позволять прусской монархии терять свой характер в ленивой закваске южногерманского уюта», — предупреждал Бисмарк Вагенера. Четыре недели спустя наконец-то начала выходить газета консерваторов «Нойе Пройссише Цайтунг», редактором которой стал Вагенер. Бисмарк опять послал туда свою корреспонденцию. Вскоре эта газета стала повсеместно известной под прозвищем «Кройццайтунг» («Крестовая газета»), потому что под ее заголовком был изображен черный железный крест. «Кройццайтунг» явилась продуктом правого идеализма друзей Бисмарка по Триглофу, убежденных в том, что моральные ценности прусской нации могут быть спасены лишь возрождением индивидуального гражданина, и презиравших политические требования, основанные на необходимости экономики. По темпераменту Бисмарк был большим прагматиком, чем основатели «Кройццайтунг». В некоторой степени ему удалось убедить их ослабить суровую жесткость своего ультраконсерватизма. Однако он время от времени находил необходимым извиняться перед своими друзьями за то, что в их представлении являлось изменой умеренным взглядам⁹.

Конституционные планы Фридриха Вильгельма все еще оставались под сомнением. Хотя с конца марта шли эксперименты с рядом либеральных министров, король наотрез отказывался принять парламентскую систему британского образца. Как только либералы поставили под сомнение его интерпретацию «королевской прерогативы», Фридрих Вильгельм обратился за советом к старым придворным консерваторам, таким людям, как генералы Герлах, Раух и Мантейфель. Леопольд фон Герлах отозвался об этих советниках, как о *ministere occulte* (теневом правительстве), но другие члены этой группы (и Бисмарк

тоже) по отношению к себе предпочитали пользоваться испанским выражением — «камарилья», обозначающем тайную дворцовую партию¹⁰.

В начале второй недели июня их влияние усилилось в связи с возвращением из Англии принца Прусского, который с подозрением относился к каждому шагу либерального правительства и каждому постановлению собрания.

Бисмарк имел непродолжительный разговор с принцем, когда поезд последнего на обратном пути из Англии остановился в Гентине (и еще до его встречи с Августой и сыном). Принц выразил Бисмарку благодарность за поддержку и сказал, что никогда этого не забудет. Затем они встретились снова в Бабельсберге, замке, построенном в псевдоготическом стиле на другом берегу реки напротив Потсдама и являвшемся официальной резиденцией принца Прусского. В армейских кругах принц пользовался широкой поддержкой, но неоднократно давал понять, что не будет участвовать ни в какой интриге против короля. Камарилья сохраняла веру в своего суверена, убежденная в том, что рано или поздно он освободится от стесняющих его пут в виде парламентского министерства (в XIX веке этот термин употреблялся для обозначения правительства) и братья Герлахи уговорили Бисмарка перебороть свою антипатию. 23 июня он принял приглашение короля на обед, который состоялся во дворце Фридриха Великого в Сан-Суси. В тот вечер Фридрих Вильгельм отвел Бисмарка в сторону и, гуляя между аккуратно подстриженными живыми изгородями на террасах, разбитых под наблюдением его двоюродного прадедушки, стал терпеливо объяснять гостю суть внутреннего конфликта, раздиравшего его королевскую душу начиная с марта. «Доброта, с которой он беседовал со мной, поглотила

меня без остатка, — вспоминал Бисмарк через сорок пять лет. — Я пришел туда настроенный в духе фронды и посчитал бы само собой разумеющимся, если бы мне бесцеремонно приказали заниматься своими делами и не лезть в чужие, но ушел я оттуда совершенно покоренным и освобожденным от всякого желания критиковать его»¹¹.

Это настроение, однако, было недолгим. Шесть недель спустя Бисмарка очень встревожили настойчивые попытки либерального министерства ограничить привилегии юнкеров, и он составил гневное письмо-протест, которое разослал соседям-помещикам на подпись. Письмо являлось предостережением королю, чтобы тот не вздумал одобрить «конфискацию частной собственности, совершив тем самым социальную несправедливость, за которую, — говорилось далее, — весь прусский народ будет считать ваше величество ответственным перед богом и вечностью»¹². Юнкеры создавали свой собственный «парламент» в Берлине, чтобы решить, как им лучше защищать свои права и интересы. Приняв участие в этом собрании, Бисмарк затем поспешил в Шенгаузен, где утром 21 августа Иоганна родила их первого ребенка. Он заявил, что счастлив стать отцом дочери, которую нарекли Марией, в память о подруге, приложившей немало усилий, чтобы состоялся брак Отто и Иоганны. Однако с какой бы сентиментальной гордостью он ни писал о своем отцовстве, это не поколебало его твердого убеждения в том, что в настоящий момент главное для него — это долг перед королем и юнкерством. Убедившись, что мать и дитя здоровы, Бисмарк вернулся в столицу, к суете политической жизни, к хаотичному курсированию между Берлином, Потсдамом и городами в среднем течении Эльбы¹³. Он начал входить во вкус политической интриги.

«Очень деятельный и толковый адъютант в штабе нашей камарильи, — писал Людвиг фон Герлах о Бисмарке в эти недели¹⁴. Это описание точно отражает его роль. Он был хорошим помощником командующего, но возглавить контрреволюцию сам не мог из-за горячности и склонности к опрометчивым решениям. Кроме того, к этому времени начинало казаться, что контрреволюция не нуждается в вожде, который толкнул бы ее на прямые действия. Между Прусским собранием в Берлине и «всегерманским» Франкфуртским парламентом наметился раскол. Вожди последнего предлагали подчинить армии всех германских государств командованию, назначенному ими самими. Такое предложение вызвало сильную тревогу у короля, поскольку угрожало его военной прерогативе и привело к тому, что он окончательно разочаровался в либералах, как в своем собрании, так и во франкфуртском. Последующие требования берлинских радикалов провести чистку офицерского корпуса укрепили короля в убеждении, что настала пора кончать парламентскую болтовню.

И опять застрельщицей в этом деле выступила Вена, заиграв мелодию, эхо которой отдалось в Берлине. В конце октября генерал Виндишгрец восстановил в Вене императорскую власть, планомерно продвигаясь от пригородов столицы к ее центру и все туже сжимая вокруг него кольцо. Когда эти операции были в самом разгаре, радикалы в Прусском собрании потребовали оказать военную помощь населению Вены, но большинство депутатов этот проект отвергли. Напряжение в Берлине росло. Генералы Герлах и Раух призывали Фридриха Вильгельма разрешить прусским войскам, сосредоточенным вокруг столицы, разогнать собрание, и Бисмарк в качестве

курьера постоянно сновал между различными военными лагерями и гарнизонными командирами. Но король вел себя очень осмотрительно. Он не хотел залить Берлин кровью, как это сделал Виндишгрец в Вене. 9 ноября король своим указом объявил перерыв в работе собрания, предложив ему снова собраться в конце месяца в более спокойной атмосфере какого-нибудь провинциального города. «В противоположность ожиданиям все осталось спокойно», — писал Бисмарк Иоганне на следующее утро в наспех нацарапанной записке¹⁵. В этот день войска генерала Врангеля вновь заняли центр Берлина и без кровопролития рассеяли гражданское ополчение. Король поручил графу Бранденбургу, сыну Фридриха Вильгельма II от морганатического брака, сформировать «министерство верных слуг». Некоторое время казалось, что Бисмарк может стать членом нового правительства. Графа Бранденбурга вполне удовлетворила роль номинального главы правительства, а фактическое руководство делами оставалось в руках камарильи и короля. Еще до повторной оккупации Берлина войсками, Людвиг фон Герлах предложил вознаградить Бисмарка за ревностную службу министерским постом. Но Фридрих Вильгельм, несмотря на все свои недостатки, неплохо разбирался в людях и отвел кандидатуру будущего канцлера, сделав приписку на полях: «Заядлый реакционер, от него пахнет кровью, использовать позднее»^{*16}.

* В мемуарах Бисмарка «Мысли и Воспоминания» (т. 1, стр. 50) дается более благопристойная версия заключения Фридриха Вильгельма: «Генерал Герлах сказал мне, что король написал на полях: «Может быть использован лишь при неограниченном господстве штыка». (*Nur zu gebrauchen, wenn des Bayonnet schrankenlos waltet.*) В этом замечании сохраняется дух, которым проникнуто решение короля на использование Бисмарка.

И все же 15 ноября король еще раз пригласил Бисмарка к себе на обед, и из писем последнего к Иоганне явствует, что он не был бы удивлен предложением занять какой-либо официальный пост. Но, очевидно, время «использовать» его еще не пришло. В конце месяца он вернулся к жене и ребенку в Шенгаузен.

В намерения короля не входило давать реакционерам свободу рук. 5 декабря он обнародовал конституцию, призванную «сочетать новые свободы... с властью Короны и Закона». В ней подтверждался принцип монархии, основывающейся на божественном праве, но вместе с тем предусматривалось и создание двухпалатного парламента. Верхняя палата (Herrenhaus) состояла из представителей провинциальных правительств, а нижняя — ландтаг — комплектовалась через сложную систему выборных комитетов, члены которых сами избирались путем всеобщего голосования мужской половины общества. Поскольку монарх сохранял за собой право абсолютного вето на любые проекты законов, а также право управлять при помощи чрезвычайных указов, эта конституция далеко не соответствовала парламентским идеалам либералов. И все же Бисмарку она казалась слишком прогрессивной. Однако скрепя сердце он был готов поддержать ее. Дело в том, что в его намерения входило добиваться избрания в ландтаг. В данном случае его принципы не противоречили личным амбициям. Задача перед Бисмарком стояла нелегкая: избиратели Старой Марки по своей натуре могли считаться скорее консерваторами, чем либералами, но ожидать, что они с энтузиазмом отнесутся к кандидатуре юнкера, владельца Шенгаузена, было слишком самонадеянно. В конце концов с помощью одной из кузин Иоганны и ее мужа-еврея ему удалось

победить на первом этапе выборов и пройти в комитет выборщиков города Бранденбурга. Но оставался еще второй этап.

В письме к брату, написанном вскоре после избирательной кампании, Бисмарк ворчал на то, что «приходилось из кожи лезть вон, чтобы завоевать голоса своим личным обаянием»¹⁷. Письма же к Иоганне свидетельствуют о том, что он получал большое удовольствие от этой борьбы. Встречаются упоминания о «запахе и шуме четырех сотен людей» и обычное сетование на то, что придется жить «жизнью без внутреннего покоя сердца», если его изберут, и? несмотря на все издержки, он находил предварительную гонку с ее страстями захватывающей. Его соперником был обер-бургомистр Бранденбурга, Франц Зиглер, либерал из умеренных, и Бисмарк поэтому столкнулся с проблемами, какие возникают обычно у человека со стороны, пришельца, вступившего в борьбу с местным авторитетом. Напряженная деятельность заставляла мобилизовать все силы и была по нраву человеку бескомпромиссному и задиристому, каким, собственно, и являлся Бисмарк. «Сегодня я должен познакомиться еще с несколькими выборщиками, — писал он Иоганне 2 февраля. — Во все стороны рассылаются курьеры, которым несть числа... Начинает казаться, что ты находишься в военном штабе, куда каждую четверть часа прибывают посыльные с депешами»¹⁸. Выборы проходили в воскресенье и понедельник, 4-5 февраля 1849 года. После воскресного голосования он опережал своего конкурента на двенадцать голосов. Все зависело от более дальних комитетов выборщиков, которые голосовали в понедельник. Так как эти люди жили в сельской местности, Бисмарк был уверен в успехе. И оказался прав: при итоговом подсчете голосов выяс-

нилось, что Бисмарк набрал 159 голосов при 129-ти у его соперника. Семь бюллетеней объявили недействительными. А в понедельник вечером устроили праздничный банкет на четыреста человек, с изобилием тостов, здравниц и гимнов, пропетых во славу всемогущего Господа Бога, Мартина Лютера и Пруссии. «На следующий день у меня разламывалась голова, — сообщил новый депутат своему брату в конце недели, — и от постоянных рукопожатий правая рука болела так, что ею едва можно было пошевелить. Некоторым моим сторонникам разбили окна, а кое с кем грубо обошлись, но я сам уже находился в полной безопасности дома с Иоганной». Политическая жизнь Пруссии значительно оживилась с появлением в ней этого нового, энергичного фактора, оказавшегося для Бисмарка достаточно привлекательным, хотя он и выражал напускное презрение к системе в целом. Свое место депутата он занял 26 февраля 1849 года, в начале парламентской сессии, которая продлилась меньше девяти недель. К тому времени главной темой политических дискуссий в Берлине стал вопрос германского единства. В течение предшествовавших девяти месяцев адвокаты и законоведы, доминировавшие во Франкфуртском парламенте, трудились над разработкой конституции для федерального государства, либо Великой Германии, включавшей в себя германские части Австрийской империи, либо Малой Германии, без всех австрийских земель. К началу марта стало ясно, что князь Шварценберг, главный министр молодого австрийского императора Франца Иосифа отвергнет любые предложения по созданию Великой Германии, потому что их реализация означала бы коренную перестройку многонациональной структуры Габсбургского наследия. Было маловероятно, чтобы в

качестве компенсации Франц Иосиф удовлетворился эфемерным постом главы германского государства. Казалось, что предложению германской короны королю Пруссии не существовало альтернативы, поскольку он возглавлял основное государство, ядро «Малой Германии». Фридрих Вильгельм уже недвусмысленно дал понять, что примет императорскую корону лишь будучи избранным своими собратьями — главами германских государств. Тем не менее 28 марта Франкфуртский парламент принял резолюцию предложить ему титул императора. Две пятых депутатов в качестве последнего жеста протеста против предложения, у которого имелось не много истинных приверженцев, при голосовании воздержались. Четыре дня спустя в Берлин отправилась делегация из тридцати двух человек добиваться согласия Фридриха Вильгельма.

Бисмарк неизменно презирал Франкфуртский парламент. Это было, по его мнению, сборище профессоров, юристов и адвокатов. Но голосование 28 марта породило в нем некоторые сомнения. Юнкеры в Прусском ландтаге приняли формальное обращение, в котором «умоляли» Фридриха Вильгельма не игнорировать призыв Германского национального собрания, и среди подписантов оказался и Отто фон Бисмарк-Шенгаузен¹⁹. Ему не было нужды идти на компромисс со своими принципами, потому что Фридрих Вильгельм и не помышлял становиться императором «по воле народа». 3 апреля монарх ответил на приглашение занять императорский трон настолько уклончиво, что глава делегации растерялся и был вынужден просить у принца Прусского разъяснений по поводу замечаний его брата. Однако три недели спустя у франкфуртских представителей не осталось никаких сомнений насчет взглядов короля:

тот категорически отказался стать «императором немцев», таким образом окончательно сведя на нет все их усилия.

Неудавшаяся конституция тем не менее была представлена на рассмотрение Прусскому ландтагу, и 21 апреля Бисмарк выступил с пространной речью по национальному вопросу. «Германского единства, — признавал он, — добиваются все... кто говорит по-немецки, «но франкфуртская конституция» подорвала бы и разрушила то здание государства, которое возводилось веками славы и патриотического рвения и полито кровью наших предков».

«Франкфуртская корона, — утверждал Бисмарк, — может ярко сверкать, но золото, которое сделает блеск подлинным, необходимо еще добыть посредством сплавления прусской короны, и я не верю, что переплавка в форме этой конституции удастся»²⁰. Его замечания разозлили радикалов, но Бисмарку, похоже, доставляло удовольствие купаться в потоке оскорблений, обрушившихся на него. «Мои так называемые допотопные взгляды, — заявил он, защищаясь, — для меня дороги так же, как место в Ноевом ковчеге для спасающегося от потопа». Радикальные либералы размножили эту речь печатным способом, озаглавив ее «Реакционеры сбрасывают покровы со своих намерений», и распространили по всей Германии в количестве десяти тысяч экземпляров. Подобного уровня известности Бисмарк еще не достигал и вместе с тем никогда еще не был он столь непопулярен, даже в Старой Марке.

Через неделю король распустил ландтаг и назначил новые выборы. Бисмарк полагал, что ему не удастся сохранить свое место.

«Просто диву даешься, какие несусветные небывлицы плетут обо мне крестьянам демократы, — писал

он Иоганне. — Вчера один крестьянин, живущий в окрестностях Шенгаузена, всего в трех милях от нас, поведал мне о том, что когда бы ни упоминалось мое имя, людей бросает в дрожь с головы до ног, словно на их плечи вот-вот обрушится удар старопрусского палаша... И все же я самый добросердечный человек в мире по отношению к простым людям. При этих обстоятельствах мое избрание здесь в целом кажется мне весьма сомнительным»²¹.

Однако, как оказалось, для волнений не было оснований. Распустив палату, король пересмотрел избирательную систему с целью ввести классовую дифференциацию, которая давала бы преимущество владельцам имений. Отмена всеобщего избирательного права означала, что Бисмарк избавился от необходимости вести острую предвыборную борьбу. Он смог опять занять свое место, когда 7 августа король открыл сессию новоизбранного парламента.

Ситуация в целом заметно изменилась, но пока еще не нормализовалась. Фридрих Вильгельм был готов воспользоваться замешательством в центральной Европе для усиления прусского влияния за счет австрийцев, которые летом 1849 года увязли в военных операциях против армии Кошута в Венгрии, объявившей себя самостоятельной республикой. Заниматься германскими делами поручили специально назначенному министру, генералу Иосифу фон Радовицу, католику, профессиональному солдату с широким кругозором и недюжинным умом. Должность главы правительства он занимал в течение 18 месяцев (с 25 апреля 1849 года по 2 ноября 1850 года) и все это время посвятил тому, чтобы Пруссия стала гегемоном в Германии, неважно — в сотрудничестве с австрийцами или же в противовес их желаниям, если Францу Иосифу не удастся приспособить габсбургс-

кую политику к изменившимся европейским реалиям. К концу мая 1849 года Радовиц создал «Прусскую унию» из мелких германских княжеств и надеялся заручиться поддержкой Ганновера и Саксонии. В октябре было решено созвать в Эрфурте собрание для обсуждения проекта конституции внутренней конфедерации «Малой Германии». Эрфуртский парламент собрался 20 марта 1850 года в старой губернаторской резиденции, где за сорок два года до этого Наполеон проводил конгресс немецких князей.

Бисмарк относился очень сдержанно как к самому Радовицу, так и к его плану. Никто из камарильи не приветствовал его попытку организовать новую федерацию, хотя идея конституционализации, вызывавшая у них неприятие, была не более чем дешевым пропагандистским трюком. Но Бисмарк все же был более откровенен, чем его коллеги. 6 сентября в длинной речи, произнесенной в ландтаге, он подверг критике даже короля, сравнив его с Фридрихом Великим, причем сравнение было явно не в пользу царствовавшего монарха. Пруссия, утверждал он, тем летом имела очень сильные позиции, и мудрая политика обеспечила бы Фридриху Вильгельму власть над всей Германией к северу от Майна. Бисмарк задал вопрос, что сделал бы Фридрих Великий? Он либо примкнул бы к Австрии и помог Габсбургам в борьбе против «общего врага» — революции, как это сделал царь Николай в Венгрии; либо, даже рискуя начать войну с Австрией, продиктовал бы немцам всегерманскую конституцию «по тому же праву, по которому он захватил Сицилию». В любом случае Пруссия смогла бы «содействовать приобретению Германией такого положения в Европе, какое ей подобает». Вместо этого прусское правительство выдвинуло призрачный план унии, который привел бы к уничтожению

«краеугольного камня германской мощи... реальной Пруссии». Германию в 1846 году спасла «верность прусского народа своей наследственной династии». Армия была проникнута старыми прусскими добродетелями — честью, верностью, чувством долга и храбростью... «Ни в армии, ни в прусском народе вы не найдете желаний к национальному возрождению. С них достаточно имени «Пруссия», и они гордятся этим именем... Мы все хотим, чтобы прусский орел расправил свои крылья и распространил власть от Мемеля до Доннерберга». Закончил Бисмарк свое выступление фразой, которую испробовал на Вагенере год назад: «Мы пруссаки и пруссаками останемся». Один из сторонников Радовица заметил после этого, что Бисмарк оказался «блудным сыном великого германского отечества». Бисмарк с вызовом ответил: «Мой отчий дом — Пруссия»²².

Неожиданно он согласился с выдвижением своей кандидатуры в эрфуртский парламент и, добившись избрания, в начале апреля 1850 года отправился в Тюрингию. Судя по его письмам из Эрфурта, там он предавался неумеренному чревоугодию: «Я поглотил ужин, расхаживая по комнате, умяв почти все толстые колбасы, просто восхитительные по вкусу, — сообщил он Иоганне 19 апреля. — Я выпил полную кружку эрфуртского пива, а теперь, в тот самый момент, когда я пишу это письмо, приканчиваю уже вторую коробку марципанов... Я чувствую себя очень хорошо, хотя в желудке ощущается излишняя тяжесть от колбасы»²³. В других письмах домой он описывал прелесть охоты, перечислял количество выпитого шампанского или просто уведомлял жену о посвященных глубоким размышлениям долгих прогулках в одиночестве по лесистым холмам. О политике почти ничего не упоминалось. Тем не менее

Бисмарк проявил чрезвычайную активность. 15 апреля он высмеял предложение назвать предполагаемую федерацию «Германской унией». Его речь, часто прерывавшаяся протестами с мест, где сидели радикальные либералы, еще раз показала, что главной заботой Бисмарка является сохранение независимости Пруссии и гарантия неприкосновенности ее интересов²⁴. В тот момент, казалось, ничто не может примирить его ни с Радовицем, ни с королем. В конце концов будущий канцлер вернулся из Эрфурта к семье (в декабре у него родился сын, Герберт) очень довольный своим поведением, но в то же время сознавая, что его карьера от этого не продвинулась ни на шаг. Бисмарк нуждался в деньгах. Чтобы продолжать заниматься политикой, ему даже пришлось сдать в аренду поля Шенгаузена.

Лето 1850 года было отмечено растущим напряжением между Пруссией и Австрией. На третьей неделе мая представители Австрии и малых германских государств встретились наконец во Франкфурте и формально восстановили сейм Германского союза, инструмент, при помощи которого австрийцы доминировали в Германии в эпоху Меттерниха. Этот шаг был воспринят Радовицем и Бисмарком как прямой вызов эрфуртской унии. Возможность войны между двумя крупнейшими и влиятельнейшими германскими государствами впервые за последние семьдесят лет казалась очень вероятной. В сентябре спор, возникший между курфюрстом Гессена и его подданными, поставил обе страны на грань войны. Как Пруссия, так и Австрия заявили о своих намерениях ввести туда свои войска и принять участие в решении этого внутреннего спора, хотя сам курфюрст не обращался к Пруссии с просьбой о помощи.

Сначала Бисмарк приветствовал войну с Австрией

из-за Гессена. Дело в том, что главная дорога, связывавшая Бранденбург и прусские рейнские провинции, проходила через Гессен, и Бисмарку казалось нетерпимым, чтобы австрийские войска наводили порядок в этой стратегически важной местности. «Если вспыхнет война, — заявил он, — то под солнцем радостно засверкают высоко взметнувшиеся сабли каждого пруссака»²⁵. Лейтенант фон Бисмарк оказался среди офицеров резерва, призванных на действительную службу.

Прибыв в Берлин, он встретился с военным министром и обнаружил, что тот не разделяет его патриотического пыла: генерал Штонгаузен расценивал шансы Пруссии как очень невысокие в предстоящей войне против объединенных сил Австрии и Баварии²⁶. Более того, шурина Фридриха Вильгельма, царь Николай I, выступил в роли беспристрастного судьи между Австрией и Пруссией и принял решение в пользу Шварценберга как насчет права на интервенцию в Гессене, так и по поводу его намерения восстановить Франкфуртский сейм. Фридрих Вильгельм отказался от планов Радовица и отправил последнего в отставку. Главой правительства был назначен Отто фон Мантейфель, которому предстояло уладить спор с австрийцами. 29 ноября Мантейфель встретился со Шварценбергом в г.Ольмюце (ныне Оломоуц в Чехии) на территории Австрийской империи и там подписал документ «Ольмюцкое соглашение», в котором предусматривался созыв в Дрездене конференций германских государств для обсуждения вопроса о будущем Германского союза. Хотя текст «Ольмюцкого соглашения» был составлен осторожно, так чтобы в нем нигде нельзя было разглядеть даже намека на капитуляцию Пруссии, не оставалось никакого сомнения, что Фридрих Вильгельм согласился на вос-

становление союзного сейма во Франкфурте и на роспуск Эрфуртской унии.

Позднее германские историки расценили «Ольмюцкое соглашение» как унижительное дипломатическое поражение Пруссии, и для этого имелись немалые основания. Бисмарк, однако, утверждал, что ольмюцкое урегулирование явилось актом государственной мудрости. 3 декабря 1850 года он заявил в своей речи в ландтаге, что очень рад тому, что Пруссия «отмежевалась от всякой позорной связи с демократией». «Почему, — задал он риторический вопрос, — большие государства в наши дни начинают войны?»

И отвечая сам себе обрисовал общий принцип:

«Единственной здоровой основой крупного государства — тем, что отличает его от малого, — является государственный эгоизм, а не романтика. Великому государству не пристало бороться за дело, не отвечающее его собственным интересам. Господа, покажите мне цель, ради которой стоит вести войну, и я охотно с вами соглашусь. Государственному деятелю легко руководить народной войной из уютного кресла, стоящего у камина, произносить громкие речи с трибуны и дать обществу услышать зов военных труб, предоставить солдату истекать до смерти кровью на заснеженных равнинах и решать, как закончится такая политика — славой или позором. Ничего нет проще! Но горе любому государственному деятелю, который в такое время не сможет отыскать причину войны, такую, чтобы она выдержала тщательную проверку, после того как закончатся бои»²⁷.

Никогда еще прежде Бисмарк не выступал так рьяно в поддержку правительственной политики. Вывод о том, что он действовал так исключительно по необходимости, напрашивается сам собой. «От

войны между Австрией и Пруссией выиграли бы лишь французские революционеры, — заявил он, — ибо Австрия была германской державой, которой волею судеб пришлось господствовать над другими народами, в давние времена покоренными германскими армиями». Эта речь, несомненно, примирила Бисмарка как с королем, так с ультраконсерваторами, по отношению к которым он в последнее время проявлял независимость духа. Не было никаких оснований полагать, что Бисмарк подразумевал вовсе не то, что говорил: война за Эрфуртскую унию навлекла бы на Пруссию военное поражение, такое же решительное, как и при Йене. Пойти на риск катастрофы, защищая легкомысленную политику частичного национального единства, было бы потрясающим безрассудством.

Бисмарк оставался в Берлине большую часть зимы, заседая в парламентских комитетах и посещая многочисленные «светские рауты, посвященные политическим интригам» (как он описывал их в письмах домой). У него действительно почти не оставалось свободного времени. В речах в ландтаге он развивал теорию (которая пригодилась ему через одиннадцать лет) о том, что в конституции существовал пробел, позволявший королю распоряжаться государственными доходами так, как он считал нужным. Эта теория была создана на тот случай, если вдруг палата зайдет в тупик при голосовании по финансовым вопросам²⁸. Эти замысловатые изыскания в тот момент не имели никакой практической ценности, зато еще больше повысили репутацию Бисмарка в глазах камарильи. Его стали считать ответственным политиком; впечатление о его агрессивных, дурных манерах потихоньку сглаживалось. Все чаще и чаще он появлялся в обществе в сопровождении своей сестры Малле, Мальвины фон Ар-

ним, обладавшей светским тактом и изяществом манер, чем не могла похвастаться Иоганна. Мальвина позаботилась о том, чтобы впервые после многолетнего перерыва ее брат стал появляться на балах, чтобы он танцевал с теми женщинами, чье влияние могло оказаться ему полезным, чтобы он угождал королеве (с этим заданием Бисмарк справлялся без особого труда). Малле, как и Иоганна, хотела, чтобы Отто назначили на важный государственный пост. Но в отличие от Иоганны она располагала средствами для того, чтобы помочь ему в этом²⁹.

Настойчивость, с какой брат и сестра шли к поставленной цели, дала результаты весной 1851 года. В самом его начале, вскоре после Нового года, был момент, когда Бисмарк попал в такую финансовую яму, что даже стал подумывать о занятии поста министра при дворе герцога Ангальтского («который настолько глуп, что в действительности за него правит министр»). Но к началу апреля стали вырисовываться более интересные перспективы. Возрождение Союзного сейма во Франкфурте обусловило необходимость назначения туда представителя от Пруссии, который обладал бы твердым характером и талантом дипломата. Братья Герлахи уговаривали короля отдать этот пост Бисмарку: дебаты были его стихией, а речь, посвященная ольмюцкому договору, показала, что помещик из Шенгаузена знал, как задобрить Австрию. Однако Фридрих Вильгельм колебался: ведь Бисмарк не был профессиональным дипломатом, а Франкфурт требовал человека, обладающего тактом и опытом. Но к началу третьей недели апреля в прессу уже просочились слухи о возможности назначения Бисмарка. Со стороны принца Прусского последовала раздраженная реакция по поводу того, что такой ответственный пост доверят «лейтенанту ландвее-

ра». Были и некоторые сатирические выпады еженедельника «Кладдерадач». Впрочем, это издание никто не принимал всерьез, так что небеса не рухнули. 28 апреля Фридрих Вильгельм дал Бисмарку аудиенцию и формально предложил этот пост, который тот уже решил принять³⁰.

В тот вечер человек, уже дважды уходивший в отставку с королевской службы, письмом сообщал своей жене хорошие новости:

«Я еду во Франкфурт... Ты часто жаловалась, что те, кто выше меня, ничего не могут мне подыскать. И вот теперь, превысив все мои ожидания и пожелания, является это неожиданное назначение на пост, который в нашей дипломатической службе в настоящий момент считается самым важным. Я не искал его. Господь пожелал этого, и я обязан повиноваться, хотя могу верить, что это будет неблагодарный и тернистый путь, и несмотря на наилучшие намерения, с которыми я вступаю на него, доброе мнение обо мне многих людей будет потеряно. Отказаться, однако, было бы трудно³¹.

Три дня спустя Бисмарк рассматривал переезд во Франкфурт с меньшей невозмутимостью. «Я чувствую себя так, — писал он, — как если бы мы собирались эмигрировать в Америку».

Франкфуртский сейм, где вопросы большой политики перепутались с мелкими княжескими интригами, был для Бисмарка новым миром. «Кто знает, — восклицал он риторически, — когда опустится колесо, которое нас сейчас поднимает!»³²

ГЛАВА 4

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСЛАННИК

Когда Бисмарк 11 мая 1851 года прибыл во Франкфурт, он знал, что наступил решающий момент в его жизни. Это была его последняя возможность стать видной, заметной фигурой в обществе. В случае неудачи его ждала участь захолустного юнкера, которому остается только ворчать из своего далекого поместья на проходящую мимо жизнь.

Бисмарк обязан был своей известностью острому, язвительному уму и тому обстоятельству, что он всегда отстаивал непопулярную точку зрения. Ни одно из этих качеств не делало его идеальной фигурой для дипломатической практики. Фридрих Вильгельм чувствовал, что новая ответственность будет сопряжена с некоторыми изменениями в характере Бисмарка, и поэтому настоял на том, чтобы вначале он приобрел кое-какой опыт, прослужив три месяца в качестве заместителя уходившего с поста посланника, опытного дипломата Теодора фон Рохова. Это было вполне разумное решение: новый посланник должен был как следует войти в курс дел, узнать все нюансы и условности, характерные для этого весьма специфического

конгресса делегатов германских государств, и лишь затем пытаться диктовать свою волю. «Одно лишь время покажет, что Теодору удалось сделать из своего ученика, Бисмарка, — снисходительно писала племянница Рохова. — Те, кто знает его хорошо, говорят, что он не испытывает недостатка в знаниях, способностях, такте, хитрости или умении разбираться в людях»¹. Возможно, и так, но другие сомневались, удастся ли Рохову или кому-либо еще приручить «сорвиголову из юнкерского парламента» всего лишь за каких-то тринадцать недель. В этом плане Бисмарк вовсе не был учеником, все схватывающим на лету.

Этот самый «сорвиголова» позднее утверждал, что прибыл во Франкфурт в состоянии «политической невинности». Это, конечно, совершенно не соответствовало истине: он уже достаточно хорошо поднатерел в политических сделках и интригах, при помощи которых создаются и свергаются правительства. Однако нельзя отрицать и то, что его поначалу поразило беспардонное лицемерие дипломатической жизни.

«Я делаю быстрые успехи в искусстве произносить много слов, ничего не говоря», — с иронией сообщал он Иоганне 18 мая. Сначала сидячий образ жизни вызывал у него большое раздражение, напоминая ему об Ахене и Потсдаме в молодости. Внешние условности дипломатической жизни во Франкфурте порой доводили его до отчаяния: долгие и утомительные обеды, расходы на содержание элегантной официальной резиденции, «постоянная нехватка времени», чтобы писать отчеты, принимать посетителей, читать телеграммы. После недельного пребывания в сейме Бисмарк уверял Иоганну, что чувствует себя в состоянии «совершенно точно предсказать, чего мы достигнем через год, два или через пять лет», и что все это он устроил бы в течение

двадцати четырех часов, если бы только другие дипломаты» хотя бы на один день стали честными и здравомыслящими»².

Бисмарк находил графа Туна, представителя Австрии, болезненно высокомерным аристократом, который настолько упивался своим феодальным происхождением, что полностью игнорировал претензии простого помещика-юнкера. Не меньше раздражали Бисмарка и посланники малых государств — люди, «которые считают необходимым напустить на себя строгий профессиональный вид, даже когда им нужно всего-навсего попросить у вас огонька прикурить сигару», и которые изощряются в изысканной вежливости форм, хотя все, что им требуется, — это ключ от туалета»³. Однако более серьезно его беспокоила тенденция малых государств автоматически поддерживать Австрию как естественного гаранта установившегося порядка. Он ясно дал понять Отто фон Мантейфелю, который занимал одновременно посты премьер-министра и министра иностранных дел, что будет очень трудно поднять статус Пруссии, пока союз продолжает существовать в его теперешнем виде. 29 июля Бисмарк мрачно писал Мантейфелю: «Когда я прибыл сюда, мои ожидания результатов от заседаний сейма были невысокими, но с тех пор они еще больше упали»⁴.

Много позднее он любил сентиментально вспоминать дни, прожитые во Франкфурте, «городе, где провел много счастливых часов и встретил столько очаровательных людей». В то время, однако, многие вещи представлялись ему в ином свете: «Франкфурт ужасно скучен», — недвусмысленно писал он Иоганне через неделю после прибытия, и ему понадобилось несколько месяцев, чтобы изменить свое мнение. Его главное развлечение состояло в бегстве из города⁵.

Бисмарк наслаждался поездками верхом по живописным окрестностям в предгорьях Таунуса.

Вниз по течению от Франкфурта находились живописные города Среднего Рейна. Особенное место в воспоминаниях Бисмарка занимали Майнц и Висбаден. И все же, когда 1 июля он опять обедал в Висбадене, мысль о «прошлых безрассудствах» опечалила его — во всяком случае, так он писал Иоганне:

«Возможно, Богу было угодно наполнить очищающим и укрепляющим вином этот сосуд, в котором в то время так бесполезно играло пузырьками шампанское юности, оставляя после себя мутные осадки! Где теперь Изабелла Лорейн и мисс Рассел и как они живут?.. Живи я сейчас так, как жил тогда — без Бога, без тебя, без детей, — и я не смог бы объяснить, почему я не сбросил с себя эту жизнь, как грязную рубашку; и все же большинство моих знакомых именно таковы, и они продолжают жить»⁶. В письмах к жене сквозит прямо-таки елейное самодовольство в отличие от суровости, с какой составлялась политическая корреспонденция. Настроение раскаявшегося грешника для Бисмарка нетипично и, напуская его на себя, он выглядит неубедительно.

В конце первой недели августа он отправился в Висбаден с визитом, имевшим гораздо большее историческое значение, нежели отдых. Старейший государственный деятель Германского союза проводил то лето в своем поместье в Иоганниберге, примерно в 40 милях от Франкфурта, в ожидании благоприятного момента возвратиться в Вену после трех лет ссылки. В свои семьдесят восемь лет Клемент Меттерних сохранял живой интерес ко всему, что происходило внутри союза, несмотря на объявленное им ранее нежелание принимать какое-либо участие в политической полемике; естественно, Меттерних искал встре-

чи с новым посланником Фридриха Вильгельма в Союзном сейме. Первоначально он пригласил Бисмарка в Иоганниберг в начале июля, но визит состоялся лишь месяц спустя. Иоганне Бисмарк объяснил «отсрочку визита к старику Меттерниху» тем, что в тот момент путешествовал вместе с Роховым по Рейну. Действительная причина заключалась в том, что в июле Бисмарк был еще не уверен, подтвердит ли король его назначение посланником в сейм. К августу он мог уже ехать в Иоганниберг с уверенностью в своем статусе и без Рохова. Эта встреча была успешной. Княгиня Мелени Меттерних, пышущая здоровьем третья жена экс-канцлера, нашла гостя человеком острого ума с «наилучшими политическими принципами».

В своем дневнике она отметила, что ее муж получил большое удовольствие от этого визита. В конце недели Бисмарк написал домой письмо, где давался несколько более подробный отчет об этой короткой встрече с опальным вельможей: «Среду и четверг я провел со старым Меттернихом, — сообщал он Иоганне. — Он был очень приветлив и старался создать непринужденную атмосферу, без умолку рассказывая о событиях 1788-1848 гг. и затрагивая самые разные темы — политику и виноградарство, литературу и лесное хозяйство, а когда я погружался в печальную задумчивость, подливал мне в бокал своего лучшего «йоганнисбергера». Позже Бисмарк утверждал, что Меттерних посоветовал ему позаботиться о том, чтобы Пруссия стала «сытым государством», ибо только тогда она сможет разделить с Австрией серьезную ответственность за поддержание должного порядка на континенте, но в то время об этом не упоминалось. Меттерних был очень доволен, как сказал Бисмарк, потому что «слушал все его рассказы и часто

просил его продолжить их». Чувствуется, что это была односторонняя беседа, как и многие другие в последние годы жизни Меттерниха. И все же знаки внимания со стороны такой легендарной личности явно льстили Бисмарку. Окна его комнаты выходили на холмы Рейнгау и на самую великую реку, но его мысли, подогретые воспоминаниями и добрым вином, витали в ином потоке времени и у иного водного пути. В его подсознании смешались прошлое и настоящее, и он воспринимал себя одновременно ребенком и шенгаузенским помещиком в те годы, когда Меттерних распоряжался в Европе⁷.

Два дня, проведенные в Иоганнисберге, подняли репутацию Бисмарка в глазах графа Туна. «Я не знаю, как вам удалось перехитрить старого князя, — доверительно сообщил Тун Бисмарку, — но я действительно не знаю, что и говорить»⁸. Туна, должно быть, раздражало, что Меттерних посчитал этого упрямого юнкера таким приятным в общении. Потому что, хоть Бисмарк и слушал с охотой рассказы о Наполеоне, Александре и Фридрихе Вильгельме III, это никак не повлияло на его отношение к предложениям Туна, остававшееся весьма прохладным. Он сотрудничал с Австрией, лишь в очень узком спектре политических проблем, касавшихся борьбы с революцией, но в остальном не шел ни на какие уступки, особенно в вопросе о Таможенном союзе, который возник независимо от Австрии в начале 30-х годов XIX века. Мантейфель был преисполнен решимости не пускать австрийские коронные земли в этот союз, и Бисмарк всецело соглашался с ним. После нерешительной политики короля в 1848-49 гг. и Эрфуртской унии лишь растущая экономическая мощь Пруссии придавала авторитет высказываниям Бисмарка в сейме.

Его письма, как частные, так и официальные свидетельствуют о том, что к лету 1852 года дипломатический опыт, приобретенный во Франкфурте, придал его уму гораздо большую гибкость. Постепенно Бисмарк освобождался от партийных уз и становился ответственным комментатором дипломатического состязания. Никто не мог сказать, что он был безучастен или всегда последователен, но Фридрих Вильгельм ценил его суждения. В 1852 году все остальные посты в прусской дипломатической службе были заняты профессиональными военными, прекрасно сознававшими слабость Пруссии в военном отношении и очевидную силу Австрии; но «лейтенанту ландвера» во Франкфурте были неведомы какие-либо опасения. В его грандиозных замыслах постоянно присутствовало нечто освежающе оригинальное. Ни Мантейфель, ни король не собирались следовать советам Бисмарка; его агрессивная самоуверенность часто претила им, и в то же время его донесения читались с неизменным интересом. И все же для тех, кто знал его в 1848 году, он оставался «бешеным юнкером», лишь слегка пообтесавшимся в условиях дипломатии.

За это Бисмарк должен был винить самого себя. Пустяковые инциденты раздувались и предавались широкой огласке иногда его оппонентами, но чаще по его собственной инициативе. Взять хотя бы знаменитый эпизод с сигарой⁹. Вскоре после прибытия во Франкфурт Бисмарк обнаружил, что курение на заседаниях сейма было исключительной привилегией австрийских посланников. Когда в следующий раз граф Тун закурил сигару, Бисмарк сделал то же самое, тем самым заявив о претензиях Пруссии на равенство с Габсбургской империей. Этот жест, сам по себе достаточно ребяческий, имел неожиданные и в равной степени абсурдные последствия. Посетив

Берлин в начале весны 1852 года, Бисмарк пришел на заседание ландтага, поскольку по-прежнему являлся депутатом второй палаты. Его старый противник Финке воспользовался присутствием Бисмарка, чтобы обрушиться на его политику в сейме. Он заметил, что история с сигарой — единственное дипломатическое достижение Бисмарка, который не замедлил отреагировать по-своему. Рано утром 25 марта оба политика в сопровождении секундантов приехали на лесную поляну на берегу озера у Тегеля к северо-западу от столицы. Каждый сделал по выстрелу и промазал, возможно, намеренно. В прусской прессе поднялся большой шум по поводу этой ссоры, и Бисмарк счел себя обязанным послать длинное письмо своей теще, заверяя ее, что он решился на дуэль лишь после многочасовых молитв и совещаний с генералом фон Герлахом и Карлом Бухселем, самым известным лютеранским пастором в Берлине.

Хотя этот эпизод и не повредил репутации Бисмарка, все же он едва ли способствовал повышению его дипломатического авторитета, имея, впрочем, одно осязаемое последствие. Вскоре после случившегося Бисмарк решил, что он не может совмещать исполнение обязанностей депутата ландтага и королевского посланника в сейме, и в апреле отказался от своего места в парламенте. Обмен пушечными выстрелами с Финке был подходящим концом первого акта парламентского действия. Бисмарк временно сошел со сцены.

В том же месяце в Вене последовала внезапная смерть князя Щварценберга, который восстановил порядок в габсбургских владениях и обуздал прусские амбиции в Ольмюце. Новым министром иностранных дел император Франц Иосиф назначил Фердинанда фон Буоль-Шауэнштейна, о котором в Берли-

не почти ничего не знали, однако было отмечено, что в день своего назначения он посетил Меттерниха (который к тому времени уже возвратился в Вену) и советовался с ним. В этот момент серьезно заболел прусский посол, и Фридрих Вильгельм решил послать в Вену единственного сотрудника своей дипломатической службы, который установил с Меттернихом хорошие отношения. 5 июня 1852 года Бисмарк был вызван в Берлин, где его проинформировали о том, что ему сейчас же надлежит ехать в Вену и взять на себя руководство посольством до выздоровления посла. Это было умное решение. Если более близкое знакомство с габсбургской столицей помогло бы Бисмарку освободиться от антиавстрийских предрассудков, приобретенных им во Франкфурте, тем будет лучше, если же нет, тогда он по меньшей мере узнает, где теперь находится реальный центр власти в Вене.

Его миссия продолжалась всего лишь месяц. Он встретился с Буолем, который не произвел на него впечатления, и опять обменялся любезностями со старым Меттернихом. После аудиенции у матери императора, экс-императрицы Софии, Бисмарк решил, что она и есть главный арбитр в политических делах. Стояла середина лета, и Вена на это время опустела. Вскоре Бисмарк перебрался в Венгрию. Франц Иосиф совершал свою первую поездку по мадьярским землям с того времени, как Венгрия потребовала независимости. Бисмарк был в восторге от путешествия вниз по Дунаю на пароходе. Красота природы возбуждала в нем поэтические чувства, а космополитический по своему характеру состав пассажиров настраивал его на веселый лад: «Только вообрази себе, — писал он Иоганне. — Здесь не хватает лишь англичан. Они до сих пор не могут открыть Венгрию». Венгерская столица его просто очаровала.

Франц Иосиф отвел ему апартаменты, и Бисмарк с энтузиазмом описывал Иоганне вид, открывавшийся из окна: «Если бы ты могла хоть на мгновение появиться здесь и посмотреть вниз на серебряную гладь Дуная, на холмы, темнеющие на бледно-розовом фоне, и на отблеск огней Пешта, тогда Вена во многом проиграла бы в твоей оценке по сравнению с «Буда-Пештом», как называют этот город венгры. Очень странные фигуры, коричневокожие, в широкополых шляпах и широченных штанах плывут по Дунаю вниз, на длинных деревянных баржах, — восхищается он и добавляет: — Как жаль, что я не художник»¹⁰.

Но это не было поездкой на отдых. Бисмарка поразил утомительный этикет, из-за которого ему приходилось «большую часть дня оставаться в мундире», а также привычка молодого государя вставать в пять утра и сразу же приниматься за дела. «У меня сложилось очень приятное впечатление (о Франце Иосифе), — писал он Иоганне. — Горячность молодого человека двадцати лет в сочетании с трезвым самообладанием. Он может быть очень обаятельным, как я уже убедился; не знаю, всегда ли он склонен к этому. В любом случае он в совершенстве удовлетворяет нуждам этой страны, чьи соседи чувствовали бы себя беспокойно, если бы не миролюбивое сердце, которое даровал ему бог». В письме к Мантейфелю на следующий день Бисмарк опять делал упор на спокойствие и уверенность в себе Франца Иосифа, а Леопольду фон Герлаху сообщалось, что император обладает «жаром двадцатилетнего, а также достоинством и дальновидностью не по годам, прекрасный наблюдатель, особенно, когда он в хорошем настроении, и располагающее к себе, открытое выражение лица, особенно, когда смеется»¹¹. Этим впечатлениям, возможно, не хватает глубины анализа, но, во

всяком случае, они свободны от предвзятой враждебности. Бисмарк часто жаловался из Франкфурта, что австрийские дипломаты не заслуживают доверия, и для него явилось приятной неожиданностью обнаружить во Франце Иосифе простую добрую веру и чистосердечие молодого человека.

В течение недолгого времени Бисмарк полагал, что его могут назначить послом в Вену, но ему не нравилась атмосфера общества, в котором вращались венские политики, и в середине июля он с облегчением возвратился к знакомой обстановке во Франкфурт. Король был высокого мнения о нем, но и врагов у него хватало. Противники Бисмарка путем ловких интриг сумели внушить Мантейфелю и принцу Прусскому, что Бисмарк является инструментом в руках ультраконсерваторов и намеревается сам занять место Мантейфеля в качестве главы правительства¹². В действительности же Бисмарк, наоборот, отдалялся от кружка «Кройццайтунга». Он никогда не разделял враждебных взглядов Герлахов по отношению к Наполеону III или их подозрительности к французской политике на Рейне, но все же складывалось вполне определенное впечатление, что он охотно взял бы на себя ответственность за руководство внешней политикой Пруссии, и убедить Мантейфеля в обратном было нелегко. В качестве жеста примирения Бисмарк пригласил Мантейфеля и принца быть крестными отцами его второго сына, который родился летом 1852 года и был назван Вильгельмом в честь принца. В то время у Бисмарка хватило предусмотрительности сохранить связи с Леопольдом фон Герлахом, а через него и с королем, в добавление к своим сторонникам умастить Мантейфеля и наследника трона.

Осень и зиму Мантейфель провел в Берлине,

настойчиво работая над обновлением Таможенного союза без участия Австрии, а Бисмарк во Франкфурте угрозами и лестью пытался заставить южногерманские государства признать экономическое лидерство Пруссии. Теперь он обладал достаточным опытом, чтобы заглянуть в будущее. Долгий период мира между Великими державами подходил к концу, и немалую роль в этом сыграли растущие взаимные подозрения России и Турции и ряд дипломатических ошибок, приведших к Крымской войне. Пруссия не была ни прямо, ни косвенно заинтересована в будущем Османской империи, но международный кризис, в который оказались вовлечены две центрально-европейские автократии, неизбежно потребовал корректировки политики Берлина. Король был за то, чтобы Пруссия осталась в стороне. Бисмарк занимал более реалистическую позицию. «Великие кризисы создают погодные условия, которые благоприятствуют росту Пруссии», — заявлял он Мантейфелю в феврале 1854 года¹³. Бисмарка встревожило продолжение на три года оборонительного союза с Австрией, заключенного после Ольмюца. Он полагал, что король и Мантейфель удовлетворились второстепенной ролью в дипломатической схватке. Бисмарк призвал к проведению политики с позиции силы. Необходимо сосредоточить прусскую армию в Верхней Силезии, доказывал он королю, оттуда она «в равной степени сможет угрожать границам как России, так и Австрии». Такая стратегия, утверждал Бисмарк, делает Фридриха Вильгельма арбитром в европейских делах, способным диктовать условия мира как Николаю I, так и Францу Иосифу, и требовать за посредничество комиссионные для Пруссии в виде структурного пересмотра Германского союза. Король отклонил его совет, заметив: «Подобные действия мог

бы позволить себе только человек типа Наполеона, но не я»¹⁴. Всю войну Пруссия оставалась в стороне.

Предложение Бисмарка было ближе к традициям Фридриха Великого, но не короля. Поскольку основные силы австрийской армии были развернуты по нижнему течению Дуная, покойный монарх активизировал бы свою армию в Силезии, угрожая переходом богемско-моравской границы и стремительным броском к Вене. Однако, хотя Фридрих Вильгельм IV был человеком не геройской закваски, он зато обладал здравым чувством в отношении того, что лучше всего в данной ситуации для Пруссии и Германии. Его позиция состояла в том, что война между Россией и Западом шла из-за ограниченных целей на Черном море, а не на центральноевропейских равнинах, где мог бы вскрыться «польский нарыв» и другие болячки, оставшиеся в полулеченном состоянии после венского урегулирования в 1815 году.

Теперь Бисмарк заработал себе репутацию сторонника России. Точно так же после Ольмюца его упрекали в проавстрийских настроениях. «В 50-м году наши оппоненты обвинили меня в предательских симпатиях к Австрии, и нас называли берлинскими венцами», — напомнил он Леопольду фон Герлаху после того, как закончилась Крымская война.

«Позднее они решили, что от нас пахнет русской кожей и говорили о нас как о казаках с берегов Шпрее. Если меня в то время спрашивали, сторонник ли я русских или Запада, я всегда отвечал, что я — пруссак и мой идеал во внешней политике — свобода от всех предрассудков».

«Каждое решение должно быть свободно от каких-либо проявлений враждебности или, наоборот, предпочтений к иностранным державам и их правительствам, — добавил он. — Если бы кто-то доказал мне,

что это в лучших интересах здоровой и взвешенной политики, я бы с равным удовлетворением наблюдал за тем, как наши войска стреляют по французам, русским, англичанам или австрийцам»¹⁵.

Годы, проведенные Бисмарком во Франкфурте, приучили его с опаской относиться к любой политике, которая приводила бы к тому, что вопросы войны или мира для всей Германии решались бы в Вене. Когда в начале 1855 года Австрия потребовала мобилизации вооруженных сил германских государств против России, Бисмарк сыграл ведущую роль в организации сопротивления австрийскому давлению и оказался в большинстве. Никогда еще ни до, ни после этого не был он таким ярким приверженцем Германского союза. Но он прекрасно сознавал, что недовольство диктатом Австрии в сейме имеет переходящий характер. Бросить вызов господствующему влиянию Австрии в Германии было для Пруссии делом почти безнадежным, если бы она не усилила предварительно свою позицию, заключив союзнические соглашения с другими Великими державами. В середине лета 1854 года он с гордостью похвалился перед сестрой тем, что является посредником между Востоком и Западом, передавая послания из Парижа русскому атташе во Франкфурте и затем царю Николаю I, и в этом была доля истины¹⁵. Постепенно им овладело твердое убеждение, что, несмотря на войну, вскоре начнется сближение Франции и России, которое неминуемо приведет к заключению альянса между ними. Пруссия, говорил он королю, должна ассоциироваться с этим новым источником силы в Европе, чтобы подчинить себе Австрию и находившиеся под ее влиянием южногерманские государства¹⁷.

В Берлине никто не сомневался в ценности союза

с Россией, но близкие отношения с бонапартистским государством — это совсем другое дело. В августе 1855 года Бисмарк нанес первый из серии частных визитов в Париж, чтобы оценить самому качества Второй империи.

«Париж — чудесный город, — писал он Иоганне с несколько наивным восторгом через две недели после своего прибытия во французскую столицу. — Представь себе десять Франкфуртов, поставленных бок о бок, со множеством улиц, полных магазинов, и затем еще десять Франкфуртов потише, построенных вокруг них»¹⁸. Бисмарк прилежно изъездил весь город и его окрестности, но Париж Второй империи был очень далек от того, чтобы быть только музеем былой славы. Каждый приезжающий в том году считал своей неременной обязанностью посетить Дворец промышленности на Елисейских полях, где власти впервые организовали выставку технических и художественных достижений. Бисмарк чуть настороженно присматривался к изделиям, выставленным в промышленном павильоне, который вызвал у него некоторое замешательство и даже неприязнь из-за «оглушительного шума станков». Всему прочему в Париже он предпочитал выставки картин. Бисмарк жаловался на то, что ему некогда даже отдохнуть, но был рад состоявшимся разговором на политические темы с министром иностранных дел графом Велевским* и Морни, который, как и Велевский, ратовал за развитие франко-русского сотрудничества. 25 августа Бисмарк присутствовал на «очень пышном балу» в Версале, где его представили Наполеону III и императрице Евгении. Наполеон произвел на него неглубокое впечатление,

* Граф Велевский — незаконнорожденный сын великого Наполеона I Бонапарта и сводный брат Наполеона III.

но «необыкновенно изящная» Евгения буквально покорила его. Иоганна узнала, что императрица напомнила Бисмарку его сестру Мальвину, но он сделал оговорку, что у Евгении было «более длинное и узкое лицо с более красивыми глазами и ртом».

Наполеон и Евгения были не единственными суверенами, которым Бисмарк был представлен в тот версальский вечер. Там находилась и королева Виктория. Это был первый визит правящего английского монарха во французскую столицу за последние четыре года; Бисмарку представилась возможность обстоятельно побеседовать с принцем Альбертом и обменяться несколькими словами с королевой. Бисмарк прибыл во Францию с сомнительной репутацией прорусски настроенного дипломата, и английская семья не скрывала своего разочарования тем, что Фридрих Вильгельм цепляется за гогенцоллерновские чувства дружбы к Романовым. Беседа с принцем носила, соответственно, несколько напряженный характер; но королева остановилась на безобидной с виду теме городской эстетики. «Какой чудесный город Париж», — заметила она.

«Еще более прелестный, чем Петербург», — ответил Бисмарк. Его ответ, весьма характерный для него, содержал зашифрованный намек на «вражескую» столицу, красоты которой никто из них не видел. По крайней мере, он смог показать королеве Англии, хоть и с запозданием, свое желание похвалить что-то на Западе за счет Востока. Но королеву это, однако, не ввело в заблуждение. В своем дневнике она описала Бисмарка как «очень русского и пропитанного духом «Кройццайтунг». В то же время о незаурядности личности Бисмарка весьма красноречиво говорит тот факт, что из всех впечатлений от бала, который она посчитала превосходящим все мыслимое «по своей

роскоши и великолепию», Виктория сочла достойным занесения в дневник встречу с гостящим прусским дипломатом, чье имя едва ли было известно за пределами Германии¹⁹.

Два дня спустя Бисмарк наблюдал за торжественной церемонией проводов королевы и принца, покидавших Париж, и хотя он как истый пруссак считал английскую политику вредной, это проявление англо-французской сердечности произвело на него немалое впечатление. В тот день с королевой в Париже находились и два ее старших ребенка — дочь, которой через три месяца должно было исполниться пятнадцать лет, и принц Уэльский. Не прошло и четырех недель после парижского визита, как в неофициальном порядке было решено, что принцесса выйдет замуж за старшего сына Прусского короля Фридриха Вильгельма, хотя свадьбе следовало состояться не раньше, чем «ей исполнится семнадцать лет». Помолвка должна была остаться в тайне, по меньшей мере до весны, но слух о ней вскоре просочился в газеты. Зимой предполагаемый брак подвергался критике на страницах «Таймс» и некоторых берлинских газет, поскольку Крымская война внесла серьезную напряженность в англо-пруссские отношения²⁰.

Не встретила идея этого брака одобрения и у Бисмарка. «У меня нет возможности оценить личные качества принцессы, — писал он, — но политические последствия будут заключаться в прививке нам английских привычек и англomanии, взамен этого от Англии мы не получим ничего существенного»²¹.

Предвзятость суждений Бисмарка происходила от убеждения, что принц и мать принца Августа являлись его личными врагами. Он подозревал это еще со времен неудавшегося дворцового заговора в марте 1848 года в Потсдаме. Они постоянно настраивали

против него принца Прусского. Но существовала и еще одна причина, почему весной 1856 года Бисмарк испытывал особенно враждебные чувства к Великобритании. Первого февраля закончилась Крымская война, и в том же месяце в Париже открылся мирный конгресс, на котором председательствовал Валуевский. Англичане из всех сил старались не допустить участия в нем Пруссии на том основании, что конгресс, по их мнению, являлся переговорами между бывшими воюющими сторонами. Гнев Берлина был направлен почти исключительно против англичан, потому что ни французы, ни русские не выдвинули особых возражений. Даже Австрия вступилась за права Пруссии, и именно благодаря австрийской поддержке прусский делегат был наконец допущен на заседание конгресса, где решался вопрос о будущем Дарданелл и Босфора, поскольку подпись Пруссии стояла на Конвенции о проливах. Хотя Бисмарка и раздражало то, что Мантейфель всецело зависел от покровительства Буоля, в то же время он был удовлетворен отношением французов и русских. Пруссия не попала в изоляцию²². Как и Бисмарк, Мантейфель предвидел, что после окончания Крымской войны начнется сближение Франции и России. Однако он не разделял уверенности Бисмарка в том, что Пруссия извлечет выгоду от нового тильзитского партнерства; вот уже больше года Бисмарк бомбардировал своего министра письмами, в которых настойчиво внушал тому мысль о необходимости альянса с двумя империями, приводя старые аргументы. Он призывал Мантейфеля в первую очередь установить близкие отношения с Парижем. Все коллеги Бисмарка были против. Консерваторы видели в Наполеоне расчетливого авантюриста, главу опасной революционной династии, и со страниц своих газет обрушивали на

политику Франции поток оскорблений. Но Бисмарк отказался следовать партийной линии. Для него Наполеон III был способным противником, не более и не менее: с его махинациями успешно мог бороться всякий, кто относился к искусству управления государством как к продолжению заговора другими средствами. Весной 1857 года Бисмарк решил по своей инициативе отправиться во Францию, как только в работе Союзного сейма наступит перерыв в связи с пасхальными праздниками. В сопровождении двух атташе он отбыл в Париж 4 апреля 1857 года.

Начался визит отвратительно. Ночной поезд прибыл рано утром в вербное воскресенье. Полные оптимизма три пруссака направились в кафе на бульваре. «С половины пятого до половины седьмого мы бродили по всему огромному Парижу и не могли нигде получить чашки кофе, — жаловался Бисмарк Иоганне. — Ботинки, игрушки, зонтики и часы — все это можно здесь купить в шесть утра, все — но не завтрак»²³. К счастью, общественная жизнь вскоре забила ключом. На этот раз Бисмарк смог сходить в театр и оперу — «просто замечательный балет... Но балеты всегда утомляют меня» — и пообедать в лучших ресторанах. Валуевский устроил в честь гостя из Пруссии прием, на котором Бисмарк обменялся любезностями со всеми знаменитостями империи²⁴.

Главная ценность визита состояла в том, что он позволил Бисмарку заглянуть в характер Наполеона III. Он уже почувствовал поверхностное качество публичных выступлений императора. «У Наполеона, — пронизательно писал он в 1855 году, — желание совершить что-то неожиданное все время приводит к неудобным ситуациям, из которых его выручает императрица»²⁵. Теперь из долгих разговоров с императором Бисмарк вынес впечатление, что Наполеон III,

как и его великий родственник полвека назад, обладал широкомасштабностью политического кругозора и с энтузиазмом вынашивал планы по переустройству континента, однако в отличие от Наполеона I, умевшего сосредоточиться на конкретных подробностях, его племянник наслаждался тем, что стоял у карты и перекраивал ее размашистыми линиями пера. «Этот человек определенно не произвел на меня впечатления, — сообщил Бисмарк Герлаху после возвращения во Франкфурт. — Он не генерал... Он постарается начать войну, только когда его к этому подтолкнут внутренние причины»²⁶. Но, по мнению Бисмарка, в интересах Пруссии следует льстить ему и эксплуатировать его тщеславие. Было бы неразумно, если бы Фридрих Вильгельм IV стал общаться с Наполеоном, как с незаконным выскочкой среди суверенов Европы. «Я смотрю на Францию, лишь как на шахматную фигуру — хоть и значительного достоинства — на политической доске, — заверял он Герлаха 2 мая, — вне зависимости от того, кто ею правит. Моя задача, играя в эту игру, служить только моему королю и моей стране... Я не могу оправдать симпатий или антипатий к иностранным державам и деятелям ни в себе, ни в других... Мне кажется, что даже королю непозволительно подчинять интересы Отечества своим чувствам любви или ненависти по отношению к иностранцам»²⁷.

За этими убедительными словами через две недели последовало хорошо аргументированное обращение к Мантейфелю в пользу укрепления дружеских отношений между Пруссией и Францией: «Император Наполеон открыто признает наличие у него интереса к поощрению таких взглядов, и, если мы подадим знаки к примирению, он недвусмысленно сделает жест в этом же направлении». Бисмарк предложил

пригласить Наполеона III нанести официальный визит в Берлин. Но Фридрих Вильгельм не был склонен предпринимать какую-либо дипломатическую инициативу: в тот момент он готовился к приему своего племянника, Александра II (который вззошел на российский трон в марте 1855 года). Однако дело было не только в этом. Король вообще отрицательно относился к идее встречи с французским императором, и дал ясно понять, что, по его мнению, Бисмарк играет с огнем. Герлах согласился с монархом²⁸.

Со временем Фридрих Вильгельм, возможно, и принял бы политический курс, предложенный Бисмарком, и даже назначил бы его министром иностранных дел вместо Мантейфеля. Во всяком случае, Бисмарк надеялся на это. Но на третьей неделе октября 1857 года с королем случился удар, и ответственность за руководство текущими делами правительства взял на себя его брат, шестидесятилетний принц Прусский. На принятие политических решений Вильгельмом Прусским большое влияние оказывали его прошлые симпатии или антипатии. Он считал Бисмарка опасным в своем безрассудстве мальчишкой (сорока двух лет!), который может нанести непоправимый ущерб Германскому союзу провокационными жестами по отношению к австрийцам. Бисмарк совершил политическую ошибку, когда пренебрег двором принца в Кобленце, всецело сосредоточившись на идейной обработке короля, Герлаха и Мантейфеля.* Во второй половине марта 1858 года он

* Во время Крымской войны принц Вильгельм Прусский и принцесса Августа покинули столицу и обосновались в Кобленце, где их политическое мировоззрение испытывало сильное влияние «либерал-консерватизма» католических рейнских провинций. Свадьба старшего сына принца Прусского и английской принцессы состоялась 25 января 1858 года в королевской часовне

попытался исправить свое упущение,²⁹ составив подробный анализ прусской политики за последнее десятилетие — документ на девяносто двух страницах, исписанных убористым почерком, в два раза превосходящий самое объемное произведение Клементя Меттерниха, признанного мастера изощреннейшего политического красноречия. Анализ Бисмарка оказался гораздо более точен в формулировках и более похож на пособие по искусству управления государством. Смысл «маленькой книжки господина фон Бисмарка» был достаточно ясен: пусть Пруссия выполняет свои обязательства перед Германским союзом согласно букве закона, но при этом она должна эксплуатировать национальное чувство, чтобы объединить голоса других государств против Австрии, империи, в силу своей многонациональности потерявшей право диктовать свою волю в исключительно германских делах. Такая доктрина, слишком революционная для Герлахов, Мантейфеля и бедняги Фридриха Вильгельма, была в равной степени неприемлема для Вильгельма. В дипломатической среде он выступал за сотрудничество Пруссии, Австрии и Великобритании. Мысль об использовании Союзного сейма в качестве арены для холодной войны с Австрией была ему совсем не по душе.

К осени 1858 года стало ясно, что у Фридриха Вильгельма нет почти никаких шансов на выздоровление. Его разум быстро угасал. 7 октября королева подала ему на подпись указ о введении регентства, по которому королевские прерогативы передавались его

Сент-Джеймского дворца в Лондоне. В Германии празднества в честь бракосочетания продолжались вплоть до весны. К досаде Бисмарка, прибытие «английской принцессы» рассматривалось прусскими либералами как признак усиления их влияния при дворе.

брату. В течение месяца принц-регент провел чистку администрации, избавившись от ультраконсерваторов. 6 ноября он уволил Мантейфеля, назначив вместо него главой правительства принца Карла Антона Гогенцоллерн-Зигмарингена, а министром иностранных дел барона Александра фон Шлейница. Выборы в ландтаг в том же ноябре дали умеренным Финке 210 мест, оставив консерваторам всего лишь пятьдесят девять мест. В Берлине многие полагали, что для Пруссии началась «новая эра», которая заменит застойный режим предыдущего десятилетия более позитивным подходом к проблемам Германии в целом³⁰.

Бисмарк не осознавал слабости своей позиции. Возможно, он рассчитывал на влияние своего старого друга Альбрехта фон Роона, теперь уже полного генерала, который поддерживал в течение предыдущих четырех лет тесные отношения с принцем Прусским в Кобленце. В записке к Иоганне от 15 января 1859 года, проникнутой оптимизмом, он обсуждал возможные изменения внутри дипломатической службы и сообщал: «При дворе ко мне стали добрее, чем прежде, особенно принц-регент, и даже принцесса». Бисмарк говорил о «неудобной позиции» нового правительства и высмеивал представлявшиеся ему смехотворными интриги графини Узедом, желавшей посадить на его место во Франкфурте своего мужа, бывшего посланником при папском дворе в Риме³¹. Его прямо-таки распирало от редкостной самоуверенности. Среди прусских дипломатов, по его мнению, не было человека, который обладал бы столь детальным знанием отношений между европейскими государствами, как Отто фон Бисмарк.

Девять дней спустя он оказался перед реальностью своего поражения. Во Франкфурт все же был назна-

чен Уэдом: в высших сферах решили, что он неплохо сработается с австрийцами в тот момент, когда на все остальные вопросы падала тень австро-итальянских дел. Бисмарк терялся в догадках — какое же его ждет назначение? Париж? Санкт-Петербург? Возможно, хотя он надеялся, что ему не придется туда ехать. А может, это будет Лондон? 29 января он узнал, что назначен новым посланником Пруссии в России. Формально это было повышение, но Бисмарк не строил иллюзий. В конце марта он отправился на восток. Чтобы проделать путь по заснеженным равнинам от Берлина до Санкт-Петербурга, ему потребовалось семь полных суток. Никогда еще в своей общественной жизни не чувствовал он себя в такой изоляции от основного потока дел. «Меня поместили на хранение в холодильник на Неве», — мрачно заметил он. Кожа у него на лице, горевшая от мороза, подтверждала удачный выбор метафоры. Бисмарк с горечью думал о том, что пост, который ему предстояло занять, является весьма скучной наградой за восемь лет напряженного труда, питавших его надеждой на более выгодную должность³².

ГЛАВА 5

ШУМ ЗА СЦЕНОЙ

Прибытие Бисмарка в Санкт-Петербург совпало с очень интересным моментом в российской истории. Поражение в Крымской войне убедило наконец правящий класс в необходимости коренных изменений в структуре самодержавия.

Той же весной были образованы специальные комиссии по изучению вопроса о предоставлении крепостным крестьянам личной свободы. В воздухе уже витали проекты реформ в области образования и местного самоуправления. По мере освоения тихоокеанского побережья и появления там все новых поселений русские начинали все больше осознавать свою имперскую судьбу, поворачиваясь от Европы к Азии. В такое время ими был с удовлетворением воспринят приезд представителя Пруссии, обладавшего незаурядным умом, светским обаянием и известного своей прямоотой. Царь и его министр иностранных дел Горчаков расточали Бисмарку комплименты и, как он откровенно признавался в своих письмах домой, вскоре он сделался любимцем петербургских салонов. В разгар лета знатные семьи отправились на юг в Москву и Бисмарк последовал за ними. После восьми лет, проведенных в Союзном сейме, его радовали

оказываемые ему знаки внимания. «Официальная жизнь, — сообщал он Иоганне, — сменила шипы на розы»¹. В его письмах мало говорится о переменах, которые должны были вот-вот всколыхнуть Российскую империю. У него складывалось лишь поверхностное впечатление. Его замечания — это замечания случайного постороннего. Ему пришлось не по вкусу некоторые местные порядки, например, запрещение курить на улицах. Его угнетали долгие месяцы, в течение которых здесь сохранялся снежный покров, в то время как вся Германия уже расцветала весенними красками. Он жаловался, что живет в «городе бесконечных каменных миль», где «никогда не удастся найти дорогу». Но если Санкт-Петербург пробуждал в нем тревогу, то Москва придала его перу очарование поэзии, как и Будапешт семь лет назад. «Сверху, с гор, Москва похожа на бескрайнюю зеленую ниву, — писал он Иоганне. — Панорама домов с зелеными крышами, садов, церквей, башен странной формы, окрашенных в зеленый, красный или светло-голубой цвет и увенчанных колоссальными золотыми куполами, по пять, а то и больше вокруг каждой церкви, наверняка их не меньше тысячи... освещается косыми лучами заходящего солнца»². Несмотря на свой дипломатический статус, в душе Бисмарк оставался наблюдательным путешественником.

Его пребывание в Москве было недолгим. В то лето он частенько выбирался в живописные окрестности Санкт-Петербурга, осматривая императорские дворцы. Даже его, пруссака, повергла в изумление атмосфера военной муштры в «петербургском Потсдаме», как он называл Царское Село. Стоя рядом с Александром II на помосте под императорским балдахинном, он наблюдал за тем, как по плацу маршировали 40 тысяч солдат и офицеров. «Вчера, — сооб-

щал он Иоганне, — у меня вся голова была забита войной и миром, черкесами, казаками, татарами, великими князьями и легкой пехотой, так что я не мог собраться с мыслями. Ночью, — продолжал он, — мне снились ряды коротких коек, покрашенных в белый цвет, на высоких ножках». Его раздражало то, что, несмотря на заверения принца-регента о производстве в чин капитана или даже майора, он был вынужден появляться в таком высоком обществе в мундире лейтенанта ландвера³.

В течение многих лет до него прусские посланники при царском дворе имели чин полного генерала. Такие дела чрезвычайно беспокоили его. В России имел большое значение и военный послужной список дипломата, а Бисмарк в этом отношении выглядел более чем скромно. В письмах к семье встречаются сетования на то, что на парадах, где все обязаны были присутствовать в военной форме, он выглядел очень нелепо в окружении генералов, и даже некоторые сотрудники прусского посольства, его подчиненные, имели более высокие чины. Естественно, отношения между ними и их начальником отличались натянутостью. «Мой новый шеф — человек, который совершенно не думает о других, человек власти, который мечтает о драматических жестах, которому страшно хочется сиять, который знает все о том, чего не видел, и строит из себя всеведущего, хотя есть много такого, чего он не знает», — писал второй секретарь Курт фон Шлецер в начале того лета и уныло добавлял: «Во Франкфурте он привык к молодым атташе, которых бросало в дрожь при его приближении»⁴. Не подлежит сомнению, что Шлецер, уже отслуживший два года в Санкт-Петербурге при менее взыскательном «шефе», трудно приспособивал свой образ жизни к политикудипломату, который стремился сам делать политику, а

не выполнять решения других. Удивлялся новому посланнику не один Шлецер. Энергия и злопамятность переливались у Бисмарка через край. «Не человек, а дьявол, — писал Шлецер с невольным восхищением после двенадцатимесячного знакомства. — Интересно, какую же цель он перед собой поставил? Чего он добивается?»

Это был вопрос, который Бисмарк и сам часто задавал себе в тот беспокойный год и не находил точного ответа. Он уехал в Россию в тот момент, когда в Западной Европе разразился кризис. В первые дни мая 1859 года австрийские войска в ответ на провокационные действия пьемонтского правительства, возглавлявшегося Кавуром, перешли реку Тичино и начали медленное наступление на Турин. Не прошло и недели, как Наполеон III в ответ на призыв Кавура о помощи послал новую Великую армию в Северную Италию. Симпатии принца-регента в Берлине находились на стороне австрийцев, и начали поговаривать о вооруженном вмешательстве Германского союза с целью остановить войну. У Бисмарка были иные планы. Он призывал министра иностранных дел Шлейница воспользоваться ситуацией, «либо чтобы изменить наши отношения с Германским союзом, либо чтобы выйти из него». 5 мая он уже предлагал еще более рискованную политику, контуры которой обрисовал в частном письме главному адъютанту регента. «Настоящая ситуация еще раз дала нам возможность вытащить выигрышный билет в лотерею, в том случае, если мы позволим австрийцам увязнуть в войне с Францией, а затем двинуть на юг всю нашу армию, которая перенесет наши пограничные столбы в своих ранцах и загонит их в землю либо у Боденского озера, либо там, где перестает доминировать протестантская вера»⁵.

Но Вильгельм в 1859 году испытывал к такой

политике не больше интереса, чем его брат за пять лет до того. В июне после поражения австрийцев у Маджента регент приказал провести мобилизацию шести армейских корпусов, чтобы создать ослабленной Франции угрозу на Рейне. Бисмарк был вне себя от ярости. Он не скрывал своего возмущения ни от царя, ни от Горчакова, которые не стали делать секрета из своих разговоров с Бисмарком. Слухи о них дошли и до принца-регента в Берлине. Настал его черед гневаться. Какое-то время он серьезно подумывал о том, чтобы отозвать Бисмарка и уволить его с дипломатической службы⁶.

От сурового выговора Бисмарка спасли два события: угроза всеобщей войны миновала, после того как Наполеон III и Франц Иосиф заключили перемирие в Виллафранке; и в то же время сам Бисмарк тяжело заболел. До зимы 1858-59 гг. он не жаловался на здоровье. Его организм легко переносил и напряженный ритм работы, и неумеренность в еде. Однако, ожидая верительных грамот от принца-регента в Санкт-Петербурге, он начал страдать от ревматических болей в левой ноге. Физическая усталость от переезда на новое место и старание, с которым Бисмарк, не щадя себя, окунулся в море хлопот, связанных с новыми обязанностями, отняли у него остатки сил. Возвратившись из Москвы, он писал Иоганне о том, что у него случился прострел в пояснице; но, как это часто встречается в его письмах, он был более откровенен со своей сестрой. Он писал ей 29 июня:

«Со времени своего отъезда из Берлина в прошлом январе я никогда не чувствовал себя вполне здоровым. Поначалу ревматизм не очень меня беспокоил. Но примерно десять дней назад волнения, холодная погода и климат — все вместе сделали свое дело, и он обострился до такой степени, что я мог

дышать с огромным трудом, испытывая сильные боли, которые носят ревматическо-желудочно-нервный характер и исходят из области печени... После того как меня заставили почувствовать себя на полпути в лучший мир, мне все же удалось убедить врачей, что восемь лет беспокойного труда, постоянных волнений ослабили мои нервы и что дальнейшее кровопускание приведет к тому, что я либо заболел тифом, либо превращусь в идиота. На прошлой неделе болезнь была в самом разгаре. Но теперь, когда мне предписали шампанское в умеренных дозах, мой крепкий организм начал быстро поправляться... Не сообщай никаких подробностей о болезни Иоганне»⁷.

Однако болезнь оказалась более тяжелой, чем он это предполагал. Вскоре была поражена вся нервная система, и левую ногу временно парализовало. В июле Бисмарк вернулся в Берлин на лечение. Его страдания еще более усилились из-за небрежности, допущенной лечившим его в Петербурге врачом-немцем. Возникла угроза ампутации ноги. Должный курс лечения в Берлине и отдых в Висбадене позволили сохранить ногу, и осенью Бисмарк уже смог сопровождать принца-регента на встречу с царем Александром III. 22 октября он провел три часа в седле, участвуя в охоте на зайцев. «У меня все очень хорошо», — набросал он наспех записку Иоганне.⁸ Он ошибся: десять дней спустя началось долгое путешествие назад в Петербург, но в Хоэндорфе 8 ноября Бисмарк слег, выбившись из сил. Дыхание было очень затрудненным, и врачи поставили диагноз — воспаление легких. Позже он писал, что чувствовал себя так плохо, что «смерть казалась ему желанным избавлением». Даже на Рождество Бисмарк сомневался, сможет ли продолжать карьеру. Однако внезапно в новом году политические инстинкты у него ожили, и когда

в конце февраля пошли слухи о том, что принц-регент подыскивает нового министра иностранных дел, Бисмарк решил, что его выздоровление полностью завершилось, и поспешил в Берлин⁹.

Политический климат за предшествующие восемнадцать месяцев начал постепенно изменяться. Растущий успех пьемонтских либералов Кавура в значительной степени повлиял на образование специфического либерально-национального движения в Северной Германии — Националферейна (Nationalverein), в рамках которого объединились умеренные и демократы, стремившиеся к образованию конституционного германского государства во главе с монархом из династии Гогенцоллернов. Бисмарк с интересом следил за ростом Националферейна, тем более что за несколько месяцев до этого получил неофициальное заверение от одного из отцов-основателей данного движения о том, что оно «было бы искренне радо вашему назначению министром иностранных дел»¹⁰.

В конце марта 1860 года он нанес визит вежливости лидерам Националферейна в Берлине. Один политический обозреватель так прокомментировал это событие: «Бисмарк говорит всем, кто хочет его слушать, что он — в глубине души человек либеральных взглядов». Сложилась любопытная ситуация. Бисмарк даже посетил ландтаг и слышал, как его старый противник Финке восхвалял его как последовательного приверженца независимости Пруссии от Австрии. Неудивительно, что вскоре начали поговаривать о коалиционном кабинете Финке-Бисмарк. Но не в кругу ближайших советников принца-регента. Вильгельм все еще не доверял своему самовольно отлучившемуся послу, но был готов выслушать его. В апреле регент дважды принял Бисмарка. Никто не знает, что именно говорилось в ходе каждой из этих встреч. Общее течение

бесед было позднее искажено с целью приукрашивания, как это часто случалось в карьере Бисмарка. Похоже на то, что он предложил планы реорганизации Германского союза, а также предложил созвать парламентское собрание от всех германских государств, — идея, которую он развил в меморандуме, представленном Шлейницу¹¹. Вильгельму все это могло показаться слишком радикальным. Не порадовал его Бисмарк и своими взглядами на внешнюю политику. Хотя он и поостерегся предлагать соглашение с Наполеоном III, зато продолжал призывать к русско-прусскому сотрудничеству, чтобы подчеркнуть подлинную независимость от Вены. Это чувство вполне было в духе Финке и Националфрейера, но Вильгельма оно беспокоило. Его министр иностранных дел уверял, что Александр II находится в сговоре с Наполеоном и прусским владениям на Рейне угрожает волна необонапартистской агрессии. Призрак 1813-1814 гг. не выходил у Вильгельма из головы, и он реагировал на слова «Наполеон» и «Рейнские провинции» так, будто все еще был молодым офицером, участвующим в Освободительной войне. К началу второй недели апреля он принял решение оставить Шлейница на прежнем посту, но не рисковать изменениями во внешней политике. Но что же в конце концов делать с Бисмарком? Можно ли ему доверять в Санкт-Петербурге? Или же его следует направить в Лондон, где Пальмерстон не питал особых иллюзий насчет французов. В течение месяца Вильгельм колебался, но затем решил вообще оставить все как есть.

5 июня Бисмарк опять очутился в кругу своей семьи в доме, который он снимал на Английской набережной в Петербурге. Он отсутствовал ровно одиннадцать месяцев.

Посол вдруг обнаружил, что его привилегирован-

ное положение при дворе претерпело изменение в худшую сторону. Раньше он считался влиятельным человеком, но теперь стало ясно, что в Берлине отвергли его политику. Дома его неудача на пути к вершине власти привела к тому, что Националфрейн разочаровался в нем и стал подвергать его нападкам в прессе. В то же время он стал непопулярен среди своих старых друзей-консерваторов по причине симпатий, якобы питаемых к Наполеону и Кавуру. Анализ большей части его переписки опровергает это мнение. Бисмарк настаивал на том, что на Наполеона нельзя было положиться, поскольку никто не мог предсказать, как поведет себя в той или иной ситуации французский император.

«Главный талант Наполеона, — пронизательно заметил Бисмарк, — состоит в том, чтобы запрятаться в такое облако тумана, что никто не сможет узнать, откуда он появится и появится ли вообще. Возможно, он останется окутанным паром и будет дрейфовать, пребывая в блаженстве»¹².

Бисмарк полагал, что экспедиция Гарибальди в Неаполь была совершенно неоправданна. Этот революционный акт поверг Александра II в шок, но Бисмарк отклонил предложение русских о совместном дипломатическом протесте в Турине. «Хоть я, возможно, и ошибаюсь, — писал Бисмарк, — но я чувствую себя убежденным в том, что образование сильного итальянского государства на юге между Францией и Австрией пойдет на пользу Пруссии»¹³. Он полагал, что если усилия Кавура и не приведут к возникновению итальянского королевства, то Пруссия сама должна будет своевременно побеспокоиться о его создании.

Такие экскурсии в области высшей политики становились все реже, по мере того как Бисмарк приспособлялся к порядку жизни в российской столи-

це. Провал попытки обрести прежнее влияние в Берлине лишил его всяческих иллюзий. Им начало овладевать чувство разочарования и безысходности, и он больше не испытывал тяги к активной светской жизни. В мемуарах Фридриха фон Гольштейна, прибывшего в Петербург на должность младшего атташе посольства, встречается интересный портрет Бисмарка, относящийся к январю 1861 года. До этого Гольштейн дважды встречался с Бисмарком и восхищался им, но теперь его огорчил холодный прием», оказанный бывшим кумиром. Гольштейн писал:

«В то время Бисмарку уже исполнилось сорок пять лет. Череп с небольшими залысинами и светлыми седеющими волосами; не слишком дородного телосложения; желтоватый, болезненный цвет лица. Никогда не улыбается, даже в тот момент, когда рассказывает забавные анекдоты, что бывает нечасто, и то лишь в обществе близких людей. В целом он производит впечатление разочаровавшегося человека, частью ипохондрика, частью человека, который не до конца примирился со спокойной жизнью, которую ведет в эти дни представитель Пруссии в Санкт-Петербурге... Приступы отчаяния и зеленой тоски, жертвой которых Бисмарк так часто становился, являлись следствием как физического, так и умственного перенапряжения. Мне почти не доводилось знать таких безрадостных людей... Если он и смеялся, то лишь тогда, когда ехидно прохаживался на чей-то счет».

Эти воспоминания были написаны в январе 1883 года, когда Гольштейн уже чувствовал антипатию к канцлеру, и отражают раздражительный и брюзгливый характер их автора. И все же из писем Бисмарка явствует, что портрет, изображенный Гольштейном, нельзя считать лишь мстительной карикатурой. Через

десять дней после прибытия Гольштейна в Петербург Бисмарк исповедовался в письме к своей сестре:

«Я привыкаю к жизни здесь... и не ищущу перемен в своем статусе... В эти дни стремление стать министром оставляет человека по многим причинам, о которых не принято упоминать в письме. Будь я в Париже или Лондоне, я бы жил с меньшим комфортом, чем здесь, и не высказывался бы о политике... Я избегаю бывать в высшем свете, поскольку от этого нет никакой пользы королевской службе, и я не могу уснуть, если поздно ложусь спать. В действительности просто невозможно нанести визит до одиннадцати вечера. По большей части здесь съезжаются после двенадцати и в два уезжают куда-нибудь еще на ужин. Я не могу привыкнуть к такому режиму и, наверное, никогда не привыкну, но совершенно не беспокоюсь на этот счет, потому что вечерние сборища здесь еще более скучны, чем где-либо. Слишком мало общих тем и интересов. Иоганна выезжает гораздо чаще и непременно отвечает, когда спрашивают о моем здоровье, как бы добавляя необходимое удобрение в стерильную почву разговора... Королевские курьеры словно запропастились куда-то. Вот уже несколько месяцев я не получал из министерства ни одной депеши с курьером, а то, что приходит по почте, скучно...»¹⁵

Бисмарк явно не казался серьезным претендентом на власть летом 1861 года. Его бывшие коллеги по кружку «Кройццайтунг» в большинстве своем поддерживали генерала Эдвина фон Мантейфеля, кузена покойного премьер-министра, который и сам был членом камарильи в 1848-1849 гг. Генерал фон Мантейфель, решительный приверженец безусловно консервативных взглядов, был теперь главным военным советником регента, возглавлял его «военный кабинет». В то время как Бисмарк мог время от

времени модернизировать свои принципы, делая это с дальним прицелом, генерал презирал любые компромиссы. Он с уверенностью ожидал часа, когда монарх обратится к своей армии с призывом «сделать мир безопасным для автократии». Обладай Мантейфель более здравыми политическими инстинктами, он мог бы стать первым государственным деятелем, вышедшим из военной среды, и оставил бы Бисмарка за бортом с репутацией дипломата-неудачника. Но Мантейфель с большей легкостью заводил врагов, чем друзей. Старшие армейские чины с большим неудовольствием относились к тому, что их карьера зависела от конфиденциального военного советника государя, который из героев прошлого превыше всех ценил Эпадоминонда и Валленштейна¹⁶. Традиционно офицерский корпус ориентировался на военного министра, должность которого с конца 1859 занимал друг Бисмарка Роон. И хотя в течение восемнадцати месяцев Роон сотрудничал с Мантейфелем, к лету 1861 года он начал сомневаться в здравом рассудке последнего и с подозрением относиться к его амбициям. И опять Роон стал поддерживать Бисмарка в его стремлении занять должность министра: каковы бы ни были его недостатки в глазах консерваторов, он обладал достаточным опытом, чтобы не толкнуть Пруссию в пропасть гражданской войны.

В начале января 1861 года бедный Фридрих Вильгельм IV навсегда оставил Германию, образ который уже давно стерся в его памяти, и переселился в мир иной. Регент был торжественно провозглашен во всех прусских землях королем под именем Вильгельма I. Официальная коронация должна была состояться осенью в Кенигсберге. Но какую форму она примет? Несмотря на конституционные изменения последних лет, Вильгельм в июне объявил о своем желании,

чтобы все сословия королевства дали присягу на верность своему монарху так, как если бы он был их феодальным сюзереном. Министры «новой эры» увидели в этой замшелой причуде попытку оживить доктрину божественного права и стали угрожать отставкой. Роону, однако, вовсе не хотелось расставаться с теплым местечком, к тому же такой шаг открывал путь Мантейфелю. Тогда Роон решил подождать и посоветоваться с Бисмарком, который должен был в середине лета приехать в отпуск. Однако к тому времени, когда Бисмарк прибыл из Петербурга, король Вильгельм уже изменил свои намерения, и кризис, если можно применить здесь этот термин, был исчерпан. Присутствие в столице такого активного политического хищника, как Бисмарк, казалось кое для кого неудобным. Было выдвинуто предложение, чтобы он составил проект меморандума по германскому вопросу. Документ представили королю в Баден-Бадене в конце июля и спустя два месяца с некоторыми изменениями его разослали основным лидерам консерваторов.

В «баден-баденском мемориале», как его стали называть, получил свое дальнейшее развитие план германского представительного собрания, выдвинутый Бисмарком еще два года назад. Пруссия, считал он, должна сделать решительную попытку запрячь в свою телегу растущее чувство германского патриотизма, поддержав требования о создании «национального собрания немецкого народа». Сам Бисмарк высказывался за создание парламента на базе Таможенного союза. Члены такого парламента должны были избираться законодательными органами государств, входящих в Таможенный союз, что исключало возможность участия в нем представителя Австрии. Король еще раз внимательно изучил эти предложения, но

они ему не понравились. Он уже вступил в конфликт с прусским ландтагом, который противодействовал попыткам увеличить численность вооруженных сил в мирное время и перспектива поддерживать в такое время еще и создание общегерманского парламента его вовсе не прельщала. В октябре король отбыл в Кенигсберг на коронацию, (на церемонии, кстати, присутствовал и Бисмарк), но о баден-баденском мемориале в разговорах не упоминал. 1 ноября Бисмарк вернулся в Санкт-Петербург. Внешне как будто ничего не было достигнуто.

Но жизнь при русском дворе изменилась для прусского посланника. Русская миссия в Берлине уведомила Горчакова о том, что акции Бисмарка пошли в гору, и его статус сразу же изменился. Его стали подчеркнуто выделять среди других дипломатов, расточая ему такие же знаки внимания, как и в первые недели его пребывания в городе на Неве. Бисмарку, разумеется, очень льстило то, что Горчаков часами беседовал с ним наедине у расстеленной на столе карты Центральной Европы. Однако такое положение было сопряжено и с некоторыми неудобствами. В письме к Мальвине он жаловался на то, что ему приходится наносить больше светских визитов — занятие, которое он считал бесцельной потерей времени. Он постоянно следил за сообщениями газет из Берлина, извещавших, что король наконец-то порвал с умеренными «новой эры». Накануне коронации Вильгельм заменил Шлейница на посту министра иностранных дел более консервативным графом Берншторфом, который до этого был посланником Пруссии в Лондоне. В этих условиях казалось маловероятным, что король будет и дальше держать Бисмарка на хранении в «холодильнике». Но даже на третьей неделе января 1862 года Бисмарк все еще уверял свою

сестру, что «перестановки в высших сферах» его «совершенно не волнуют», и добавлял с ноткой жалости к самому себе: «Три года назад из меня получился бы полезный министр, а теперь я чувствую себя всадником, давно не садившимся в седло». Тем не менее он признавал, что был бы рад оставить Петербург: «Без сожаления и без радости я бы отправился в Париж или Лондон... но если все же придется уехать отсюда, то мне хотелось бы услышать об этом поскорее»¹⁸.

Его пожелание сбылось. В середине марта Бисмарк получил телеграмму, отзывавшую его на Родину, хотя о его ближайшем будущем там ничего не говорилось. Сдача дел преемнику в Петербурге затянулась больше чем на месяц, и Бисмарк прибыл в Берлин лишь 10 мая. Но даже и тогда он был в полном неведении относительно намерений короля. Лишь одно успокаивало: он знал, что Роон поддерживает его, а, значит, непосредственной угрозы его карьере не существует.

Для такой неопределенности имелись основательные причины. Весной 1862 года Пруссия оказалась в тисках серьезного конституционного кризиса: либералы отказывали правительству в деньгах для финансирования военной реформы, поскольку опасались, что предложение о поглощении ландвера регулярной армией могло усилить власть военной автократии и ослабить и без того очень призрачный контроль парламента над исполнительной властью. За неделю до возвращения Бисмарка в Берлин состоялись выборы в ландтаг, которые дали различным группам либералов две трети парламентских мест. Консерваторы проиграли с треском и остались в явном меньшинстве. Король, который всего лишь четыре года назад приветствовал «новую эру», теперь полностью разочаровался в либералах. Эдвин фон Мантейфель пос-

читал, что пробил час для военного переворота, несмотря на риск гражданской войны; но Вильгельм не решался дать свое согласие, не желая видеть, как растущая мощь Пруссии будет бессмысленно уничтожаться в братоубийственной войне. В его глазах армия являлась первым сословием прусского королевства, но этот институт следовало сделать независимым от внутренней политики и даже возвышаться над ней. Король слушал убедительные доводы Мантейфеля о долге военных и спрашивал свою собственную совесть солдата. Найти ответ было нелегко, но в одном король не сомневался: ничто не побудит его назначить Мантейфеля главой правительства.

Роон разделял подозрения короля в отношении Мантейфеля. Альтернативой этому, утверждал он, может стать министерство Бисмарка. И на третьей неделе мая Вильгельм, кажется, начал всерьез рассматривать эту возможность. Но Бисмарк сам проявлял нерешительность. Вопросы внутренней политики его не интересовали, в Санкт-Петербурге Шлецер в разговоре с Гольштейном презрительно отзывался о привычке их шефа засиживаться допоздна за картами, расстеленными на его письменном столе, «занимаясь переделкой Европы». Бисмарк полагал для себя совершенно невыносимым соглашаться на пост министра, если королю просто нужен был человек, который мог бы справиться с либералами. В письме к Иоганне от 21 мая Бисмарк дал ясно понять, что он объяснил своим сторонникам условие, на котором согласен сформировать правительство — проводить внешнюю политику так, как он считал нужным. Королю это решение казалось не менее опасным, чем одетые в броню предложения Мантейфеля. Министр финансов Август фон Хейдт убедил как короля, так и Роона, что вновь избранные депутаты-либералы бо-

лее склонны к компромиссу, чем их предшественники. Было признано, что назначение Бисмарка главой правительства в такое время уничтожит все перспективы соглашения. Куда лучше снова послать его за границу. 22 мая ему наконец было объявлено о назначении послом в Париж. Еще до конца мая он обосновался в посольстве на Ру де Лилль*¹⁹.

В третий раз политические амбиции Бисмарка потерпели крах, но он не был разочарован. Газеты продолжали писать о нем как о следующем министре иностранных дел. В записке к Иоганне он признался, что ожидает пробыть в Париже «только несколько месяцев или, возможно, недель». В начале июня королева Виктория пожаловалась своей дочери, кронпринцессе Прусской: «Ты мне не сообщала о назначении Бисмарка в Париж, — с тревогой добавив: Не наделало бы это беды!»²⁰ Но королева зря беспокоилась. Новый посол отправился ко двору Наполеона III скорее на разведку, чем с заданием затевать какие-либо интриги против Англии. Бисмарк не видел императора с 1857 года. Тогда Наполеон походил на заговорщика, готового сотрудничать с любым пруссаком, который помог бы ему вылепить заново европейскую систему. Бисмарку показалось разумным выяснить, интересуется ли императора после рейнской мобилизации 1859 года то, что о нем думают в Берлине.

Через неделю после своего прибытия в посольство Бисмарк уже обедал в Тюильри. Почти ничего не изменилось. Разве что императрица Евгения выглядела еще более обворожительно, чем раньше. Император

* Формально Бисмарк сначала имел ранг посланника Пруссии в Париже, а резиденция на Ру де Лилль до сентября 1862 года сохраняла статус дипломатической миссии, и лишь тогда этот статус был поднят до уровня посольства. Однако Бисмарк начал пользоваться фразой «посол Пруссии» уже с 23 мая 1862 года.

пополнял, но сохранил все такую же настороженность ума. Его мысли были заняты вопросами европейской политики. Он выпытывал у Бисмарка его мнение по польскому вопросу (который являлся щекотливым для любого правителя Франции, стремившегося к более тесным отношениям с Россией и Пруссией) и выдвигал тезис о том, что Пруссия должна решать свой конституционный кризис проведением более активной и энергичной политики внутри Германии. Все это казалось Бисмарку разумным, но он ограничивался уклончивыми, ни к чему не обязывающими ответами на замечания императора, поскольку не хотел открывать французам свои истинные намерения²¹. Три недели спустя в Фонтенбло Наполеон отвел Бисмарка в сторону и неожиданно спросил: «Как, по-вашему, отреагирует король на предложение заключить со мной союз?» Бисмарк заверил Наполеона в неизменном дружеском расположении Вильгельма к Франции, но при этом добавил: «Для союза необходима цель, мотив». Император объяснил, что он имел в виду «глубокое и прочное взаимопонимание... а не какую-то авантюру». «Вы просто не представляете, какие пробные шары подпускала ко мне Австрия за эти последние несколько дней», — добавил он многообещающим тоном²².

Бисмарк был слишком искушен в дипломатии, чтобы поддаться на мнимую искренность Наполеона. В несколько ироническом тоне он сообщил о содержании разговора в Берлин, уподобив себя Иосифу, отвергающему заигрывания жены Потифара: «Он (Наполеон) собирался сделать нам совершенно неподходящее предложение о союзе, которое уже вертелось у него на языке, — сообщил Бисмарк Берншторфу. — Если бы я отреагировал положительно, он высказался бы гораздо более откровенно». Посол настоятельно подчеркивал, что он лично не рекомен-

дует заключать с Францией формальный договор. Это было сделано весьма кстати, ибо король обеспокоился. «Сообщите ему, — заметил он раздражительно, — что я никогда не пойду на союз с Францией». Если Бисмарк надеялся на то, что его вскоре призовут в правительство, то ему следовало повести себя так, чтобы рассеять все старые подозрения, касавшиеся вынашиваемых им планов Тройственного союза Франции, России и Пруссии.

Хотя Бисмарку нравился прием, который оказывали ему в Тюильри и Фонтенбло, не подлежит сомнению, что он не оставлял надежд на то, что его назначат главой правительства на предложенных им условиях той же осенью. Уже дважды король отвел его кандидатуру. Потерпев неудачу в третий раз, ему останется удалиться в Шенгаузен и приводить имение в порядок. В своем письме к Роону Бисмарк не скрывает своих амбиций²³. Однако ответы пока были малообнадешивающими: попытка примирить либералов с консервативными министрами, казалось, вот-вот увенчается успехом, а Роон был готов сделать уступки по вопросу о продолжительности военной службы, чтобы закончить конфликт между армейской верхушкой и депутатами. Бисмарка начали посещать сомнения: а нужен ли он вообще в правительстве при таком раскладе сил. Мучимый бесконечными тревогами и опасениями, он часами бесцельно бродил по улицам, и чем дольше тянулось ожидание, тем беспокойнее становилось у него на душе. С каждым уходящим днем убывали его уверенность в себе и сила воли. Он полагал, что разбирается в хитросплетениях европейской политики лучше любого другого прусского дипломата, и был прав. Во Франкфурте Бисмарк с очень близкого расстояния наблюдал за действиями преемников Меттерниха и сравнивал их

сильные и слабые стороны. Из Петербурга он увез с собой опыт общения с Александром II и Горчаковым, помогавший ему понять их образ мышления. В Париже он возобновил знакомство с Наполеоном III и его министрами. Ему не были известны новые государственные деятели Италии или Турции, но, с его точки зрения, они мало что значили для Пруссии. Более серьезным недостатком было то, что хоть он и познакомился со многими британскими дипломатами, все-таки прошло уже двадцать лет с тех пор, как он побывал в Англии. Кроме того, ему ни разу не доводилось беседовать на политические темы с крупными фигурами в Вестминстере. Правда, этот пробел он постарался отчасти восполнить, коротая время в Париже в ожидании развязки событий. В конце концов Бисмарк принял приглашение от прусского посланника в Лондоне провести там пять дней в качестве его личного гостя. Формально он отправлялся за Ла-Манш с целью посмотреть на чудеса Промышленной выставки. В действительности же, как и в Париже, он ехал посмотреть на теперешних политиков²⁴.

Увиденное не произвело на него большого впечатления. «Английские министры знают о Пруссии еще меньше, чем о Японии и Монголии, и они нисколько не умнее наших», — писал Бисмарк Иоганне²⁵. Будущий канцлер был принят премьер-министром Пальмерстоном и министром иностранных дел Расселом. Пальмерстон в слегка покровительственной манере подчеркнул, что Пруссии необходимо стабилизировать свою парламентскую систему. Рассел затронул польский вопрос и постарался выжать из Бисмарка побольше информации о русской политике, не давая ничего взамен. Гораздо более благоприятное мнение Бисмарк составил о лидере консервативной оппозиции Дизраэли, с которым познако-

мился на обеде в русском посольстве, а Дизраэли, со своей стороны, навсегда запомнил разговор с этим неординарным человеком, который спокойно и уверенно изложил свою программу национального объединения Германии под эгидой Пруссии, даже если бы за это пришлось заплатить войной с Австрией. «Опасайтесь этого человека — заметил в тот вечер Дизраэли. — Он говорит то, что думает!»²⁶

В политическом плане Лондон в разгар лета отличался от Парижа более живой атмосферой, хотя Бисмарк после своего возвращения повторил Роону: «Тамошние люди куда лучше осведомлены о Китае и Турции, нежели о Пруссии». Оказавшись опять во французской столице, он обнаружил, что ему «почти нечего делать». Город опустел, новостей из Берлина не было никаких. «Мое единственное развлечение — бранить повара», — сообщал он Иоганне. К его облегчению, ему разрешили взять отпуск, и 25 июля он отправился дневным поездом на юго-запад к Пиренеям и возвратился в Париж лишь в последние дни августа²⁷.

Во время этого отпуска произошел один из любопытнейших эпизодов личной биографии Бисмарка. Пробыв несколько дней в Сан-Себастьяне, он обосновался в Биаррице в отеле «Европа». 7 августа в этом же отеле остановился русский посланник в Брюсселе князь Николай Орлов со своей молодой женой Екатериной. Бисмарк встречался с Орловым во Франкфурте и в Санкт-Петербурге. Это был тридцатилетний мужчина, получивший тяжелое ранение в сражении с турками в 1854 году. С княгиней, однако же, Бисмарк не был знаком. Урожденная Трубецкая, она воспитывалась во Франции и вышла замуж за Орлова лишь в прошлом году. В свои двадцать два года она была исключительно красива, изящная блондинка с высокими славянскими скулами, и Бисмарк влюбился в нее, признав-

шись о том в письме к сестре.²⁸ Между ними возникли сентиментальные платонические отношения: Бисмарк называл ее «Кэти», но она звала его «дядюшка». Князь Орлов снисходительно взирал на эту дружбу и всю свою оставшуюся жизнь поддерживал тесные отношения с Бисмарком. В течение пяти недель тем летом Кэти Орлова была для него главной движущей силой его существования. «Я совершенно забыл о политике и не читаю больше газет», — написал он Иоганне через три дня после прибытия князя с супругой. На следующий день последовало еще более еретическое признание: «Как я надеюсь на то, что меня так и не затребуют в Берлин! Я покрылся морской солью и загаром... Ко мне вернулись мои прежние силы... Укрывшись от любопытных глаз в тени двух скал, на которых цветет вереск, я смотрю на море, зеленое и белое от пены и солнечного света. Рядом со мной самая очаровательная из женщин, которую ты очень полюбишь, когда познакомишься с ней; она похожа на Марию Тадден, но у нее своя индивидуальность — забавная, умная, дружелюбная, хорошенькая и молодая»²⁹. Очень странное письмо пишет муж своей жене в Померанию со скал над Биаррицем. Но оно покажется еще более странным, если вспомнить, что его пишет человек, стремящийся в течение пятнадцати лет к вершинам политической власти и знающий, что цель уже совсем близка, осталось лишь протянуть руку. Внезапно он как бы уходит от своей судьбы, пытаясь избежать ответственности, как это часто случалось с ним в юности. Иоганна сказала подруге, что испытывает не столько ревность, сколько радость, что ее муж нашел себе юную компаньонку, которая поможет ему обрести спокойствие и восстановить здоровье. Действительно, он вряд ли писал бы столь наивно о своем увлечении Кэти, не зная он, что Иоганна поймет его³⁰.

И все же, неужели как муж, так и жена тешили себя иллюзиями? Он сравнивал Кэти с их любимой Марией Тадден и тут же снабдил это сравнение оговорками, подчеркивающими индивидуальность русской, потому что Екатерина Орлова, — гулявшая с ним, «когда солнце опускалось в море, а луна поднималась из-за Пиренеев», или игравшая ему каждый день на рояле Бетховена, Мендельсона и Шуберта, — имела мало общего с набожной Марией. Внешне Кэти скорее походила на Изабеллу Лорейн-Смит, а не на Марию Тадден.

Опять, как и в 1837 году, Бисмарк совершенно забыл о своих официальных обязанностях. Его отпуск закончился, но он все еще находился в Биаррице, даже не помышляя о возвращении в Париж. Орловы уехали 1 сентября, и Бисмарк увязался за ними на восток, в Прованс. Дни отсутствия складывались в недели, точно так же, как и четверть века назад. Но тогда он был мелким чиновником, трудившимся за конторкой в присутствии, и его проступок имел значение лишь для него самого. Теперь же он стоял на пороге власти. И только когда Бисмарк 12 сентября оказался в Тулузе, его мысли опять обратились к политике. Он составил ответ на письмо, присланное Рооном две недели назад. Настало время принять решение о политическом будущем, напористо писал Бисмарк. Ему хотелось знать, где придется встречать Рождество: «Моя мебель осталась в Петербурге и будет мерзнуть там; мои кареты в Штеттине, мои лошади пасутся около Берлина, моя семья в Померании, а я сам в дороге»³¹. Однако Бисмарк все еще не собирался возвращаться в Париж. На следующий день он карабкался вместе с Кэти по римскому акведуку в Понт-дю-Гаре, «пробираясь по очень узкому выступу», пока не стало так опасно, что он

«быстро шагнул к княгине и, охватив ее одной рукой, прыгнул в... канал глубиной в пять футов»³². И в ту же самую пятницу в восьмистах милях оттуда, в Берлине, король обсуждал со своим военным министром вопрос о том, можно ли доверить Бисмарку высокую должность. «Он настроен в пользу союза с Францией, на что я никогда не соглашусь», — сказал король. Однако мысли Бисмарка в тот момент меньше всего были заняты альянсом с Францией.

В субботу 14 сентября Бисмарк расстался с Орловыми в Авиньоне. Они ехали в Женеву, а он отправлялся на север, в Париж. На прощание Кэти подарила ему агатовый брелок, который оставался на часовой цепочке Бисмарка до конца его дней, и сорвала для него веточку оливкового дерева, которую он положил в портсигар³². Утром в воскресенье Бисмарк уже был в резиденции на Ру де Лилль. Сентиментальная любовь осталась далеко позади, в Швейцарии.

Тем временем затянувшийся в Пруссии кризис между королем и ландтагом достиг своей высшей точки. Королю приходилось либо согласиться на сокращение срока военной службы для призывников с трех до двух лет, либо депутаты отказывались утвердить военный бюджет. В течение трех дней Вильгельм колебался: Роон подумал, что король склоняется к компромиссу, и сам уже готовился предложить двухлетний срок службы. Министр иностранных дел Бернсторф был менее оптимистичен: 16 сентября во вторник он послал телеграмму Бисмарку, приказывая ему срочно приехать в Берлин. В тот день посол отсутствовал в столице. Он уехал в Фонтенбло, чтобы засвидетельствовать свое почтение княгине Трубецкой, жившей там в Белльфонтене. Бисмарк воочию увидел леса и парки, среди которых росла Кэти, превращаясь в красивую женщину. Он не смог отве-

тить на телеграмму Бернсторфа. На следующий день король Вильгельм потребовал ввести трехлетний срок службы. Министры финансов и иностранных дел Хейдт и Бернсторф в отчаянии подали в отставку. Король дал понять, что рассматривает возможность отречения от престола. Роон, получивший к этому времени письмо от Бисмарка из Тулузы, был обеспокоен его продолжавшимся отсутствием. В тот вечер он послал знаменитую телеграмму Бисмарку: «Промедление опасно. Спешите!» Она поступила в посольство в четверг утром. Бисмарк больше не мог откладывать свое возвращение.

В пятницу, 19 сентября днем, он сел на поезд, следовавший в восточном направлении, и на следующий день вышел из вагона в Берлине «настолько худой и загорелый, словно пересек пустыню на верблюде». С вокзала ему удалось ускользнуть незамеченным. Вскоре он пил кофе у Роона, который старался побыстрее ввести его в курс дел. Бисмарку предстояло еще многое обсудить, и не только с Рооном, но и с другими политическими фигурами. Он лег спать лишь в одиннадцать часов вечера. Как он рассказывал позже Иоганне, ему снились «южное небо, скалы и тенистые пальмы», ведь прошла всего неделя, как он расстался с Орловыми. «А затем, — писал он, — я проснулся на Вильгельмштрассе в серой будничной реальности осеннего дня»³⁵.

ГЛАВА 6

КРОВЬ, ЖЕЛЕЗО, СЛЕЗЫ

В течение третьей сентябрьской недели 1862 года король Вильгельм находился в своей резиденции в Бабельсберге — в замке псевдоготического стиля, располагавшемся на противоположном от Потсдама берегу реки Хафель. Вильгельм пребывал в раздражении. Он не понимал, почему парламент возражает против трехлетнего срока службы в армии и увеличения военных ассигнований. По его мнению, контроль и руководство вооруженными силами — прерогатива короны. Возможность компромисса с парламентом — идея, выдвинутая военным министром еще в начале месяца, потрясла все его существо.

Может быть, министры готовятся пожертвовать им, вместо того чтобы с открытым забралом встретить вызов депутатов?

В среду 17 сентября король сообщил Роону, что решительно возражает против любых сделок с депутатами. Вместо того чтобы отступить от концепции трехгодичного срока действия кабинета, он скорее откажется от трона¹. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что Роон отправил Бисмарку телеграмму.

В среду вечером король вызвал кронпринца в Бабельсберг, с тем чтобы подготовить его к церемо-

нии престолонаследования. Весь четверг и пятницу проходили, как писал кронпринц, «ужасные бурные дебаты, во время которых об отречении говорилось, как о деле уже решенном». Но, как это часто бывало в истории Гогенцоллернов, дебаты скорее отличались драматизмом, нежели решимостью.

В субботу, пока Бисмарк выслушивал наставления Роона, находясь на Вильгельмштрассе в 14 милях от Бабельберга, король вместе со своим сыном продолжали прогуливаться по тропинкам королевского парка, не прекращая своей взволнованной беседы. Хотя кронпринц и не смог согласиться с отцом по поводу необходимости трехлетней воинской службы, неизбежность предстоящего престолонаследования встревожила его. Его также встревожила и мысль о том, что его отец готов отречься от короны из-за того, что не удалось навязать свою волю парламенту. Аргумент относительно того, что подобный поступок нанесет урон престижу страны, был достаточно силен, чтобы заставить Вильгельма задуматься².

Кто же кому в конце концов запрещает участвовать в конституционном кризисе?

Человеку с таким характером, как у Вильгельма — автократу-самодержцу, движимому солдатским чувством долга, этот вопрос представлялся своеобразной проверкой благонадежности подданных и их преданности. Ему было шестьдесят пять лет, он оставался тверд в своих убеждениях и, в целом, вряд ли пользовался популярностью в стране. Можно было много сказать в пользу снятия с правительства ответственности, однако Вильгельм никогда к этому не стремился. Но у него также не было желания отступить от догмата божественной власти, нашедшего свое выражение в церемонии его коронации. Кронпринц также оказался перед дилеммой. В свои тридцать пять он

был достаточно молод, чтобы испытывать смутный либерализм. Большинство друзей кронпринца разделяли его прогрессивные взгляды. Если Вильгельм отречется, то на фоне эйфорического ожидания перехода прусской монархии на британскую модель на трон взойдет его сын. Эти надежды разделяла и его жена.

«Если ты не примешь корону, — пророчески восклицала она, — то, как мне кажется, ты когда-нибудь пожалеешь об этом. В любом случае я не хотела бы брать на себя ответственность и отговаривать тебя».

Однако кронпринц никак не мог пренебречь своим врожденным чувством уважения к традиционному общественному устройству. В глубине души он оставался таким же абсолютистом, как и все Гогенцоллерны. Он не хотел трона, полученного милостью парламента. Когда кронпринц в тот же день покинул своего отца, он все еще надеялся на то, что сможет образумить политиков, но ему было также известно, что у короля имеется проект отречения.

Кронпринц и его супруга, возможно, и расходились по вопросу отречения, но по одному важному пункту они находились в полном согласии — никакого министерского поста для «этого бесчестного типа, посла во Франции».

«Если придет Бисмарк, — написала в пятницу своему супругу кронпринцесса Виктория, — мы все закончим известно где. Он ввергнет нас в несказанную нищету. Неужели ты не можешь помешать этому?»

На следующий день последовало новое письмо:

«Взять Бисмарка равносильно тому, что, не умея плавать, прыгнуть в воду туда, где глубже всего!»

По этому вопросу Фриц, наконец, почувствовал, что может успокоить Викки.

Последние слова отца убедили его в том, что король не доверит Бисмарку никакого поста. Хотя

«все оставалось настолько ужасным, насколько это вообще было возможно, но, по крайней мере, не будет никакого отчаянного прыжка в глубокую воду». В тот вечер кронпринц сам увиделся с Бисмарком в Берлине и нашел его невозмутимо-разговорчивым³.

В воскресенье король получил письменную петицию министров с просьбой не ослаблять корону отречением. Просьба были поддержана срочной личной аппеляцией военного министра. Роон еще раз сделал упор на долге офицера и необходимости дать бой вместо того, чтобы беспорядочно отступить. Он более доходчиво объяснил королю, что Бисмарк находится в Берлине и уже виделся с кронпринцем.

Вильгельм удивился: не означает ли сие, что сын заигрывает с юнкером, которого сам же всего лишь несколько часов назад столь недвусмысленно обвинял? Во всяком случае, король согласился принять Бисмарка в понедельник 22 сентября в своем замке, располагавшемся на берегу Хафель. Эта бабельсбергская встреча стала частью исторической легенды, к созданию которой приложил руку и сам Бисмарк⁴.

Мы знаем о лежавшем на столе тексте отречения, на котором оставалось лишь поставить подпись; о выражениях преданности монарху, который и сам в глубине души верил, что именно Бисмарк способен сформировать новое правительство; о восьмистраничном меморандуме, который король передал Бисмарку для изучения во время прогулки по парку. Присущее Бисмарку чувство такта придает свободу его перу и тем самым возникает любопытный контраст между строчками мемуаров и короткой формальной записью об этой встрече, оставленной Вильгельмом для кронпринца. И все же бисмарковская версия, несмотря на ее последующее приукрашивание, обладает большей достоверностью.

Король сообщил своему гостю о том, что не считает далее возможным свое пребывание на троне, поскольку ему приходится подчиняться воле парламентского большинства. Бисмарк в ответ заверил его в том, что сможет сформировать министерство и осуществить модернизацию армии и системы военной службы — даже вопреки воле депутатов, — если это будет необходимо.

«Тогда мой долг — продолжать борьбу, — сказал, наконец, король, — и я не отрекусь».

Когда Бисмарк предложил своему суверену, что готов служить подобно тому, как феодальные вассалы служили своим сеньорам, в ответ Вильгельм разорвал меморандум в клочья, обговорив при этом условия, которые желал бы навязать любому новому главе правительства. Когда Бисмарк покинул Бабельсберг, было решено, что он станет действующим главным министром и получит посты министра-президента и министра иностранных дел, как только король покончит с формальностями, связанными с изменением правительства. Кронпринцу сообщили о назначении Бисмарка утром следующего дня. Он был глубоко потрясен.

«Народ сразу почует запах реакции, со всех сторон поднимется недовольство, и бедному папе придется пережить немало неприятных часов из-за этого бесчестного человека... Бедная мама, как она будет горевать, когда назначат ее заклятого врага», — записал кронпринц во вторник в своем дневнике. Однако его охватили сомнения. Инстинкт не подвел Викки — он решил, что ему не стоит отговаривать отца от назначения. Оставалось только пронаблюдать за тем, как долго Бисмарк пробудет в правительстве, прежде чем сделает себя всеобщим посмешищем.

Может показаться странным, но именно из газет Иоганна впервые узнала о новом назначении мужа.

Хотя семья уже в течение трех месяцев находилась в Шенгаузене, домочадцы не видели Бисмарка аж с середины мая. Теперь Иоганна узнала из прессы, что выдвинулась на передний край политической жизни. На следующий день она получила письмо от супруга, в котором сообщалось о том, чтобы она в срочном порядке готовилась прибыть в Берлин и решить, стоит ли семье переезжать в резиденцию министра-президента, находившуюся на Вильгельмштрассе, 74, или же в здание министерства иностранных дел, располагавшееся по соседству⁵.

Бисмарку повезло, что его жена была готова покорно терпеть утомительное однообразие домашней жизни. Иная женщина, наделенная честолюбием, питающая интерес к общественным делам — такая, как, например, его собственная мать — наверняка бы сочла подобное отношение возмутительным.

Иоганна же восприняла известие о том, что Пруссия теперь будет иметь правительство во главе с Бисмарком, с присущей ей фаталистической покорностью.

Остальные проявили к этому сообщению больший интерес. В целом оно было встречено довольно прохладно, как в самой Пруссии, так и за ее пределами. Либералы видели в Бисмарке прислужника феодальной системы. Для старых консерваторов он, напротив, казался чересчур смелым.

Бывший патрон Бисмарка, Людвиг фон Герлах, с показным благочестием писал своему коллеге по Верхней палате: «Ему будет полезно узнать из своего катехизиса, что заповеди Господни распространяются и на политиков, и на дипломатов». Русские остались довольны, французы отнеслись настороженно, а англичане не скрывали своей враждебности.

Многие наблюдатели поначалу отказывались воспринимать Бисмарка всерьез. Фридрих Энгельс — в

то время вернувшийся в Германию — не без юмора писал Карлу Марксу в Лондон: «Назначение Бисмарка буржуазия встретила дружным хохотом. Эта публика, в целом, на удивление уверена в себе и до некоторой степени тупоголова». Маркс тоже придерживался невысокого мнения о шансах нового премьера на успех: «Бисмарка на самом деле назначил Бонапарт — вместе с Россией», — заявил он⁶.

Как ни странно, но кое-кто из членов Верхней палаты был готов согласиться с Марксом.

Бисмарк отлично понимал, что находится в изоляции. Ему хватало пронизательности, чтобы не попасть в западню и не поддаться на уговоры одной из враждующих партий, стремившихся переманить его на свою сторону. Однако гарантии, данные королю в Бабельсберге, практически лишили его возможности политического маневра. В Берлине, по его мнению, он мог рассчитывать на поддержку Роона и его друзей, хотя и понимал, что даже эта поддержка находилась под угрозой из-за интриг других членов офицерского корпуса. Так что Бисмарк не был уверен, что может произойти, если король вдруг отправится в Тюрингию навестить королеву Августу и семью кронпринца. Кроме того, имелась еще и проблема Эдвина фон Мантейфеля. В тот момент, когда Бисмарк получил назначение, генерал находился в отпуске. Когда же он вернулся ко двору, то не скрывал своего недовольствия по поводу того, что произошло в его отсутствие. И пока Бисмарк прилагал усилия, стараясь уговорить опытных министров войти в его правительство, одновременно он подыскивал для генерала какой-нибудь дипломатический пост, например, место посланника где-нибудь подальше от Берлина, при этом не настолько влиятельное, чтобы Мантейфель мог ставить палки ему в колеса. Однако потребовалось два с половиной года,

прежде чем Бисмарку удалось убрать Мантейфеля с привилегированного поста главы военного кабинета. Но даже тогда генерал остался в близких отношениях с Вильгельмом. И хотя Мантейфель никогда открыто не критиковал Бисмарка, подобно сочувствующим в семье самого короля, однако оставался потенциально самым опасным из всех врагов нового премьера внутри офицерского корпуса.

Тем не менее в сформированном Бисмарком правительстве не было таких лиц, против которых офицерский корпус стал бы возражать. Офицерство опасалось, что Бисмарк включит в свой кабинет либералов, и он действительно вел на удивление откровенные переговоры с одним из «прогрессивных» лидеров Карлом Твестеном. Опасения вояк остались беспочвенными — депутаты сами в конечном итоге отвергли этот компромисс, когда 23 сентября намеренно убрали из бюджета все предложения, касающиеся военных расходов. К концу недели король уже не мог произносить слово «ландтаг» без громогласного возмущения — его гневные восклицания доносились даже сквозь плотно закрытые дворцовые окна. У Бисмарка не оставалась выбора: он сформировал кабинет из относительно консервативных министров. Кроме Роона, оставшегося в военном ведомстве, в этой команде не имелось ярких, выдающихся личностей, что прекрасно устраивало премьера. Сам он никогда до этого не держал в руках министерского портфеля и посему не желал, чтобы его затмевали иные светила.

29 сентября Бисмарк появился перед Нижней палатой. Он произнес короткую, довольно сбивчивую речь, выразив сожаление по поводу той враждебности, с которой депутаты приняли бюджет, и в очередной раз подчеркнул необходимость достижения согласия по предложениям, касающимся армии. Некоторые из

наблюдателей решили, что новый премьер с его пронзительным капризным голосом чувствовал себя явно не в своей тарелке и слишком нервничал. Бисмарк не смог произвести хорошее впечатление⁷. На следующий день он присутствовал на сессии Бюджетной комиссии Нижней палаты. Комиссия, насчитывавшая около двух десятков членов, рассматривала резолюцию депутата Макса фон Форкенбека. Когда Бисмарк встал, чтобы ответить Форкенбеку, он в первую очередь подчеркнул свое горячее стремление прийти, наконец, к единому решению, а затем, говоря быстро и как бы неофициально, развил знакомую тему, не имевшую прямого отношения к предмету дискуссии. По словам Бисмарка, настало время народу Пруссии задуматься о той пользе, которую может принести им военная мощь королевства.

«Пруссия, — говорил он, — должна собрать воедино все свои силы, выжидая благоприятный момент, который до этого вот уже несколько раз был упущен. Границы Пруссии, ограниченные Венским договором, не благоприятствуют здоровой политической жизни, и самый насущный вопрос дня будет решен не речами и не большинством голосов — кстати, именно в этом и заключалась величайшая ошибка 1848 и 1849 годов, — а железом и кровью».⁸

Эта ставшая знаменитой фраза (правда, вскоре народ переставил в ней местами слова: «кровью и железом»), явилась скорее импровизацией, нежели плодом длительных упражнений в политическом красноречии. В тот вечер в частной беседе Роон мягко попенял Бисмарку за его «заумные разглагольствования» во время выступления перед комиссией. Что весьма показательно, Бисмарк не стал распространяться об этой своей речи в письме, которое он на следующий день написал Иоганне, и только когда

газеты раструбили об этом его пассаже, премьер сам понял всю его важность. Он твердил, что всего лишь перечислял факты политической жизни, а вовсе не потрясал перед депутатами программой действий своего правительства.

Либералы и прогрессивные деятели по всей Германии были убеждены, что этой одной многозначительной фразой Бисмарк выдал свои истинные намерения и что будто бы он рассматривает войну как естественное решение всех наболевших проблем. Генрих фон Трейчке, впоследствии историк-патриот имперской Германии, а в ту пору молодой человек двадцати восьми лет, пришел в ужас, узнав об оброченной Бисмарком фразе.

«Вы знаете, как страстно я люблю Пруссию, — писал он своему другу Вильгельму Нокку, — но когда я слышу, как какой-нибудь недалекий юнкер вроде этого Бисмарка бросается такими словами, как «железо и кровь», при помощи которых он пытается надеть ярмо на шею Германии, то вульгарность этой фразы для меня уступает разве только ее абсурдности»⁹. Любой идеалист, как бы страстно ни желал он объединения немецкого отечества, отказался бы поддержать этот призыв к откровенному насилию.

На тот момент король Вильгельм гостил со своей семьей в Баден-Бадене и прочитал вышеупомянутую речь в газетах. Монарх потребовал от Бисмарка объяснений и не был до конца удовлетворен заявлениями последнего, что он-де только хотел подчеркнуть насущную необходимость для Пруссии иметь крупную современную армию. Вильгельма это не успокоило. А может, правы все-таки Августа и Фриц в своем критическом отношении к Бисмарку? Может, ему стоило все-таки прислушаться к внутреннему голосу и не слушать увещевания Роона? Может, уже пора

отправить Бисмарка в отставку, прежде чем тот успеет наделать новых глупостей для короны?

Король объявил о своем намерении вернуться в Берлин в конце недели в воскресенье 4 октября¹⁰.

Но Бисмарк был уверен, что выйдет из этой схватки победителем.

В тот вечер, в пятницу, он обедал с Куртом фон Шлецером, своим бывшим вторым секретарем в Петербурге.

«Мы изрядно выпили шампанского, которое развязало ему и без того его свободный язык, — писал Шлецер. — Он был в восторге от того, как ему удалось заморочить всем головы».

Бисмарк признался Шлецеру, что надеется склонить Вильгельма дать согласие на двухлетнее пребывание на посту, что теперь он пытается убедить Верхнюю палату в своем желании черной реакции, в то время как в Нижней — произвести впечатление несгибаемой убежденности в один момент, а в следующий намекнуть о своем желании пойти на компромисс, а также, что он хотел бы вынудить немецкие государства поверить в то, что королю стоит больших трудов сдерживать «кавуризм» своего первого министра»¹¹.

На следующий день Бисмарк задумал перехватить своего повелителя. К тому времени как король вернулся в столицу, Бисмарк тешил себя надеждой, что высокопарные, либеральные баденские настроения испарятся как ни в чем ни бывало в здоровом, бодрящем воздухе Пруссии.

Он встретил короля на небольшой угловой станции Ютербог, в сорока милях к югу от Берлина. Вильгельм сидел в полном одиночестве в обыкновенном купе первого класса, мрачно глядя на унылый пейзаж, затерявшийся в сумерках короткого осеннего дня. Приветствие первого министра его не обрадовало. Все

эти разговоры про «железо и кровь» заставили его снова призадуматься об угрозе очередной революции.

«Я достаточно ясно предвижу, как все это кончится, — заявил король. — На Оперной площади, прямо перед окнами моего дворца, они отрежут вам голову, ну а чуть позднее — и мне».

Однако Бисмарк уже приготовился услышать подобные доводы. «Как лучше умереть? — спросил он. — Мне — сражаясь за дело моего короля, а вам, Ваше Величество, за права, дарованные самим Господом».

Наконец, взывая к вышеупомянутому солдатскому чувству долга Вильгельма, Бисмарк понемногу разбудил в нем боевой дух. Когда же поезд совсем остановился у платформы Берлинского вокзала, мысль о том, чтобы отправить премьера в отставку, улетучилась из коронованной головы¹². Назначение Бисмарка — первоначально предполагавшееся как временное — теперь получило официальное подтверждение. Как и в Бабельсберге за полторы недели до этого, Бисмарку удалось побороть внутреннее предубеждение Вильгельма благодаря тонкому пониманию монаршей психологии.

До сих пор дела шли относительно гладко, однако и у Бисмарка имелись пределы достижимого. По его признанию Шлецеру, он надеялся достичь компромисса по вопросу о военной службе. Однако это выглядело чересчур оптимистично. Король ни за что не согласится «ослабить армию», тем более что он все еще находился под влиянием Мантейфеля — несмотря на то, что Роон с Бисмарком сумели составить хитрый план, с одной стороны, сохранивший трехлетний срок службы, с другой — позволявший представителям среднего и высшего классов при желании откупаться от третьего года. Упрямство Вильгельма было сравнимо разве что с упрямством ландтага. Депутаты отказались принять бюджет, если из пред-

ложений не будут убраны расходы на армию. Бисмарку оставался один-единственный ход. Он принял бюджет с включенными в него ориентировочными расходами на армию на заседании Верхней палаты и заявил, что поскольку обе палаты никак не могут прийти к единому решению, то прямая обязанность монарха — залатать «эту прореху в конституции», дав разрешение на использование государственных фондов до того момента, как Верхняя палата и депутаты примут единое решение. 13 октября Бисмарк пришел в Нижнюю палату и «от имени короля объявил ландтаг «временно распущенным». Он вознамерился во что бы то ни стало показать, что Вильгельм, как любой самодержец, способен править без одобрения парламента. Когда же, через три месяца, депутатам было позволено собраться снова, те обнаружили, что первый министр и не думает раскаиваться в содеянном. «Прусская монархия, — с вызовом заявил он 27 января 1863 года, — еще не до конца исполнила свое предназначение и еще не готова предстать в качестве некоего украшения на вашем конституционном полотнище или же превратиться в иссохшую руку в механизме парламентского правительства»¹³.

Нижняя палата оставалась не более как совещательной ассамблеей вплоть до осени 1866 года.

Будучи на три месяца избавленным от парламентских свар, Бисмарк получил возможность в конце 1862 года сосредоточиться на внешней политике. Формально он все еще оставался послом во Франции и в последнюю неделю октября съездил в Париж, чтобы вручить Наполеону III отзыв на родину. Тридцатое октября он провел в обществе Екатерины Орловой, во владениях Трубецкого, неподалеку от Фонтенбло, а три дня спустя вместе с ней и ее мужем обедал в Париже. Он пытался — хотя, по-видимому,

не проявил сособого рвення — послать Иоганне кринолин, а кроме того, был принят Наполеоном и Евгенией для прощальной аудиенции. Эта встреча оказалась столь сердечной, что газета «Ля Франс» даже сообщила, будто император наградил Бисмарка Большим Крестом Почетного Легиона, хотя сам награжденный поспешил опровергнуть эти слухи. Его и без того считали в Берлине слишком откровенным франкофилом, и подобного рода известие вряд ли пошло бы ему на пользу¹⁴.

Однако визит в Париж имел куда более далеко идущие цели. Австрийцы стремились модернизировать Германский союз, реформировав его таким образом, чтобы Вена получила столь же твердый контроль над Франкфуртской конфедерацией, как и в дни Меттерниха. Для Бисмарка это был болезненный вопрос, особенно если учесть девятилетний опыт борьбы с окопавшимся у них за спиной Франкфуртом. Бисмарку не терпелось проверить, как Наполеон III отреагирует на вооруженный конфликт между Пруссией и Австрией. Бисмарк волновался: в октябре Наполеон отправил в отставку министра иностранных дел Тувенеля, благосклонно настроенного к Пруссии, и вернул Друэна де Люиса. Бисмарк считал Друэна поборником идеи франко-австрийского сотрудничества. Для Бисмарка же смена министра иностранных дел — главным образом, вследствие личной антипатии Евгении к Тувенелю — не могла произойти в худший для него момент. 29 октября Бисмарк имел пространную беседу с Наполеоном в его личной резиденции в Сен-Клу, после которой у него создалось впечатление, что император не хотел бы обжечь себе пальцы, заняв в чисто германском споре сторону одного из противников. И хотя на предыдущей неделе Бисмарк не раз встречался с Друэном, он остался

неудовлетворен тем приемом, который оказал ему министр¹⁵. Надо сказать, что Друэн, сам дипломат с большим опытом, скептически отнесся к тому, как его гость излагал свою политику. Подобно оппонентам Бисмарка в Германии, французский министр приготовился выжидать, пока тот окончательно не сделает из себя посмешище.

Той зимой могло показаться, что не придется долго ждать. Первые шаги Бисмарка в дипломатии явно оказались слишком тяжеловесными. Он был убежден, будто для Пруссии и Австрии настал удобный момент помериться силами за право гегемонии в Германии. Еще находясь в Париже, Бисмарк предупредил австрийского посланника Рихарда Меттерниха, что, хотя лично сам он предпочитает взаимопонимание с Австрией, он тем не менее прибегнет к «любимым мерам», дабы обеспечить Пруссии лидерство в Северной Германии. Затем Бисмарк прозондировал одного из лидеров живших в изгнании венгров на предмет возможности венгерского сопротивления в случае, если разразится война. Через месяц, 5 декабря, он заявил посланнику Франца Иосифа в Берлине, что настало время «для Австрии переместить центр тяжести из Германии в Венгрию». Как только это будет сделано, он пообещал Австрии полную поддержку ее политики в Италии и Юго-Восточной Европе. Однако, если Австрия отвергнет подобный подход, Пруссия, в случае любого европейского кризиса, займет место Франции. Стоит ли удивляться, что австрийский министр иностранных дел граф Рехберг отказался серьезно воспринимать эту угрозу. До конца того месяца Бисмарк успел получить недвусмысленный отказ от Друэна, предостерегавшего, что в случае любого внутригерманского конфликта, Франция будет добиваться гарантий собственной безопас-

ности и «мира в Европе». Лишь одни итальянцы проявили интерес к военному союзу с Пруссией против Австрии, но и они с подозрением отнеслись к замыслам Бисмарка¹⁶.

В первые недели января 1883 года Бисмарк продолжал свою тактику, день ото дня понемногу меняя свой подход к проблеме. Он то уговаривал австрийцев, то пытался запугать их, то заводил разговор об удовлетворении их законных интересов, то позволял себе крайне резкие высказывания, как это сделал бы на его месте любой другой недруг Австро-Венгрии. В основе этого лежала политика кнута и пряника, льстивых уговоров и запугивания, то есть те методы, которыми Бисмарк неизменно пользовался в зените своей карьеры. В 1863 году он, однако, был не имперским канцлером, а лишь представителем королевства, пытавшегося потихоньку реорганизовать свою армию и раздираемого хроническим конституционным кризисом. Что весьма показательно, старый соперник Бисмарка граф Тун, с которым он встретился в Берлине 4 января, по достоинству оценил его усилия. А вот австрийский посланник в Пруссии, граф Алоиз Кароли, слишком хорошо понимал, сколь одинокую фигуру являет собой Бисмарк, и поэтому отказывался воспринимать его всерьез. Как сам Кароли сухо докладывал Рехбергу:

«Кажется невероятным, с какой быстротой господин фон Бисмарк бросается из одной крайности в диаметрально ей противоположную»¹⁷.

Тем не менее, хотя подобные методы оказались бессильны повлиять на политику Австрии, мелким немецким государствам было куда труднее противостоять нажиму Пруссии. Когда 22 января австрийские предложения о реформировании Германского союза поставили на голосование во Франкфурте, они по-

терпели поражение — хотя перевес голосов и не был велик. Казалось, Бисмарк одержал свою первую победу. В ту неделю он пребывал в приподнятом состоянии духа. Он написал Екатерине Орловой легкомысленное послание, в котором шутливо жаловался на то, как ему надоело слушать нудные парламентские дебаты¹⁸. Спустя четыре месяца пребывания в должности к нему начала возвращаться былая уверенность в своих талантах, не уступавшая неизменно присущей ему уверенности в правоте своих суждений. Один-единственный мастерски сделанный ход в отношениях с другими державами мог обеспечить двойную победу — указать на место австрийцам, а заодно посрамить либералов-националистов в их бесплодном споре относительно соблюдения конституционных приличий. Решительность начинала приносить свои плоды. И чуть не привела Бисмарка на край катастрофы. Буквально через месяц после успеха во Франкфурте, Бисмарку едва не пришлось снова уйти в отставку и вернуться в Шенгаузен.

На следующий день после голосования во Франкфурте до Берлина дошло известие о беспорядках в «Польском королевстве» — этом жалком остатке государства, состоявшем начиная с 1815 года в вечном союзе с Российской империей. Польское национальное восстание по другую сторону границы с Россией тотчас создало проблему для берлинского правительства, которое всегда болезненно воспринимало любые проявления недовольства в восточных прусских землях. Бисмарк тоже был настроен серьезно. Он испытывал к полякам типичное юнкерское недоверие — недоверие колонизатора, опасющегося бунта туземцев, поскольку это грозит ему утратой собственности. И хотя в душе Бисмарк уважал польских крестьян за их усердие и трудолюбие, одновременно он считал,

что как народу им грозит развращение со стороны столь презираемых им интеллектуалов-горожан.*

Весть о том, что для подавления польских мятежников брошена русская армия, заставила Бисмарка особо подчеркнуть озабоченность Пруссии польским вопросом. По всей видимости, в данном случае он перегнул палку. Четыре прусских армейских корпуса были тотчас сосредоточены вокруг Позена (ныне Познань) и в западной Пруссии. В первую неделю февраля Густав фон Альфенслебен отбыл в Петербург с поручением обсудить возможность совместных военных действий обеих стран против мятежных поляков¹⁹.

В более поздние годы Бисмарк имел привычку представлять миссию Альфенслебена как тот краеугольный камень, вокруг которого строилась политика сдерживания и балансирования; по его словам, это было то самое подтверждение пресловутой дружбы между Берлином и Санкт-Петербургом, без которого Пруссия просто не осмелилась бы двинуть войска на юг и на запад. Горчаков был возмущен вмешательст-

* 26 марта 1861 года Бисмарк писал своей сестре из Петербурга: «Содрать с поляков кожу, чтобы они пожалели о том, что родились на свет. Я всей душой сочувствую их нынешнему положению, но если мы хотим выжить, нам ничего не остается, как уничтожить их, волку не дано быть иным, кроме как таким, каким сотворил его Господь, но ведь мы все равно — при первом удобном случае — убиваем его». (Бисмарк, Собрание сочинений, т. XIV, №815, стр. 568.) Это высказывание неизменно приводится как доказательство ненависти Бисмарка к полякам. Однако не следует забывать, что это не более чем отрывок, вырванный из частного письма одному из членов семьи. Публично высказываемые им взгляды никогда не отличались подобной враждебностью. Бисмарк сам научился немного говорить по-польски, а в более поздние годы поверг в ужас кронпринца с супругой, высказав предложение, что их старшим детям неплохо было бы выучить польский, чтобы тем самым расположить к себе самое многочисленное из национальных меньшинств.

вом Бисмарка — что касается Александра II, то русский царь просто не знал, как отнестись к прибытию в Петербург советника своего дяди, которого он не желал бы обидеть. Русские набросали проект конвенции, обеспечивающей совместные действия обеих армий в ходе подавления восстания польских мятежников, как по одну, так и по другую сторону границы, и 8 февраля Альфенслебен поставил под ней свою подпись. Правда, перед этим он добился, чтобы в текст записали еще одну, секретную статью, обязывающую оба правительства обмениваться информацией о политических интригах. Официально же Бисмарк, разумеется, заявил, что подписанная Альфенслебеном конвенция — «обыкновенная полицейская мера»²⁰.

Европа, разумеется, восприняла все совершенно иначе.* Польские эмигранты в Париже и Лондоне стремились пробудить сочувствие к мятежникам. Общественное мнение в Париже требовало проявления традиционных бонапартистских симпатий к Польше.

Наполеон III оказался в затруднительном положении — с одной стороны, ему не хотелось ставить под удар хрупкий союз с Россией, сложившийся после Крымской войны, с другой — он не мог игнорировать давление со стороны объединившихся партий при дворе и в столице. Другн предложил ему решение — предпринять действия против Пруссии как вдохновительницы репрессивной конвенции, нежели против России. В конце третьей недели февраля французы предложили австрийцам и англичанам провести со-

* Именно во время кризиса, вызванного конвенцией Альфенслебена, Бисмарк с гордостью спросил находившегося в Берлине британского министра:

«Что такое Европа?»

И получил многозначный ответ:

«Несколько Великих держав».

вместную акцию протеста в Берлине. Перспективы подобных совместных действий было достаточно чтобы в один момент разрушить все, чего удалось Бисмарку достичь за первые четыре месяца пребывания на министерском посту. Никогда еще за многие годы прусское правительство не оказывалось в такой политической изоляции. Даже король, хотя и остался надежным покровителем Альфенслебена, был озадачен реакцией заграницы. В понедельник 23 февраля могло показаться, что Бисмарк уйдет в отставку. Однако король не стал лично придавать ситуации особое значение. По его словам, именно премьер-министр обязан в первую очередь позаботиться о том, чтобы вызволить Пруссию из-под завалов его же собственной внешней политики.

«Наш дорогой Бисмарк горазд на ошибки», — изрек накануне Александр II с заметным удовлетворением²¹. К концу недели Бисмарк уже пытался убедить мир, что конвенция Альфенслебена «не имеет практического значения», поскольку нет никакой необходимости помогать России. На Францию и Австрию это заявление не произвело особого впечатления, а вот Британия, уже выразившая в Берлине свое мнение, не желала и дальше оставаться с Пруссией в натянутых отношениях и вместо этого переключилась на истинного зачинщика смуты. Три державы представили в Петербурге одну за другой несколько нот протеста по поводу проводимой Россией политики. Это тотчас же разбудило воспоминания о Крымской войне, и как результат — Россия еще сильнее ощутила необходимость поддержки со стороны Пруссии. Хотя сама Пруссия не была готова сражаться, ее благодушный нейтралитет обеспечил бы географический барьер между Западом и владениями русского царя. Бисмарк, при всей его дерзости, стал для русских

европейской необходимостью. К началу июня, когда возникли разговоры о формальном закреплении русско-прусского союза, ему удалось вернуть себе ключевую позицию в европейских делах, однако это его достижение стало возможным не только благодаря его собственной цепкости и нежеланию покинуть свой пост, но и старому партнерству в Крымской войне²². Вряд ли он заслужил такую удачу.

Тем не менее, хотя международный престиж удалось сохранить, Бисмарк так и не сумел своей активной внешней политикой сломить враждебность со стороны депутатов. Сессия ландтага тянулась на протяжении первых пяти месяцев года. Как либералы, так и консерваторы в одинаковой степени поддерживали политику Бисмарка в области торговли — они приветствовали договор о свободе торговли с Бельгией как очередное свидетельство независимости своей страны от разработанного австрийцами проекта возрождения немецкой экономики. Однако по бюджетным вопросам прогресс так и не был достигнут. Бисмарк заявил, что, если депутаты откажутся голосовать по фондам, «мы возьмем деньги там, где мы их найдем», — и принялся чистить гражданские службы от сторонников парламентской оппозиции.

«Этот несчастный Б. не остановит своей безумной карьеры до тех пор, пока не разорит своего короля и не загонит страну в крайне тяжелое для нее положение», — писала в середине мая кронпринцесса своей матери, королеве Виктории²³. К концу месяца в ландтаге начали раздаваться возмущенные голоса — депутаты принялись жаловаться, кстати, не без оснований, что Бисмарк посягает на их право требовать объяснений у министров. Либеральная пресса поддержала депутатов. 27 мая Бисмарк в очередной раз распустил ландтаг. Через три дня «Дек-

ретом о прессе» были запрещены любые публикации, способные нанести ущерб монархии, государству и церкви. Кронпринц выразил Бисмарку и королю протест против попытки установить диктатуру монархии. Его жена хотела, чтобы Фриц открыто заявил о своей оппозиции Бисмарку. 5 июня кронпринц посетил в Данциге смотр войск, за которым последовал гражданский прием. В своем приветственном обращении бургомистр заявил, что город наверняка был бы в еще более праздничном настроении, если бы не огорчение, вызванное «Декретом о прессе». В ответ на это кронпринц поведал о своем недоумении, вызванном этим декретом, и снял с себя всякую за него ответственность. Той же ночью он писал в своем дневнике: «Я открыто признал себя оппонентом Бисмарка и его чудовищных теорий, и тем самым показал миру, что не приемлю его политики и никогда не был с ним согласен»²⁴. В некотором роде наследник трона почти вплотную приблизился к черте, отделявшей его от объявления войны собственному отцу и его первому министру.

Возмущению короля не было предела. В семействе Гогенцоллернов традиция конфликта поколений своими корнями уходит в серую древность. Однако Вильгельм неизменно симпатизировал своему отцу, хотя подчас и корил за то, что в семейных спорах, оживлявших жизнь прусского двора, тот, как правило, занимал сторону королевы. Однако данцигская речь была уж слишком вызывающей. По мнению военных советников короля, кронпринц нарушил кодекс армейского офицера, и они рекомендовали посадить его на полгода под арест в какую-нибудь крепость. У Бисмарка имелось на сей счет иное мнение: по правде говоря, того, что Мантейфель метал громы и молнии, уже хватало, чтобы Бисмарк сделался сторонником сдер-

жанных мер. Более того, ему не хотелось способствовать популярности наследника, усадив того под арест. Бисмарк порекомендовал королю написать кронпринцу письмо с официальным неодобрением. Однако возмущение Вильгельма действиями сына не помешало последнему отправить Бисмарку в конце июня высокопарный протест с жалобой на то, как королевские министры насмеваются над конституцией. «Молодость неосторожна в выборе слов», — флегматично заметил на полях Бисмарк.

Письмо кронпринца настигло премьера в Карлсбаде, куда он сопровождал короля на воды. Казалось, в то лето ему никак не хотелось выпускать монарха из поля своего зрения. И это неудивительно, поскольку король навещал места, где прусскую политику откровенно недолюбливали. 2 августа Вильгельм имел встречу с Францем Иосифом, который пригласил короля посетить «конгресс князей» во Франкфурте-на-Майне, где он будет председателем. Основным предметом дискуссии станет австрийский план реформирования Германского союза с исполнительным директором из шести суверенов и ассамблеи делегатов, косвенно избранных странами-участницами. Эта новость застала Вильгельма врасплох, хотя бы потому, что Франц Иосиф предложил открыть первую сессию уже 16 августа, то есть менее чем через две недели.

Вильгельм тянул время, однако у Франца Иосифа сложилось впечатление, что прусский король склонялся в пользу этого проекта²⁵. Бисмарк же, наоборот, был настроен решительно против. Объединенные голоса Австрии и южных немецких государств могли привести к тому, что при любом раскладе сил доступ Пруссии к общегерманским делам будет сведен к минимуму. Бисмарк понимал, что не сумеет

убедить короля в том, что конгресс — это ловко сработанная западня. Вот почему он выбрал иной, хотя и более трудный путь, а именно: убедить Вильгельма, что приглашение на конгресс — откровенное оскорбление. Он доказывал, что Франц Иосиф обратился к Вильгельму в неофициальной обстановке, во время пребывания на водах австрийского курорта, и что спешное оповещение о «конгрессе князей» не дает властителю Пруссии достаточно времени, чтобы должным образом подготовиться к этой представительной встрече. Вильгельм был уже далеко не молод и посему помнил, каким унижениям подвергался его отец со стороны Наполеона I, помнил он и всю горечь позора Дрезденского конгресса 1812 года. Подобные вещи он воспринимал крайне болезненно. К величайшему облегчению Бисмарка, Вильгельм отклонил приглашение австрийского монарха: вряд ли князьям удастся придумать план для всей Германии, если Пруссия останется в стороне.

Так, кстати, считали и все правящие монархи. Сразу после открытия конгресса они отправили к Вильгельму короля Саксонии — с единодушной просьбой, чтобы он изменил свое решение и прибыл к ним во Франкфурт. Этот шаг представлял для Бисмарка теперь уже совершенно иную проблему. Теперь он не мог делать вид, будто королю нанесено оскорбление. Иоганн Саксонский был тем человеком, к которому Вильгельм питал «симпатию и уважение» (по словам самого Бисмарка).

Вильгельм покинул австрийские владения и прибыл в Баден-Баден, где идея конгресса имела многочисленных сторонников. До Франкфурта оставалось всего девяносто миль, три часа езды на поезде. Король испытывал соблазн отправиться дальше.

«Тридцать правящих князей и король в роли пос-

ланника! — то и дело восклицал он. — Ну как я могу отказаться?»²⁶

Бисмарк тотчас занял несколько иную позицию: если король поедет во Франкфурт и примет решение конгресса, твердил Бисмарк, то тем самым он поставит под удар независимость прусской армии, а также признает поражение в борьбе с депутатами, поскольку отпадет необходимость в изыскании средств на новое боевое оснащение армии, раз уж королевским полкам отводится роль вспомогательных сил союза. Бисмарк до глубокой ночи пытался убедить Вильгельма, что тот обязан остаться верным своему первоначальному отказу. Нервы обоих были напряжены до предела. В конце концов это напряжение оказалось для Вильгельма слишком велико — он подписал письмо королю Саксонии, отклонив приглашение во Франкфурт. Когда Бисмарк уходил от него, король рыдал, лежа на диване. Однако и сам премьер был не в лучшей форме: колени его дрожали, а руки не слушались — выходя из комнаты, он даже оборвал дверную ручку. Придя в свои апартаменты, он в сердцах разбил о стену стакан.

«Мне требовалось хоть что-нибудь разбить вдребезги, — пояснил он изумленному секретарю. — Теперь я снова могу дышать свободно»²⁷.

Конгресс князей так и не смог принять мало-мальски важных решений.

Для Бисмарка это явилось своего рода триумфом, своеобразной отрицательной победой над «слезами и себялюбием», пусть даже не «железом и кровью». Но был ли он удовлетворен? Свидетельства близких к нему в 1862-63 годах людей скорее говорят о том, что это был печальный, крайне одинокий человек. Свои чувства он, как всегда, раскрывал в переписке с семьей и с Екатериной Орловой. В этих письмах мало задора

былых лет, зато все больше жалоб на бессоницу и постоянные головные боли. Ему приятны маленькие комплименты — например, поздравление от кого-то из старых знакомых во Франкфурте или Петербурге, просьбы прислать фотографию с автографом или же дружеский жест от кого-то, кого он считает своим недругом, особенно кронпринца и его жены. В его письмах к Орловой мы можем прочесть его восторги по поводу того, что Двор решил пригласить его детей на их первый «костюмированный бал», и как Герберт фон Бисмарк и его брат почтили своим присутствием четвертый день рождения будущего кайзера, одетые «морьяками английского флота», узнаем мы и о его желании снова бежать от суеты, как предыдущей осенью в Пиренеях и Провансе²⁸. Бисмарк пишет сентиментальное послание своему старому другу Мотли, уговаривая того приехать к нему в Берлин, — торопливое письмо, написанное наполовину по-английски, наполовину по-немецки, нетвердой рукой, в минуты, когда сон не шел к нему. В годовщину судьбоносной аудиенции в Бабельсберге секретарь застал Бисмарка падающим с ног от усталости.

«Знаете, — заметил Бисмарк с горечью в голосе, — у меня такое чувство, будто за этот год я постарел на пятнадцать лет. Люди намного глупее, чем я о них думал»²⁹.

ГЛАВА 7

ГЕРЦОГСТВА ШЛЕЗВИГ И ГОЛЬШТЕЙН

Не только польское восстание и «конгресс князей» затрагивали патриотические чувства немцев в 1863 году. Более важной проблемой была извечная проблема Шлезвиг-Гольштейна — региона, расположенного между нижним течением Эльбы и датским полуостровом Ютландия и обладавшего как плодородными почвами, пригодными для возделывания, так и бесплодными пустошами, поросшими вереском. В конце 1863 года проблема Шлезвиг-Гольштейна стала такой насущной, что начала определять всю дипломатическую политику Бисмарка, дав возможность последнему утвердить позиции Пруссии в Северной Германии и укрепить собственное положение в коридорах власти Берлина. «Шлезвиг-Гольштейн — это дипломатическая кампания, проведением которой я наиболее горжусь», — заметил Бисмарк четырнадцать лет спустя¹.

В течение нескольких столетий герцогства Шлезвиг и Гольштейн находились под властью Дании. Такое положение дел сохранялось на протяжении эпохи Наполеоновских войн и было подтверждено Венскими договоренностями 1815 года, согласно которым к Дании отходило также маленькое герцогство Лауенбург. Лауенбург, как и Гольштейн, населяли

преимущественно немцы. Этот регион всегда составлял неотъемлемую часть Священной Римской империи германской нации, поэтому было бы вполне естественно, если бы датский король, правивший в Гольштейне, был признан членом Германского союза. Что же касается Шлезвига, то там располагалось намного больше датских городов и сел, чем немецких; эта территория никогда не входила в состав Германской союза, несмотря на то, что в южной части герцогства жили преимущественно немцы, как и в Гольштейне. В конце 1840-х годов возникло движение датских националистов, выступавших с требованиями раз и навсегда покончить с суверенностью герцогств. Реакция на эти требования последовала незамедлительно. В Германии раздались голоса, призывающие к «борьбе против датской агрессии». Этот призыв стал ведущим лозунгом в 1848 году. Весной 1852 года была достигнута компромиссная договоренность на переговорах представителей шести европейских государств, наиболее заинтересованных в стабильности в этом регионе. По Лондонскому договору 8 мая 1852 года правители Австрии, Франции, Великобритании, России, Пруссии и Швеции высказались за сохранение целостности Датского королевства при условии, что Гольштейну и Лауенбургу будут предоставлены особые права и традиционные привилегии. В то же самое время договаривающиеся стороны постарались решить вопрос о наследовании датской короны. Правящий король, Фридрих VII, являлся последним отпрыском королевского дома Ольденбургов мужского пола. Представители этой династии занимали датский трон в течение последних четырех веков. Главы шести государств, подписавшие Лондонский договор, признали, что право наследования датской короны после смерти Фридриха VII перехо-

дит к принцу Христиану Глюксбургскому, одному из претендентов на трон, человеку, женатому на старшей кузине Фридриха. Но притязания Христиана оспаривали представители Шлезвиг-Гольштейна на том основании, что в этих герцогствах традиционно существовало салическое право наследования, отрицавшее претензии на власть, основанные на родстве по женской линии. Немцы Шлезвиг-Гольштейна стояли на том, что истинным наследником власти в их герцогствах является не принц Христиан, а герцог Аугустенбургский, который был прямым потомком Христиана III, правившего в Дании в самом начале шестнадцатого века. И хотя в 1848 году Аугустенбурги возлагали большие надежды на то, что унаследуют герцогства Шлезвиг и Гольштейн, Лондонский договор положил конец их ожиданиям. Во всяком случае, так казалось.

Однако постоянное давление со стороны датских националистов на протяжении всего последующего десятилетия сыграло свою негативную роль. Проблема Шлезвиг-Гольштейна, словно тлеющий в течение одиннадцати лет костер, вместо того чтобы совсем угаснуть, вспыхнула с новой силой. На исходе марта 1863 года Фридрих VII объявил о введении новой конституции во всех подвластных ему землях. Таким образом были ликвидированы традиционные привилегии Шлезвига и значительно урезаны права Гольштейна и Лауенбурга. В Германии сразу же вспыхнули волнения. Раздавались взволнованные речи о том, что датчане стремятся ассимилировать немецкое меньшинство, которое в то время составляло треть всего населения Датского королевства. В городах Германии прошли многолюдные демонстрации протеста, раздавались пламенные речи с призывами положить конец тирании датчан. «Немцы, проживающие в Северной

Германии, буквально помешались на этом вопросе», — писал король Бельгии Леопольд своей племяннице в Виндзор². Ни один политик — будь то в Берлине или Франкфурте, Дрездене или Вене — не мог игнорировать эту животрепещущую проблему, в которой затрагивалась национальная честь немцев. Король Фридрих колебался и пока не ратифицировал подготовленный закон. Напряжение последних дней пагубно сказалось на его здоровье, и 15 ноября он неожиданно скончался. Принц Глюксбургский был провозглашен королем Дании Христианом IX и сразу же одобрил новую конституцию. Кризис достиг своего апогея. Местные власти Гольштейна отказались приносить присягу новому королю Дании и обратились к сейму Германского союза во Франкфурте с просьбой признать Фридриха Аугустенбургского герцогом независимого государства — Шлезвиг-Гольштейн-Лауенбург.

Многие правители германских государств признали права на престол герцога Аугустенбургского. Этот «юный претендент» был человеком их круга: он жил в Гете и учился в Бонне, где подружился с прусским кронпринцем. Его поддерживали либеральная пресса Германии и Национальный союз. Он нравился Вильгельму Прусскому, и тот с сочувствием относился к его притязаниям на власть, впрочем, как и королева Августа, кронпринц и его супруга. Такое единодушие при прусском дворе было редким явлением. Но сейм во Франкфурте отказывал Фридриху Аугустенбургскому в поддержке, так как его представителям не ясны были мнения на этот счет австрийского правительства и Бисмарка. Хотя вряд ли кто-нибудь из двух соперничающих сил стал бы искать союза с австрийцами, потерпевшими недавно фиаско на «конгрессе князей».

Бисмарк лично был знаком с запутанной проблемой Шлезвиг-Гольштейна. В 1855-1858 годах, когда он был прусским посланником во Франкфурте, там уже шли оживленные дискуссии по поводу прав Дании на владение Гольштейном. В ту пору он советовал прусскому правительству решительно высказаться в поддержку германской национальной чести и достоинства, но в то же время не предпринимать никаких активных действий против датчан до тех пор, пока Пруссии не будет гарантирована ощутимая выгода от участия в таких действиях³.

Когда в ноябре 1863 года в Германии разразился новый кризис, позиция Бисмарка по данному вопросу, похоже, не изменилась. Ему казалось безумством вступать в войну с Данией из-за либерально настроенного кумира Национального союза. Бисмарк не усматривал никакой пользы для Пруссии в том, что на карте Европы возникнет еще одно независимое государство, Шлезвиг-Гольштейн с границами до устья Эльбы и пригородов Гамбурга. В политическом отношении это новое государство может нарушить баланс внутри Германского союза в пользу Австрии, а географическое положение герцогств может затруднить развитие морской торговли Пруссии. Более того, Бисмарк прекрасно сознавал, какой расклад сил и интересов сложился в большой политике. Пруссия, как и Австрия, была одной из сторон, подписавших Лондонский договор, в соответствии с которым признавались права на датский престол Христиана Глюксбургского и отрицались притязания на трон герцога Аугустенбургского. Теперь, когда новая конституция, подготовленная датским правительством, вошла в противоречие со статьями Лондонского договора, следовало особенно строго соблюдать международное право, выставив тем самым датские власти в невыгод-

ном свете перед лицом мировой общественности. Такая позиция устраивала также и австрийцев. Франц Иосиф и его министр иностранных дел Рехберг, не могли, конечно, полностью проигнорировать массовые протесты в Германии, но они не желали поддерживать Фридриха Аугустенбургского, поскольку он основывал свои действия на идее национального самоопределения, совершенно неприемлемой для австрийских Габсбургов. Поэтому Рехберг почувствовал огромное облегчение, узнав, что Бисмарк проявил благоразумие в отношении данного вопроса. 28 ноября прусский и австрийский посланники во Франкфурте официально заявили о том, что намерены строго соблюдать Лондонский договор. Никогда прежде австрийские дипломаты не следовали с такой готовностью политической линии, намеченной прусским правительственным чиновником.

Бедный король Вильгельм был озадачен. С того достойного сожаления события в Баден-Бадене, когда, казалось, Гогенцоллерны и Габсбурги никогда уже впредь не будут заключать никаких союзов и вступать в политическое сотрудничество, прошло всего лишь пятнадцать недель. И вот Бисмарк вновь предлагает объединить усилия Пруссии и Австрии ради заключения договора, суть которого оскорбит всех добропорядочных немцев. Мало кто в Пруссии — и еще меньше за ее пределами — понял дипломатический ход, предпринятый Бисмарком. Все выглядело так, как будто совместное заявление, подписанное во Франкфурте, было сделано под нажимом австрийцев. В первых числах декабря Мориц Бланкенбург, старый друг Бисмарка, писал с недоумением Людвигу фон Герлаху: «Можно сказать, что сегодня венский кабинет министров располагается непосредственно в Берлине на Вильгельмштрассе»⁴. Старые консерваторы, давно уже

убежденные в том, что Бисмарк пренебрегает дорогами их сердцу принципами, пришли в восторг, узнав о новом австро-прусском соглашении.

Между тем во Франкфурте прошел многолюдный митинг в поддержку герцога Аугустенбургского. И хотя две наиболее значительные политические силы Германского союза твердо придерживались достигнутого соглашения, они не сделали ни малейшей попытки помешать союзному собранию во Франкфурте принять декрет о лишении Христиана IX власти над немецкоязычными герцогствами. Это решение позволяло войскам Германского союза начать боевые действия и оккупировать Гольштейн и Лауенбург, однако сам факт проведения такого декрета через сейм свидетельствовал о том, что члены союза молчаливо признают легитимность притязаний короля Христиана на власть в этих герцогствах. В последнюю неделю декабря 1863 года саксонские и ганноверские войска продвинулись в северном направлении, подойдя к границе Гольштейна и Шлезвига. Датчане отступили, не оказав никакого сопротивления. Прусские и австрийские вооруженные силы стояли в это время на Эльбе, бездействуя и радуясь тому, что имеют возможность понаблюдать со стороны за тем, как «остальные германцы» будут искать выход из создавшегося положения, выставляя себя полными идиотами в глазах всей Европы. Фридрих Аугустенбургский, хотя его положение все еще оставалось двусмысленным, объявил своей резиденцией Киль и был тепло встречен лояльными по отношению к нему гольштинцами.

На Бисмарка не произвело ни малейшего впечатления то, что он презрительно называл «великим бунтом среди демократов» из-за герцога Аугустенбургского. Но когда граф фон дер Гольц, посол в Париже, посоветовал прусскому королю пойти навстречу тре-

бованиям германского народа и оказать герцогу поддержку, используя политический авторитет Пруссии, Бисмарк пришел в бешенство. Накануне Рождества он отправил графу послание, содержавшее суровый выговор за то, что тот занимается не своим делом, давая советы изменить государственную политику, вместо того чтобы просто констатировать факты в своих донесениях (хотя сам Бисмарк, будучи дипломатом, регулярно следовал этой практике). В то же самое время Бисмарк старался объяснить ту политическую линию, которую он намеревался проводить. Речь идет о том, заявлял он, будет ли Пруссия вести себя «как самостоятельная политическая сила или как одно из государств в составе Германского союза». Пруссия должна быть независимой в своих действиях и сознавать свою ответственность за них. Прибегать к популистским методам и потворствовать общественным настроениям в Германии, поддерживая герцога Аугустенбургского, значило бы для Пруссии потерять свое положение в европейской политике ради какого-то призрачного государственного образования:

«Мы не станем сильнее, занимаясь политикой на парламентских сессиях или в прессе, нам надо участвовать в Большой политике, каждый раз прибегая к соответствующим методам борьбы... Мне кажется, что сейчас было бы правильно привлечь Австрию на свою сторону, но мы будем наблюдать за ситуацией. Возможно, придет время, и мы изберем другой путь... Если энтузиазм, подогретый пивом, производит впечатление на тех, кто сидит в Париже и Лондоне, что же, я очень рад, поскольку это соответствует тем целям, которые я преследовал; но это вовсе не значит, что подобный энтузиазм производит впечатление на меня самого, от него мало проку в войне, он не произведет ни единого выстрела и не принесет денег»⁵.

Гольц не дал трескучей демагогии переубедить себя. Однако Бисмарк снова и снова подчеркивал, что Пруссия должна лидировать на мировой арене, а не следовать в фарватере.

В этот канун Рождества Бисмарк принимал в Берлине личного эмиссара Наполеона III. Бисмарк пригласил посла совершить поездку по стране и пересечь ее от западной границы, идущей по Рейну, до восточной границы с Польшей. Он постарался сделать все, чтобы в Париже узнали о его личной умеренности и готовности обсуждать проблему Шлезвиг-Гольштейна на международной конференции под председательством Наполеона III и о возможности того, что благорасположение Французской империи к Пруссии будет способствовать приобретению первой территории на левом берегу Рейна⁶. Нет никакого сомнения в том, что министр-президент, отмечавший в этой должности всего лишь второе Рождество, чувствовал себя превосходно, сознавая, что вся германская политика находится под его контролем. В тот вечер он был приглашен на обед к кронпринцу и его супруге. К удивлению Бисмарка, та нашла его «очень любезным»⁷. Впрочем, у него были все основания вести себя подобным образом.

Наступило время перейти к тесному сотрудничеству с Австрией, убедившись в серьезности ее намерений. Бисмарк сделал Кароли, австрийскому послу в Берлине, официальное предложение заключить союз двух государств. Рехберг, находившийся в Вене, был этим чрезвычайно доволен. По его мнению, это должно было окончательно удержать Бисмарка от искушения изменить свою политику и в поисках дешевой популярности в Германии поддерживать герцога Аугустенбургского. Кроме того, по мнению Рехберга, такой союз обязал бы обе стороны, заключившие его,

не отступать от Лондонского договора иначе, как по взаимному согласию. Но Бисмарк вовсе не собирался принимать на себя подобного рода обязательства. Он заявил австрийцам, что прусский король никогда не согласится нарушить Лондонский договор, и предложил внести в договор о союзе пункт, предусматривающий только то, что в случае, если конфликт вокруг Шлезвиг-Гольштейна приведет к войне, будущее обоих герцогств Австрия и Пруссия будут решать вместе на основе взаимного согласия. В такой форме и был составлен договор о союзе Пруссии и Австрии 16 января 1864 года в Берлине на Вильгельмштрассе, во второй половине того же дня он был подписан. Бисмарк сразу же отослал генерала фон Мантейфеля, своего наиболее опасного соперника, в Вену с особой миссией. Мантейфелю удалось получить обещание Рехберга о том, что австрийская армия поддержит прусскую армию в активных военных действиях против тех германских войск, которые выступят на стороне герцога Аугустенбургского, а также против датчан в том случае, если король Христиан откажется отозвать законопроект, предусматривающий введение единого политического устройства в Датском королевстве. Успех миссии Мантейфеля свидетельствовал о том, что сам генерал готов поддержать на правительственном совете идею активных военных действий объединенных австро-пруссских сил⁸.

В конце января прусские войска вошли в Гольштейн, соединившись с оккупировавшими ранее эту территорию армиями Саксонии и Ганновера, а 1 февраля соединенные австро-пруссские войска перешли границу Шлезвига. Через три недели они вторглись на территорию полуострова Ютландия, а к середине апреля вся материковая часть Дании уже находилась в их руках. Европа не предприняла ника-

ких ответных шагов. Британцы, правда, грозились вступить в войну на стороне Дании в том случае, если австро-пруссские войска перейдут границы Ютландии, однако они не могли предпринять никаких активных действий без поддержки континентальных стран. Но ни французы, ни русские не собирались жертвовать своими хорошими отношениями с Бисмарком ради датчан. Британцам удалось добиться лишь созыва конференции, которая и состоялась в Лондоне неделю спустя после падения последнего датского бастиона — фортификационной линии Дюппеля в восточном Шлезвиге. Ни Бисмарк, ни Рехберг не явились в Лондон. Их представители заявили, что необходимо пересмотреть договор 1852 года, дополнив его новыми положениями, и рекомендовали конференции выступить за автономию Шлезвиг-Гольштейна при сохранении династических связей с Данией. Как и предполагал Бисмарк, король Христиан не захотел даже слышать об этом, и участникам конференции пришлось ломать голову в поисках решения этого запутанного вопроса⁹.

Бисмарк отлично знал, чего он хочет. С самого начала кризиса он хотел только одного: чтобы герцогства отошли к Пруссии. Но мог ли он рассчитывать на то, что сумеет навязать свою волю участникам большой политики? Или мог ли он надеяться на то, что сумеет убедить короля Вильгельма в необходимости присоединения к Пруссии Шлезвиг-Гольштейна? 14 января в разговоре с Кароли, состоявшемся во время обсуждения условий австро-пруссского договора, Бисмарк упомянул о том, что в Берлине есть люди, которые считают, что герцогства должны войти в состав Пруссии, однако министр-президент сказал австрийскому послу, что сам он решительно отвергает подобную идею¹⁰. Кароли давно уже раскусил Бисмарка и

знал, что тот предпочитает тактику взаимовыгодных уступок, однако на этот раз он не придал особого значения столь прозрачным намекам министра-президента, хотя и сообщил о них в Вену, добавив, что Бисмарк говорил также в туманных выражениях о необходимости для Австрии обеспечить свою безопасность на юге — в Северной Италии. Три недели спустя на заседании государственного совета в Берлине Бисмарк прозондировал почву, высказав особое мнение. «Я напомнил королю, — писал он позже, — о том, что каждый из его предшественников... добивался включения новых территорий в состав государства, и я намекнул, что ему следует сделать то же самое... Но Его Величество, похоже, решил, что я говорю под влиянием Бахуса, отдав ему дань за официальным завтраком... Во время моего выступления кронпринц воздел руки к небесам, выражая тем самым свое сомнение в моем психическом здоровье, а все мои коллеги промолчали»¹¹. Всего лишь два дня назад прусские войска перешли границу Шлезвига якобы для того, чтобы вместе с австрийцами заставить местных жителей выполнять условия договора 1852 года, и Вильгельму было трудно поспевать за колебаниями внешнеполитического курса своего министра. Одного выступления на заседании государственного совета было явно недостаточно для того, чтобы убедить короля аннексировать территории, на которые Пруссия не имела почти никаких прав и могла бы сделать это, пожалуй, только выступив в роли завоевателя.

Но Бисмарк удовлетворился реакцией на ту удочку, которую он закинул. Неделью спустя после этого государственного совета он подверг такому же испытанию французского посла. «Включение в состав Пруссии двух таких прекрасных провинций напрашивается само собой и выглядит для нас довольно соблазни-

тельно», — заметил ему Бисмарк, также довольно туманно намекнув о перспективах — в самом отдаленном будущем — того, что он сможет уступить Франции территорию на левом берегу Рейна¹². В течение следующих двух месяцев Бисмарк пребывал с французами в самых сердечных отношениях, демонстрируя свою поддержку плану Наполеона III, в соответствии с которым герцогства следовало разделить по линиям проживания этнических групп. Однако в то же самое время Бисмарк начал подстрекать лидера прусских консерваторов, графа Арнима-Бойценбурга (который более чем четверть века назад был его начальником в Ахене), к организации составления петиции королю с требованием либо установить протекторат над Шлезвиг-Гольштейном, либо осуществить прямую аннексию этих территорий. Петицию Арнима-Бойценбурга подписали семьдесят тысяч его сторонников. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы успокоить совесть короля Вильгельма, которому все еще было не по себе от мысли о том, что он должен присоединить герцогства к своим владениям.

К этому времени Рехберг в Вене начал подозревать своего союзника в нечестной игре. Правда, еще в апреле Бисмарк говорил австрийцам о том, что пришло время «начать политику взаимной компенсации», однако он не стал разъяснять смысл своего высказывания. Бисмарк был удивлен, что австро-пруссский союз все еще существует, несмотря на явные разногласия. «Трудно объяснить, почему австрийцы идут за нами туда, где не смогут остаться, — заметил он своему другу Койделю 22 апреля во время поездки в Шлезвиг. — Они вполне могли бы оставить нас один на один с задачей вооруженного вмешательства... Несомненно, главная причина их нынешнего поведения кроется в обеспокоенности тем, что мы

самостоятельно справимся с датской проблемой и тем самым усилим свои позиции в Германии»¹³. Однако завязавшиеся дружеские отношения между Пруссией и Францией не понравились австрийцам, выведя их наконец из себя, и во второй половине мая они внезапно изменили тактику. Австрийский представитель заявил на Лондонской конференции, что если король Христиан не желает дать герцогствам автономии, то германским войскам ничего другого не остается, как поддержать герцога Аугустенбургского. Бисмарк удивил подобный неожиданный маневр, но он оставался совершенно спокоен, зная, что вряд ли Британия, Франция и Россия поддержат за столом переговоров в Лондоне герцога Аугустенбургского. Если же этот поворот в политике Австрии направлен на то, чтобы побудить сторонников герцога Аугустенбургского при Берлинском дворе к активным действиям, то австрийцы явно опоздали, так как эта группировка к тому времени фактически распалась.

1 июня Бисмарк лично заявил герцогу о том, что Пруссия признает его «нашим кандидатом» только в том случае, если он передаст ей контроль над всеми военными и морскими объектами герцогств, а также пойдет на определенные уступки в области торговли. Эти условия показались герцогу «оскорбительными», и он отказался играть роль марионетки. Этот разговор, — который Бисмарк описал в докладе королю, придав своему описанию самый драматический характер, — способствовал тому, что герцог Аугустенбургский впал при Берлинском дворе в немилость. Один лишь кронпринц продолжал настаивать на том, что его друг имеет все законные права на герцогства. Все остальные согласились с тем, что армия может рассчитывать на нечто большее, нежели боевые знамена противника, захваченные при штурме линии

укреплений Дюппеля. «Мы не можем прийти к нашему народу с пустыми руками после столь кровопролитной кампании», — сказал Бисмарк¹⁴.

Но прежде чем окончательно решить судьбу герцогств, необходимо было выиграть еще одну кампанию. Датчане отказались идти на какие-либо уступки, и Лондонская конференция, таким образом, потерпела полное поражение. Австро-прусская армия вновь возобновила продвижение на север по полуострову Ютландия. Новое правительство в Копенгагене предложило заключить мир. 1 августа были согласованы предварительные условия мирного договора. Христиан IX уступал Пруссии и Австрии свои права на владение герцогствами. Единственная надежда короля, как признавали некоторые датские политики, заключалась в том, что те территории Шлезвига, где жили преимущественно датчане, рано или поздно будут возвращены ему по решению международного конгресса, о созыве которого постоянно говорил Наполеон III. Однако, как бы то ни было, в тот момент Европа не проявила никакого интереса к судьбе Шлезвига, Гольштейна и Лауенбурга, и они стали пешками в политической игре, которую вела Пруссия. Эти герцогства были отданы под контроль австро-прусской военной администрации.

В конце июля Бисмарк отправился в Вену для переговоров с Рехбергом. Эти политики были знакомы друг с другом на протяжении девяти лет: они были оппонентами на сессии парламента во Франкфурте в 1855 году, когда едкие замечания Бисмарка так задели за живое австрийца, что, казалось, дело закончится дуэлью. Но вскоре оба они почувствовали друг к другу уважение. Рехберг был верным другом Меттерниха, которого он сопровождал в поездке по Европе в страшные дни 1848 года. Теперь же он

убедил себя в том, что Бисмарк — политический преемник Меттерниха, стоящий на страже консерватизма в Европе, хотя австрийцу не нравились политические методы Бисмарка. Рехберг, несомненно, считал, что сможет справиться с Бисмарком и держать под своим контролем, именно поэтому он приветствовал его визит в Вену. По той же причине император Франц Иосиф не стал препятствовать приезду Бисмарка, хотя в частных разговорах он сетовал на дурные манеры министра-президента. По мнению императора, тот всегда «высказывался слишком бесцеремонным и даже возмутительным образом, стараясь напугать людей своими высказываниями».

«Союз с Пруссией — это единственно разумная политика», — писал Франц Иосиф своей матери. В течение всей последней недели июля Бисмарк вел предварительные переговоры с Рехбергом в Вене. Затем он отправился на воды в Гаштейн и в Ишле присоединился к королю Вильгельму. 21 августа король и его министр вместе отправились в Вену с официальным визитом для того, чтобы заодно отпраздновать успех австро-пруссских армий в последних военных кампаниях. В течение трех дней Вильгельм I и Бисмарк были гостями Франца Иосифа, который принимал их в летней резиденции Габсбургов, дворце Шенбрунн. Там же состоялись окончательные переговоры.

К этому времени Бисмарк уже наметил себе ясную цель: присоединение к Пруссии трех герцогств будет первым шагом на пути укрепления позиций Прусского королевства к северу от реки Майн. Он стремился к сотрудничеству с Австрией и не хотел конфронтации с ней — прежде всего из-за того, что его государь страшно боялся начала братоубийственной войны в Германии. Именно поэтому Бисмарк сделал следующее предложение: Австрия предостав-

ляет Пруссии свободу действий в Шлезвиг-Гольштейне, а последняя, в свою очередь, обещает выступить в защиту интересов Австрии где-нибудь в другом регионе Европы, например, в Северной Италии. Такому профессиональному дипломату, как Рехберг, подобные основания казались слишком зыбкими для заключения серьезного соглашения. И как это часто случалось в течение предыдущих девяти месяцев, австрийцы попытались заставить Бисмарка сделать более определенные шаги навстречу им. Но в какой форме должны были они выразиться? Франц Иосиф надеялся, что, если Австрия откажется от своего участия в разделе герцогств, Пруссия вернет ей графство Глатц, которое Фридрих Великий аннексировал еще в прошлом столетии во время своего вторжения в Силезию. Вильгельм, однако, ни за что не желал уступать территорию, завоеванную когда-то наиболее знаменитым представителем династии Гогенцоллернов, а Рехберга больше интересовали Ломбардия и Венеция, нежели давно забытый конфликт в Силезии. 24 августа Рехберг выдвинул свои предложения: Пруссия получит Шлезвиг, а Австрия — Гольштейн; обе стороны заключат военный договор, оборонительный по своему характеру; если же Австрии удастся впоследствии вернуть Ломбардию, то она уступит Гольштейн Пруссии. Однако ни один из участников переговоров не одобрил этот план. Оба государя понимали, что подобный договор по существу неизбежно приведет к войне с Францией, поскольку Наполеон III вряд ли позволит австрийцам вновь распространить свою власть над территорией Северной Италии. Ни Вильгельм, ни Франц Иосиф не желали втягиваться в глобальный конфликт. Бисмарк тоже хотел избежать этого, поскольку ему не нравилась перспектива окончательно поделить мир на своих

друзей и врагов. Он повторил то, что уже однажды говорил австрийцам: союз Вены и Берлина — «не торговая компания, где каждый получает свой доход в строгом соответствии с установленными процентами, а скорее охота, с которой каждая сторона несет домой свою собственную добычу». В связи с этим высказыванием Франц Иосиф задал вопрос, хочет ли Пруссия аннексировать герцогства или собирается довольствоваться уступками в военной и торговой областях. Это был решающий вопрос, на который Вильгельм всегда избегал давать прямой ответ. И теперь Бисмарк с не меньшим интересом, чем Франц Иосиф и Рехберг, ожидал ответа своего государя, поскольку от этого зависели все ключевые позиции внешней политики Пруссии в ближайшие годы.

Вильгельм был в полном замешательстве, он терпеть не мог принимать подобного рода решения, а юному Францу Иосифу казалось утомительным забивать свою голову столь серьезными делами в это знойное августовское утро. Прусский король ограничился полуответом. «Я вовсе не думаю о включении в состав своего государства Шлезвиг-Гольштейна, — неохотно сказал он. — У меня нет никаких прав на эти герцогства, и поэтому я не могу претендовать на них»¹⁵. Бисмарк был разочарован. Если его король сам не знает, на что он может, а на что не может претендовать, то заключение официального договора с Австрией не имело никакого смысла. Фридрих Великий ответил бы совсем по-другому.

Переговоры в Шенбрунне окончились безрезультатно. Австрия и Пруссия договорились о сотрудничестве, оставив герцогства под контролем совместной администрации на неопределенное время. Рехберг был дискредитирован в Вене, так как его пропрусская политика не увенчалась успехом: дипломату не уда-

лось добиться никаких позитивных результатов для Австрии. Как только Вильгельм и Бисмарк покинули австрийскую столицу, враги Рехберга при венском дворе начали плести против министра свои интриги. По их мнению, новый министр иностранных дел решительнее отстаивал бы интересы Австрии в переговорах с этими высокомерными пруссаками. В конце октября 1864 года Рехберг вынужден был подать в отставку.

Позже Бисмарк извлек немало пользы для оправдания своей политики из вынужденной отставки Рехберга. Он заявил, что из-за нее в Вене разгорелись антипруссские настроения, и это в конце концов внесло раскол в ряды германских политических сил. Вину за ухудшение австро-пруссских отношений Бисмарк возложил на преемника Рехберга на посту министра иностранных дел, любезного и неудачливого генерала Менсдорфа-Пуйи, а также его главного советника Людвига фон Бигелебена. Однако сам Бисмарк в большей мере нес ответственность за напряженность в двусторонних отношениях, возникшую следующей зимой. Его не было в Берлине в то время, когда решительные действия со стороны Пруссии могли бы укрепить позиции Рехберга в борьбе с его венскими противниками, а по отношению к Менсдорфу Бисмарк всегда вел себя непримиримо враждебно. Покидая в конце августа Вену, Бисмарк находился в самом дурном расположении духа, испытывая досаду на своего государя, проявившего такое малодушие в Шенбрунне.

В первой половине сентября, отправляясь вместе с Вильгельмом во Франкфурт на встречу с императором Александром II, Бисмарк был на грани нервного истощения. Случайная встреча с Екатериной Орловой в Гейдельберге убедила его в необходимости по-

дать прошение об отпуске по состоянию здоровья. И один услужливый врач во Франкфурте написал заключение, в котором рекомендовал пациенту «море в Биаррице как единственное средство для продления моих дней» (выражаясь словами самого Бисмарка). После этого Бисмарк уехал в Пиренеи, куда Орловы вновь решили отправиться на отдых. «Здесь я живу в полном смысле этого слова, дорогая, — писал он Иоганне 7 октября из Биаррица. — Все это кажется мне сном; передо мной море, наверху Кэти разучивает своего Бетховена, небо такое, какого мы ни разу не видели за все лето»¹⁶.

Эта идиллия длилась семнадцать дней. К тому времени активность противников Рехберга в Вене достигла своего апогея: бедный министр пытался заручиться обещанием Берлина, что Австрия когда-нибудь в будущем станет полноправным членом Таможенного союза. И хотя Бисмарк поддержал эту идею, прусское правительство не дало хода делу в отсутствие своего министра-президента. Таким образом, Рехберг не получил никакого знака доверия или поддержки со стороны Пруссии и попал под огонь своих критиков¹⁷. Бисмарк вернулся к исполнению своих обязанностей лишь 30 октября, день спустя после отставки Рехберга. Ему предстояло сразу же отправиться в Вену для подписания официального договора по поводу совместного управления герцогствами, однако Бисмарк отказался ехать в австрийскую столицу, сухо заметив, что подпись посла не менее полноценна, чем его собственная¹⁸. Он не желал устанавливать тесные отношения с новым австрийским министром иностранных дел: его вполне устраивало то, что Рехберга вытеснили с политической арены, и теперь он сам с чистой совестью мог упрекать Вену в антипруских настроениях, не уг-

лубляясь в суть этого вопроса. 9 ноября он заявил русскому посланнику, что опечален нынешней австрийской политикой, строящейся, по его словам, на ущемлении интересов и значения Пруссии в германском мире. «Поэтому мы будем вынуждены держаться на оборонительных позициях», — сказал он¹⁹. По зловещему совпадению, в день отставки Рехберга Бисмарк инспектировал литейные заводы Круппа в Эссене²⁰.

Первые шаги Менсдорфа вряд ли чем-нибудь отличались от политики, проводимой до него Рехбергом. Он высказал предложение, в соответствии с которым Пруссия могла бы присоединить к своей территории Шлезвиг и Гольштейн, компенсировав это Австрии какими-нибудь германскими землями. Но поскольку Вильгельм больше всего на свете боялся потерять унаследованные им земли, то предложение Менсдорфа выглядело несколько формальным и было сразу же отклонено. Но австрийцы, по крайней мере, были готовы принять идею того, что герцогства отойдут к Пруссии, и, если бы Бисмарк хотел, он смог бы воспользоваться этой предпосылкой для достижения взаимопонимания. Однако теперь он преисполнился решимости изолировать Австрию на дипломатической арене и проверить, сможет ли Франц Иосиф привлечь на свою сторону малые германские государства сейчас, когда опытного Рехберга отправили в отставку. Бисмарк встретился с Наполеоном III и Друэном де Люисом в Сен-Клу и в Париже 25 октября, а затем провел переговоры с Горчаковым в Берлине. Он убедился в том, что ни Россия, ни Франция не будут сотрудничать с Австрией. Бисмарк даже похвалился русским, заявив, что «ему достаточно сказать всего лишь слово», и Пруссия сможет добиться взаимопонимания с Францией «в течение двадца-

ти четырех часов».* Его утверждение было недалеко от истины. В последующие месяцы 1864 года Пруссия пользовалась большей свободой действий во внешне-политических делах, чем любое другое государство на континенте²¹.

Вскоре стало совершенно ясно, что Пруссия находится в более выгодном положении относительно всей германской политики. В течение ноября Бисмарк подстрекал военных комиссаров в Шлезвиге вести себя в герцогстве так, как будто оно уже является прусской провинцией. Он информировал австрийцев о том, что Союзному сейму во Франкфурте следовало бы признать факт отказа Дании от прав на Шлезвиг-Гольштейн. Это, по утверждению Бисмарка, приведет к тому, что ганноверские и саксонские войска были бы выведены из герцогств, и те остались бы лишь под властью австро-прусских оккупационных армий. Это предложение, по мнению Менсдорфа, было вполне разумным, однако оно оказалось непопулярным, как в Вене, так и во Франкфурте, где все еще сохранились сильные симпатии к герцогу Аугустенбургскому. После некоторых колебаний Менсдорф поддержал Бисмарка, но потребовал от Прус-

* Бисмарк рассчитывал на растущую напряженность в отношениях между Австрией, с одной стороны, и Францией и Италией, с другой, из-за будущего Венеции. Франко-итальянские отношения тоже были натянутыми в течение последних четырех лет. Поводом для этого послужил Римский вопрос и проблема французского гарнизона, охранявшего Папу. Однако в сентябре 1864 года было подписано соглашение между Францией и Италией, которое предусматривало вывод французского гарнизона из Рима. Наполеон III приветствовал бы любое сотрудничество с европейским государством, настроенным враждебно по отношению к Австрии, поскольку падение престижа Габсбургов способствовало бы тому, что прикованное к Риму внимание итальянцев перешло бы на проблему Венеции, а это, в свою очередь, ослабило бы давление на Наполеона французских клерикальных кругов.

сии окончательно определиться в отношении герцога Аугустенбургского и признать законными его притязания на власть в герцогствах²². Однако требования австрийского министра иностранных дел не были достаточно жесткими: империю Габсбургов этой зимой сотрясали внутренние конфликты; ведя секретные переговоры с венгерской оппозицией, Франц Иосиф не хотел новых неприятностей, которые могли бы возникнуть на заседании Франкфуртского сейма. Он довольствовался уже тем, что Менсдорф вскользь — в качестве подачи «франкфуртскому церберу» — упомянул о притязаниях герцога. Франц Иосиф считал, что в интересах самого Бисмарка было бы ничего не отвечать на эти требования.

Но у Пруссии тоже имелись неразрешенные внутренние проблемы, — в частности, острые вопросы военной службы и расходов на армию. Вначале большинство либералов и членов прогрессивной партии в Берлине поддерживали герцога Аугустенбургского, но успех прусских вооруженных сил — и особенно захват линии укреплений Дюпеля — обострил их чувство национальной гордости, и многие бывшие противники Бисмарка поддержали петицию Арнима-Бойценбурга с требованием аннексии герцогств. 14 января 1865 года состоялось заседание ландтага, первое за последние двенадцать месяцев. Король в своей речи подчеркнул, что быстрая победа свидетельствует о правильности проведенных военных реформ, и, похоже, это мнение разделяло подавляющее большинство членов Нижней палаты. У Бисмарка появился реальный шанс одержать победу в своей политике относительно герцогств: казалось, что умеренные либералы готовы этой весной провести компромиссное решение через ландтаг и начать обсуждение законопроекта. Через пять недель после возобновления работы ландтага Бис-

марк выступил с дипломатической инициативой: к досаде австрийцев, он дал детальный ответ на требования Менсдорфа относительно судьбы герцогств. Бисмарк заявил, что Пруссия поддержит идею об образовании независимого государства Шлезвиг-Гольштейн под властью герцога Аугустенбургского, — но только в том случае, если будут выполнены следующие условия: вооруженные силы герцогств подчинятся прусскому военному командованию и принесут присягу королю Вильгельму; главные порты и крепости перейдут к Пруссии; будут осуществлены планы Пруссии по строительству канала, связывающего Северное и Балтийское моря. Предложение о том, что герцогства станут членом Таможенного союза и, таким образом, в области торговли выйдут из-под влияния Австрии, вряд ли могло показаться последней приятным. Франц Иосиф без колебаний заявил, что «февральские условия» для него «совершенно неприемлемы»²³.

И тут венские власти совершили две тактические ошибки: по их наущению Бавария подняла на одном из заседаний Франкфуртского сейма вопрос о герцоге Аугустенбургском; и они позволили своему специальному уполномоченному в Гольштейне оказать официальную поддержку силам, стоявшим в этом герцогстве на стороне Фридриха Аугустенбургского. Реакция Бисмарка была довольно резкой. В герцогствах и городах на балтийском побережье началась мощная пропагандистская кампания в поддержку прямого правления Пруссии на спорных территориях, на голову Аугустенбургов посыпался град насмешек. Более того, 5 апреля военный министр Роон на заседании прусского ландтага заявил о том, что штаб-квартира прусских военно-морских сил перебазируется из Данцига в Киль, главный город Гольштейна. Это был прямой вызов Австрии. Сообщение военного министра с одоб-

рением воспринято прусским ландтагом, но во Франкфурте и Вене понимали, что этот шаг ставит германские государства на грань вооруженного конфликта. Подобного обострения обстановки не наблюдалось с 1850 года, когда разгорелся спор по поводу Гессе. Тогда, в Ольмюце, Пруссии пришлось пойти на уступки, теперь же Бисмарк не собирался терпеть новое унижение, и все об этом прекрасно знали. Прусский король был готов начать войну и аннексировать новые территории, несмотря на то, что ранее проявлял нерешительность, испытывая угрызения совести. Армейское командование было уверено в своей победе. Что же касалось французов или русских, то, похоже, они вовсе не собирались вмешиваться в это дело. Однако совершенно неожиданно Бисмарк изменил свою политику. На государственном совете, состоявшемся 29 мая, он изумил своих коллег и короля словами о том, что для начала военной кампании еще не пришло время, и поэтому Пруссии следует дальше вести переговоры с Австрией по поводу «февральских условий», убрав из них тот пункт, в котором говорится, что вооруженные силы герцогств должны быть поглощены прусской армией²⁴. Эта неожиданная смена курса озадачила членов совета и в дальнейшем всегда ставила в тупик сторонников Бисмарка. Но он настаивал на том, что спорный вопрос слишком незначителен для того, чтобы развязывать из-за него войну, и что австрийцы готовы пойти на уступки и без столь жестких действий со стороны Пруссии. Последующие события доказали правоту Бисмарка.

Причиной смены политического курса Бисмарка послужило и еще одно обстоятельство: вплоть до весны 1865 года он находился в хороших отношениях с генералом Мантейфелем и остальными задирами из военного ведомства, но в начале мая Мантейфель

начал плести интриги при берлинском дворе, стараясь добиться того, чтобы Вильгельм не шел ни на какой компромисс с ландтагом. За день до заседания государственного совета Мантейфель сказал королю, что, если война завершится в считанные недели (а именно так оно, похоже, и произойдет), и Пруссия приобретет новые территории, долг Вильгельма будет состоять в том, чтобы воспользоваться своей возросшей в результате победы популярностью и объявить конституцию непригодной для новой Пруссии, а затем вернуться к традиционному автократическому правлению в духе Гогенцоллернов. Бисмарк еще несколько недель назад узнал о том, что Мантейфель и его военная клика стремятся отменить конституцию, и не хотел допускать, чтобы они определяли внутреннюю политику Пруссии. Роон был полностью согласен с Бисмарком. Обоим не нравились политические игры ландтага и те депутаты, которые участвовали в них, однако еще больше их возмущал Мантейфель, настраивавший Вильгельма против компромиссного решения по поводу военных реформ²⁵. Роялистский переворот, устроенный военными, по мнению обоих политиков, стал бы катастрофой для Пруссии: в лучшем случае он стоил бы им карьеры, однако, вероятнее всего, подобный кризис спровоцировал бы революцию, — что стоило бы им уже не карьеры, а головы.

Формально Бисмарк потерпел поражение. Король отказывался смягчить условия²⁶. Однако примечательно то, что Бисмарк не стал угрожать тем, что подаст в отставку, чувствуя, что этим ничего не добьется. Летом политический кризис продолжал усугубляться. Вильгельм отвергал одно контрпредложение Вены за другим, и Бисмарк поддерживал его в этом, решительно утверждая, что вооруженные силы Пруссии уже готовы к войне, и им обеспечена легкая победа. Одна-

ко на самом деле Бисмарк отчаянно блефовал. Он старался избежать окончательной конфронтации с Австрией и потянуть время до тех пор, пока не будет твердо уверен в том, что бразды правления находятся в его руках, но при этом Бисмарк не хотел допустить, чтобы его противники в Вене заметили, что он несколько сдал свои политические позиции и не так силен, как прошлой осенью. Несмотря на возросшую политическую напряженность, он выехал за границу в конце июня месяца, чтобы отдохнуть на водах в Карлсбаде. Бисмарк пробыл в Богемии три недели, а затем после краткой остановки в Баварии отправился на юг в провинцию Зальцбург, где провел весь следующий месяц²⁷. Неудивительно, что его письма из Карлсбада, адресованные Роону, пестрят рассуждениями о возможности начала войны. Дело в том, что австрийская разведка славилась своей способностью перехватывать и перлюстрировать корреспонденцию, а Бисмарк вообще не возражал против того, чтобы его противники знали: он готов к войне, если та вдруг разразится, хотя в глубине души все еще верит, что ее можно избежать. Он знал — австрийцы не рискнут первыми начать войну: их империя испытывала не только политические трудности, но была также полным финансовым банкротом. Скорее всего, они постараются найти решение с помощью дипломатических методов, и в этом случае прусский король будет более зависеть от Бисмарка, чем от Мантейфеля и генералов его старой гвардии.

Расчеты Бисмарка вполне оправдались. 5 августа Франц Иосиф сделал решительный шаг, свидетельствующий о том, что он не хочет и не может допустить развязывания войны. Его посланник в Баварии, граф Бломе, в июле вступил с Бисмарком в секретные переговоры и в первой половине августа отправился в

Бад-Гаштейн, куда приехали также Бисмарк и король Вильгельм. Здесь, на австрийской земле, Блуме предложил компромиссное решение относительно будущего герцогств. Без «ущемления прав обеих сторон на владение всеми герцогствами» Шлезвиг временно отходил к Пруссии, а Гольштейн — к Австрии; кроме того, Франц Иосиф обязывался продать свои права на часть территории Лауенбурга королю Вильгельму, который, таким образом, мог присоединить это самое маленькое из трех герцогств к Прусскому королевству. В то же самое время австрийцы согласны были гарантировать Пруссии военные и морские привилегии на территории Гольштейна, включая право на пользование двумя дорогами, имевшими стратегическое значение и пересекавшими герцогство из конца в конец, а также право на использование и обустройство порта в Киле в качестве военно-морской базы и строительство на территории, управляемой австрийской администрацией, канала, который должен был связать Северное и Балтийское моря. О герцоге Аугустенбургском и его притязаниях не должно было впредь даже упоминаться. Такие условия удовлетворяли как короля, так и Бисмарка. К середине месяца угроза войны, которая могла разгореться между странами Германского союза, казалось, миновала.

Достигнутые договоренности были зафиксированы в официальном соглашении, подписанном в Гаштейне 14 августа и ратифицированном в Зальцбурге шестью днями позже. Вильгельм был удовлетворен этим соглашением: он получал Лауенбург, закреплял свои права на владение Шлезвигом и обеспечивал себе гарантии на привилегии в Гольштейне. Кроме того, по его мнению, это соглашение демонстрировало миру, что династии Габсбургов и Гогенцоллернов являются скорее не соперниками, а «верными, преданными и

честными» стражами германских интересов. Однако мир не был настроен столь же оптимистично, как прусский король. Большинству незаинтересованных наблюдателей это соглашение казалось циничной сделкой. Оно вызвало возмущение, поскольку в нем полностью игнорировались права герцога Аугустенбургского. В Лондоне к тому же заметили, что принцип единого и неделимого Шлезвиг-Гольштейна, который, казалось, всегда был священным для германских дипломатов, с легкостью мог быть нарушен, если это отвечало интересам двух ведущих германских государств.

Однако Бисмарка вовсе не интересовало, что думают по поводу заключенного соглашения в Мюнхене, Франкфурте или в Лондоне. Он признавал, что соглашение — это всего лишь временное урегулирование спорного вопроса, своего рода косметический ремонт, который не выдержит проверку временем²⁸. И все же он добился того, чего хотел: он одержал дипломатическую победу. Более того, он уладил свои дела при берлинском дворе, вернув себе доверие короля. Что касается Мантейфеля, то его теперь можно было отослать в Шлезвиг, где генерал будет слишком занят вопросами управления и слишком отдален от дворцовых интриг. В частных беседах со своими друзьями Бисмарк признавался, что не ожидал такого везения в достижении своих целей. «Это просто фантастика, что нашелся такой австрийский дипломат, который согласился подписать вот это», — заметил он, перечитывая условия Гаштейнского соглашения²⁹. Оставалось только посмотреть, насколько прочно дух миролюбия сковал волю Габсбургов к сопротивлению. А пока можно было совершить новую поездку в Биарриц.

ГЛАВА 8

ВОЙНА МЕЖДУ БРАТЬЯМИ

Длившийся несколько месяцев кризис подорвал физические силы Бисмарка, что привело к возникновению частых приступов раздражительности и бессоннице. В 1865 году канцлер несколько раз жаловался на свое здоровье: он страдал невралгией и испытывал острую боль в ногах, а ощущение стесненности в груди Бисмарк приписывал астме¹. Не все люди из его окружения воспринимали его жалобы всерьез, поскольку, будучи в хорошем расположении духа, Бисмарк откровенно говорил, что он — ипохондрик. И все же, хотя ему исполнилось всего лишь пятьдесят лет, у него уже появились мешки под глазами и морщинистое, как у старика, лицо. Осенью предыдущего года две недели, проведенные в Биаррице, восстановили его силы и успокоили нервы. И теперь, в сентябре 1865, он мечтал опять поехать в предгорья Пиренеев. Его радовала мысль о том, что он будет вместе с Кэти наслаждаться ярким солнечным светом в то время, как в Берлине начнутся зимние холода, — в душе Бисмарк всегда оставался школьником, с восторгом прогуливающим занятия. 3 октября он прибыл в Биарриц. На этот раз министр-президент решил провести на побережье четыре не-

дели, наслаждаясь мягким климатом и любуясь нака-
тывающими на песок волнами Атлантического океа-
на. Бисмарк отправил жену и дочь из Берлина поез-
дом в надежде, что Орловы и Бисмарки смогут
прекрасно отдохнуть вместе в Биаррице.

Однако эти планы на хороший отдых осущес-
твить не удалось. Отпуск, проведенный в Биаррице,
не способствовал ни улучшению его самочувствия,
ни улучшению его настроения. В последний момент
Екатерина Орлова решила, что не поедет на юг в
Пиренеи, а пересечет пролив и проведет осень в
Торки. Она сослалась на то, что в Биаррице есть
опасность заболеть холерой. Бисмарк посмеялся над
ее опасениями, однако не смог скрыть своей досады.
Кроме того, погода стояла отвратительная: за три
недели, жаловался он, выдалось «не больше четырех
дней без проливного дождя, грозы или шторма». «Вряд
ли я еще когда-нибудь вернусь сюда, — писал он в
сердцах Орловой. — Если бы ты была со мной, мне
было бы легче забыть все неудобства или просто не
обращать на них внимания, но сейчас я лишен вся-
ких иллюзий и увезу с собой отсюда лишь чувство
досады и разочарования». Никогда прежде, призна-
вался Бисмарк в письме, он не замечал, насколько
плохое вино подают в гостинице и какой отврати-
тельный запах стоит в спальнях комнатах². Можно
было только посочувствовать его жене Иоганне и их
семнадцатилетней дочери Марии.

Однако, как бы то ни было, для поездки на по-
бережье Бискайского залива в октябре 1865 года су-
ществовала веская причина (хотя, впрочем, недоста-
точно веская для того, чтобы провести двадцать восемь
дней в плохом расположении духа, страдая от непо-
годы). Вплоть до середины месяца в Биаррице нахо-
дился французский двор, имевший там свою рези-

денцию. Бисмарк не сомневался в том, что сам Наполеон III хорошо настроен к Пруссии, однако Друэн де Люис, французский министр иностранных дел, назвал Гаштейнское соглашение циничной сделкой и не пытался скрыть того, что отдает предпочтение Австрии, считая, что именно она должна играть ведущую роль в Германском союзе. Король Вильгельм, всегда подозрительно относившийся к французам, хотел получить доказательства доброй воли Наполеона III. Бисмарк был готов выполнить свою миссию: натравить императора на Друэна и клерикалов, пытавшихся оказать давление на трон, — тем более что французский двор, демонстрируя свое здравомыслие, намеревался провести осень в Биаррице. За несколько дней до своего отъезда из Берлина Бисмарк заметил первому секретарю французского посольства, что он желал бы, чтобы Франция раздвинула свои границы, включив в свой состав все те территории, «где говорят на французском языке»³. Эта тема вызывала у Бонапарта большой интерес, чем утомительная озабоченность Друэна моральной чистоплотностью Гаштейнского соглашения. Что имел в виду прусский министр-президент: Канаду, Швейцарию, Люксембург или Бельгию? Император пришел в восторг, узнав, что Бисмарк отправляется в Биарриц.

Наполеон принял его в неофициальной обстановке на вилле Ожени 4 октября 1865 года, менее чем через двадцать четыре часа после прибытия Бисмарка из Берлина. Через неделю они вновь встретились для беседы, на этот раз за официальным завтраком. В начале ноября состоялась еще одна встреча Наполеона III и Бисмарка, теперь уже в Сен-Клу. Оба политика стремились к тому, чтобы их беседа носила «неофициальный характер»: они скорее прощупывали почву и вовсе не пытались достичь определенных

договоренностей. Бисмарк не проявлял никакого желания прояснить смысл своего любопытного высказывания, а Наполеон медлил, опасаясь начинать разговор, который впоследствии мог бы перевернуть с ног на голову всю Европу.

«Человек не должен стремиться творить события, а должен позволять им идти своим ходом», — заявил император, почти дословно повторяя слова самого Бисмарка, сказанные им ранее Друэну. Наполеон с удовольствием рассуждал о тех «выгодах, которые могут явиться совершенно непрошенно» когда-нибудь в будущем, но он не выдвинул никаких определенных требований по поводу аннексии территорий с франкоязычным населением в Бельгии или где-нибудь еще. Бисмарк, в свою очередь, тоже избегал обсуждения любых конкретных политических шагов: он упомянул только о возможности для Пруссии приобрести за соответствующую сумму Гольштейн, купив его у Австрии, кроме того, он заверил Наполеона, что Пруссия не давала Австрии никаких гарантий в том, что будет способствовать присоединению к той Венеции. В ответ на это Наполеон посмеялся над слухами о франко-австрийском союзе. «Он вовсе не собирается пойти и встать рядом с мишенью», — передавал Бисмарк слова Наполеона в своем донесении о переговорах⁴.

Этим переговорам — известным под названием «Визит в Биарриц» — историки придают неоправданно большое значение, что происходит не в последнюю очередь оттого, что Бисмарк в своих воспоминаниях любил драматизировать подобные события. В Биаррице он не заключил сделку с Наполеоном и не выторговал у него нейтралитет Франции в предстоящей прусско-австрийской войне. Более того, Бисмарк сам еще не был уверен, что такая война начнется, и потому он не стал бы связывать себя обязательствами,

которые — стань они известны его врагам дома или за границей — могли бы поставить его в затруднительное положение. Для дипломатии Бисмарка было очень характерно то, что он мог вполне откровенно говорить о чем-нибудь с первым секретарем французского посольства, а затем довольно туманно выражаться в беседах с французским императором. Наполеон III, который тоже вел себя в переговорах очень сдержанно, был вполне удовлетворен: Берлин, по его мнению, признал, что Франция должна будет получить компенсацию в том случае, если карта Центральной Европы начнет перекраиваться. Однако от этой политики недомолвок и умолчаний выиграл все же только Бисмарк. 23 октября он с легким сердцем говорил одному из чиновников министерства иностранных дел: «Наполеон будет вместе с нами танцевать котильон, даже не зная точно, когда именно он начнется и из каких фигур будет состоять»⁵. Биарриц, а затем и Сен-Клу убедили Бисмарка, что Наполеон III слишком осторожен для того, чтобы брать на себя дипломатическую инициативу. Отныне музыку для котильона будет заказывать милитаристская Пруссия. Переговоры показали Бисмарку, что сфера интересов Наполеона находится скорее в Италии, чем в Германии. Венеция слишком долго фигурировала в расчетах императора, в то время как судьба Гольштейна не имела для него почти никакого значения. Это устраивало Бисмарка: он был готов использовать вопрос о будущем Венеции в качестве основы сотрудничества с Францией, в то же время он давно уже утверждал, что итальянское национальное государство всегда являлось естественным союзником Пруссии в любом конфликте с Австрией. Одновременно можно будет отделить проблему Шлезвиг-Гольштейна от других вопросов европейской дипломатии.

В течение последних двух месяцев 1865 года Бисмарк использовал любой инцидент в герцогствах для того, чтобы дискредитировать Австрию. Он заявил, что присутствие герцога Аугустенбургского в Гольштейне несовместимо с австро-прусскими договоренностями относительно совместного управления герцогствами, а затем пожаловался Менсдорфу на австрийских представителей во Франкфурте, которые якобы не поддерживают Пруссию в ее осуждении симпатий парламентариев к герцогу Аугустенбургскому. В некотором смысле Мантейфель, военный губернатор Шлезвига, сам спровоцировал вспышку проаугустенбургских настроений для того, чтобы добыть «доказательства» безответственности Австрии. К концу года австрийский губернатор Гольштейна Людвиг фон Габленц пришел в такую ярость от выходок Мантейфеля, что изменил своим обычаям и открыто примкнул к сторонникам герцога. 23 января 1866 года Габленц организовал массовую демонстрацию в поддержку герцога Аугустенбургского в Алтоне, административном центре Гольштейна. Этот инцидент позволил Бисмарку превратить холодную войну, которая давно уже шла в герцогствах, в вооруженный конфликт. Через три дня в Вене была получена жесткая нота, предупреждавшая Менсдорфа о том, что, если Австрия не подавит опасных «демократических и революционных волнений» в Гольштейне, сотрудничеству между двумя правительствами будет положен конец. «Мы сохраняем за собой полную свободу действий», — довольно неопределенно, но зловеще добавлял в конце Бисмарк⁶.

Эти сердитые слова были рассчитаны не только на то, чтобы утратить Франца Иосифа, но и на то, чтобы произвести соответствующее впечатление на короля Вильгельма. Вильгельму в глубине души была

невыносима мысль о «войне между братьями». Его сын, невестка, все родные и близкие в малых германских государствах постоянно предостерегали его, упрекая в безумстве за то, что он позволяет Бисмарку втягивать Пруссию в конфликт, который расколет всю Германию. Но начавшиеся волнения в поддержку Аугустенбурга и демонстрация в Алтоне убедили Вильгельма в том, что Бисмарк прав: австрийская администрация оказалась лишена того чувства ответственности, которое, по мнению короля, было необходимо для сохранения партнерских отношений в большой политике между ведущими германскими государствами. Более чем год назад Роон утверждал, что прусская армия должна готовиться к военной кампании против Австрии, а король всегда с уважением относился к мнению своего военного министра⁷. Теперь, в феврале 1866 года, это мнение Роона поддержал генерал, который, на взгляд Вильгельма, более всех отличился во время датской кампании, — шестидесятипятилетний мекленбуржец Гельмут фон Мольтке. В этом человеке, которого можно считать полной противоположностью министра-президента, король обрел верного сторонника.

Хотя Вильгельм и был консерватором, ненавидевшим любое новаторство, он все же являлся хорошим солдатом и потому сумел рассмотреть гений Мольтке раньше, чем большинство высших чинов офицерского корпуса, и намного раньше, чем Бисмарк. Как бы то ни было, но все же необходимо признать, что никто не заметил выдающихся способностей Мольтке раньше, чем тот достиг того возраста, в котором большинство генералов уже выходят в отставку. Он был назначен начальником Прусского генерального штаба в 1857 году — в то время, когда этот пост не давал никакой существенной власти. Когда же началась датская вой-

на, Мольтке стал главой одного из ведомств министерства, отвечающего прежде всего за военную разведку. На более позднем этапе войны против Дании Мольтке продемонстрировал, что понимает важность развития технических военных средств: он не был — как большинство его коллег — безрассудным романтиком времен Фридриха Великого и придавал большое значение железнодорожным коммуникациям, планировал военные операции в контексте широкой стратегии, а не ограниченных целей. И хотя Мольтке, как и его государя, ужасала перспектива братоубийственной войны, к началу 1866 году он все же начал рассматривать ее как неизбежное зло. «Война 1866 года началась не потому, что даже существование Пруссии оказалось под угрозой, — писал он спустя несколько лет. — Правительство давно уже готовилось к этой войне, которая велась не за новые территории, а за идею — утверждение силы»⁸. Мольтке, Роон и Бисмарк в один голос заявляли, что в интересах Пруссии следовало бы начать войну против Австрии в 1866 году, не дожидаясь, пока Габсбурги приведут свои дела в порядок. Что же касается «партии мира», состоявшей из членов королевской семьи, то она, без сомнения, только попусту тратила слова.

Действительно, кронпринц опасался разворачивающихся событий. «Все только и думают что о войне с Австрией, которую Бисмарк хочет развязать любой ценой, — записывал он в своем дневнике во второй половине февраля. — Он втягивает Его Величество в эту авантюру и заставляет остальных делать то же самое», — печально добавлял он⁹. Судьбоносное решение, быть или не быть войне, было принято государственным советом 28 февраля. На этом заседании присутствовали все министры, кронпринц, посол Франции, начальник Генерального штаба и два быв-

ших политических противника Бисмарка из королевского окружения, генералы Альфенслебен и Мантейфель. Профессиональные военные единодушно одобрили идею начать войну с Австрией этой весной. Бисмарк выступил с сообщением об австро-пруссских отношениях начиная с 1815 года. Его речь была выдержана в спокойной тональности, но отнюдь не беспристрастна. Он подчеркнул, что миссия Пруссии состоит в том, чтобы стать во главе всей Германии и повести ее за собой, и что этим «возвышенным и законным» амбициям Пруссии на каждом шагу противоречит эгоистическая политика Австрии. Положение внутри Германского союза и в Европе, по мнению Бисмарка, никогда еще не было столь благоприятным для Пруссии: надо начать войну с Австрией из-за герцогств, а затем в ходе этого конфликта появится решение общегерманской проблемы, приемлемое для народа Пруссии.

Бисмарк высказался также на этом государственном совете за заключение союза с Италией. Его точку зрения поддержал Мольтке, который хотел, чтобы итальянцы вошли в удерживаемую австрийцами Венецию для того, чтобы раздробить военные силы Франца Иосифа. Мольтке подчеркнул также необходимость действовать очень быстро, чтобы не дать возможности подготовиться к войне не только австрийцам, но и Саксонии и Баварии, которые, вероятнее всего, станут на сторону Австрии в любом внутригерманском конфликте. Министр финансов, Карл фон Бодельшвинг, высказал сомнение в необходимости войны, он предложил сделать еще одну попытку для того, чтобы достигнуть компромисса. Но самым решительным противником войны являлся кронпринц Фридрих Вильгельм, который сам был военным человеком и, как ожидалось, должен был

возглавить прусскую армию в боевых действиях. На его взгляд, конфликт между двумя ведущими государствами Германского союза явился бы трагедией для Германии и был бы выгоден лишь Наполеону III.

В конце концов, король начал колебаться, не зная, чью сторону занять. Он сказал членам государственного совета, что обратился к своей совести и нашел возможным принять идею о необходимости войны с Австрией, затем он, по его словам, начал молиться Всевышнему и теперь убежден в том, что справедливость по воле Бога была на стороне Пруссии. Но король не хотел предоставить Бисмарку полную свободу действий: война не должна была быть спровоцирована ни незаконными действиями, ни необдуманно фразами. Если Австрия изменит свою политику, Вильгельм, по его утверждению, возблагодарит Бога, поскольку мирное решение конфликта для него намного предпочтительней. А пока король поручил Бисмарку написать от его имени письмо Наполеону III с предложением достичь более тесного взаимопонимания между Пруссией и Францией и одобрил подготовку военного договора с Италией.

Государственный совет убедил военных в том, что война неизбежна. Однако сам Бисмарк вовсе не был в этом убежден. Он понимал, что надежды благочестивого Вильгельма на мирное урегулирование противоречий могут сыграть решающую роль. Если Менсдорфу удастся утихомирить военную партию, действовавшую при дворе Франца Иосифа, то вполне возможно, что Австрия изменит свою политику, как это случилось в Гаштейне летом прошлого года. Поэтому Бисмарк решил подготовить альтернативную политическую линию на случай, если Франц Иосиф откажется от традиционных для Габсбургов претензий на ведущую роль в Германии, и австро-прусское

примирение все же состоится. Подобная уступка со стороны Австрии вполне могла иметь место, если учесть внутривосточные трудности Габсбургов. В феврале и марте Австрии вряд ли удастся решить все свои проблемы. Двор Габсбургов приехал в свою резиденцию в Будапешт, где были предприняты все возможные попытки, чтобы преодолеть постоянно возникающее недоверие между императорской династией и венгерскими магнатами. Три года назад Бисмарк посоветовал Кароли сосредоточить внимание Габсбургов на Венгрии, изменив таким образом сферу своих политических интересов. Если бы это наконец произошло, то в «войне между братьями» отпала бы всякая необходимость, как и в достижении взаимопонимания между Пруссией и Наполеоном III или итальянским королем Виктором Эммануилом. Хотя в глубине души Бисмарк считал, что Франц Иосиф слишком горд для того, чтобы пойти на уступки, которых стремилась добиться от него Пруссия. Бисмарк был готов к смене политического курса даже в тот момент, когда войска начали переходить границу. Политическая гибкость всегда была одной из существенных особенностей его дипломатической стратегии.

Но как бы то ни было, в то же время он продолжал преследовать сразу три цели: Бисмарк хотел заключить союз с Италией, который обязал бы Виктора Эммануила вступить в войну, оставив саму Пруссию свободной от каких-либо обязательств; достичь такого тесного взаимопонимания с Францией, которое заставило бы Наполеона III придерживаться нейтралитета, не требуя за это никаких компенсаций; и, главное, необходимо было поддерживать такое состояние постоянной напряженности, чтобы нервы генералов и дипломатов Франца Иосифа не выдержали, и те совершили

бы какую-нибудь «жестокую и нелепую ошибку». В конечном счете, несмотря на тактические успехи, Бисмарк не сумел достичь ни одной из поставленных им целей. Итальянцы настаивали на определенных сроках, заявляя, что объявят войну Австрии только в том случае, если вооруженный конфликт между Австрией и Пруссией разгорится в течение трех месяцев со дня подписания секретного соглашения (8 апреля). Наполеон III, хотя и не был склонен оказывать поддержку Австрии, в частной беседе высказывал мысли о необходимости расширения границ Франции до берегов Рейна и публично осуждал договор 1815 года. И, наконец, хотя нетрудно было убедить Вильгельма в том, что Австрия не права, добиться поддержки со стороны германского общественного мнения оказалось невозможным. Многие регионы внутри самой Пруссии обращались к королю, «нижайше моля» его сохранить мир. Но никакие препятствия не могли помешать Бисмарку решить насущную проблему военным путем, единственным, который, по его мнению, сможет окончательно отстранить Австрию от вмешательства в германские дела.

Весна 1866 года стала периодом постоянной напряженности. Временами Бисмарку очень хотелось просто полежать на софе с красной обивкой, стоявшей в его кабинете. Он жаловался на страшную боль в ноге, которой он едва мог пошевелить. Австрийский посол, прибывший к Бисмарку как-то в апреле для обсуждения важного вопроса, сравнил министра-президента с раненым кабаном, охваченным предсмертными судорогами, но все еще представляющим собой угрозу для охотника, осмелившегося пробраться в его логово¹⁰. Роон проявлял большее сочувствие к Бисмарку; он находил его «удрученным, раздраженным и лишенным душевного равновесия» и сооб-

шал, что Бисмарк страдал от «сильных болей в желудке». Роона беспокоила мысль о том, что силы этого гиганта, которого он привел к власти три с половиной года назад, окончательно подкосил «Сизифов труд, продолжавшийся днем и ночью»¹¹. В течение нескольких недель Бисмарк почти не появлялся за пределами своей официальной резиденции. По городу распространялись слухи о его пошатнувшемся здоровье. Трудно установить, в чем заключалась причина его недомогания, — и существовала ли она на самом деле. У Бисмарка было варикозное расширение вен, но главный его недуг — «черная меланхолия», как называли эти приступы друзья и коллеги, — проистекал от неправильного режима питания и, в последнем случае, от полной неподвижности, отсутствия физической нагрузки. Его болезнь во многих отношениях была очень удобной: не надо было принимать участие в официальных церемониях и произносить речи, Бисмарк имел возможность принимать только тех дипломатов и политиков, которых он хотел видеть, и работать с посланиями и депешами в относительном покое, нарушаемом только избранными людьми из числа работавших у него чиновников. Это был не первый и не последний случай, когда он пользовался преимуществами своего плохого здоровья.

Впервые австрийцев серьезно встревожило поведение Пруссии в середине марта, когда Кароли, австрийский посол в Берлине, сообщил о прибытии итальянской военной миссии¹². Советники Франца Иосифа обратили его внимание на то, что из-за напряженности, установившейся у границ Венеции и Ломбардии, оказалось невозможным держать в Богемии больше трех полков. Неповоротливой военной машине Австрии потребовалось бы вдвое боль-

ше времени для мобилизации, чем Пруссии. Кроме того, австрийский Генеральный штаб не хотел дразнить своего противника, объявив призыв новобранцев под свои знамена. Но что еще могли предпринять австрийские генералы? Всю вторую половину марта они занимались отправкой солдат на север, в крепости Богемии и Моравии. Каждое донесение о перемещении австрийских войск играли на руку Бисмарку. Он снабдил берлинскую прессу «доказательствами» агрессивных намерений Австрии. Даже король вынужден был признать, что Франц Иосиф вновь стремится унижить Пруссию. В Великий четверг на страстной неделе (29 марта) Вильгельм поборол муки совести и окончательно решил, что он вправе приказать прусской армии укрепить свои приграничные гарнизоны, хотя и не стал отдавать приказ о мобилизации резервистов¹³. Сохранилось краткое изложение разговора между Вильгельмом и герцогом Кобургским, состоявшегося 4 апреля: король объяснил, что, получив первые известия о том, что «Австрия вооружается», ждал целых две недели, однако теперь он не в силах больше «выносить маску» лицемерия и «будет вынужден попытаться сорвать ее»¹⁴. Тем не менее Вильгельм требовал от Бисмарка придерживаться умеренного тона, «несколько прохладного и туманного», в ответах на послания из Вены. Королю все еще была невыносима мысль об австро-прусской войне.

Весь апрель вопрос о войне и мире находился в подвешенном состоянии. В середине месяца казалось, что обе стороны вот-вот начнут разоружаться. Сам Бисмарк с благосклонностью отнесся к компромиссному плану, представленному во второй половине апреля братьями Людвигом и Антоном Габленц, один из которых был австрийским губернатором

Гольштейна, а другой — крупным прусским землевладельцем и членом берлинского ландтага.* В соответствии с их предложением, Шлезвиг-Гольштейн должен был быть объявлен независимым княжеством под властью члена королевского дома Гогенцоллернов, однако это княжество не должно было входить в состав Прусского королевства. Одновременно следовало реформировать Германский союз: всем германским государствам, расположенным к северу от реки Майн, следовало отныне находиться под контролем военного командования Пруссии, а регион, расположенный к югу от этой реки, подпадал под власть австрийского военного командования¹⁵. В военном отношении этот план закреплял за Пруссией существенные преимущества, однако Австрия почти ничего не приобретала взамен. Переговоры велись в течение семи недель и надеждой на успех могла стать только гарантия Бисмарка оставить Венецию за Австрией, потому что Франц Иосиф не мог отказаться от претензий на германские земли в то время, когда из рук Габсбургов ускользали их владения в Италии. Но было уже слишком поздно, Пруссия не могла поддержать Австрию на Аппенинском полуострове: Венеция служила козырной картой в торге между Наполеоном III и прусским послом в Париже, а также в переговорах с итальянцами о заключении прусско-итальянского союза.

Сначала Бисмарк попытался соединить план Габ-

* План был разработан в Гольштейне австрийским генералом Людвигом фон Габленцом. Его брат Антон в течение семи недель был посредником в окончившихся неудачей переговорах между Килем, Берлином и Веной. Оба брата родились в Саксонии. То обстоятельство, что один из них находился на службе Австрии, а другой — Пруссии, отражает ситуацию, в которую попали многие германские семьи в те кризисные дни.

ленца с предложением о прямых выборах в германский парламент, основанных на всеобщем избирательном праве для мужской части населения. Этот специфический проект, направленный на то, чтобы завоевать поддержку германских националистов и их симпатии к Пруссии, был впервые представлен прусским делегатам на заседании парламента во Франкфурте 9 апреля. В течение следующих двух месяцев Бисмарк неустанно подчеркивал мысль о том, что Пруссия приветствует создание нового конституционного органа в Германском союзе, в особенности такого, который будет отвечать чаяниям широких слоев населения. Пока Бисмарк находился в конфликте с берлинским ландтагом, большинство либералов рассматривало его попытки возродить радикальные настроения 1848 года как пример циничного оппортунизма. Однако теперь стало совершенно ясно, что Бисмарк был искренен. На его взгляд, всегерманский парламент сильно отличался бы от преимущественно буржуазного по своему составу законодательного собрания в Берлине с его врожденным неодобрением к королю и министрам. Бисмарк хорошо разбирался в политических реальностях, хотя и недооценивал всю глубину убежденности либералов и прогрессистов, стоявших к нему в оппозиции. Как и Наполеон III, он понимал, что всеобщее избирательное право — это оружие консерваторов; к выборам будут допущены крестьяне и рабочие, которые поведут борьбу за порядок и стабильность против среднего класса, требующего изменений и реформ. На то, что проект создания нового германского законодательного органа будет одобрен федеральным парламентом, надежды было мало, однако это предложение являлось своего рода призывом к демократически настроенным либеральным и национальным силам Германии — призывом,

который не смог бы сделать Франц Иосиф в силу самого характера монархии Габсбургов.

«То, что вы мне предлагаете, — революция!» — протестующе воскликнул Вильгельм, когда Бисмарк впервые изложил ему свой план¹⁶. Королю было трудно понять эту новую уловку «феодалного вассала», предложившего менее чем четыре года назад в Бабельсберге своему «сеньору» услуги. Бисмарк использовал все доступные ему средства для того, чтобы подорвать авторитет Габсбургов, и король не всегда был информирован о его действиях. Находясь уже на государственной службе, Бисмарк продолжал поддерживать контакты с венгерскими политическими эмигрантами и собирался призвать на службу Венгерский легион под командованием генерала Клапки, одного из членов Национального исполнительного комитета Лайоша Кошута. Одновременно строились и другие планы: Бисмарк хотел спровоцировать волнения среди чехов, поднять восстание румын и мадьяр в Трансильвании и сербов, живущих по Дунаю, и даже побудить Гарибальди высадиться с объединенными вооруженными силами венгров и южных славян на побережье Далмации, удерживаемой Австрией. Конечно, было бы смешно ожидать, что итальянские республиканцы, мадьяры, сербы, чехи и румыны сразу же оставят всю свою враждебность по отношению к Пруссии и упадут в ее объятия; вряд ли существовала реальная возможность «взорвать Австрию, приведя в действие одну из этих мин» (выражаясь словами самого Бисмарка)¹⁷. Своими тайными действиями Бисмарк добился главного: австрийские правящие круги встревожились, получив весть о том, что сначала в Белграде произошла встреча прусского генерала и одного из самых близких сторонников Лайоша Кошута, а спустя несколько дней эти же люди вновь

вели переговоры в Бухаресте. То, что началось как спор о судьбе приэльбских герцогств, затрагивало теперь интересы всей империи Габсбургов. Примечательно то, что событием, заставившим Франца Иосифа отдать приказ о начале мобилизации, явились не маневры войск Вильгельма, а полученное известие о концентрации итальянских вооруженных сил на ломбардской равнине. Только через шесть дней (27 апреля) после получения этого известия император распорядился объявить мобилизацию в северную армию, дислоцировавшуюся в Богемии.

В самой Пруссии в это время не чувствовалось энтузиазма по поводу предстоящей войны. Бисмарк отлично знал, что он по-прежнему непопулярен в стране. Из-за болезни — истинной или мнимой — он не выходил на улицу все первые дни мая. И вот, наконец, в понедельник 7 мая он все же отправился по делам в королевский дворец. На обратном пути Бисмарк решил прогуляться по тенистой аллее улицы Унтер-ден-Линден. Внезапно он услышал два револьверных выстрела, прозвучавших совсем рядом за его спиной. Быстро повернувшись, он вступил в схватку с молодым человеком и, скрутив его, держал мертвой хваткой до тех пор, пока не подоспела охрана. Придя домой, Бисмарк обнаружил, что одна из пуль пробила его сюртук, жилет и рубашку, не повредив кожного покрова, но оставив болезненные ощущения в области грудной клетки. Позже он говорил своему политическому секретарю, Роберту Койделю, что, по его мнению, сила удара пуль была ослаблена, поскольку они не могли набрать полную скорость при выстреле, потому что дуло револьвера было по существу прижато к его сюртуку.

Нет никакого сомнения в том, что Бисмарк только чудом избежал смерти во время этого покушения.

Покушавшимся (который покончил жизнь самоубийством той же ночью в тюремной камере) оказался Фердинанд Кохен-Блинд, студент из Тюбингена, сын высланного из страны радикального социалиста Карла Блинда.* По свидетельству Койделя, последствием этого покушения явилась народная демонстрация в поддержку Бисмарка. Он описывает, как толпа народа собралась на Вильгельмштрассе и скандировала свои приветствия до тех пор, пока Бисмарк не вышел на балкон, чтобы произнести короткую речь, выражавшую народу его благодарность¹⁸. Но были среди немцев и такие, кого вовсе не радовало то, что Бисмарк остался цел и невредим. «Какие отвратительные револьверы в этой стране!» — проворчал один известный ученый, преподаватель Берлинского университета. Австрийский полицейский агент сообщал в Вену с некоторым раздражением о том, что военная мобилизация может привести к мятежу, а кронпринц записал в своем дневнике, что «в то время как папа рассказывал мне «о покушении на жизнь Бисмарка», в окно, у которого мы стояли, влетел камень... однако это происшествие не вызвало никакого возмущения внизу на улице». Подобные настроения не ограничивались только левыми и либеральными кругами. В тот же день «Кройццайтунг», консервативная газета, учредить которую помогал сам Бисмарк в 1848 году, заявила, что безответственная дипломатическая политика поставила Германию на грань войны. Статья была написана Людвигом фон

* Карл Блинд принимал активное участие в Баденском революционном восстании 1848 года. Затем он эмигрировал в Лондон, где попал под влияние Маззини и Энгельса. В 1870 г. он выступал горячим сторонником Бисмарка и поддержал войну против Франции, призвав своих соотечественников-социалистов, находившихся в эмиграции, работать вместе на благо «всей Германии».

Герлахом, старым другом Бисмарка и его соратником на политическом поприще. Министр-президент сразу же отозвался, заявив, что эти слова нанесли ему более глубокие раны, чем выстрелы Кохена-Блинда. Несколько дней спустя Бисмарк принял Герлаха в своей резиденции на Вильгельмштрассе. «Он был бледен, напряжен и настроен воинственно, — писал Герлах. — Я предостерег его, сказав, каким ужасным бедствием может стать война, а также напомнив ему о том, что он несет частичную ответственность за Ольмюц. Я предложил ему также продолжать поддерживать наши личные дружеские отношения, однако он проигнорировал мой призыв. От него исходило ощущение беспокойства и отчаянья. Он говорил о Боге и молитве, обращенной к Нему; дело заключалось в отношениях между ним и Богом, а не между друзьями или политическими сторонниками». Они расстались, не пожав друг другу руки. Бисмарк окончательно порвал с протестантским консерватизмом. По словам Койделя, неудавшееся покушение убедило Бисмарка в том, что он является избранником, орудием в руках Всемогущего; но Господь, с которым слилась его душа, странным образом превратился в его личное божество, не похожее на того Бога, которого признают лютеране и кальвинисты²⁰.

Истина заключалась в том, что ко второй половине мая Бисмарк слишком далеко зашел в своей политике, для того чтобы менять теперь ее курс. Через два дня после покушения на его жизнь он убедил короля распустить ландтаг и назначить выборы в новый парламент на конец июня—начало июля. Теперь Бисмарк сам попал в зависимость от времени, к чему привела его же собственная политика: договор с Италией обязывал Пруссию начать войну против Австрии в течение трех месяцев начиная с 5 апреля, внутренние

же дела в Пруссии требовали или громкой военной победы или крупного дипломатического успеха в течение восьми недель начиная с 9 мая. Бисмарк почти не питал иллюзий по поводу того риска, которому он подвергался. Он знал, что не может постоянно игнорировать общественное мнение и парламент. Однажды он патетически воскликнул, что будет продолжать выполнять свой долг, даже если это приведет его на эшафот. И все же, как заметил Герлах, несмотря на нервное напряжение, Бисмарк был уверен в себе. Он был убежден, что, если начнется война, антиправительственных демонстраций не будет. «В решающий момент, — писал он прусскому послу в Париже еще 30 марта, — массы беспрекословно объединятся вокруг трона, вне зависимости от того, будет ли это соответствовать либеральным или консервативным устремлениям»²¹. События последующих месяцев не изменили его мнения на этот счет. В первой половине мая военная мобилизация в Пруссии была завершена, и это не вызвало никаких серьезных волнений в стране. Призывники запаса снова явились в свои части в Вестфалии и Восточной Пруссии, и хотя они сделали это довольно неохотно, традиционное уважение к власти, на которое так рассчитывал Бисмарк, все же одержало верх в их настроениях.

Однако события развивались вовсе не так, как этого ожидал Бисмарк. Попытка привлечь на свою сторону патриотически настроенных граждан, предложив избрать парламент на основе всеобщего избирательного права для мужчин, вызвала больше насмешек, чем энтузиазма, и к концу мая стало ясно, что Бавария, Гессен-Дармштадт и Вюртемберг окажут военную поддержку Австрии, а Саксония и Гессен-Кассель вряд ли будут сохранять нейтралитет перед лицом прусской агрессии, направленной против Ав-

стрии. Надежды Бисмарка сыграть на национальном чувстве немцев ни к чему не привела, не удалась ему также и попытка сделать Наполеона III более сговорчивым. Император не только продолжал постоянно демонстрировать свое стремление получить «компенсацию», присоединив к Франции территории, расположенные между Мозелем и Рейном, но даже высказывал предложение собрать Европейский конгресс для обсуждения трех взаимосвязанных проблем — судьбы Венеции, Шлезвиг-Гольштейна и Германского союза. Подобный план, получивший некоторую поддержку со стороны Британии и России, вновь утвердил бы первенство Франции в Европе, лишив Берлин всякой инициативы²². К счастью для Бисмарка, австрийцы согласились участвовать в конгрессе только при условии, что ни одна из договаривающихся сторон не будет претендовать на возрастание своей военной мощи и расширение территории, — что было неприемлемым для Наполеона III. Со стороны казалось, что австрийцы загнали себя в угол, однако переговоры между французскими и австрийскими дипломатами продолжались, и Бисмарк сомневался в неизменности политического курса Друэна. В конце концов, именно австрийцы способствовали обострению кризиса. Они были уверены в том, что им удастся с помощью остальных германских государств очень быстро разгромить Пруссию и тем самым навсегда избавиться от Бисмарка со всеми его махинациями. 1 июня австрийский представитель во Франкфурте заявил, что, поскольку не удалось достичь соглашения с Пруссией по вопросу о системе управления Шлезвиг-Гольштейном, решение о будущем этих герцогств необходимо передать на усмотрение парламента во Франкфурте и собрать народную ассамблею в самом Гольштейне, в городе Итцехо²³. Это предложение было

нарушением австро-прусского договора, заключенного в январе 1864 года, и было воспринято королем Вильгельмом как оскорбление и ущемление его прав на власть в герцогствах. Бисмарк приказал генералу Мантейфелю форсировать пограничную реку Эйдер и вторгнуться со стороны Шлезвига в Гольштейн, оккупировав это герцогство. К изумлению Бисмарка, 7 июня, в день, когда произошло вторжение прусских войск на территорию Гольштейна, Людвиг фон Габленц отдал приказ своим войскам уйти за Эльбу в Ганновер, не оказав пруссакам ни малейшего сопротивления. Какие бы чувства его поведение ни вызвало в Вене, он был слишком щепетильным человеком, миротворцем по натуре, и не хотел первым открывать огонь в этой братоубийственной войне²⁴.

Как и предполагал Бисмарк, главное решение было принято в федеральном парламенте. Однако, как это часто случалось во Франкфурте, обсуждение этих жизненно важных вопросов сильно затянулось и проходило негладко. 10 июня, в воскресенье, Бисмарк опубликовал в Берлине проект реформы германского федеративного государства, из состава которого исключалась Австрия, и распорядился, чтобы делегат от Пруссии во Франкфурте при первой же возможности ознакомил с этим планом парламент. Однако австрийцы опередили его. В понедельник австрийский делегат обратился ко всем германским государствам с воззванием провести мобилизацию и выступить против Пруссии, поскольку Бисмарк нарушил конституцию Германского союза. Малые германские государства, желая проявить независимость в своих действиях, внесли некоторые изменения в это предложение так, чтобы создавалось впечатление, будто они самостоятельно осуждают Пруссию вне зависимости от позиции Австрии. Однако это не меняло сути дела. В

четверг 14 июня парламент проголосовал против Пруссии. И сразу же прусский делегат, заранее проинструктированный Бисмарком, зачитал заявление, в котором оспаривалось право парламента действовать подобным образом против одного из членов Германского союза и утверждалось, что вследствие этого неправомерного решения сам союз прекращает свое существование. Рано утром в пятницу королю Саксонии и Ганновера, а также правителю Гессена были переданы ультиматумы с требованием принять прусский план реформирования конфедерации и предоставить прусской армии свободный проход через свои территории. Все трое верховных правителя отвергли предъявленный им ультиматум²⁵. Вечер этой пятницы Бисмарк провел в саду на Вильгельмштрассе, 76 в обществе британского посла лорда Огастеса Лофтуса. Когда городские часы в Берлине пробили полночь, Бисмарк сообщил своему гостю, что прусские войска движутся по направлению к Ганноверу, Дрездену и Касселю. «Если нас разобьют, я больше не вернусь сюда, — так, по словам Лофтуса, заявил Бисмарк. — Я паду в последней атаке. Человек умирает только один раз, а для проигравшего лучше всего умереть»²⁶.

Прусские войска оккупировали Саксонию и округ Гессен без особого труда, хотя король Ганновера Георг приказал своим войскам стоять до последнего и драться у Лангензальца. Большая часть северной Германии оказалась в руках Пруссии еще до начала основной кампании против Австрии, до 24 июня. Этот стратегический успех, достигнутый почти совершенно бескровным путем, заставил умолкнуть критиков в Пруссии, выступавших против политики Бисмарка, и в его адрес даже раздались приветствия на улицах Берлина в один из двух дней выборов, в понедельник 25 июня. «Популярность — это доволь-

но тяжкая обуза, я не привык к ней», — писал Бисмарк в четверг на той же неделе Екатерине Орловой²⁷.

Однако уже во время проведения этих ограниченных военных операций Бисмарк увидел источник потенциальной угрозы своим дальнейшим планам. 19 июня он получил телеграмму от прусского посла в Карлсруэ с заявлением, что Пруссия может без всякого труда оккупировать Франкфурт, поскольку в армиях южных немецких государств царит полный хаос. Бисмарк передал это сообщение генералу фон Фалькенштейну, который по приказу Мольтке преследовал ганноверскую армию, отступавшую в южном направлении. Получив послание Бисмарка, Фалькенштейн сразу же прекратил преследование и направил свои войска на запад через Кассель, готовясь к взятию Франкфурта. Мольтке пришел в негодование. Он пожаловался на Бисмарка, который, по его словам, ради достижения политических сиюминутных целей наносит урон стратегическим интересам. Однако король издал 2 июня указ, в соответствии с которым все приказы Генерального штаба должны были сразу же передаваться в штабы действующих армий, а не представляться прежде на рассмотрение военному министру, как это происходило в период датской кампании. Мольтке утверждал, что Бисмарк, вмешиваясь в ход военных действий, пытался снова подчинить вооруженные силы контролю со стороны кабинета министров. Офицеры Генерального штаба, обиженные тем, что их власть тоже была ограничена, раздули значение всей этой истории и продолжали в кулуарах обсуждать между собой «злонамеренность» штатского главы правительства еще долгое время после того, как военная кампания была закончена. Бисмарк справедливо

назвал весь этот инцидент предвестием грядущих конфликтов²⁸.

Король Вильгельм пробыл в своей столице до 30 июня — в этот день он и его приближенные отправились в Богемию, поскольку король считал, что наступает время решающей схватки. Королевская свита была многочисленной — в ее состав вошли министры, военные адъютанты, иностранные дипломаты и атташе зарубежных посольств, чиновники министерства иностранных дел, лейб-медики Его Величества, камердинеры, конюхи, лакеи и так далее. Для путешествия в Райхенау, расположенный в верховьях реки Нейссе и удаленный от Берлина на расстояние ста пятидесяти миль, потребовалось шесть специальных железнодорожных составов. В Райхенау находился штаб Первой прусской армии. Сам Бисмарк путешествовал в военном мундире майора кавалерии германского ополчения, с кирасирским шлемом на голове и в длинной серой накидке, в которой ему было невыносимо жарко в летний день. Он не привык к условиям военного похода, и этот факт с удовольствием подчеркивал Мольтке в своих разговорах. Прибыв в Райхенберг, майор фон Бисмарк был удивлен, обнаружив, что король находится под защитой всего лишь трех сотен солдат. Зная, что саксонские и австрийские войска стоят только в семи милях от этого населенного пункта, Бисмарк спросил Мольтке, не опасно ли, что государь находится под такой малочисленной охраной. «Да, — лаконично ответил Мольтке, — на войне все опасно»²⁹.

Австрийский главнокомандующий Бенедек в сложившихся обстоятельствах готовился дать бой прусским войскам на берегах небольшой речки Бистриц. Место, выбранное им, располагалось у деревни Садова, в семи милях к северо-западу от крепости Кениг-

гретц, построенной у слияния рек Эльбы и Адлера.* Он надеялся разгромить здесь соединенные силы двух армий — Первой прусской армии под командованием принца Фридриха Карла и Эльбской армии под командованием генерала Герварта фон Биттенфельда — до подхода Второй прусской армии, которой командовал кронпринц, высказывавший в мирное время так много критических замечаний в адрес Бисмарка. Мольтке, в свою очередь, был убежден, что сумеет заманить австрийцев в ловушку. Вторая армия, двигавшаяся из Силезии, еще 30 июня наладила связь с Первой армией, и Мольтке не видел причин, по которым кронпринц не смог бы успеть прибыть на поле боя для того, чтобы довершить разгром австрийских вооруженных сил. Бисмарк, сознававший в глубине души, что этот день будет решающим для него как политика, с удовлетворением отметил про себя спокойствие и уверенность Мольтке, сопровождавшего короля Вильгельма, который выехал верхом из деревни Кленитц к деревушке Дуб, где находился высокий холм, господствовавший над всей местностью — долиной реки Бистриц и близлежащими полями; на этой высоте был устроен командный пункт, прибытие туда короля и свиты в четверть восьмого утра было встречено австрийской канонадой, причем один из снаря-

* Немецкие и австрийские авторы, говоря о сражении, состоявшемся 3 июля 1866 года, связывают его с Кениггретцем, в то время как британские и французские исследователи упоминают другой населенный пункт — Садова, что более точно. Название Кениггретц употребил в тот день король Вильгельм, вероятнее всего, потому, что в этом городе когда-то располагался штаб Фридриха Великого, и это название было знакомо королю из прусской военной истории. Сразу же, как только поступили первые сообщения о сражении, оно было названо в английских и французских газетах «сражением при Садова». Город Кениггретц известен теперь под чешским названием Градец-Кралове.

дов упал. всего лишь в двадцати ярдах от короля. Через пятнадцать минут принц Фридрих Карл получил приказ бросить Первую армию против австрийцев, позиции которых располагались вдоль берега реки Бистриц. В этой битве участвовало от 440 000 до 460 000 человек. Никогда прежде в истории Европы в одном сражении не сходилось так много людей, причем подобного широкомасштабного столкновения вооруженных сил не наблюдалось и впоследствии — вплоть до первой мировой войны.

Бисмарк, сидя верхом на большом рыжем, как лиса, коне, внимательно наблюдал за всеми перипетиями восьмичасового боя. Он был рядом с королем и Мольтке — сначала у дереvушки Дуб, а затем на высотах у Роскосберга, расположенного в непосредственной близости от деревни Садова. Позже, вспоминая этот день, Бисмарк говорил, что чувствовал себя игроком в покер, поставившим на кон миллион талеров, которых у него не было. И все же нет никакого сомнения в том, что ирреальная панорама боя, которую он видел впервые в своей жизни, целиком и полностью захватила его, вызвав восхищение. По всей видимости, в тот момент его не мучили угрызения совести по поводу того, что в результате проводимой им в течение четырех лет политики десятки тысяч людей будут искалечены и убиты — подобные угрызения пришли к нему позже. Хотя именно тогда в его душу впервые закралась тревожная мысль о том, что на заливном лугу среди погибших и умирающих мог бы лежать и его сын. Однако больше всего Бисмарка тревожила мысль о безопасности короля, который, по его мнению, подвергал себя ненужному риску. «Как хорошо, что я был там, вместе с ним, — писал Бисмарк в следующий понедельник своей жене, — потому что он не обращает никакого внимания на

предостережения, и никто не осмелился бы говорить с ним так резко, как я позволяю себе это делать в последнее время, предупреждая, что снаряды рвутся слишком близко»³⁰. Фаталистическое отношение к своей миссии на земле мешало Бисмарку задумываться с тревогой о возможности собственной гибели.

Несколько раз в тот вторник Бисмарк поражался выдержке и самообладанию Мольтке. А что если кронпринц не появится на поле боя в нужный момент, и кавалерия Бекедека устремится на штурм позиций Фридриха Карла? И все же именно Бисмарк первым заметил решающий поворот в ходе всего сражения. С наблюдательного пункта на господствующих над местностью высотах Роскосберга он увидел — сразу же после наступления часа дня — то, что он принимал за группу деревьев в пяти милях от места боя, на самом деле двигалось, приближаясь к линии огня австрийской артиллерии. Бисмарк обратил на это внимание Мольтке. Некоторое время Мольтке молча смотрел в указанном направлении в подзорную трубу, а затем сказал, обращаясь к королю: «Исход кампании предрешен в соответствии с желаниями Вашего Величества». Вильгельм, досадуя на то, что слышит из уст военного человека подобные риторические фразы, велел ему не болтать чепухи и заниматься насущными проблемами. Но Мольтке уже успел разглядеть то, что до него заметил Бисмарк; это не богемский лес двигался, как по волшебству, на австрийские позиции, а армия прусского кронпринца грозила отрезать пути отступления потрепанным в бою австрийским войскам. «Успех, Государь, полный успех! — услышал Бисмарк слова Мольтке, обращенные к королю. — Вена лежит у ног Вашего Величества»³¹.

Но никто не хотел верить Мольтке на слово. «Кто он такой, этот генерал Мольтке?» — воскликнул в

этот день командир резервной дивизии, когда при скакавший к нему военный курьер доставил новый приказ³². Бой длился еще три часа, прежде чем стало окончательно ясно, что прусская армия одерживает победу. Особенно яростная битва разгорелась у деревни Хлум, где австрийцы неоднократно пытались отбить у авангарда кронпринца дорогу на Кениггретц, идущую в южном направлении. Но едва опустился вечер, как австрийская армия была окончательно разбита, потеряв двадцать четыре тысячи человек убитыми и ранеными. Еще тринадцать тысяч австрийцев попали в плен. Король наградил своего сына и наследника высшей военной наградой Пруссии, орденом «За заслуги», и провел ночь в Хорице, маленьком городке в шести милях к северу от Садова и тринадцати милях от Кениггретца (неприступной крепости, так и оставшейся в руках австрийцев).

Бисмарк, более удрученный ужасающими последствиями боя, чем воодушевленный одержанной победой, последовал за королем в Хориц. Приехав туда, он обнаружил, что никто и не подумал подготовить помещение для главы правительства. В конце концов, когда уже начал накрапывать дождь, он нашел постоянный двор, где, как он думал, сможет обрести покой. Но войдя в ворота, Бисмарк поскользнулся и упал в выгребную яму. После всех этих злоключений он все же устроился, как мог, на ночлег под колоннадой городского рынка. Здесь его заметил великий герцог Мекленбургский, командир бригады легкой кавалерии, который нашел для Бисмарка местечко в собственной резиденции, и тот наконец смог помыться и лечь спать. К этому времени Мольтке был уже в постели — у него началась лихорадка и поднялась высокая температура³³. Для ликования и празднования триумфа этим вечером не было особых причин:

противник, хотя и потерпел поражение, однако избежал полного окружения и, переправившись через Эльбу, начал отход к Дунаю.

И все же австрийцы теперь понимали, что даже если пополнить свои силы армией, контролировавшей итальянцев в Венеции, то все равно они не смогут взять реванш за поражение у деревни Садова. Австрийские полевые командиры пытались сразу же после сражения заключить перемирие с прусской армией, но условия, выдвинутые Мольтке, оказались слишком жесткими. Франц Иосиф был вынужден обратиться к Франции с просьбой о посредничестве в переговорах. Формально война продолжалась еще три недели, и в Моравии 15 июля прошли жаркие бои у населенных пунктов Тобичев и Рокетниц. Но в действительности во второй половине месяца политические расчеты в прусских коридорах власти оттеснили на задний план стратегические интересы. И Бисмарк, дипломатическая политика которого на протяжении апреля, мая и июня была направлена на то, чтобы накалить страсти и довести кризис до наивысшей точки, старался теперь не меньше кронпринца загасить пламя пожара и восстановить мир в Германии.

В 5 часов утра 5-го июля Бисмарк, проснувшись, получил весть о том, что Наполеон III, по просьбе Франца Иосифа, хочет положить конец военному конфликту. Это произошло намного раньше, чем рассчитывал Бисмарк, и он посоветовал королю дать довольно сдержанный ответ. А тем временем Пруссия продолжала наступление, выдвигая жесткие условия мира. Хотя Бисмарк не хотел, чтобы Наполеон III сменил свой внешнеполитический курс и придвинул французские войска к Рейну, он все же не готов был уступить императору почетную роль миротворца в Европе³⁴. Но вскоре Бисмарк оказался перед лицом

новой проблемы. До начала войны король был против перекраивания европейской карты, однако одержанные Пруссией победы изменили его настроение. Теперь уже при дворе поговаривали о необходимости полной аннексии Ганновера, Саксонии и Гессена и обеспечении для Пруссии территориального коридора в южном направлении вплоть до Баварии. Бисмарка не на шутку встревожили настроения, царящие при дворе. «Я занимаюсь неблагоприятным делом — подливаю воду в бурлящее вино и убеждаю, что мы не одни живем в Европе, что, кроме нас, здесь есть три сильных государства, которые испытывают к нам ненависть и зависть», — писал он Иоганне 9 июля³⁵. На следующий день Бисмарк в беседе с прусским послом в Санкт-Петербурге распорядился, чтобы тот заверил Александра II в том, что он стремится только к одному: реформировать Германский союз, окончательно урегулировать положение в Шлезвиг-Гольштейне и вывести Австрию из состава союза германских государств³⁶. На самом деле программа была столь скромной, что вряд ли король и прусские военачальники одобрили бы ее.

Ведь Вильгельм теперь всем сердцем стремился к расширению границ своего государства. 9 июля, после некоторых колебаний, Бисмарк обратился к прусскому послу в Париже с просьбой выяснить, что думает Наполеон III по поводу потенциальной возможности присоединения к Пруссии северных германских государств, и очень удивился, узнав, что император в принципе ничего не имеет против этой идеи, хотя и настаивает на том, чтобы король Саксонии сохранил свой трон. 14 июля французский посол Бенедетти передал Бисмарку условия мирного договора, подготовленные Францией и рекомендованные ею Пруссии, Италии и Австрии: Венеция отходит к Италии;

Австрия выходит из состава союза германских государств; к северу от реки Майн образуется конфедерация германских государств под эгидой Пруссии, в то время как германские государства, расположенные к югу от Майна, должны «пользоваться полной независимостью на международной арене»; приэльбские герцогства «воссоединяются с Пруссией»; Австрия и ее союзники платят контрибуцию³⁷. Эти условия почти не противоречили планам самого Бисмарка, однако в них не оговаривался вопрос о тех территориях, которые могла бы аннексировать Пруссия. И Бисмарк счел необходимым прояснить этот вопрос, иначе у него не было никакой надежды настоять на своем перед лицом короля и прусских генералов.

Мольтке и Фридрих Карл стремились продолжить наступление прусских войск вплоть до Вены. Король Вильгельм также был преисполнен честолюбивых надежд на то, что сможет диктовать условия мира из австрийской столицы, что прежде удавалось сделать всего лишь одному человеку — Наполеону I. Бисмарк не видел смысла в подобных мечтаниях. Он надоедал Генеральному штабу своими возражениями против плана Фридриха Карла штурмовать укрепления Флоридсдорфа (находившиеся в четырех милях от центра Вены) и обеспечить охрану переправ через Дунай. Бисмарк не хотел унижать национальное достоинство австрийцев и выдвигать такие жесткие условия мира, которые настроили бы последних враждебно к Пруссии. «Позже нам самим потребуется, чтобы Австрия была сильной», — заметил он. Временами Бисмарку казалось, что генералы совершенно лишились здравого смысла. Роберт Койдель описывает, как на одном из бесконечных военных советов, проходивших в том июле, Бисмарк заставил генералов замолчать своей логикой и уничижительным сарказмом. В частности,

он задал вопрос: почему армия хочет диктовать условия мира из Вены, а не преследовать австрийские войска дальше — вниз по Дунаю до самой Венгрии? Поскольку если окажется, что прусская армия слишком отдалилась от налаженных коммуникаций, то она всегда сможет продвинуться еще дальше, до Константинополя, и основать новую Византийскую империю, оставив королевство Пруссия на произвол судьбы³⁸. Бисмарк был прекрасным полемистом, часто выступавшим в парламентских дебатах, и это не вызывало к нему особой любви со стороны Генерального штаба.

В четверг, 19 июля, Бенедетти сообщил Бисмарку о том, что австрийцы приняли условия, разработанные Наполеоном III, и теперь Франция надеялась, что Пруссия тоже согласится на них и немедленно заключит перемирие³⁹. Король и Генеральный штаб находились в это время в Никольсбурге, расположенном в пятидесяти милях от Вены. Именно здесь, в старом замке принца Дитрихштейнского, в тот же четверг состоялось совещание по вопросу о заключении мира. Обсуждение прошло необычно бурно. Мольтке был готов переправиться через Дунай у Флоридсдорфа, поскольку аванпосты Первой армии находились не более чем в четырех милях от реки (близ Ваграма, где во времена Наполеоновских войн произошла известная битва). Военный министр Роон был против переправы через Дунай, поскольку, по его мнению, это могло привести к ненужным человеческим потерям, он поддерживал Бисмарка, отстаивающего идею заключения перемирия. Король сначала упрямылся, но потом все же согласился на заключение пятидневного перемирия, при условии, что прусские войска сохранят свои позиции вблизи Дуная.

Бисмарк понимал, что ему необходим союзник для отстаивания своей точки зрения в Государствен-

ном совете. В субботу он послал срочную депешу в штаб Второй армии, прося кронпринца немедленно прибыть в Никольсбург. По дороге в замок Дитрихштейн кронпринца встретил Мольтке. «Ваше Королевское Высочество сразу же убедится, что дела у нас обстоят просто ужасно, — сказал генерал. — Король и Бисмарк не хотят даже видеть друг друга»⁴⁰. Это было преувеличением. Бисмарк просто решил избегать встреч с Вильгельмом до тех пор, пока не выяснит позицию наследника трона и не подготовится к следующему заседанию совета. Кронпринц, хотя и был все еще враждебно настроен к Бисмарку, столь же горячо, как всегда, стремился к заключению мира, и был готов поддержать министра-президента в его дискуссии с королем и генералами. Конец недели прошел особенно напряженно. Даже кронпринц считал, что «папа» неоправданно резок с Бисмарком. В понедельник (22 июля) из Парижа пришла телеграмма: Наполеон III согласился на аннексию Пруссией новых территориях с населением в четыре миллиона человек, однако он решительно возражал против аннексии Саксонии. Бисмарк думал, что присоединение к Пруссии Гессена, Нассау, Ганновера, Шлезвиг-Гольштейна и имеющего большое значение в историческом плане города Франкфурта удовлетворит аппетиты короля. Он подготовил мастерски составленную докладную записку о необходимости мира, в которой даже предупреждал своего государя об опасности возникновения эпидемии в том случае, если в августе возобновятся военные действия. Но Вильгельм оставался непреклонным: если он не мог с триумфом войти в Вену, то он, по крайней мере, хотел довести до конца дело, которое оказалось не под силу его отцу и Фридриху Великому, — взять под свой контроль Саксонию. На него не произвели ни-

какого впечатления слова Бисмарка о том, что соглашение о «предоставлении всех военных ресурсов Саксонии в распоряжение» Его Величества будет встречено с пониманием и получит поддержку⁴¹. Бисмарк в отчаянии, со слезами на глазах, выбежал из комнаты. «В голову пришла мысль о том, что лучше бы мне выброситься из окна, которое было расположено на уровне четвертого этажа», — писал он впоследствии. В комнату, в которой находился Бисмарк, вошел кронпринц и заверил своего старого политического противника в том, что он постарается убедить отца в необходимости мира. С действительно большой неохотой король все-таки уступил. Под докладной запиской, составленной Бисмарком, Вильгельм написал: «У ворот Вены победитель должен откусить от этого кислого яблока и оставить потомкам право быть его судьей»⁴².

Предварительные условия мира были подписаны Австрией и Пруссией в Никольсбурге 26 июля. По свидетельству очевидцев, Бисмарк в бурной радости ударил кулаком по столу и воскликнул: «Я побил их всех! Всех!! Всех до одного!!!» Но так ли это было на самом деле? Молотке не одержал бы победу в сражении у Кениггретца без кронпринца, без которого Бисмарк тоже не выиграл бы политическое сражение в Никольсбурге. «Все в этом мире перевернуто с ног на голову, — меланхолично заметил кронпринц в тот день, когда он стал свидетелем эмоциональной сцены между королем и его министром-президентом. — Мне пришлось успокаивать их обоих». Это был, пожалуй, единственный человек, который не увлекался преувеличениями и театральными сценами⁴³.

ГЛАВА 9

ГЕРМАНИЯ САДИТСЯ НА КОНЯ

Прохладные отношения между королем и главой кабинета министров длились недолго. Вильгельм очень скоро осознал мудрость умеренной политики Бисмарка. Официальный договор, устанавливающий мир и дружеские отношения между Австрией и Пруссией «отныне и навсегда», был подписан в Праге 23 августа. Франц Иосиф признал факт роспуска Германского союза в том виде, в котором он до сих пор существовал. Но ни король, ни Бисмарк не посчитали нужным оставаться в Богемии для подписания этого документа. 4 августа они отправились назад в Берлин, обсуждая друг с другом по дороге то, что можно было бы назвать «революцией сверху» в Германии. И хотя они расходились во мнениях по некоторым вопросам, натянутость в их отношениях исчезла.

Этим примирением Бисмарк был обязан вмешательству кронпринца и сам честно признавал это. Фридрих Вильгельм на заключительной стадии военной кампании вел обстоятельные беседы с Бисмарком и с облегчением заметил, что тот, подобно ему самому, стремится положить конец конфликту между правительством и парламентом, растянувшемуся на четыре

года. Второй тур выборов в ландтаг состоялся в тот же день, когда произошла битва при Садова; в результате выборов консерваторы укрепили свои позиции за счет блока либерально-прогрессивных сил. Кронпринц опасался, что успех юнкеров ужесточит политику Бисмарка, особенно после усиления его влияния в военных делах. Но Бисмарк, видя, что его планы по созданию всегерманского парламента подвергаются насмешкам, знал, что ему понадобится поддержка либерально-национальных сил для создания новой Германии. Ультраконсерватизм ничего не мог предложить будущему. «Каждый прусский министр, — говорил Бисмарк кронпринцу, — должен уважать волю короля, но в то же время он должен стараться сделать так, чтобы эта воля полностью выражала мнение нации». Кронпринц не мог не сочувствовать подобным взглядам. Записи в его дневнике свидетельствуют о том, что он все еще не доверял Бисмарку, но уважал высказываемое им мнение и мог убедить отца в том, что министр-президент прав.

Если кронпринц все еще испытывал внутренние сомнения, то правое крыло депутатов-либералов не колебалось. Правые хотели положить конец конституционному конфликту еще предыдущей весной, но милитаристы во главе с Мантейфелем настроили короля против компромисса. Теперь депутаты хотели помириться с кабинетом министров. Как писал в это время Трайчке, «успехи армии способствовали омоложению нашего Отечества». «Национальные либералы»* желали единственного: жеста доброй воли со

* Термин «национальные либералы» условен и употребляется здесь для того, чтобы отличать правое крыло (составлявшее большинство) прусских либералов от радикалов, «прогрессистов», которые были против примирения с Бисмарком. По существу национально-либеральная партия появляется на политической

стороны Бисмарка. 5 августа состоялось первое заседание нового парламента. Приветственная речь правительства свидетельствовала о том, что Бисмарк готов сыграть на руку своим давним оппонентам либералам: правительство предложило издать законопроект, по которому Палата одобрит задним числом расходы, произведенные без санкции парламента. Депутаты могли чувствовать себя вполне удовлетворенными, поскольку, предлагая подобный законопроект, Бисмарк тем самым признавал, что правительство действовало противозаконно, используя бюджет по своему усмотрению. Это, несомненно, был жест доброй воли, приглашение к заключению мира. 3 сентября билль был принят большинством голосов (за — 23, против — 74).

Король выразил недовольство. «Я должен был так поступить и сделаю то же самое, если того будет требовать ситуация», — упрямо заявил он спикеру, Максу фон Форкенбеку, после принятия билля. Но Бисмарк и Форкенбек решили не предавать гласности раздраженные замечания короля: в конце концов, Вильгельму шел уже семидесятый год, и было совершенно ясно, что его наследник не станет провоцировать общественное мнение, щеголяя своими королевскими привилегиями. Бисмарк рассчитывал, что парламент поддержит идею присоединения к королевству Пруссии Ганновера, Франкфурта, Гессен-Касселя и Нассау. Вскоре в Палату должны были передать законопроект об избрании парламента на

сцене только в 1867 году во время выборов в законодательный орган — рейхстаг. В нее вошли правое крыло прусских либералов, возглавляемых Карлом Твестеном и Эдуардом Ласкером, и представители непрусского движения, старого Национального союза, возглавляемого ганноверцем Рудольфом фон Беннингсеном. Национальные либералы были политическими союзниками Бисмарка с 1867 по 1879 год.

основе всеобщего избирательного права, действующего по всей Северной Германии. Поэтому не имело смысла продолжать старые споры.

Король и депутаты были единодушны лишь в одном: и тот, и другие хотели выразить свою благодарность Бисмарку за возрастание мощи Пруссии и усиление ее влияния в Европе. Накануне парада в честь победы в Берлине король сообщил Бисмарку о том, что поскольку он действовал с «мужеством и присутствием духа, свойственным солдату», то по королевскому соизволению он навечно приписывается к Седьмому кирасирскому полку в чине генерала-майора. Это почетное звание доставило Бисмарку особое удовольствие. Как уже упоминалось, в прусском обществе, носившем по преимуществу милитаристский характер, он постоянно чувствовал некоторую ущербность из-за того, что был сугубо штатским человеком и не имел никакого опыта службы в армии. Это обстоятельство мешало ему не только дома, но и за рубежом, особенно в России. С конца 1866 года и до самой своей отставки, случившейся двадцать четыре года спустя, он появлялся на людях в мундире кавалерийского генерала, что подчас вызвало раздражение у профессиональных военных из Генерального штаба. Эта привычка носить военную форму («Мундир спасает меня от простуды», — говорил Бисмарк) позже способствовала распространению легенды о «кровавом, железном» канцлере.

Король считал, что военного чина и обилия военных орденов и медалей достаточно для вознаграждения заслуг Бисмарка. Но когда он предложил парламенту ассигновать значительные денежные суммы для поощрения отличившихся военачальников, ландтаг по собственной инициативе включил в этот список министра-президента. Вильгельм согласился с этим

решением депутатов, и в феврале 1867 года Бисмарк получил сорок тысяч фунтов стерлингов государственного вознаграждения. Король выразил надежду на то, что Бисмарк приобретет на эти деньги земельную собственность, «приличествующую вашему славному имени и вашему роду».

Спустя два месяца Бисмарк купил усадьбу Варцин в Померании, расположенную в двадцати пяти милях от Балтийского побережья и в девяноста милях к западу от Данцига. Это была прибрежная местность, поросшая буками, дубами и хвойными деревьями, со множеством речек и болот, где водилось много дичи — вальдшнепов и бекасов. Варцин не был исторически связан с родом Бисмарков, но он будил в душе будущего канцлера воспоминания о Книпгофе, где в школьные годы Бисмарк впервые открыл для себя прелести сельской жизни. И как бы символизируя восхождение Бисмарка по иерархической лестнице власти, это имение по своей площади было значительно больше, чем все поля Книпгофа и Шенгаузена вместе взятые.

Такие почести больше соответствовали бы проходам в отставку заслуженного государственного деятеля, чем награждению действующего политика. Всю осень 1866 года Бисмарк интенсивно работал. Ему требовалось прежде всего завершить переговоры с более чем тридцатью северными германскими государствами, результатом которых должно было явиться создание новой конфедерации под председательством короля Вильгельма. Королевство Саксония подписало окончательное соглашение с Пруссией лишь 21 октября, что давало возможность начать работу по составлению проекта единой конституции. Одновременно Бисмарк должен был наладить отношения между Северогерманской конфедерацией и четырьмя государ-

ствами, расположенными к югу от реки Майн — Баденом, Баварией, Гессен-Дармштадтом и Вюртембергом. Эти южнонемецкие государства традиционно искали поддержки у Австрии, и Бисмарк старался теперь сделать все, чтобы они не попали под влияние Франции. Он настаивал на включении в условия мирного договора, подписанного в августе представителями четырех государств, пункта, в соответствии с которым южнонемецкие страны должны были вступить в союз с Пруссией и даже признать короля Вильгельма верховным главнокомандующим всех германских вооруженных сил в любом будущем конфликте. Баварцы выступили против этого предложения, однако Бисмарк грубо одернул их, напомнив, что альтернативой заключению союза может явиться утрата территориальной целостности и наложение на Баварию большой контрибуции. Но даже и после этого король Вильгельм заявил, что Пруссия отрицает суверенитет Баварского пфальц графства, которое он рассматривал как свой законный военный трофей, и Бисмарку пришлось пригрозить своей отставкой, прежде чем Вильгельм уступил ему.

Первые месяцы после восстановления мира прошли для Бисмарка под знаком сильной обеспокоенности реакцией европейских стран на новую расстановку сил в германском мире. Россия и Франция были встревожены той быстротой, с которой Пруссия одерживала свои победы. В Санкт-Петербурге Горчаков выдвинул предложение созвать генеральный европейский конгресс для того, чтобы окончательно установить границы на карте Европы, не оставляя решение столь важного вопроса на усмотрение только двух сторон — Берлина и Вены, ведущих между собой переговоры. Подобные события уже имели место в 1814-15 и 1856 гг. Однако Бисмарк знал, что такой

конгресс неизбежно включит в свою повестку дня множество вопросов, на которые он сам не готов еще отвечать, и поэтому он высказал Горчакову предостережение, пугая его тем, что в нынешних условиях подъема германского патриотизма было бы опасно предпринимать подобные действия, поскольку ему, прусскому государственному деятелю, будет трудно сдержать революционный энтузиазм масс. Не желая рисковать, накаля обстановку в Германии — и, главное, в Польше, — Горчаков ясно дал понять, что Россия готова принять план Бисмарка по реорганизации Центральной Европы. Мантейфель был послан к царю в качестве чрезвычайного посла короля Вильгельма: его уполномочили предложить России поддержку Пруссии при пересмотре статей Парижского договора, предусматривавших демилитаризацию Черного моря. После этого со стороны Санкт-Петербурга возражений больше не поступало.

С Францией было сложнее. На следующий же день после возвращения Бисмарка в Берлин французский посол, Бенедетти, предъявил ему требования Наполеона III, стремившегося получить компенсацию: левый берег Рейна вплоть до Майнца; возврат к границам 1814 г., право держать гарнизон в Люксембурге. Бенедетти имел указания объяснить Бисмарку, что выполнение этих требований необходимо для того, чтобы успокоить общественное мнение во Франции. Бисмарк разыграл сильную досаду и заявил, что подобные оскорбительные требования не соответствуют тому здравому смыслу, который проявил Наполеон III во время их встреч в Биаррице и Париже. А затем добавил, что скорее согласится на войну с Францией, чем пойдет на подобные уступки. Бенедетти спешно выехал в Париж за новыми инструкциями. Наполеон III сильно встревожился: он не мог допустить развя-

звания конфликта на Рейне. В качестве жеста примирения император отправил в отставку своего министра иностранных дел Друэна де Люиса. Бенедетти был вновь послан в Берлин с предложением заключить франко-прусский наступательно-оборонительный союз взамен установления прежних границ (в пределах 1814 года) и признания права Франции не просто содержать гарнизон в Люксембурге, но полностью аннексировать это Великое герцогство, а также Бельгию. Бисмарк отказался рассматривать вопрос о возврате к границам 1814 года, но заявил, что допускает мысль о заключении соглашения по вопросу об аннексии Бельгии и Люксембурга, если Наполеон III предоставит Пруссии «свободу действий в Германии». К изумлению Бисмарка, 29 августа Бенедетти представил ему проект соглашения, по которому признавались претензии Франции на включение в свой состав территорий Бельгии и Люксембурга, взамен чего сама Франция соглашалась с идеей «федерального союза» Северогерманской конфедерации и четырех южнонемецких государств. События, на взгляд Бисмарка, развивались слишком уж стремительно. Он пока не был готов пойти на подобное соглашение. Бенедетти отправился на две недели в Карлсбад на воды, а Бисмарк с некоторым облегчением занялся другими делами. Наполеону III ничего не оставалось делать, как только начать обсуждение вопроса о будущем Люксембурга непосредственно с номинальным правителем Великого герцогства, королем Нидерландов. Вопрос, не получивший окончательного решения, был пока отложен.

В середине сентября в Берлине разнесся слух о том, что Бисмарк болен. Но он появился в четверг, 27 сентября, на церемонии празднования победы. Верхом на лошади в сопровождении Роона и Мольтке

Бисмарк с триумфом проехал под аркой Бранденбургских ворот. Он был бледен, а его могучие плечи самым нелепым образом увивала цветочная гирлянда, преподнесенная его доброжелателями на улице Унтер-ден-Линден — там, где менее чем двадцать недель назад Кохен-Блинд совершил на него покушение. Сразу же после парада победы Бисмарк окончательно слег, и в следующий четверг послан иностранных держав сообщили, что плохое самочувствие вынудило министра-президента покинуть столицу и уехать на отдых за город.

Конечно же, некоторые наблюдатели сразу же решили, что мнимое нездоровье Бисмарка — всего лишь удобный предлог для того, чтобы уехать из Берлина и тем самым избежать нежелательных встреч с назойливым Бенедетти и королем, поведение которого было подчас непредсказуемо. Однако нет никаких сомнений в том, что на этот раз у Бисмарка действительно сильно сдали нервы. Иоганна и их дочь, Мария, взяли на себя заботу о нем. О Биаррице этой осенью не могло быть и речи: независимо от собственных желаний Бисмарк не мог допустить возможной встречи с Наполеоном III или его министрами. И он снова попытался бежать от реальности.

В кругу своих домашних он мог не думать, не говорить и не читать о политике, не касаться повседневной рутины дел. Пока же он не поправится — или не смирится с неизбежным возвращением в Берлин — страной будет править созданная им административная машина. «Лучше всего для меня было бы прямо сейчас уйти в отставку, — сказал Бисмарк Роберту фон Койделю. — Я бы знал, что был полезен своей стране и оставил после себя добрую память. Я действительно не уверен в том, что смогу справиться с той работой, которую еще предстоит сделать».

Вероятно, он говорил все это всерьез. 7 октября Иоганне удалось увести мужа в уединенное северное курортное местечко Путбус, расположенное на острове Рюген, где единственной связью с внешним миром служил паром, один раз в день ходивший до Грайфсвальда. Она сообщала, что Бисмарк страдал от болей в ноге и желудочных колик, а также описывала, как он любил, растянувшись в шезлонге, «глядеть в синее небо и на зеленые луга» и безучастно перелистывать страницы иллюстрированной книги. Но это длилось недолго. На последней неделе октября он продиктовал деловую записку, адресованную Койделю, со своими соображениями относительно характера и устройства Северогерманской конфедерации; а в течение последующих четырех недель были продиктованы докладные записки, касающиеся таких разнообразных вопросов, как поддержка германскими католиками Римского папы; права датского меньшинства в Шлезвиг-Гольштейне и все важнейшие аспекты отношений с Францией. 1 декабря Бисмарк вернулся в Берлин и на следующий день — впервые за последние два с половиной месяца — лично сделал доклад королю.

Легенда, как всегда приукрашенная самим Бисмарком, утверждает, что после возвращения из Путбуса на Вильгельмштрассе он засел с помощником в своем кабинете и за пару дней набросал проект конституции Северогерманской конфедерации. Подобное утверждение сильно преувеличено. Бисмарк в своей работе опирался на многие документы: у него имелись рекомендации двух правоведов, наброски так и не принятой конституции, сделанные во Франкфурте в 1845 году; материалы по изучению федеральных конституций Швейцарии и Соединенных Штатов и памятные записки с предложениями военного ми-

нистерства и министерства торговли. С помощью доктора Лотара Бюхера*, референта министерства иностранных дел, Бисмарк изучил все эти документы, черпая из них те идеи, которые соответствовали прусской государственной системе.

Вскоре проект конституции, состоявший из шестидесяти четырех статей, был готов, и 9 декабря его представили на рассмотрение королю, кронпринцу и членам правительства, которым было поручено в течение всего лишь пяти дней одобрить этот документ или внести в него необходимые изменения. Два из этих пяти дней были посвящены праздничной церемонии предрождественской королевской охоты, и поэтому конституцию не удалось изучить детально, как того требовал столь серьезный документ. В ее текст внесли лишь несколько незначительных поправок формального характера, а затем, 15 декабря, этот законопроект был передан в конституционную комиссию, состоявшую из министров правительств других немецких государств, членов Конфедерации. И вновь Бисмарк решительно потребовал не тратить слишком много времени на размышления и дискуссии. Было объявлено, что выборы в законодательный орган (рейхстаг) состоятся 12 февраля 1877 года. Поэтому у конституционной комиссии оставалось едва ли восемь недель для того, чтобы завершить свою работу.

Членов комиссии напугал законопроект, представленный Бисмарком. Конституция со всей оче-

* Лотар Бюхер был советником в министерстве иностранных дел, в обязанности которого входило составление докладов и проектов документов. В этой должности Бюхер состоял в течение двадцати двух лет (1864-86) и был ближайшим советником Бисмарка на протяжении почти всей его политической карьеры. В 1848-49 гг. Бюхер являлся депутатом франкфуртского парламента.

видностью утверждала идею жесткого авторитаризма, при котором вся полнота реальной власти сосредоточивалась в руках прусского короля и назначенных им министров. В ведении прусского короля как президента конфедерации были все вопросы внешней политики, он обладал исключительным правом объявлять войну и заключать мир, под его контролем находились также объединенные вооруженные силы, так как он являлся главнокомандующим в военное время. Правда, конституция предусматривала создание федерального совета (бундесрата), куда могли входить делегаты, назначенные государственными правительствами, однако власти у этого органа было едва ли больше, чем у дискуссионного клуба. Конституционная комиссия спешным порядком попыталась провести несколько альтернативных предложений: создание федерального кабинета министров, который явился бы эффективным исполнительным органом новой германской государственной формации, а также создание Палаты князей, которая явилась бы противовесом демократически избранному рейхстагу и имела бы (как считали министры) более высокий статус и престиж, чем простой федеральный совет. Но Бисмарк не допустил внесения серьезных изменений в свой законопроект. Он ловко использовал разногласия, возникавшие между различными немецкими государствами, поддержал поправки, касавшиеся финансовых вопросов и внесенные коммерческими кругами, и предложил наиболее осмотрительным правителям германских государств обеспечить безопасность перед лицом новой волны революционных выступлений. Единственной альтернативой его предложениям, подчеркнул Бисмарк, может явиться всегерманский парламент, настроенный столь же радикально и демократично, как в 1849 году. В личной

беседе Бисмарк заверил представителя Саксонии в конституционной комиссии, что он намеревается «убить дух парламентаризма посредством самого парламента».

Единственное серьезное изменение, все же внесенное в текст конституции, касалось обязанностей федерального канцлера. Первоначально Бисмарк собирался сделать эту должность чисто формальной: канцлер должен был возглавлять бундесрат в качестве его председателя, но не министра. Но попытка конституционной комиссии учредить федеральный исполнительный орган заставила министра-президента изменить свое решение на этот счет. В частной беседе Бисмарк сказал, что хочет, чтобы канцлер был уполномочен проводить федеральные законы. Но в таком случае канцлер стал бы на деле премьер-министром нового федерального государства, причем, кандидатуру на этот пост утверждал бы сам король, а не депутаты. Коллеги Бисмарка, несомненно, сразу же поняли, что дискуссия в конституционной комиссии по поводу поста канцлера заставила Бисмарка решиться оставить эту должность за собой, продолжая одновременно исполнять обязанности прусского министра-президента. По иронии судьбы государственный пост, явившийся краеугольным камнем в системе власти новой Германии, был учрежден почти случайно, в самую последнюю минуту обсуждения законопроекта.

В четверг, 7 февраля 1867 года, министерская конституционная комиссия с трудом, но все же одобрила окончательный вариант текста конституции. Пять дней спустя все мужское население Северной Германии пришло на избирательные участки и избрало новый законодательный орган (рейхстаг). Большинство избранных депутатов принадлежали к аристок-

ратии. В политическом же плане четверть депутатского корпуса принадлежала к национально-либеральной партии. Национальные либералы изъявили готовность поддерживать политический курс Бисмарка в области международной политики при условии, что он будет продолжать сражаться за единство нации; однако их совершенно не удовлетворил окончательный текст проекта конституции. Они хотели, чтобы рейхстаг обладал реальной властью. В идеале они стремились добиться такой государственной системы, при которой правительство несло бы ответственность перед парламентом за свои действия, проводились бы тайные выборы, осуществлялся бы строгий контроль за бюджетом. Бисмарк очень неохотно пошел на уступки. Он согласился с идеей проведения тайного голосования и правом парламента ежегодно обсуждать государственные расходы, правда, при условии, что за пределами дискуссии останутся вопросы финансирования расходов на армию в течение ближайших четырех лет. Бисмарк согласился также на внесение поправки, касающейся функций канцлера, который отныне нес полную «ответственность» перед конфедерацией за все указы и распоряжения, подписанные его рукой, однако подобная очень расплывчатая формулировка оставляла неясной степень такой ответственности. В середине апреля конституция с внесенными в нее поправками была одобрена рейхстагом (большинством голосов — 230 против 53). И Северогерманский союз, незаконорожденный отпрыск прусского милитаризма и романтического национального чувства немцев, получил свою легитимность. Официально о создании союза было объявлено 1 июля. Две недели спустя Бисмарк стал канцлером.

Во время дебатов по вопросу о конституции Бисмарк несколько раз подчеркнуто демонстрировал свой

патриотизм, рассчитывая тем самым завоевать популярность в среде национальных либералов. «Господа, давайте работать в быстром темпе, — так кончалась его речь, произнесенная 17 марта. — Давайте, как это было прежде, посадим Германию на коня! Она прекрасно сумеет им править!» И все же, если кто-нибудь и мог взять в руки поводья этого коня в 1867 году, так это был не циничный канцлер, сам себя назначивший на этот пост, а его старый гостеприимный хозяин, принимавший Бисмарка на вилле Ожени и в Сен-Клу — император Франции. Через два дня после выборов в германский рейхстаг Наполеон III открыл заседание французского парламента речью, исполненной высокомерия. Прошлым летом, заявил он, Франция, не проводя мобилизации и не двинув ни единого полка, одернула Пруссию, стоявшую уже у ворот Вены. Император далее заверил свой народ, что Пруссия никогда не сумеет «нанести оскорбление нашему национальному чувству». Эти слова, а также развернувшаяся затем парламентская дискуссия по поводу внешнеполитического курса взбудоражили общественное мнение по ту сторону Рейна. Германская пресса негодовала по поводу покровительственного тона Наполеона. Бисмарк проявил большее здравомыслие: он понимал, что Бонапарту необходимо повысить свой престиж, если он хочет удержаться на троне. Конечно, было бы лучше противостоять нападкам Наполеона в словесной дискуссии, а не на поле боя, однако Бисмарка в тот момент тоже заботливо сохранение собственного престижа в глазах нации. Он не мог допустить, чтобы рейхстаг обвинил его в потворстве Франции после прусской победы при Садова. Поэтому 19 марта Бисмарк опубликовал все подробности секретных переговоров, в результате которых южнонемецкие государства должны были

войти в состав конфедерации. Опасность, грозившая лидерству Франции в Европе, стала очевидна журналистам как в Берлине, так и в Париже.

В тот же день разразился люксембургский кризис. Король Нидерландов сообщил в Берлин, что готов уступить Люксембург Наполеону III за крупную сумму наличных денег. Бисмарк не возражал против этой сделки. Однако прусский король возмутился при мысли о передаче Франции великого герцогства, где Пруссия уже на протяжении полувека пользовалась правом держать свой военный гарнизон. Генеральный штаб был тоже крайне недоволен. Мольтке, который давно уже пришел к мысли о неизбежности франко-прусской войны, высказывался за то, чтобы именно сейчас нанести удар Франции, пока Наполеон не успел перевооружить армию и укрепить свое положение на международной арене за счет Пруссии. Бисмарк думал иначе. В конце марта он объяснил свою позицию в откровенном разговоре с графом Бетузи-Хуком, одним из своих сторонников-консерваторов. Эти замечания Бисмарка заслуживают того, чтобы процитировать их полностью:

«К несчастью, я давно уже считаю, что война с Францией неизбежна. Тщеславие и уязвленность нашими победами приведут ее к этому. Однако, поскольку я не вижу никаких серьезных разногласий между Францией и Пруссией, которые требовали бы своего разрешения с помощью оружия, я не могу с уверенностью утверждать, что такая война все же начнется. Только жизненно важные интересы страны — такие, как ее честь, которую нельзя смешивать с так называемым «престижем» — оправдывают развязывание войны. Ни один государственный деятель не имеет права начинать войну только потому, что, по его мнению, она в данный момент неизбежна. Если

бы министры иностранных дел отправлялись на поле боя вслед за главами своих государств и военачальниками, в истории было бы гораздо меньше войн. На полях сражений — и, что гораздо хуже, в госпиталях — я видел цвет нашей юности, пораженный ранами и болезнями. Из окна я порой вижу инвалидов, ковыляющих по Вильгельмштрассе; они поднимают на меня взоры и думают, что если бы этот человек не начал ту проклятую войну, то они были бы сейчас сильными и здоровыми. Подобные воспоминания и картины не давали бы мне покоя, если бы я знал, что начал войну из-за личных амбиций или национального тщеславия... Вы можете быть совершенно уверены, что я никогда не посоветую Его Величеству вступить в войну, если этого не будут требовать жизненно важные интересы Отечества».

Нет никаких сомнений в том, что Бисмарк говорил совершенно искренне: той весной он несколько раз высказывался подобным же образом в разговорах с другими собеседниками. И все же он решил воспользоваться преимуществом, которое давал возникший люксембургский кризис, и провести молниеносную превентивную военную кампанию. 1 апреля, по поручению Бисмарка, либерал из Ганновера Беннигсен поднял в рейхстаге вопрос по поводу судьбы Люксембурга и неодобрительно отозвался о готовности правителя «немецкого происхождения» продать Франции земельные владения, которые «всегда были германскими». Подобное утверждение довольно странным образом интерпретировало историю Дании и Люксембурга, однако оно давало возможность Бисмарку высказать предупреждение Франции и внушить депутатам мысль о том, что необходимо «срочно завершить создание Северогерманского союза». На высказанное предупреждение в первую очередь

откликнулся король Нидерландов. Перед лицом прусской военной угрозы он отказался от идеи продажи Люксембурга. При поддержке Бисмарка решение вопроса о судьбе Великого герцогства передали на рассмотрение международной конференции, собравшейся в Лондоне в середине мая под эгидой Британии. Великое герцогство было объявлено нейтральной территорией, обеспечение целостности и независимости которой брали на себя ведущие государства Европы.

Внешне все выглядело так, будто люксембургский кризис так же быстро угас, как и возник. Мольтке сожалел о том, что Бисмарк помешал начать превентивную войну. «Придет время, и это его упрямство будет стоить нам многих человеческих жизней», — сетовал он и настаивал на том, чтобы Генеральный штаб придерживался оперативных планов, предусматривающих более активные боевые действия на Западе следующей весной. Бисмарка останавливали не моральные соображения, хотя бессмысленная бойня всегда казалась ему ужасной (впрочем, как и Мольтке). Он не сомневался, что в военном плане было бы выгоднее разбить Францию в 1867 году, не позволяя ей месяц за месяцем истощать силы Германии в дорогостоящей гонке вооружений. Но тем не менее он настаивал на том, что политические соображения должны брать верх над военными расчетами. По твердому убеждению Бисмарка, сейчас, когда Союз находился еще в стадии становления, было бы нецелесообразно раскручивать люксембургский кризис до предела. Более того, он видел еще одну назревающую опасность. Бисмарка беспокоило безразличие, с которым четыре южнонемецких государства относились к перспективе общенационального крестового похода против Франции. Мольтке рассчитывал на то, что его армия получит поддержку со стороны южногерманс-

ких союзников, но в Берлине хорошо понимали, что и Вюртемберг, и Бавария постараются уклониться от выполнения своих обязательств. Поэтому Бисмарк настаивал на том, чтобы Мольтке и офицеры Генерального штаба обуздали свое нетерпение. Военная кампания на западе не могла начаться до тех пор, пока канцлеру не удастся привлечь южнонемецкие государства к более тесному политическому сотрудничеству.

Летом 1867 года последовало чисто внешнее примирение Пруссии и Франции. В начале июня король Вильгельм и кронпринц отправились в Париж, где присоединились к группе почетных гостей, которых принимал Наполеон III на открытии Всемирной выставки на Марсовом поле. Прусского короля сопровождали канцлер и глава военного ведомства. Вильгельм не был во французской столице с 1814 года, когда он, будучи молодым офицером, служил в оккупационной армии, и поэтому король во время путешествия на поезде по знакомым местам с увлечением показывал своей свите те города и деревушки, через которые более полувека назад наступали союзники. «Какие чудеса вы успели сотворить с тех пор, как я в последний раз был здесь!» — довольно приветливо, но бестактно заметил Вильгельм, обращаясь к императору. Но Наполеон III решил во что бы то ни стало быть любезным и гостеприимным. Этим летом он одинаково тепло принимал всех своих гостей — будь то пруссаки, русские, англичане, датчане или турки. В Париже Вильгельм встретился с русским царем Александром II. 6 июня состоялся впечатляющий парад шестидесятитысячного войска, который принимали главы государств Франции, России и Пруссии. В тот же день после полудня, когда три государя верхом возвращались в Париж, патриоти-

чески настроенный польский эмигрант совершил покушение на царя. Этот инцидент вызвал возмущение у представителей прусского королевского дома, однако он сыграл на руку политике, проводимой канцлером. Александр II отлично знал о традиционных симпатиях, которые Франция питала к Польше, и теперь вряд ли оставались хоть какие-то шансы на возникновение дипломатического сотрудничества России и Франции.

Бисмарк был полностью удовлетворен своим визитом в Париж. Правда, толпа, собравшаяся у Северного вокзала в день прибытия прусского канцлера, освистала его, но Бисмарк заранее предполагал, что «народ Парижа продемонстрирует, что не утратил знаменитой живости своего характера», и поэтому подобный прием скорее позабавил его, чем вызвал досаду. Канцлер с удовольствием проводил время на торжественных церемониях и банкетах, присутствовал на парадах, оценивающим взглядом наблюдая за войсками, и обменивался комплиментами со своими собеседниками. В белом парадном мундире генерал-майора кирасиров он показался французским придворным более мощным, чем прежде. Бисмарк, несмотря на всю свою слоновью неуклюжесть, старался быть галантным. На балу в Тюильри он вальсировал с одной из фрейлин императрицы, мадам де ла Калетт, которая пишет в своих мемуарах, что, когда музыка умолкла, Бисмарк преподнес ей розу, которую вынул из петлицы своего мундира. «Прошу вас, мадам, сохраните эту розу как сувенир в память о последнем вальсе в моей жизни, вальсе, который я никогда не забуду», — сказал он. Маршал Вайян описывал его как «очень веселого парня — славного малого, готового на все». Правда, другие находили его компанию менее привлекательной. Маршал Ле-

беф, сопровождавший по приказу Наполеона III Мольтке и Бисмарка по Версалию, докладывал своему императору: «Сир, я провел сегодня ужасный день в обществе двух человек, которые смертельно нас ненавидят». Но Лебеф, как было всем известно, любил преувеличивать. Отъезжая 14 июля с Северного вокзала, Бисмарк — как и его государь — был преисполнен доброжелательности. «Да, я действительно когда-нибудь снова вернусь сюда», — заверил он гостеприимного императора. Забегая вперед, скажем, что Бисмарк сдержал свое слово.

В конце месяца Бисмарку удалось выкроить время для отдыха в Варцине, где он провел пять недель. Это было спокойное время в политическом отношении, и канцлер смог на досуге поразмыслить над своими дальнейшими шагами. Он решил подождать развития событий на международной арене. Встреча Франца Иосифа и Наполеона III, состоявшаяся в августе месяце в Зальцбурге, не особенно встревожила его. Он считал — и совершенно справедливо, что Франц Иосиф воспользуется периодом временного затишья в Южной Германии для того, чтобы выждать и посмотреть, к чему же приведет конституционный компромисс с Венгрией. Бисмарк знал также, что венгры выступят против любой военной авантюры в Германии: сфера их интересов распространялась на Балканы, но не на запад Европы. До тех пор, пока Франц Иосиф и Наполеон III выражали взаимное согласие лишь на словах и обменивались банальными фразами о дружбе, избегая зафиксировать свои соглашения на бумаге, Пруссия больше выигрывала, чем проигрывала от таких отношений: это делало Россию более зависимой от Пруссии, мешая ее сотрудничеству с Францией и заключению франко-русского союза — наиболее нежелательного варианта в глазах

Бисмарка. Горчаков был чрезвычайно встревожен Заальбургской встречей и признаками того, что Австрия начала проводить активную политику в Юго-Восточной Европе. Как следствие — в марте следующего года русские предложили заключить секретное соглашение с Пруссией: в случае начала войны между Пруссией и Францией, царь выразил свою готовность выдвинуть армию к австро-венгерской границе, чтобы устроить Франца Иосифа. Пруссия же, со своей стороны, должна была сконцентрировать свои войска в прирейнской области, если Австрия начнет угрожать России. Бисмарк не собирался заключать письменное соглашение с Горчаковым, но дал ясно понять, что, по его убеждению, «взаимные интересы Пруссии и России будут диктовать подобную политику». И снова, как и в июне 1863 года, Бисмарк в своей политике опирался на негласное соглашение между Берлином и Петербургом, за которым не стояло никаких официальных обязательств. Зачем надо было делать честную женщину из России, когда жизнь во грехе имела такие преимущества?

Южнонемецкие государства более тщательно берегли свою политическую добродетель. Их правительства с большим подозрением взирали на новую конституцию, проникнутую центростремительными тенденциями, и без особого сочувствия — исключение составлял, пожалуй, один Баден — относились к идее союза с Пруссией. На взгляд южнонемецких государств, Северогерманский союз был излишне протестантским и милитаристским. В нем также действовала слишком строгая политическая цензура: инспирированная Бисмарком клеветническая кампания в Штутгарте, которую вели власти против либеральной газеты, осмелившейся в пренебрежительном тоне отозваться о короле Вильгельме, оправдывала сущес-

твовавшее в Вюртемберге предубеждение против Пруссии. Отношение Бисмарка к бывшему королю Ганновера также не внушало любви к канцлеру представителям старых германских династий. В марте 1868 года все состояние низложенного короля Георга было конфисковано прусским правительством на том основании, что он использовал свой значительный капитал для организации волны протеста в Ганновере. Законность этой акции вызывала большое сомнение, а дальнейшее использование этих денег Бисмарком в интересах Пруссии создавало опасный прецедент, давая канцлеру возможность иметь свой личный фонд для подкупа прессы и оплаты услуг специальных агентов. Более того, подобное обхождение прусских властей с королем-протестантом, к которому консервативное прусское юнкерство всегда демонстрировало свою симпатию, вызывало сильные опасения у баварских Виттельсбахов (католиков), за свою дальнейшую судьбу в составе единой Германии, объединившейся под эгидой Берлина. То, что произошло к северу от Майна, усилило сепаратистские настроения как в Вюртемберге, так и в Баварии.

И все же, несмотря на настроения населения, ни один из правителей южнонемецких государств не мог игнорировать нарастающей мощи Северогерманского союза. В соответствии с обязательствами, взятыми по договору, расширялось сотрудничество между армиями: офицеры с юга проходили подготовку в прусских военных академиях, прусский офицерский корпус координировал всю систему командования, подготовки и средств коммуникаций. Бисмарк рассчитывал на то что, подобно крепнувшим военным связям, ему удастся использовать в своих интересах и экономическую зависимость юга от севера. Он надеялся, что экономическое давление приведет к созданию политического

союза. В соответствии с этим летом 1867 года Бисмарк вновь вернулся к своей старой идее создания Таможенного союза, который решено было создать в Берлине в конце апреля 1868 года. Но если Бисмарк надеялся использовать этот довольно странный съезд как фундамент процесса «пруссинизации», то тут его ожидало разочарование. Большинство депутатов из двух наиболее крупных южнонемецких государств были настроены решительно против обсуждения широкого круга вопросов и выступали за ограничение повестки дня вопросами, связанными с таможенными тарифами, торговыми договорами с иностранными государствами и стандартизацией непрямого налогового обложения на некоторые товары, — такие, как например, табак и сахар. Лишь один раз — 18 мая 1868 года — Бисмарку удалось сорвать аплодисменты на заседании и вызвать одобрение нескольких «верных немецких сердец»: Бисмарк пошутил на тему о защите германской винной торговли от французской конкуренции. Депутаты посетили Киль, где они осмотрели флот союза, стоявший на причале, а затем Гамбург, где наблюдали за впечатляющим зрелищем — образцами германского экспорта, грузившимися на суда быстро развивающегося торгового флота. Но все это не вызвало в душах депутатов патриотического отклика. В конце концов Бисмарк вынужден был заключить, что Таможенный союз — довольно полезный институт, однако это не то место, где можно разжечь политические страсти.

К началу 1869 года даже самые рьяные сторонники Бисмарка были деморализованы неудачами национального движения, которое пытался реанимировать канцлер. «Национальное чувство немцев, — писал из Мюнхена барон Вертерн, — постепенно улетучилось, и только возникновение нового кризиса смо-

жет, на мой взгляд, исправить положение дел». Бисмарк советовал набраться терпения. «Я тоже считаю, что, вероятнее всего, только бурные события могли бы продвинуть процесс германского объединения, — ответил он Вертерну 26 февраля. — Но есть большая разница между тем, чтобы ввергнуть страну в катастрофу, и тем, чтобы выбрать нужный момент и начать действовать. Произвольное вмешательство в ход истории на чисто субъективных основаниях всегда вело к потрясениям, в результате которых на землю падал незрелый плод. Талант дожидаться развития ситуации является одним из существенных требований практической политики».

Ровно двенадцать месяцев спустя Бисмарк в разговоре со своим вновь назначенным пресс-атташе Морицем Бушем, высказывался в том же духе: «В вопросе о германском объединении наблюдается прогресс, но разрешение этого вопроса требует времени — возможно, года или пяти лет, или, может быть, даже десятилетия. Я не могу заставить идти этот процесс более быстрым темпом».

Однако бездействие было не в натуре Бисмарка. И хотя он не хотел падения «незрелого плода», он все же и не мог оставаться в стороне, ожидая, когда порыв ветра сам сорвет и бросит упомянутый «плод» ему в руки. Зимой 1869-70 гг. он заинтересовался двумя проектами, которые, казалось, могли повысить престиж Гогенцоллернов и способствовать стимуляции национального чувства немцев перед выборами в рейхстаг. В первую неделю 1870 года Бисмарк обсуждал с кронпринцем вопрос о замене довольно неуклюжего титула «Президент Северогерманского союза», принятого королем в 1867 году, титулом «Император Германии». Кронпринцу понравилось это предложение, и Бисмарк рассчитывал, что тому удастся в Ни-

кольсбурге преодолеть сопротивление отца и уговорить его принять новый титул. Этот «Кайзерский проект» (как его главным образом называли) в течение трех первых месяцев года был обнародован не только при немецких дворах, но и в кругу дипломатов Лондона и Парижа. Бисмарка поддержали Роон, Мольтке и Великий герцог Баденский. Однако ничто не могло убедить правителей Баварии и Вюртемберга принять это предложение. Да и почему они, собственно говоря, должны были это делать? Всего лишь несколько месяцев назад, в ноябре, выборы в Баварии показали, что большинство населения поддерживает сепаратистов, и как раз в это время в Вюртемберге собирались подписи под петицией, протестующей против «пруссинизации» армии. Бисмарк вновь потерпел неудачу, ему не удалось достичь взаимопонимания с южнонемецкими государствами.

Второй проект относился к области большой политики и касался дипломатической стратегии, что больше соответствовало умениям и талантам канцлера, чем участие в делах внутренней политики. В сентябре 1868 года власть в Мадриде захватила военная хунта, которая попыталась навязать Европе свою волю, предлагая заменить новым государем дискредитировавшую себя и низложенную королеву Изабеллу, бежавшую во Францию. Бисмарк сразу же заинтересовался испанскими делами, хотя вряд ли он начал серьезно рассматривать кандидатуру Гогенцоллерна на испанский трон ранее февраля 1870 года. Тем не менее через неделю после бегства Изабеллы канцлер набросал текст телеграммы, которую следовало отправить из Варцины в министерство иностранных дел в Берлине. В ней подчеркивалась важность испанского кризиса: он мог отвлечь Францию от насущных дел международной политики и стать для нее камнем преткновения. «Ре-

шение, приемлемое для Наполеона, вряд ли сможет удовлетворить нас», — многозначительно добавлял он. На Рождество 1868 года два очень близких доверенных лица канцлера и начальника Генерального штаба отправились в Мадрид, чтобы познакомиться там с царящими в испанской столице настроениями. Весной вслед за ними отправился Теодор фон Бернхардт, неофициальный агент прусского правительства. В начале мая 1869 года начали распространяться слухи о том, что испанцы предложили занять их трон одному из членов прусского королевского дома, и Наполеон III поручил своему послу обратиться за разъяснениями к канцлеру Пруссии. «Я довольно беспечно подошел к этому вопросу и наплел ему всякого вздора», — сообщал Бисмарк своему послу в Париже. И действительно, он заверил Бенедетти в том, что, хотя подобные намеки и в самом деле были сделаны Мадридом, их отменили с порога. Нет никакого сомнения в том, что реакция Наполеона III на эти слухи заставила Бисмарка глубоко задуматься. Теперь он ясно видел, что Франция скорее начнет войну с Пруссией, чем смирится с тем, что Испания станет сатрапом Гогенцоллернов.

Четыре месяца спустя произошел странный эпизод, причем неизвестно, был ли Бисмарк заранее информирован об этих событиях. В сентябре представитель испанской хунты, доктор Салазар-и-Маззаредо, отправился в Вайнберг в Швейцарии, где тайно встретился с принцем Карлом Антоном Гогенцоллерном-Сигмарингеном, главой римско-католической ветви династии. Салазар предложил старшему сыну принца, Леопольду, выставить свою кандидатуру на обсуждение Кортесов для утверждения на испанский трон. Кандидатура Леопольда казалась Бисмарку подходящей по всем статьям: он служил офицером в

прусской армии; его брата недавно провозгласили правителем нового княжества Румыния при поддержке Франции; его зять был королем Португалии; и, наконец, он сам являлся родственником французского императора, поскольку его бабушка была дочерью Евгении Богарне и, следовательно, кузиной Наполеона III. И все же существовало одно серьезное препятствие: принц Леопольд не хотел подвергаться риску и повторять судьбу Максимилиана Мексиканского, принявшего власть, не сулившую никакой стабильности. А в тот момент в Испании как раз вспыхнули восстания против правящей хунты, причем революционное движение носило явно республиканский характер. Поэтому предложение Салазара было отклонено, хотя Карл Антон подчеркнул, что к обсуждению этой темы можно будет снова вернуться в том случае, если испанского эмиссара поддержат Наполеон III и «мой государь», король Пруссии.

К началу 1870 года, казалось, что в Испании вновь воцарился порядок. 24 февраля в резиденцию Карла Антона в Дюссельдорфе совершенно неожиданно вновь нагрянул Салазар, уполномоченный испанским регентом, маршалом Примом, предложить Леопольду испанский трон. Одновременно испанские власти официально уведомили короля Вильгельма и прусского канцлера о своем желании предложить испанскую корону одному из Гогенцоллернов-Сигмарингенов. Никто и не подумал обсуждать этот вопрос с Наполеоном III, несмотря на осторожность в этом вопросе, проявленную Карлом Антоном пять месяцев назад. Теперь же этот вопрос рассматривался в первую очередь как дело, касающееся лишь династии Гогенцоллернов.

«Избрание Гогенцоллерна в Испании приведет к мощному общественному протесту в антипрусской

Европе и ускорит или, наоборот, отсрочит решение многих насущных проблем», — писал Карл Антон Бисмарку 25 февраля, на следующий день после визита Салазара. Ему не было нужды указывать на это обстоятельство: каждый, кто имел понятие об этой проблеме, знал, что подобный поворот событий вызовет озабоченность в Париже. Бисмарк понимал, что преждевременная утечка информации крайне опасна, и поэтому было решено хранить все в абсолютной тайне — даже от прусского правительства. В конце концов, еще не имелось никакой уверенности в том, что кандидатура принца Леопольда пройдет в Кортесах. Карл Антон то загорался этой идеей, то вновь начинал относиться к ней более чем прохладно; Леопольд во всем следовал советам отца, но в то же время устно и письменно заявлял, что как добропорядочный пруссак сделает все, что ему прикажет король Вильгельм. Кронпринцу не нравилась вся эта затея, а король испытывал сильные сомнения. Если бы решение зависело от одних Гогенцоллернов, то идея о выдвижении кандидатуры на испанский престол была бы отброшена уже к середине марта.

Бисмарк, Мольтке и Роон одобряли этот план. Если Кортесы выберут принца Леопольда своим королем, а Наполеон развяжет войну против Пруссии, не желая видеть Гогенцоллерна на троне по ту сторону Пиренеев, то Франция тем самым уронит себя в глазах Европы, поскольку выступит против выбора, сделанного испанским народом. Бисмарк был уверен, что в этом случае у Франции не будет союзников, а Мольтке, в свою очередь, не сомневался в том, что его армия сможет противостоять французскому вторжению и повергнет противника в смятение. С другой стороны, если Наполеон III все же согласится с кандидатурой принца Леопольда, то Франция вынуждена

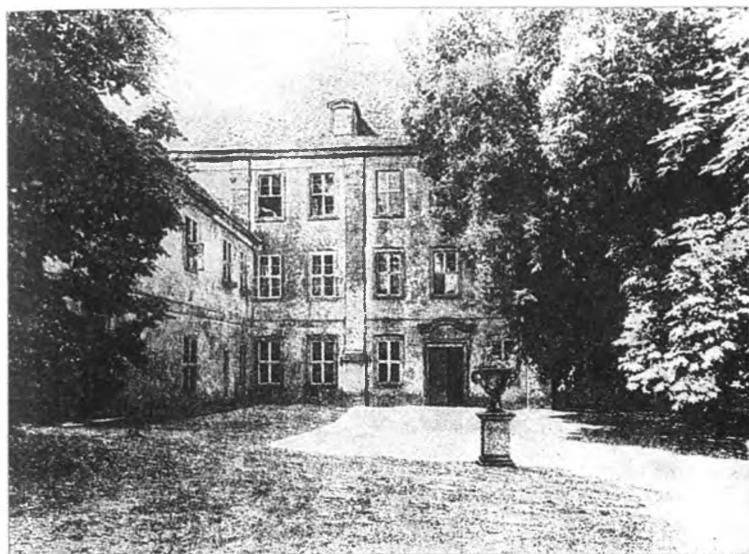
Портрет Бисмарка в двенадцатилетнем возрасте

Мать Бисмарка (вверху)

Бисмарк-студент. Будущему канцлеру 19 лет (внизу слева)

Изабелла Лорейн-Смит (внизу справа)

Шенгаузен (вверху)

Отто фон Бисмарк со своей супругой Иоганной вскоре после свадьбы (внизу слева)

Екатерина Орлова (внизу справа)

Резиденция канцлера на Вильгельмштрассе, Берлин (вверху слева)

Берлинский конгресс 1878 года. Бисмарк обменивается рукопожатием с Шуваловым. За его спиной — Андраши. Сидящий в кресле Горчаков беседует с Биконсфилдом.

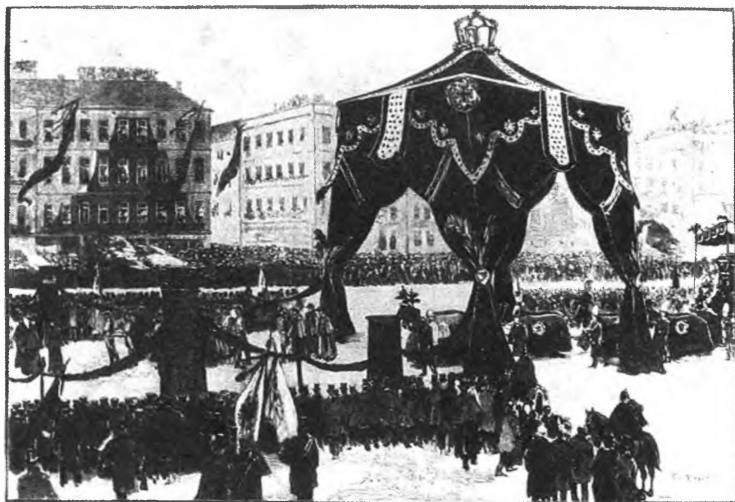
Кронпринц Фредерик с семьей. 1865 год. Его шестилетний сын — будущий император Вильгельм II — стоит за спиной матери (вверху).

Император Вильгельм II

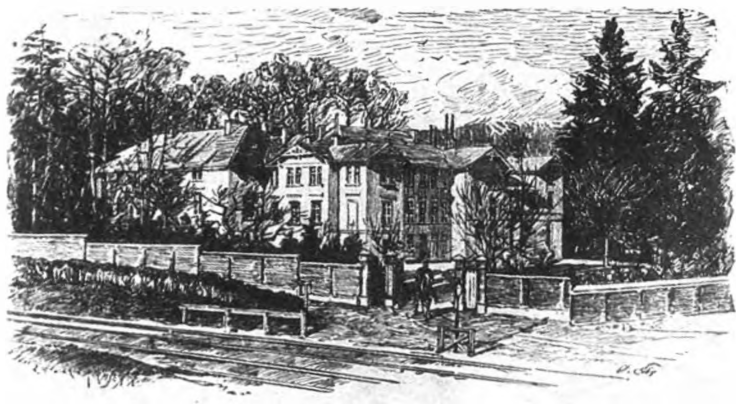
Семейный портрет в варцинском интерьере: Бисмарк с тростью в руках стоит рядом с сидящими Иоганной, своей племянницей Сибиллой. Слева на снимке сестра Бисмарка Мальвина и ее муж Оскар фон Арним.

Фридрихсруэ

Похороны Вильгельма I

Бисмарк и Вильгельм II во Фридрихсруэ, апрель 1898 г. (вверху слева)

Бисмарк и Ли Хунг-Чанг, июнь 1896 г. (вверху справа)

Живая легенда канцлер Бисмарк после отставки

будет пережить политическое унижение, более серьезное, чем то, которое она пережила в Ольмюце. И даже если восстание в Париже не приведет к распаду империи, Наполеону III будет уже впредь невозможно выступать в роли международного арбитра — той роли, которую он самовольно взял на себя. Более того, в любом будущем вооруженном конфликте с германскими государствами Наполеон будет вынужден держать у Пиренеев армию, чтобы противостоять угрозе — реальной или гипотетической — со стороны Испании, и французские вооруженные силы будут, таким образом, раздроблены столь же эффективно, как и австрийские в 1866 году, когда Пруссия заключила союзнический договор с Италией. Эта ситуация давала и другие преимущества. То обстоятельство, что на троне в Мадриде будет сидеть один из Гогенцоллернов, расширит торговлю Германии со всей Испанией и ее оставшимися колониями. Все это в конце концов приведет к укреплению престижа королевского дома Гогенцоллернов, как полагал Бисмарк, а это, в свою очередь, принесет моральное удовлетворение всем немцам и оживит интерес к «кайзеровскому проекту».

Большую часть всех этих аргументов Бисмарк включил в докладную записку, составленную им 9 марта для короля Вильгельма. Он напомнил Вильгельму о том, что если Гогенцоллерны откажутся принять предложение испанцев, то испанская корона, вероятнее всего, достанется баварским Виттельсбахам, что усилит «антинациональные элементы в Германии» и приведет к власти династию, которая будет «искать поддержки у Франции и Рима». Однако это не произвело никакого впечатления на короля; у него была возможность оглянуться назад, на историю Испании, и этот взгляд в прошлое не внушал опти-

мизма. Его заметки на полях докладной записки снижали пыл красноречия канцлера: он с большой долей прозорливости подчеркивал необоснованность расчетов на помощь Испании в будущем конфликте Пруссии с Францией («Какой испанский монарх был бы в состоянии гарантировать подобную политику?» — вопрошал он); и далее король заметил, что представитель иностранной династии вскоре может потерять свой авторитет у «нации, которая в течение последних сорока лет устраивает одну революцию за другой». 15 марта Вильгельм пригласил на обед в королевский дворец принцев Сигмарингенов, канцлера, Роона, Мольтке, еще трех министров прусского правительства и кронпринца. Во время обеда проблема подверглась всестороннему обсуждению. Все советники короля рекомендовали ему принять предложение испанцев. Кронпринц сказал, что на него произвела впечатление политическая аргументация Бисмарка, но ему не нравится перспектива того, что «династия будет лишена своей цветущей ветви». Принц Леопольд, выглядевший жалким и почти все время молчавший, считал своим долгом дать разрешение на то, чтобы Кортесы начали обсуждение его кандидатуры на испанский трон. Но король все так же упорно стоял на своем, отказываясь принять эту идею. Он запретил оказывать давление на Леопольда. Вообще в те времена Вильгельм считался самым упрямым самодержцем в Европе.

Бисмарк был вне себя. Он стоял перед необходимостью решения многих назревших проблем: сложная ситуация создалась в рейхстаге, где проходили затянувшиеся дебаты по поводу принятия нового уголовного кодекса, Британия внесла довольно необдуманное предложение о разоружении, за которым просматривалась попытка Австрии создать трудности

для Пруссии и России в Польше, прусские католические прелаты начинали роптать по поводу доминирования папской курии в Ватиканском совете. Однако, несмотря на всю свою занятость, Бисмарк в первую очередь интересовался разрешением испанской проблемы. Он не хотел отказываться от своей затеи. Если у Леопольда дрожали поджилки при мысли, что он станет испанским королем, то не имелось никаких препятствий для того, чтобы выдвинуть кандидатуру младшего брата Леопольда Фридриха. Канцлер послал в Мадрид неутомимого Лотара Бюхера для того, чтобы тот прощупал почву в испанской столице, а Генеральный штаб откомандировал туда же способного младшего офицера, майора Макса фон Верзена. Оба посланца отправили в Берлин срочные рапорты.

В этот момент произошло то, чего и следовало ожидать: напряженная работа подорвала здоровье Бисмарка. 11 апреля по предписанию врачей он отправился на отдых в Варцин. Неделю спустя канцлер послал телеграмму в Берлин, извещавшую о том, что «он серьезно болен, лежит в постели и не может приступить к исполнению своих служебных обязанностей». Его официальный отпуск «по болезни» длился еще четыре с половиной недели. За это время король, решивший, что вопрос о кандидатуре Гогенцоллерна на испанский престол снят, успел послать в Мадрид телеграмму с сообщением о том, что Леопольд утратил к предложению испанцев всякий интерес. Но Бюхер и майор Верзен не жалели своих сил, и Карл Антон, в конце концов, вообразил себя вершителем судеб, способным посадить на испанский трон нового короля. Он даже сказал Верзену, что будь он помоложе, то сам принял бы эту корону.

Эти новости способствовали выздоровлению Бисмарка. Канцлер снова появился в Берлине после вы-

ходных дней, выпавших на 21-22 мая, и сразу же написал письмо, ободряя Карла Антона и приветствуя его позицию. Через несколько дней, по настоянию отца, Леопольд вновь «обратился к своей совести и чувству долга» за советом. В результате, он опять склонился к тому, что должен согласиться на предложение испанцев. Бисмарк сразу же проинформировали об этом, и он тут же отправил зашифрованные послания в Мадрид. 8 июня канцлер решил, что для поправки его здоровья было бы целесообразно снова уединиться в Варцине. Он сообщил, что на этот раз будет соблюдать очень строгий режим: никаких государственных дел, никаких телеграмм (поскольку у него не имелось с собой книги для расшифровки кодов), никаких консультаций (поскольку он не располагал своим «аппаратом секретарей»). Переговоры о дальнейшей судьбе испанского престола следовало вести самим Гогенцоллернам. Это, как заявил Бисмарк, было их «семейным делом», а не делом канцлера Северогерманского союза.

Бисмарк пробыл в Варцине до 12 июля. В эту знойную пору лета почти все государственные деятели покинули Берлин. Король отдыхал в Эмсе, Мольтке — в Силезии, принц Леопольд находился в Баварии. Большинство европейских столиц тоже опустело. Только в Мадриде наблюдалась необычная политическая активность: депутаты испанских Кортесов с растущим нетерпением ожидали заявления регента о дальнейшей судьбе испанской короны. Маршал Прим полагал, что Кортесы «изберут» нового короля сразу же, как только Салазар вернется из Германии с вестью о том, что принц Леопольд принял предложение испанцев, а король Вильгельм дал на это свое согласие. Европа, и в особенности Франция, будут, таким образом, поставлены перед свершившимся фактом.

Тем временем произошло недоразумение, из-за которого нарушился весь ход событий. 19 июня принц Леопольд дал свое согласие, через два дня Вильгельм скрепя сердце одобрил его решение, и тем же вечером Салазар отправил в Мадрид зашифрованную телеграмму, сообщая, что он вернется в испанскую столицу «числа двадцать девятого июня». Шифровальщик прусской дипломатической миссии ошибся при расшифровке этого послания; при этом вышло, что Салазар вернется в Мадрид не раньше «девятого июля». Регент не мог задерживать депутатов Кортесов так долго на парламентской сессии, и 23 июня он распустил их до ноября. Через три дня после этого Салазар прибыл поездом в Мадрид, однако все депутаты уже разъехались из столицы, и Кортесы не могли официально объявить о признании Леопольда кандидатом на испанский престол. В воцарившемся после этого хаосе произошла утечка информации, и в воскресенье, 3 июля, новость стала известна в Париже. В понедельник утром французская пресса с негодованием обрушилась на Пруссию, возмущаясь ее интригами. В среду французский министр иностранных дел Грамон произнес в парламенте пламенную патриотическую речь.

«Интересы и честь Франции под угрозой гибели», — заявил он и добавил, что французский народ «вовсе не обязан позволять иностранному государству... сажать одного из своих принцев на трон Карла V». Французская пресса пришла в восторг. Бисмарк, читая в четверг вечером в Варцине сообщения газет о речи Грамона, произнес загадочную фразу: «Это очень похоже на войну».

Он был готов ответить на вызов, но сам не хотел провоцировать соперника. Молчание Бисмарка озадачило даже самых близких из его коллег. В течение

нескольких лет финансовые дела и интересы Бисмарка представлял Берлинский банкирский дом Блейхредера. Неопределенность обстановки вынудила главу дома, Герсона фон Блейхредера, обратиться за указаниями в Варцин. 11 июля он получил ответ, написанный рукой Иоганны, поскольку ее муж, как она выражалась, «очень занят шифровками и дешифровками». «Он не верит в то, что будет война, — писала Иоганна, — поскольку, несмотря на легкомыслие некоторых людей, он считает невероятным, чтобы кто-то вдруг напал на нас только из-за того, что Испания проголосовала не так, как этого хотели. Однако он все же считает, что в будущем, возможно, эта уверенность в неизбежности войны будет возрастать, а поскольку ему здесь нужны деньги, то было бы неплохо продать привилегированные акции железной дороги». Вот и все указания, которые канцлер осмелился дать своему банкиру.

Между тем в Берлине прусский министр иностранных дел настаивал на том, что вопрос о кандидатуре на испанский трон касается только королевской семьи и испанцев, но никак не прусского правительства. Это была официальная позиция, которой прусские власти придерживались по указанию Бисмарка. Канцлер хотел тем самым заставить французов совершить ошибку, нанести оскорбление немецкому народу, что привело бы к сплочению Северной и Южной Германии в патриотическом порыве против своего традиционного врага по ту сторону Рейна. Бисмарк слишком хорошо знал настроения, царящие в Париже, и был совершенно уверен в успехе своего замысла. Все, что ему необходимо было делать, это сохранять полное спокойствие, разыгрывая невинность и оставаясь в глуши Померании, а также ждать, когда его призовут в Берлин, где он должен будет спасти

оскорбленную Германию от несправедливого гнева ее завистливого соседа. 11 июля в шесть часов вечера Бисмарк отправил загадочную телеграмму прусскому министру иностранных дел: «Пусть будет, что будет».

Но его расчеты снова не оправдались. Он не учел двух казавшихся незначительными обстоятельств: глубину отвращения, которое король испытывал к испанскому предложению, и ту неохоту, с которой Леопольд принял неожиданно выпавшую на его долю честь. Вильгельм не хотел видеть одного из Гогенцоллернов на испанском троне и не имел ни малейшего желания воевать из-за этого с Францией. Его раздражали тон французской прессы и речь Грамона, но он считал себя обязанным сделать шаг навстречу противнику, чтобы сохранить мир. Рано утром 11 июля король послал в Сигмаринген военного адъютанта полковника фон Штранца, надеясь, что Карл Антон и Леопольд откажутся от предложений занять испанский трон. Поезд полковника прибыл в Брухзаль с опозданием, и ему удалось увидеться с принцами лишь после полуночи. Этот день, проведенный в напряженном ожидании, сыграл свою роль, и при встрече со Штранцем оба принца сразу изъявили свою готовность отказаться от испанского предложения. Карл Антон тут же отправил послание Наполеону III. Тем временем прусский король в некотором раздражении приказал, чтобы Бисмарк немедленно явился к нему в Эмс, расположенный более чем в четырехстах милях от Варцина, и канцлер провел весь вторник, 12 июля, в дилижансе на пути из Померании в столицу. Прибыв в Берлин в шесть часов вечера, он прочитал ожидавшую его телеграмму с сообщением об отказе Леопольда выдвигать свою кандидатуру на испанский престол. Эта совершенно неожиданная новость подкосила его.

Первой мыслью Бисмарка было подать в отставку. Однако его внимание привлекли другие сообщения, не менее интересные по своему содержанию, и среди них в первую очередь телеграммы из Парижа, извещавшие об агрессивных настроениях, царящих в правительственных кругах, и воинственном тоне газет. Бисмарк все еще считал, что французы способны пойти на безумство. Этим вечером канцлер обедал с Рооном и прусским министром внутренних дел Эйленбургом, позже к ним присоединился Мольтке. И Роон, и Мольтке подчеркивали, что для Пруссии необычайно выгодно немедленно начать войну с Францией. На следующий день в беседе с Горчаковым (который находился в Германии с частным визитом) Бисмарк сказал, что заявил генералам о своем нежелании развязывать войну, поскольку это противоречит гуманности и его религиозным убеждениям. Однако в четверть десятого вечером того же вторника он отправил в Эмс послание, настаивая на том, чтобы король отозвал из Парижа прусского посла, и подчеркивая, что после агрессивных выпадов со стороны Грамона германское общественное мнение требует удовлетворительного объяснения подобной враждебности. Это стало началом словесной дуэли. Канцлер не поехал в среду в Эмс; он послал туда Эйленбурга, дав ему соответствующие инструкции, и, как считают исследователи, попросив извиниться. Этим утром Бисмарк ознакомился с новостями, прибывшими из Вены и Лондона (где враждебность Франции породила симпатии англичан к Пруссии), и с сообщениями, поступившими из малых германских государств. Эти известия свидетельствовали о том, что несдержанность французов стимулировала возрождение чувства немецкой национальной гордости. Этим же утром, несколько позже, Горчаков лично заверил Бисмарка

в том, что у Пруссии нет оснований опасаться вмешательства в ее дела России — как военного, так и дипломатического, а военное министерство подтвердило, что мобилизация уже началась. Бисмарк, по всей видимости, принял решение попросить короля созвать парламент, провести через него закон о мобилизации и наборе рекрутов в армию, а затем ждать реакции Франции. После полудня Горчаков предупредил Бисмарка о том, что, по мнению русских дипломатов в Париже, Грамон вряд ли пустит кризис на самотек, не попытавшись извлечь из него каких-нибудь дипломатических выгод.

В среду вечером Бисмарк снова обедал вместе с Мольтке и Рооном. Между семью и восемью часами вечера им была доставлена телеграмма от Генриха Абекена, чиновника министерства иностранных дел из придворной резиденции в Эмсе. В телеграмме сообщалось о встрече прусского короля и Бенедетти, французского посла при прусском дворе — эта встреча состоялась во время прогулки в Эмсе. Французский посол, руководствуясь инструкциями, полученными от Грамона, попросил у короля гарантий того, что прусский король никогда не согласится на выдвижение кандидатуры Гогенцоллерна на испанский престол в случае, если такие попытки возобновятся. Вильгельм был крайне недоволен: французы зашли слишком далеко, стараясь связать династию обязательствами. Вежливо, но твердо король отказался давать какие-либо гарантии. Вскоре Бенедетти снова попытался получить у короля аудиенцию, чтобы настоять на получении французской стороной соответствующих гарантий, однако ему сообщили, что Вильгельму больше нечего сказать по этому поводу. Вильгельм так разгневался, что предпринял необычный для себя шаг: он велел Абекену уполномочить от

его лица Бисмарка сделать достоянием гласности все подробности встречи с Бенедетти. Бисмарк, как известно, не преминул сразу же воспользоваться предоставившейся ему возможностью: без всяких комментариев он опубликовал текст телеграмм, сделав это с такой искусной журналистской язвительностью, что поведение Бенедетти стало выглядеть как наглое приставание к королю, который в свою очередь дал достойный отпор официальному представителю Франции. Позже в своих исполненных драматизма воспоминаниях о том обеде Бисмарк утверждал, что сказал обоим своим гостям: «Это подействует на галльского быка, как красная тряпка». На что Мольтке якобы заметил: «Сначала все это звучало как сигнал, данный к началу переговоров, а теперь это похоже на звук военной трубы в ответ на вызов». Оба генерала были чрезвычайно удовлетворены таким развитием событий.

На следующее утро берлинская пресса опубликовала подправленный Бисмарком текст телеграммы, а вечером появились специальные приложения к парижским газетам. Новость произвела в Париже эффект разорвавшейся бомбы. Во французской столице царили тогда шовинистические настроения, связанные с празднованием Четырнадцатого июля — революционного праздника, который Вторая империя не признавала официально. Однако этот день все равно праздновался в городе, где когда-то была штурмом взята Бастилия. В этот вечер толпы парижан на улицах выкрикивали слова «На Берлин!», точно так же, как немецкие демонстранты в германских городах скандировали лозунг «На Париж!» Патриотическая истерия перехлестывала через край, даже в Парижской опере занавес в тот вечер опустился под неистовые аплодисменты и восторженные крики, когда впер-

вые за последние восемнадцать лет зазвучала «Марсельеза».

15 июля французский парламент проголосовал за выделение военных кредитов, и лишь ветеран консерваторов Тьер и левые выразили протест против войны, не имеющей ни причин, ни целей. «Пруссия забыла Йену! — заявил один из верных бонапартистов, поддержанный одобрительными возгласами и аплодисментами. — Мы должны напомнить ей об этом!»

В том же духе прошло и событие, произошедшее во второй половине дня 19 июля, когда французский специальный уполномоченный в Берлине официально передал в прусское министерство иностранных дел ноту об объявлении войны. К тому времени Бавария, Баден и Вюртемберг уже начали мобилизацию, и к концу месяца полумиллионная германская национальная армия выдвинулась к французской границе. Политика «железа и крови» достигла своего ужасного апогея.

ГЛАВА 10

СЕДАН И ВЕРСАЛЬ

Прошло немало времени, прежде чем разразилась война. Французскому и германскому командованию потребовалось две недели на то, чтобы развернуть войска вдоль границ. Кайзер Вильгельм выехал из Берлина, чтобы возглавить армию на поле боя, только в последний день июля. В тот воскресный день в половине шестого Бисмарк спускался по ступенькам канцелярии в сопровождении жены и дочери. На нем была форма генерал-майора ландвера: кожаные сапоги с высокими голенищами, полностью закрывавшими ноги, синяя шинель, слишком теплая для летнего вечера, на голове красовался стальной шлем с шишаком — принадлежность тяжелой кавалерии. Его сыновья — Герберт, которому исполнился двадцать один год, и восемнадцатилетний Вилли — уже служили в армии в качестве младших офицеров, но наблюдатели обратили внимание и на то, с какой гордостью Иоганна и Мария попрощались с канцлером перед тем, как его экипаж отправился в направлении железнодорожного вокзала.

В течение двух недель он получал только хорошие новости. Кронпринц одержал победу над Мак-Магоном при Верте и Вейсенбурге и продвинулся на тер-

риторию Эльзаса через Вогезы, в то же время армия принца Фридриха Карла вынудила Базена отступить к незавершенной еще крепости Мец. Уже 16 августа Бисмарк писал Иоганне, что считает кампанию «практически оконченной, если только сам Господь Бог не выступит на стороне Франции, чего, как я полагаю, не случится». Но эта ночь стала одной из самых мучительных в его жизни: в маленький домик в Понт-а-Муссон, где он квартировался пришло известие о гибели его сына Герберта. Немногим раньше в тот же день произошло столкновение при Мар-ля-Тур, и его братья-офицеры видели, как во время схватки Герберт упал с коня. Несколько позже ему принесли известие о том, что его второй сын, Вилли, серьезно ранен. Мар-ля-Тур находился на расстоянии менее двадцати миль от Понт-а-Муссон, и Бисмарк сразу же выехал на север и стал в поисках сына объезжать все походные госпитали, организовываемые в деревнях вокруг поля сражения. На рассвете он нашел Герберта живым на ферме в Мариавилле, раненного в бедро, но не опасно. Вскоре после этого он обнаружил и второго своего сына, совершенно невредимого, хотя Вилли побывал в самой гуще боя. Канцлер вернулся в Понт-а-Муссон, чувствуя некоторое облегчение и при этом негодуя на генералов, столь безрассудно отправлявших кавалерию в схватки, от которых не было никакой тактической пользы. Они, жаловался канцлер, «злоупотребляют мужеством своих людей», всегда больше пользуясь кулаками, нежели головой.

Два дня спустя произошло крупное сражение между деревнями Гравлотт и Сен-Прива, на дороге от Вердена в Мец. Теоретически победителями из него вышли прусская армия и ее союзники, так как французы отступили от своих позиций еще до наступления

сумерек, но боевой дух немецких солдат был серьезно ослаблен. На каком-то этапе битвы кайзер, Мольтке и Бисмарк рядом с ним в отчаянии наблюдали за тем, как прусская пехота начала паническое бегство, попав под сильный артобстрел в овраге. Прусская армия и ее союзники потеряли в этот день 20 тысяч человек, а французы — всего 12 тысяч. Как и Бисмарка, кайзера встревожила эта «бессмысленная бойня». Кронпринц, впервые за четыре недели встретившийся с отцом 20 августа в Понт-а-Муссон, заметил, как он «страдает из-за ужасающих потерь». И все же никто не сомневался в окончательной победе. Бисмарк, писал кронпринц, склонялся к условиям «умеренного соглашения»: «передаче Эльзаса, в свое время бывшего немецкой провинцией, и оплаты всех военных расходов». «Он, — вспоминал принц, — спокойно и холодно взирал на происходящие события и ни разу не продемонстрировал при этом неуместной радости и излишнего оптимизма». Мольтке, напротив, думал только над ближайшим вопросом — победным маршем на Париж. Дорога на французскую столицу была открыта победой прусской армии под Седаном 1 сентября. В последние дни августа армия Мак-Магона оказалась загнанной в «котел» вдоль реки Мез у Седана, а единственной линией отступления для нее стали Арденны и бельгийская граница на расстоянии семи миль. 30 августа Бисмарк предупредил правительство в Брюсселе, что оно должно отдать приказ разоружать французские войска, отступающие на нейтральную территорию, в противном случае прусская армия будет вынуждена пересечь границу и продолжать их преследование в Бельгии. «Вот мы и поймали их в мышеловку», — с удовлетворением заметил Мольтке, вечером следующего дня изучая карты.

Первый сентябрьский день начался с густого ту-

мана, но обещал быть солнечным и знойным. Как только рассеялся туман, четыреста орудий открыли огонь по позициям французских войск, расположившихся к востоку от реки Мез на лугах у подножия Арденн. Бисмарк имел возможность прекрасно обозревать все поле битвы. Так же, как и при Кениггреце, он расположился на возвышенности рядом с кайзером Вильгельмом, но на этот раз он был гораздо ближе к главным целям. Со склонов холмов у селения Френуа он мог в подзорную трубу видеть сам Седан, находившийся на расстоянии всего двух миль. Величие и трагедия сражения разворачивались перед ним с такой же яркостью и очевидностью, как если бы он рассматривал диораму в каком-нибудь музее. Ветераны еще долго вспоминали «большое сборище людей» на холме у Френуа: дюжину германских принцев, Мольтке, Роона и их офицеров, популярных журналистов (таких, как Рассел из «Таймс»), авторитетных зарубежных наблюдателей, таких, как генерал Шеридан, кавалерия которого одерживала блестящие победы шестью годами раньше, или генерал Кутузов, дед которого изгнал из России великого Наполеона в 1812 году. В этом собрании на холме у Френуа было что-то сюрреалистическое. Высокие сановники в самой разной, и порой весьма необычной, военной форме наблюдали в свои бинокли за тем, как «проигрывалась» целая империя. Внезапно один из них уселся на холщовый стул, подозвал шифровальщика и стал работать с телеграммами, поступившими из различных посольств, так, словно он все еще пребывал в своем кабинете на Вильгельмштрассе.

— Бокал вина, ваше превосходительство? — спросил атташе.

— Нет, — ответил Бисмарк, — я бы с удовольствием его выпил, но ведь кайзер еще ничего не пил.

Из таких мелких эпизодов вырастают большие легенды.

Мольтке был первым из наблюдателей, кто заметил белый флаг над крепостью Седан, и он направил полковника Бронсарта фон Шеллендорфа подробнее изучить обстановку. Ходил слух, на который обратили внимание и те, кто собрался на склоне холма у Френуа, что в Седане находится сам Наполеон III. Его присутствие могло поставить победителей в сложную юридическую ситуацию при взятии императора в плен, и поэтому Бисмарк решил тщательно обдумать эту проблему, пока Бронсарт встречался с французскими представителями. Полковник возвратился около половины седьмого и подтвердил, что Наполеон лично желает капитулировать. Вслед за полковником прибыл французский офицер с посланием для Вильгельма, в котором Наполеон предлагал «передать мою шпагу в руки Вашего Величества». Бисмарк продиктовал ответ, отослал его от имени кайзера, сообщив в нем, что личная капитуляция императора принята, но при этом высказав просьбу о том, чтобы был назначен офицер, который займется организацией капитуляции всей армии. Два французских генерала, занимавших высокие посты в армии, Вимпффен и Кастельяно, в тот же вечер встретились с Мольтке и Бисмарком при Доншери и попытались несколько смягчить условия, на которых настаивала Пруссия, но безуспешно. Мольтке показал французским представителям на карте, что их положение безнадежно. Бисмарк подчеркнул, что Германии нужна безопасность в будущем от давней зависти и злобы французов. Вимпффен пытался убедить его в том, что только основанный на великодушии мир может быть длительным, но канцлер лишил его последних иллюзий. «Чаще всего не следует полагаться на благодарность

кого бы то ни было, и уж ни в коем случае на благодарность целого народа, — произнес Бисмарк с грубой прямоотой. — Мы должны иметь земли, крепости и границы, чтобы навсегда защититься от посягательств врага». Единственная уступка, предложенная французским эмиссарам, сводилась к продлению перемирия до девяти часов утра следующего дня с тем, чтобы они могли посоветоваться с императором. Была полночь, и Бисмарк с Мольтке провели остаток ночи в Доншери. Кайзер уже возвратился к этому времени в свою резиденцию в Вандресс, расположенную в четырнадцати милях отсюда.

Вскоре после восхода солнца утром 2 сентября Наполеон лично прибыл в Доншери в надежде на личную встречу с Вильгельмом и на возможность смягчения условий капитуляции, к примеру, интернирования французской армии на территорию Бельгии вместо предполагавшейся ее отправки в немецкие военные лагеря. Бисмарк торопливо оделся и встретился с императором в крестьянском домике у дороги. Канцлер был изысканно вежлив, но настроен весьма решительно против встречи двух монархов до того момента, как Вимффен подпишет акт о капитуляции, подготовленный Мольтке предшествующей ночью. Бисмарк объяснил Наполеону, что Вильгельм находится далеко от Седана.

«Мы целый час сидели в комнате в десять метров со столом из сосновых досок и двумя легкими стульями, — писал Бисмарк Иоганне на следующий день. — Впечатляющий контраст с нашей последней встречей и обменом мнениями в Тюильри в 67-м году». Беседа продвигалась с большим трудом. Как только армия капитулировала, Бисмарк препроводил Наполеона в маленький особняк в Бельвю, где к ним присоединились Вильгельм и кронпринц для короткого, вежливо-

го, но очень неприятного разговора. Было принято решение, что Наполеон проследует по территории Бельгии в Вильгельмское неподалеку от Касселя, где и останется в качестве военнопленного до завершения военных действий. Ранним утром следующего дня, субботы 3 сентября, Бисмарк и Мольтке проводили карету Наполеона с фореиторами на запятках, проезжавшую через Доншери и направлявшуюся в Бельгию, а затем в Вильгельмское. Оба провожающих чувствовали удовлетворение от всего происходящего. Мольтке считал, что военная сила Франции практически сходит на нет. Бисмарк полагал, что вплотную приблизился к достижению своих главных политических целей.

«Вот уходит целая династия», — заметил он, как только императорский экипаж скрылся в направлении бельгийской границы. Ему было приятно, что с Наполеоном обошлись так благородно, кто-то должен будет подписать мирный договор, а Наполеон III все еще являлся законным правителем Франции. Кроме того, не следовало подвергать унижению государя, на верность которому присягали французские армии, еще остававшиеся в Меце и Страсбурге.

Канцлер был убежден в том, что война практически окончена. И в эти последние дни недели, переезжая вместе со штабом в Вандресс и Реймс, он практически все время обдумывал формулировки наиболее разумных условий заключения мира. Бисмарк всегда оставался в большей степени практическим политиком, нежели имперским пророком, и не желал замыкаться в узких рамках предрассудков национал-либерального шовинизма, даже в рамках той идеологии, которую проповедовали его собственные газеты. Они могли до бесконечности болтать о «возвращении утраченных немецких земель», о том, что-

бы сделать Рейн «не немецкой границей, а немецкой рекой», но Бисмарк остался бы доволен выполнением минимальной программы, которая могла удовлетворить его государя и генералов. В Ретеле 4 сентября он заметил Морицу Бушу: «Мец и Страсбург — вот то, что мы требуем и что хотим забрать. Эльзас — это домыслы профессоров».

В то воскресенье в Париже началась революция, и в «Отель де Виль» была провозглашена Третья республика. Когда эта новость дошла до Бисмарка, она его особенно не беспокоила: призрак республиканской Франции усиливал зависимость восточных монархий от Пруссии, так как правящие классы в Вене и Санкт-Петербурге, несомненно, захотят продемонстрировать свою солидарность перед лицом этого нового проявления красного безумия. И если Жюль Фавр, министр иностранных дел в новом временном правительстве, будет готов обсудить условия заключения мира, тем лучше. «Совершенно неважно для нас, кто правит Францией, Наполеон или же «белая» или «красная» республика, — телеграфировал Бисмарк из штаб-квартиры Вильгельма в Мо прусскому послу в Лондон. — Единственной нашей целью является стратегическая безопасность наших границ на юго-востоке в условиях неизбежно грядущего нападения Франции на Германию». В глубине души Бисмарк, конечно же, предпочитал империю Третьей республике, и вовсе не торопился принимать Фавра, надеясь на то, что республика окажется не более чем преходящим жестом раздражения со стороны Парижа, но, когда в конце третьей недели сентября прусские армии завершили осаду столицы, было принято решение принять и выслушать Фавра. Поздно вечером в понедельник 19 сентября Бисмарк принял Фавра в Феррьерере, где в это время обосновался Вильгельм во дворце

Ротшильда на расстоянии каких-нибудь восьми миль от Версаля и пятнадцати — от самого Парижа.

Жюль Фавр, адвокат-буржуа и сторонник французских горняков в их борьбе во времена Второй империи за создание профсоюза, принадлежал к тому типу политиков, которые заставляли Бисмарка проявлять худшие стороны своего характера. В ту ночь в Феррьерере канцлер обошелся с Фавром в высшей степени неучтиво. Шестидесятилетний юрист с присущим ему красноречием просил справедливого мира, который бы позволил французскому и немецкому народам жить в атмосфере доброго соседства, дружбы и взаимопонимания. Бисмарк слушал его с явным презрением, удовлетворенно попыхивая послеобеденной сигарой, а разговор продолжался уже более часа. Пруссии, заявил он Фавру с грубоватой прямоотой, нужна безопасная граница на случай ответной войны, которую Франция, по его мнению, обязательно начнет против новой Германии. Именно поэтому Франция должна отказаться от Страсбурга и от всего Эльзаса, а также от части Лотарингии, включая крепость Мец. Это были очень жесткие условия, едва ли отличавшиеся от того, что канцлер именовал «домыслами профессоров», и вполне вероятно, что Бисмарк предполагал, что Жюль Фавр выступит со встречным предложением, и начнутся настоящие переговоры. Но Фавр был потрясен и растерян. «Вы хотите уничтожить Францию!» — воскликнул он в слезах. Он попросил канцлера о перемирии, за время которого французы могли бы избрать представительное Национальное собрание, но Бисмарк заявил, что его не интересуют внутренние дела Франции. Тем не менее он соглашался на это перемирие при том условии, что в залог искренности своих намерений французы сдадут оставшиеся крепости Эльзаса и один из обо-

ронительных фортов на подступах к Парижу. По прошествии полутора часов Жюль Фавр покинул Феррьер «подавленным, удрученным, почти в отчаянии». В своем дневнике Мориц Буш предполагает, что несчастный француз намеренно разыграл эту драматическую сцену с тем, «чтобы произвести впечатление на канцлера»; и сам Бисмарк не без некоторого цинизма высказал мнение, что Жюль Фавр «пытался воздействовать на его чувствительность с помощью этого маленького театрального представления, как обычно поступают парижские адвокаты во время процессов». Никто в прусском штабе не сомневался в том, что Жюль Фавр вернется сразу же после того, как проконсультируется со своими коллегами, а затем будет заключено перемирие или мирный договор, и вскоре германские флаги будут развеваться на обоих берегах Рейна от Эммереха до Базеля.

Но прусская сторона ошибалась. В течение следующих сорока восьми часов парижское правительство опубликовало отчет о встрече Фавра и Бисмарка, тем самым поставив Европу в известность о тех условиях, на которых канцлер предлагал заключить мир. Повсюду за рубежом усилились антипруссские настроения, а в Париже и во многих французских городах проявились вспышки «дантоновской» гордости. После встречи в Феррьерке изменился характер войны. Невидимая ранее жестокость, проявлявшаяся во время отдельных нападений на захватчиков, теперь стала одним из обычных методов сопротивления французов. Теперь война шла уже не между двумя профессиональными армиями. Неизбежно захватчики ответили на это жесточайшими карательными мерами. Бисмарк лично требовал от властей вводить железную дисциплину на покоренных территориях: деревни, укрывавшие партизан и помо-

гавшие им, должны были сжигаться до основания, любого человека (будь то мужчина, женщина или ребенок), заподозренного в обстреле немецких войск или в подготовке актов саботажа, следовало казнить; он лично также поддерживал идею переселения всех жителей тех регионов, где имеют место случаи неповиновения оккупационным властям, в специальные лагеря в Германию.* К счастью, далеко не все из тех, кто занимал ответственные посты, разделяли жесткую позицию, как Бисмарк, но страдания французов все-таки были ужасны. Их «упрямая сила сопротивления», как с осуждением характеризовал это кронпринц в своем дневнике, показывала, что может сделать единый народ, захваченный высокой национальной идеей»¹¹. Но затягивание войны не входило в планы Бисмарка.

Не дождавшись мирной делегации из Парижа, канцлер обратился к двум американским гостям: генералу Амброзу Бернсайд и полковнику Форбсу — с просьбой под белым флагом пересечь линию фронта, и возвратиться с информацией по поводу намерений Фавра. Бернсайд (несколько лет назад он был известен как наименее отличившийся из командующих в

* Это предложение было высказано Бисмарком в частной беседе, и не совсем ясно, насколько оно соотносилось с его официальным и, следовательно, значительно более продуманным мнением. Профессор Герхард Риттер указывает, что официальные доклады канцлера, напротив, «совершенно свободны от каких-либо чрезмерных не сдерживаемых эмоций, ненависти или стремления отомстить. Но член парламента от национально-либеральной партии Людвиг Бамберггер был потрясен беседой с канцлером во время обеда. «Жестокость — определенно, один из его инстинктов», — записал он в своем дневнике после визита в Версаль. Кронпринц весьма сожалел по поводу «чудовищных высказываний» Бисмарка и его «жестоких выражений», которые, по словам принца, «открыто произносились здесь и которые его жена повторяет в Берлине».

армии Линкольна на Потомаке) удалось добраться до «Отель де Вилль». Он встретился с Фавром, и с главой временного правительства генералом Трошю, объяснившим все несчастья родины нравственной развращенностью своих соплеменников. Американец возвратился в Феррьер с сообщением, что Фавр примирился с мыслью об утрате Эльзаса Францией, но не способен убедить в неизбежности этого других республиканских лидеров.

«Париж, — без околичностей заявил Бисмарк, — это сумасшедший дом, заселенный обезьянами»¹². Это была далеко не самая глубокая и полезная оценка ситуации, но ведь и Бернсайд был далеко не лучшим эмиссаром. Точка зрения Бернсайда еще больше укрепила Бисмарка в его предубеждениях и намерениях. Если «обезьяны» останутся глухи к голосу разума, всегда есть возможность заключить мирный договор с Наполеоном, находящимся в Вильгельмское. Рано или поздно какой-нибудь представитель Франции все равно подпишет бумагу, в которой откажется от Меца и от Страсбурга, а тем временем, если Вильгельм желает перенести свою резиденцию в Версаль, то почему бы и нет?

Прусский королевский штандарт взметнулся на флагштоке Версальской префектуры 5 октября. «Мы пробудем здесь около трех недель», — предсказал Роберт фон Кейдель, наблюдая за тем, как штаб организует импровизированное министерство иностранных дел на расстоянии менее мили от дворца Людовика XIV¹³. Но он оказался слишком опрометчив в своем оптимизме — Версаль на целых пять месяцев приобрел внешнюю атрибутику немецкого столичного города. Поначалу все шло очень хорошо. Вильгельм жил в самой префектуре, и особняков хватило для шести принцев королевской фамилии,

четыре эрцгерцогов, пяти герцогов и одного правящего ландграфа, сопровождавшего Вильгельма на войне. Бисмарк же размещался на расстоянии менее полумили от резиденции своего государя на Рю де Прованс, дом 14, в трехэтажной вилле, принадлежащей вдове фабриканта тканей и расположенной на тихой улочке рядом с Авеню де Сен-Клу. В октябре и ноябре война не слишком влияла на праздничное настроение победителей. Поражение Наполеона I в битве под Лейпцигом было отмечено парадом на Плас д'Арм, за здоровье Мольтке произносились тосты в день его семидесятилетнего юбилея и поднимались бокалы с вином из лучших погребов Франции, а кронпринц в двух своих воскресных дневниковых записях отметил, как великолепно и тепло звучали лютеранские гимны в часовне Людовика XIV¹⁴.

Но время от времени, все же казалось, что дух Версаля мстит захватчикам. Недели напряжения и неудовлетворения переходили в месяцы, мелкие разногласия превращались в крупные столкновения, начали процветать интриги, примерно так же, как в последние десятилетия правления старого режима Бурбонов. Затаенная злоба быстро плодится в искусственной атмосфере резиденции монарха, где взаимное недоверие, неприязнь и мелкая зависть являются обыкновенным делом. Наконец нараставшее напряжение в отношениях между Бисмарком и Мольтке стало вызывать серьезные опасения: оно угрожало основам взаимоотношений военных и гражданских властей внутри прусского государства и, в конечном итоге, всей Германии в целом. Столкновения между обоими государственными деятелями за совещательным столом происходили и в Седане, и Феррьере так же, как и во время кампании 1866 года, но именно затянувшееся окончание войны после оккупации

Версаль окончательно сломало партнерские взаимоотношения канцлера и Генерального штаба¹⁵.

Мольтке полагал, что в том случае, если страна начинает войну, любые дипломатические и политические соображения должны быть подчинены требованиям Верховного командования. Продолжительность и масштабы военной кампании, проблемы заключения перемирия, мирные переговоры — все эти вопросы, по его мнению, должны быть предоставлены для решения военным. Бисмарк, с другой стороны, настаивал, что на эти вопросы окончательный ответ должны давать политические советники государя. По его мнению, задача офицерского корпуса заключалась в том, чтобы выигрывать сражения для своего монарха, а вовсе не в том, чтобы решать, кто является его врагом, а кто — нет, и что из захваченного в сражении необходимо аннексировать. Сомнения по поводу того, насколько далеко простираются сферы ответственности каждого, уже вызывали трения в Никольсбурге, в 1870 году они обострились из-за отношения обоих лидеров к той войне, которую Пруссия вела в данный момент. Мольтке ненавидел французов и был готов повести свои армии до Лувра и дальше, начав кампанию, направленную на открытое уничтожение противника. Бисмарк, напротив, несмотря на все громы и молнии, которые он обрушивал на Францию в своих частных беседах, не позволял эмоциям влиять на политику. Его ближайшая цель оставалась той же, какой была и под Седаном, — возможно, более быстрая победа и заключение мира до того, как какая-либо другая сторона попытается вмешаться в этот процесс.

К своему величайшему недоумению, Бисмарк понял, что генералы намерены исключить его из решения практически всех военных вопросов и обойтись

без его участия в советах. Он жаловался на то, что его даже держали в неведении относительно хода военных операций и развития ситуации на фронте. Они всячески мешали его попыткам вступить в переговоры с представителями бонапартистов и лишь в незначительной мере помогли в организации встречи Бисмарка с давним лидером консерваторов Адольфом Тьером, который добивался у канцлера аудиенции в Версале 1-2 ноября, через несколько дней после того как последний еще оставшийся верным императору командующий (Базен) капитулировал в Меце. Месяц спустя Мольтке послал прямое письмо генералу Тронею в Париж, в котором сообщал о том, что Орлеан сдался прусским войскам, и этот факт Бисмарк вновь истолковал как попытку руководителя Генерального штаба определять политику независимо от канцлера. Подобное вмешательство уже было совершенно недопустимо.

«Это выглядит точно также, как если бы я попытался поучить их тому, где установить артиллерийскую батарею», — пожаловался он своим ближайшим друзьям за обедом 14 октября после одной из очередных стычек с этими «военными господами». К середине декабря поведение Мольтке привело его в столь сильное негодование, что он поднял этот вопрос в присутствии Вильгельма, и тот в конце концов настоял на том, чтобы его первого министра информировали, по крайней мере, о важнейших военных решениях.

Беспокойство Бисмарка было вполне оправданно, но и у генералов имелись свои основания оставаться недовольными поведением канцлера. Несмотря на все его заверения в противном, нет никакого сомнения в том, что он был близок к тому, чтобы в самом деле читать им наставления по поводу того, где

и как расставлять артиллерию. Бисмарк был убежден, что единственный способ как можно скорее добиться окончания войны заключается в том, чтобы начать обстрел Парижа и таким образом принудить французскую столицу сдаться, в то время как Мольтке полагал, что дальнобойная артиллерия, с военной точки зрения, неэффективна и что гораздо разумнее будет поморить Париж голодом и этим способом заставить его капитулировать вместо того, чтобы разрушить город. Но Бисмарк настаивал на необходимости бомбардировать столицу из тяжелых орудий, изготовленных на заводах Круппа, он утверждал, что если начать терроризировать мирное население, то власти будут вынуждены просить мира на любых условиях. Неудивительно, что канцлер оказался жертвой той же самой психологической ошибки, в которую впадали многие военные стратеги и после него. Роон соглашался с Бисмарком нехотя, поступая явно против того, что ему подсказывала его интуиция военачальника, а Мольтке выступил с предложением сконцентрировать необходимую артиллерию и снаряжение вокруг Парижа¹⁷.

И все же Бисмарк не сумел добиться начала этой решающей атаки в нужные возможно более ранние сроки. Технические сложности с передвижением осадных орудий и с доставкой снарядов заставили отложить бомбардировку до первой недели нового года. Канцлер был в гневе: он во всем винил кронпринца и его жену, метал громы и молнии против сентиментальности и сомнений «архиепископов и профессоров» и туманно намекал на отсутствие патриотизма у «некоторых людей, которые ищут похвал английской прессы». И когда канцлер израсходовал весь запас мальчишек для битвы, он обратился к извечному прибежищу и панацее всех политических параноиков —

интригам всеми прокливаемых масонов. Вполне вероятно, что Мольтке действительно без особого усердия подошел к решению названных вопросов, так как ему, безусловно, была крайне неприятна попытка канцлера навязать бомбардировку Парижа, исходя из чисто политических соображений. Уже незадолго до Рождества Генеральный штаб высказывал недовольство его затянувшимся присутствием в Версале. «Ношение шинели кавалерийского офицера само по себе отнюдь не способствует правильному пониманию ситуации», — ядовито отметил в своем дневнике полковник Бронсарт. «Как чудовищно то, что политик обладает большим влиянием, нежели армейские командиры!» — прокомментировал сложившееся положение дел старый противник Бисмарка генерал фон Мантейфель. В конце первой недели декабря Бронсарт написал просто и без обиняков: «Граф Бисмарк все больше начинает напоминать обычного пациента психиатрической лечебницы»¹⁸.

Суждение, если и не до конца справедливое, то, по крайней мере, не столь далекое от истины. Со времени переезда на Рю де Прованс Бисмарк находился в состоянии сильнейшего напряжения. Его попытки обеспечить приоритет гражданскому правительству составляли только одну из множества его задач. Кроме этого, ему предстояло решить, существует ли возможность заключения мира с Тьером или с каким-нибудь представителем Наполеона III; помимо всего прочего его очень беспокоила европейская ситуация в целом. В последний октябрьский день император Александр II публично дезавуировал те пункты Парижского договора 1856 года, которые делали Черное море нейтральным. Эта демонстрация независимости, к которой Бисмарк в принципе относился с определенным пониманием и не без одобре-

ния, пришлось на неудачный для Пруссии момент. Британия, возмущенная пренебрежением, выказываемым Россией в отношении международных договоренностей приняла воинственную позу, и к четвертой неделе ноября Бисмарк был серьезно встревожен возможностью перерастания франко-прусского конфликта в крупную войну между европейскими державами¹⁹. Поэтому в самый разгар споров с генералами он начал делать попытки созыва международной конференции с целью мирного пересмотра договора о Черном море, без каких-либо увязываний его с нынешними событиями вокруг того города, где этот договор был заключен.

К счастью, в глубине души как русские, так и англичане предпочитали мирное урегулирование, и потому и те, и другие приняли посредничество Бисмарка на его собственных условиях. В начале декабря была достигнута договоренность о созыве в Лондоне в следующем месяце конференций по проблеме Черного моря, вопросы же, связанные с ситуацией во Франции, решили в повестку дня не включать. Такой ход дел вполне удовлетворял Бисмарка, но тем не менее у него не было полной уверенности относительно позиции Великобритании по всем затрагиваемым вопросам Великобритании. Ведь на Парижской встрече 1856 года был поднят вопрос об Италии, в техническом смысле не имевший официального значения. Перспектива приближающейся конференции в Лондоне заставляла канцлера еще более торопиться с окончанием войны во Франции. Неудивительно, что личное окружение Бисмарка находило своего начальника все более раздражительным и склонным к эмоциональным вспышкам. И, как часто случалось в момент нервного перенапряжения, его беспокоила боль в левой ноге. Другие тоже ощущали это напря-

жение. Роон по несколько дней подряд не выходил из своей комнаты из-за приступов астмы²⁰.

Существовал еще и третий вопрос, занимавший Бисмарка на протяжении большей части ноября. После победы под Седаном всю Германию, включая и южные государства, охватило сильнейшее патриотическое воодушевление. Даже в Баварии, где партикуляристские устремления особенно ощущались, король Людвиг признал, что ему придется включить свое государство в общегерманскую структуру, хотя ему и не нравилась форма существующей конфедерации. Бисмарк же намеревался возможно в большей степени использовать этот всплеск национального чувства. В Версаль прибыли посланцы из Вюртемберга, Бадена, Баварии и Гессена, и начались переговоры, нацеленные на создание новой федерации немецких государств²¹. Время от времени в переговорах возникали затруднения, особенно на второй неделе ноября, когда делегация Вюртемберга внезапно возвратилась назад в Штутгарт за новыми инструкциями. Позиция представителей Бадена и Гессена не создавала никаких трудностей, и Бисмарк не собирался позволять Вюртембергу или Баварии торпедировать Северогерманский союз. Соответственно он был готов пойти на чисто символические уступки Баварии с целью изоляции Вюртемберга и обеспечить тем самым вхождение всех четырех государств в единую Германию. Баварии пообещали отдельную армию в мирное время, отдельную почтовую службу и постоянное представительство в комитете по иностранным делам. Гессен и Баден вошли в объединенную Германию 15 ноября, Бавария — восьмью днями позже, последним присоединился Вюртемберг 25 ноября. Оставалось определить лишь тип и наименование нового объединения.

В Версале не было сомнений по поводу того, что новая Германия должна стать империей, «Вторым рейхом», и что король Пруссии должен принять императорский титул. Кронпринц в качестве наследника престола давно мечтал о воссоздании «свободной Германской империи» и обвинял Бисмарка в отсутствии энтузиазма в отстаивании (защите) национального дела. Это было несправедливо и раздражало канцлера. «Кронпринц столь же глуп и тщеславен, как и любой обычный человек, — жаловался он. — Его вновь свело с ума все это кайзеровское безумие». Создать какую-то форму империи тем не менее следовало, хотя бы для того, чтобы успокоить подозрения Южной Германии в том, что новое объединение является просто Большой Пруссией. Бисмарк понимал это не хуже других. Сложность состояла в том, чтобы убедить Вильгельма в необходимости смены титула. Ему не хотелось оказаться в долгу перед коллективной волей немецкого народа за имперскую корону, и его раздражали газетные кампании, развернутые в поддержку нового рейха, будь то в печатных органах Берлина или каких-либо других немецких городов.

Бисмарк начал плести довольно сложную и запутанную интригу, чтобы преодолеть враждебность Вильгельма²². Он попросил конюшего баварского короля, графа фон Гольнштайна, вернуться во дворец Людвиг в Хоэншвангау с черновиком письма, в котором излагалась просьба к королю Пруссии от имени германских князей восстановить Германскую империю и принять императорскую корону. Людвиг переписал письмо слово в слово и вновь вручил его Гольнштайну, который поспешил обратно в Версаль. 27 ноября Бисмарк написал теплое письмо Людвигу, упомянув в нем, что он будет весьма польщен оказать

какую-либо услугу баварскому королю. Почти наверняка «эту услугу» Людвиг получил из так называемого «Гвельфского фонда», при этом приличные коммиссионные достались его конюшему. С точки зрения Бисмарка, деньги не были потрачены напрасно. 3 декабря брат Людвига Леопольд передал письмо Вильгельму. «Содержание этого письма вывело Его Величество из себя, таково было его неудовольствие, — записал кронпринц в своем дневнике. — Его настроение не изменилось и сегодня, он видит в словах «кайзер и рейх» тот крест, который ему придется нести». И все же кронпринц, знавший о том, что письмо Людвиг было составлено канцлером, вполне удовлетворился таким поворотом событий. Он был совершенно уверен в том, что король откликнется на обращенный к нему призыв других правителей Германии. «Выйдя из комнаты государя, мы с графом Бисмарком молча пожали друг другу руки, — добавляет кронпринц к своему описанию этого дня. — Мы почувствовали, что решение принято, и его невозможно изменить»²³.

Тем не менее за этим последовало семь недель напряжения и обостренной чувствительности в резиденции монарха. Вильгельм устал от Версаля и тамошних интриг, он тосковал по домашнему уюту Бабельсберга и Берлинского замка. Он плохо спал, его беспокоили кошмары, в которых новые французские армии заставляли его бежать на восток (как это и было на самом деле, когда он был десятилетним мальчишкой, а Великая армия Наполеона двигалась по территории Германии)²⁴. Он предпочитал продолжение войны этой политической суете с национальным объединением. С большим нежеланием и под давлением кронпринца король согласился принять 18 декабря депутацию от рейхстага в составе 30 человек с петицией, в которой выражалась просьба к нему принять

императорский титул. Предполагалось, что официальное создание новой Германской империи будет объявлено в первый день нового года, но Вильгельм не делал ничего, чтобы как-то отметить это событие, и никак не мог заставить себя одобрительно отнестись к публичному провозглашению империи. Его раздражало и то, что кронпринца, которого он недавно произвел в фельдмаршалы, занимают подобные вопросы в то время, когда его орудия обстреливают внешние укрепления французской столицы, а разведка сообщает об отчаянных вылазках врага. Взаимоотношения канцлера и Генерального штаба оставались столь же плохими, как и прежде, и Бисмарк все еще не был полностью уверен в том, что сумеет убедить государя в необходимости провозглашения империи. Старый монарх имел тревожную склонность — всякий раз, когда его пытались заставить примириться с чем-то, с его точки зрения неприемлемым, он начинал намекать на отречение, и требовать нечто гораздо большее, чем обычное рукопожатие, чтобы облегчить движение и канцлера, и кронпринца к императорскому трону. «Мучения, доставляемые подагрой, вместе с сильнейшим нервным перенапряжением вызывают необходимость полного покоя для графа Бисмарка и предельной заботы о состоянии его здоровья», — отметил кронпринц в тот самый день, когда депутация рейхстага прибыла в Версаль. Это звучало как мудрое предписание, но оно вряд ли было выполнено.

И хотя кронпринц мог поверять своему дневнику такие характеристики Бисмарка, как «этот наглый, жестокий юнкер», в Версале он хотел искать взаимопонимания (так же, как это было в Никольсбурге). 8 января Мольтке пожаловался принцу, что «в военных вопросах, отнюдь не менее, чем в политических, канцлер желает принимать все решения сам, не обращая

ни малейшего внимания на мнение ответственных специалистов». Пять дней спустя принц пригласил Бисмарка и Мольтке побеседовать с ним в надежде на то, что сумеет их помирить. Обед, однако, прошел неудачно — взгляды канцлера и главы Генерального штаба оказались столь различны, что каждый из них, независимо друг от друга, на следующий день направил меморандум королю (суббота, 14 января). Мольтке просил о том, чтобы в случае, если Париж капитулирует, все переговоры относительно судьбы города велись бы Верховным командованием; Бисмарк же настаивал на том, что судьба Парижа теснейшим образом связана с вопросом о мире или продолжении войны, и подчеркивал при этом, что новой Германии крайне необходимо завершить военные действия до того, как представители европейских держав соберутся на конференции в Лондоне и будут также решать проблемы, связанные с Францией²⁵. В течение, по крайней мере, какого-то времени монарх не мог разрешить этот спор политика и военного. Вильгельм был «предельно возбужден и напряжен» на военном совещании в то воскресенье, он сказал сыну, что хотел бы, чтобы империя была провозглашена в следующую среду, когда будет отмечаться стосемидесятая годовщина коронации первого прусского короля, но наотрез отказался заниматься какой-либо подготовкой к этой церемонии. «Отказ от старого прусского титула причиняет мне боль», — объяснил он жене — в скором времени уже императрице.

Во вторник в полдень между Вильгельмом и канцлером в префектуре произошло резкое столкновение. Германские принцы и члены рейхстага называли монарха «deutscher Kaiser» (германский Император). Вильгельм же полагал, что в этой формуле недостаточно выражено его значение, и настаивал на том,

что если так уж необходимо изменить его титул, то он должен именоваться «Kaiser von Deutschland» (Император Германии). В личной беседе Бисмарк признал, что его ни в малой степени не интересуется то, как будет звучать окончательный титул его государя, но он вынужден настаивать на менее «громком» варианте, так как именно этот вариант уже вошел в конституционный обиход. В течение трех часов спора Вильгельм метал громы и молнии от негодования, то угрожая отречением, то проливая слезы при мысли о «прощании со старой, доброй Пруссией», и наконец прервал обсуждение гневным заявлением, что не станет больше слушать ни единого слова о церемониях, назначенных на следующий день²⁶.

На следующее утро окружение Бисмарка нашло своего начальника в весьма дурном расположении духа и в высшей степени раздраженным. Секретарь поздравил его со званием генерал-лейтенанта: «Какая мне от этого польза?» — резко ответил канцлер. Около полудня Бисмарк в темно-синей кавалерийской форме направился в большой дворец. В переднем дворике с гордо звучащей надписью на фронтоне «A toutes les gloires de la France» (франц. — «Во славу Франции») он встретил зятя короля, эрцгерцога Баденского, который мимоходом заметил, что Вильгельм только что пригласил его и проинструктировал, что с момента провозглашения нового рейха приветствия должны звучать в честь Императора Германии. Бисмарк спокойно разъяснил, что этот титул не желателен, с политической точки зрения, и настаивал на том, чтобы эрцгерцог использовал другую формулу приветствия. Когда же Бисмарк и герцог поднимались по парадной лестнице между двумя рядами кирасиров, глухое уханье артиллерии с Монт Валерьен напомнило им о том, что всего в нескольких милях от

них на дороге к голодающему Парижу идет настоящая жестокая война. Так легко можно было забыть об этом под давлением множества мелочей.

Большая Версальская галерея в восемьдесят ярдов длиной завершалась возвышением, а под центральным окном находился походный алтарь. В семнадцати зеркалах, в свое время отражавших лучи «Короля-солнца», теперь отражались офицерские мундиры германской армии. Здесь находились представители различных ее подразделений, приглашенные для вручения наград за смелость, проявленную на поле боя. Среди них был и двадцатитрехлетний лейтенант пехотной гвардии Пауль фон Гинденбург, которому суждено было пережить этап Второго рейха и протопить путь рейху нацистскому. Вильгельм с русским орденом, врученным ему царем Александром I; а кронпринц «с английским Орденом подвязки... как предзнаменованием тесного союза между рейхом и Англией» демонстрировали в этот день весьма примечательный этап европейской истории в «Галери де Глас» («Галерея зеркал»). Это было уже слишком для Бисмарка, который едва сумел скрыть свое нетерпение, когда гарнизонный капеллан из Потсдама (свояк военного министра) произносил бестактную проповедь о ничтожестве земных правителей пред Царем царей. В конце концов у Бисмарка появилась возможность выйти вперед и самым мрачным голосом провозгласить рождение Германской Империи. Эрцгерцог выкрикнул приветствие Императору Вильгельму, подхваченный всеми. Это был дипломатический компромисс, не понравившийся его тестю. Старый монарх ответил признательностью на свидетельство почтения со стороны принцев и пожал руку присутствующим генералам. Сойдя с возвышения, он совершенно проигнорировал канцлера²⁷.

В полдень в префектуре состоялся обед, после чего Бисмарк вернулся в свой кабинет. Он был совершенно опустошен, физически и эмоционально. «Процесс рождения империи оказался очень сложен, — написал он Иоганне. — Во время родов у королей, подобно женщинам, возникают самые странные желания. А мне, как акушеру, подчас очень хотелось превратиться в снаряд и взорваться так, чтобы все это здание разлетелось на куски»²⁸. Вильгельм был мрачен, как обычно. «Я только что вернулся с этой императорской шарады, — писал он своей супруге в ту же среду. — Мне трудно передать, в каком дурном настроении я пребываю все эти последние дни. Вчера... я уже находился на грани удаления от дел и передачи всего Фрицу. И лишь после того как я обратился к Господу с сердечной молитвой, ко мне возвратились самообладание и внутренняя стойкость»²⁹. Истина же заключалась в том, что эта чрезмерно драматизированная ситуация с заимствованным декором чужеземного великолепия, стала предельным испытанием как для Вильгельма, так и для Бисмарка. Она взволновала не столько главных ее участников, сколько тех, кто прочел о ней в газетах или несколько позже увидел ее запечатленной на полотнах придворных живописцев.

Тем временем внутренняя борьба Бисмарка с Верховным командованием и внешняя, с французами, продолжалась. Но, казалось, что вот-вот она должна была завершиться. Последняя вспышка активности противника имела место, когда защитники Парижа попытались прорваться сквозь кольцо армий, блокировавших город, а в конце недели в Версале стало известно, что генерал Трошю просит перемирия. И сразу же Вильгельм передал все полномочия по ведению переговоров с парижскими властями

канцлеру, а отнюдь не Мольтке. Пять дней спустя он наконец поставил точку в затянувшихся разногласиях между Бисмарком и Верховным командованием, издав указ, по которому генералам не разрешалось ни начинать мирных переговоров, ни предпринимать какие-либо военные операции без предварительной консультации с императором и его первым министром. Поначалу Мольтке в знак протеста против решения Вильгельма подумывал об отставке с поста руководителя Генштаба, но в конце концов он удовлетворился меморандумом (составленным в основном полковником Бронсартом), в котором заявлялось, что пост руководителя Генштаба и пост канцлера — «два одинаково хорошо организованных и независимых учреждения» под прямым руководством монарха. Вильгельм не обратил никакого внимания на эту странную конституционную доктрину. Как будто для того, чтобы несколько исправить впечатление от своей излишне жесткой манеры поведения в день провозглашения империи, он поддержал своего канцлера за эфес шпаги. 26 января Бисмарк договорился с Фавром о прекращении обстрела Парижа, и именно Бисмарк разработал условия капитуляции фортов вокруг столицы и самого города³⁰. Создавалось впечатление, что возвышение канцлера окончательно и бесповоротно.

С падением Парижа сопротивление французов начало сходить на нет. Как только прекратились бои, французы избрали Национальную ассамблею, собравшуюся в Бордо и присвоившую Адольфу Тьеру титул «Главы исполнительной власти». Бисмарк всегда подчеркивал, что может договориться о мире и с республиканским правительством, если оно будет представлять всю Францию в целом: в противном случае он начнет переговоры с Наполеоном III или с кем-то,

кто будет выступать от его имени. Тьер, человек, которого Бисмарк лично уважал, обладал всеми необходимыми полномочиями, и когда он возвратился в Версаль во вторник 21 февраля в сопровождении Жюля Фавра, начались серьезные мирные переговоры³¹. Продолжались они неделю. К следующему воскресенью все было решено, и предварительные договорные документы подписаны. Требования победителей оказались весьма жесткими: отказ Франции от Эльзаса и северной Лотарингии, включая крепости Мец и Бельфор, контрибуция в шесть миллионов франков и триумфальный марш германских армий по улицам Парижа. Тьеру удалось добиться снижения контрибуций и права оставить за Францией крепость Бельфор. Бисмарк был бы не против оставить французам и Мец, но обнаружил, что в этом вопросе как Вильгельм, так и генералы — против него. В результате, как признавал Бисмарк, был заключен мир, который будет снова и снова порождать чувство обиды и уязвленного самолюбия у побежденных³². Он был реалистом и ни на мгновение не допускал мысли о том, что многовековой антагонизм между французами и немцами сможет уступить место атмосфере дружбы и добрососедства. С его точки зрения, лучше, чтобы Эльзас и северная Лотарингия находились в руках Германии на момент начала новой войны, чем служили центром концентрации войск вдоль Рейна. Его сильная и одновременно слабая сторона как политического деятеля заключалась в том, что он рассматривал отношения между двумя странами только под углом политики с позиции силы.

Оставалась последняя акция всей кампании — торжественное вступление германских войск в Париж. Это был тот триумф, на который генералы возлагали большие надежды. Так же, как и сам Виль-

гельм, который 31 марта 1814 года стоял рядом с императором Александром и собственным отцом, а союзные армии проходили парадом перед победителями Наполеона, вошедшими в Париж. Но в 1871 году в отличие от 1814 года вступление войск во французскую столицу регулировалось официальной военной конвенцией. Было достигнуто соглашение, по которому ежедневно в Париже допускалось пребывание не более 30 тысяч немецких солдат, при этом они не должны были покидать наиболее цивилизованные районы города, где существовала меньшая вероятность того, что их присутствие вызовет активное недовольство населения, кроме того, все немецкие войска было решено вывести из Парижа, как только Бордоская ассамблея ратифицирует предварительные документы мирного договора. Верховное главнокомандование отдало приказ войскам войти в столицу в течение трех дней в следующем порядке: первый контингент должен был маршем пройти по Елисейским полям 1 марта; кульминация же этого события должна была наступить, когда новый император, его главнокомандующие и сам генерал фон Бисмарк 3 марта проведут гвардейский полк рядом с Триумфальной аркой³³. Но в этом вопросе французы одержали победу. Тьер прибыл в Бордо с предварительными документами по мирному договору поздно вечером 27 февраля, но как только собралась Национальная ассамблея, она сразу же приступила к решению вопроса по принятию соглашения. Ратификация завершилась к утру 2 марта. Надо отдать должное Роону и Мольтке, которые согласились с тем, что все пункты Конвенции необходимо соблюдать неукоснительно — торжественное вступление германской армии в Париж сорвалось. Император Вильгельм принял полагающиеся ему приветствия на

скаковом круге в Лонгшампе, там, где в 1867 году он вместе с Наполеоном III наблюдал парад французской армии. Теперь так же, как и тогда, рядом с ним были кронпринц, Мольтке и Бисмарк³⁴.

Поздно вечером 2 марта Бисмарк неофициально прибыл в Париж и гулял по его улицам так, словно вновь был обычным туристом. Какие-то мальчишки презрительно свистели ему вслед; рабочий крикнул ему какую-то грубость, но не потому, что узнал в нем Бисмарка, а просто потому, что увидел перед собой немца, и, когда канцлер попросил у прохожего огонька для своей сигары, тот вынул изо рта сигарету, так как не хотел тратить спички на прусского офицера³⁵. Это был последний визит Бисмарка в Париж, и его вряд ли можно назвать триумфальным. Еще до полудня 6 марта его экипаж покинул Рю де Прованс, и Версаль вновь стал французским городом. На следующий день его поезд пересек новую границу. Никогда больше его нога не ступала на землю Франции.

ГЛАВА 11

КОНФЛИКТ НЕПОГРЕШИМЫХ

Когда Бисмарк вернулся в Берлин, он был признан всеми в качестве истинного основателя нового рейха. Ни один слуга короля со времен Ришелье не поднимал столь быстро и успешно политическую значимость своего повелителя и при этом не повышал столь успешно своего авторитета в правительстве. Это были из ряда вон выходящие заслуги, и Вильгельм продолжал осыпать своего канцлера наградами. Через несколько дней после возвращения из Версаля он получил титул князя. Вслед за этим его наградили Большим Крестом Ордена Гогенцоллернов с бриллиантами, и он стал владельцем еще одного поместья, Фридрихсруэ в Лауенбурге, во много раз превосходившего по размеру Варцин. Офицерский корпус, вероятно, завидовал его власти, а более древние юнкерские семейства с раздражением взирали на его статус крупного знаменитого магната, но жители Берлина восприняли его дальнейшее возвышение как вполне естественное дополнение к новому положению Германии в мире и приняли его с удовлетворением. 16 июля его приветствовали на улицах столицы, когда он проезжал в победной процессии в Бранденбургские ворота¹. Он находился на вершине

своего величия как на родине, так и за границей, и являлся скорее неким легендарным «учреждением», нежели личностью.

Его конституционный статус был совершенно уникален, и не в последнюю очередь потому, что стал результатом его собственного политического творчества. Как канцлер он обладал правом непосредственного обращения к бундесрату и выборному рейхстагу. Он имел право выдвигать вопросы на парламентское обсуждение в том и другом верховном собрании, а также предлагать законопроекты, и никакое поражение не могло заставить его подать в отставку, так как пребывание канцлера на этом посту зависело исключительно от воли императора. Таким образом, он являлся попечителем исполнительных ветвей власти рейха, и все имперские институты были скорее департаментами офиса канцлера на Вильгельмштрассе, нежели, как в большинстве других стран, самостоятельными и независимыми министерствами. Но на этом его власть не ограничивалась. С 1 января 1871 года дипломатическая деятельность всей Германии осуществлялась старым министерством иностранных дел Пруссии, под тем же руководством, но под новым названием. Бисмарк сохранял титул министра иностранных дел Пруссии до осени 1890 года. Более того, он за исключением десяти месяцев в 1872-73 гг., когда этот пост занимал Роон, все это время оставался министром-президентом Пруссии, обладая столь же широкими правами в прусском ландтаге, как и во всегерманском рейхстаге. Пока он был способен сохранить партнерские отношения со своим монархом, сдерживать интриги двора и Генштаба, выступать в роли председателя парламента, вся высшая власть в имперской Германии концентрировалась в руках Бисмарка.

За пределами Германии верховный авторитет

Бисмарк на протяжении всех тех лет, в течение которых он занимал этот пост, никогда всерьез не подвергался сомнению. Но внутри рейха его система управления очень скоро подверглась серьезным испытаниям и оказалась во многом несовершенной. Во время пребывания Бисмарка во Франции в партийной структуре произошли значительные перемены. С 1852 года в прусском ландтаге существовала отдельная политическая группировка католиков, основная задача которой заключалась в защите прав церкви в государстве, где большинство составляли протестанты, тем не менее эта группировка никогда не была серьезным препятствием для политики прусских министров. Формулирование римско-католических доктрин относительно представительства и свободы совести в середине 60-х годов и последовавшее за этим провозглашение папской непогрешимости положили конец пассивной роли названной группировки. Во время выборов в ландтаг в ноябре 1870 года католики выдвинули кандидатов, придерживавшихся отчетливо клерикальной политической и социальной программы, и получили пятьдесят семь мест в парламенте. 13 декабря 1870 года они организовались в отдельную хорошо дисциплинированную центристскую партию. Месяц спустя у них появилась общенациональная газета «Германия», в марте 1871 года они участвовали в выборах в расширенный состав рейхстага как всегерманское движение католиков и получили шестьдесят три места из общего числа 382 членов парламента, то есть немногим менее одной пятой общего числа голосов. К удивлению Бисмарка, этот новый политический призрак — центристская партия по количеству представителей в рейхстаге уступила только национально-либеральной. В лице своего руководителя Людвига Виндхорста, ганноверца, остававшегося верным

своему низложенному и изгнанному королю, центристы получили проницательного парламентского тактика и опытного участника политических дебатов. Это произвело на Бисмарка сильное впечатление — как в ландтаге, так и в рейхстаге центристы оказались крупнейшей оппозиционной партией, противостоящей той государственной формации, которую он создал. Католики уже могли рассчитывать на союзников в лице польских националистов в двух палатах и на ганноверских лоялистов («гвельфов»). Вскоре к ним в рейхстаге присоединились депутаты из недавно аннексированных территорий Эльзаса и Лотарингии². Так формировалось ядро мощной оппозиции.

Возможности деятельности любой партии в рейхстаге ограничивались самой формой конституции, но любой член этой палаты имел возможность сделать парламентский запрос канцлеру и при наличии достаточной поддержки инициировать дебаты по любому значительному вопросу внешней и внутренней политики. В этом случае, если его взгляды были с достаточной яркостью и убедительностью изложены, член парламента мог быть уверен, что обширная немецкая пресса обеспечит ему необходимую гласность. К возмущению Бисмарка, не успел открыться рейхстаг в марте 1871 года, депутат от польских католиков внес на рассмотрение парламента призыв к немецкому народу поддержать папу Пия IX, утратившего светскую власть в Италии. В намерения Бисмарка отнюдь не входило позволять партии, имеющей политические связи и обязательства за пределами рейха, возбуждать общественное мнение Германии проблемами зарубежной политики: эта привилегия отдавалась журналистам, одобренным министерством иностранных дел и часто субсидировавшимся из Гвельфского фонда. 1 апреля 1871 года, в свой пятьдесят шестой день рожде-

ния, Бисмарк поднялся на трибуну рейхстага и с резкими нападками обрушился на партии национальных меньшинств и на их католических союзников. «Фракционные интересы, — гремел он, — ни в коем случае не должны навязывать свою волю общему делу единого германского государства». И хотя в своей речи канцлер воздержался от прямых нападков на центристов, суть угрозы была ясна всем: внутри рейха он не допустит никакого соперничества в вопросах власти.

Для многих граждан Пруссии вызов, брошенный канцлером папству, оказался долгожданным событием. Провозглашение догмата папской непогрешимости 18 июля 1870 года крайне встревожило немецких протестантов и глубокой пропастью разделило самих немецких католиков. Решающие заседания Ватиканского собора совпали с кульминацией дипломатического сражения Бисмарка с Наполеоном III, и канцлеру весьма не хотелось в такое время заниматься какими-либо другими вопросами и, главное, открыто выступать на чьей-либо стороне в вопросе о папе. Неделю за неделей на протяжении того времени, когда заседал собор — и даже до того как он собрался, — граф Гарри фон Арним, прусский посланник при папском дворе, пытался надавить на Бисмарка с тем, чтобы он вмешался и повлиял на развитие ситуации в пользу тех католиков, которые противостояли папской централизации, но канцлер постоянно ему в этом отказывал. «Воздерживайтесь от любых вызывающих демонстраций. Непогрешимость в настоящее время не представляет для нас никакого интереса», — телеграфировал он Арниму через два дня после провозглашения навязанной догмы³. Во время войны Бисмарк тем не менее продемонстрировал определенное сочувствие к папе и даже предложил Пию IX политическое убежище на тот случай, если бы он пожелал удалиться из

Рима во время оккупации города итальянской национальной армией. В ответ Бисмарк ожидал политической поддержки от церкви, но ничего не вышло из переговоров, проводившихся им в Версале с кардиналом-архиепископом Позенским (ныне Познань), который приехал в тамошнюю резиденцию канцлера в надежде на поддержку правительством церковных властей⁴. К весне 1871 года немецкие католики, для которых догма о папской непогрешимости оказалась совершенно неприемлемой, обратились к государству в поисках защиты от собственного епископа, отказавшего им в духовных правах и во многих случаях запрещавшего им занимать преподавательские должности в школах и университетах.

Бисмарк, однако, оставался весьма осторожным. В знак протеста и недовольства он упразднил особый католический отдел Прусского министерства по делам культов и образования в начале июля 1871 года, а несколько дней спустя способствовал публикации в «Кройццайтунг» нападок на клерикализм. Но несмотря на его довольно жесткие высказывания по этому вопросу, Бисмарк не хотел ввязываться в конфликт с папством, так как боялся возможностей негативной реакции на это в Южной Германии и за рубежом. В августе он еще раз направился в Гаштейн, где вел длительные переговоры по католической проблеме с Бейстом, австрийским канцлером, а в Бадене и Баварии обнаружил очевидную неприязнь со стороны клерикалов в их «проповеднической политике». Вильгельм I также являлся противником прямого вмешательства государства в церковные дела, но его беспокоила судьба «старокатоликов», оказавшихся в положении диссидентов, и так же, как и его канцлер, был встревожен сообщениями о том, что иезуиты поощряют специфически польские культурные осо-

бенности в школах Восточной Пруссии. Бисмарк был постоянно настороже еще и по другому поводу: он признавал возможность того, что священники Эльзаса и Лотарингии будут поощрять враждебность своей паствы к новым хозяевам провинций. В результате в ноябре 1871 года Бисмарк делает решительный шаг: он дает поручение разработать законопроект, разрешающий прусским властям инспектировать любую школу, даже частные религиозные учреждения подобного рода⁵. Ему хотелось, чтобы инспекторы обращали особое внимание на то, чему учат в католических школах именно с доктринальной точки зрения. «Непогрешимость» перестала быть для него темой, «не представляющей никакого интереса».

Поступок Бисмарка поддержала большая часть населения Пруссии. Тем не менее у этого вопроса имелся ряд важных косвенных последствий. Некоторые консерваторы, уже встревоженные тем, что новый рейх заменил старую федеративную Германию, были испуганы теперь специфическим тоном бисмарковской политики. Они воспрепятствовали прохождению законопроекта в Нижней палате Прусского парламента в страхе перед тем, что за опалой католического вероучения последуют попытки заткнуть рот лютеранским и кальвинистским проповедникам, которые осмелятся продемонстрировать независимость суждений. Людвиг фон Герлах, склонявшийся к консерватизму «Кройццайтунг» закоренелый лютеранин, пошел в этом вопросе так далеко, что даже вступил в гвельфскую партию и политически связал себя с Виндхорстом и католическим Центром в течение последних шести лет⁶. Умеренно-консервативному прусскому министру по делам вероисповеданий Генриху фон Мюллеру настолько не понравилась политика Бисмарка, что он подал в отставку в начале 1872

года. Его на этом посту заменил Адальберт Фальк, крупный чиновник со свойственной рационалисту и либералу ненавистью к священникам и всякой организованной религии⁷. На Фалька можно было положиться в проведении любой политики, направленной на сдерживание политической экспансии церкви.

Назначение Фалька неизбежно способствовало укреплению связей Бисмарка с национальными либералами. С того момента как была создана Северогерманская конфедерация, канцлер консультировал их лидера Беннингсена по поводу его законодательной программы. Естественно поэтому, что именно либералы определяли основы нового коммерческого законодательства для всей Германии, интеграцию юридических систем и развитие экономической политики, базирующееся на свободе торговли и предпринимательства. Но уже с давних пор наряду с ними существовали и так называемые «профессиональные либералы», с недоверием относившиеся к Бисмарку, — им не нравилось запугивание прессы, и с предельной настороженностью они воспринимали его желание ограничить влияние парламента на военный бюджет и военные вопросы в целом. Неожиданное перемещение Бисмарка в сторону антиклерикализма зимой 1871-72 гг. устранило их опасения и дало канцлеру поддержку прогрессивного крыла. Именно последовательный критик-прогрессист Рудольф Вирхов впервые использовал тот термин, с которым в памяти последующих поколений наиболее тесно связался его антиклерикализм: Пруссия, заявил Вирхов в своем предвыборном обращении 1873 года, вовлечена в «Культуркампф» (в переводе буквально — «борьба культур») — борьбу между соперничающими стилями жизни⁸. Слово нельзя назвать очень удачным, но Бисмарку понравилось это звучное наименование его кампании; именно под этим

названием — «Kulturkampf» — его борьба с католической церковью и вошла в историю.

«И чего же вы ждете от моей деятельности на этом посту?» — спросил Фальк Бисмарка, когда тот предложил ему пост министра по делам вероисповеданий. «Восстановление прав государства над церковью и осуществления этого с возможно наименьшим шумом», — ответил канцлер⁹. Но это, конечно же, было совершенно невыполнимо. В число первоочередных задач Фалька входило возведение законопроекта о школьных инспекциях в статус закона. Враждебность юнкеров в Верхней палате Прусского парламента оказалось значительно большей, чем Бисмарк ожидал. Когда меры, предлагаемые Фальком, были представлены на рассмотрение этой палаты в феврале 1872 года, казалось вполне вероятным, что они будут потоплены юнкерской непреклонностью. В конце концов закон все-таки прошел, но этот эпизод убедил Бисмарка в правоте национал-либералов, пытавшихся ограничить авторитарную власть помещиков¹⁰. Следующей осенью Бисмарк проводит административные реформы в Пруссии. Эти перемены встретили в Верхней палате сильнейшее сопротивление и были совершенно справедливо истолкованы как атака на юнкерские привилегии. И только пригрозив, что он попросит Вильгельма включить в Верхнюю палату достаточно неконсервативных членов, Бисмарк сумел добиться своего. Никогда раньше он не демонстрировал столь блестящего знания английской конституции и умения пользоваться ею; никогда раньше — по этой же причине он не был столь не популярен у своих собратьев-юнкеров.

Закон о нескольких инспекциях позднее рассматривали как первый удар в ходе «Kulturkampf»: но он легко мог оказаться и последним. Так как, отчасти,

этот закон задумывался как предупреждение папству, угроза будущего террора. Газеты, получившие частные субсидии из фондов Бисмарка, принялись намекать на дальнейшее развитие антиклерикального законодательства, возможность введения гражданских браков, разорительных налогов на церковную собственность, возможность введения ограничений деятельности ряда религиозных объединений, таких, как, например, иезуиты. Но пока пресса получала удовольствие за счет уколов в адрес католического духовенства, канцлер установил неофициальные отношения с папой в надежде на компромисс. Если папский престол сможет убедить центристскую партию отказать в поддержке полякам и другим группам, враждебно настроенным к рейху, не останется более никаких причин, по которым папству следовало бы воздержаться от весьма выгодного сотрудничества с сильнейшей державой Европы. Но Пий IX, уже утративший свою светскую власть, не собирался бросать на произвол судьбы верную ему часть паствы, которая поддерживала его духовные притязания, и к концу апреля 1872 года стало ясно, что он не примет оливковой ветви, протянутой ему Берлином.

Во многих прусских городах «войну против попов» приветствовали с энтузиазмом, и Бисмарк предпринял хорошо продуманную попытку подхлестнуть патриотические чувства народа, воспользовавшись данной ситуацией. Ни один эпизод в средневековой истории не отзывался такой обидой в сердце любого добропорядочного немца, как путешествие императора Генриха IV в Каноссу в середине зимы 1077 года с мольбой о прощении к папе Григорию VII, правам которого на власть понтифика император столь неосторожно и безуспешно бросил вызов. И вот теперь, в 1872 году, Бисмарк продемонстрировал, что Второй

рейх будет продолжать оказывать неповиновение папству и отомстит за публичное оскорбление, которое папство нанесло предшественнику этого рейха восемьсот лет назад. «Вам не нужно беспокоиться, — заверил он депутатов рейхстага 14 мая. — Мы не пойдем в Каноссу, ни телом, ни духом». Послышались приглушенные возгласы: «Браво!» — как сообщала официальная пресса парламентских дебатов¹¹. И все же зарубежные обозреватели полагали, что Бисмарк совершил ошибку, обрушившись с нападками на Церковь. По их мнению, он тем самым не столько объединял, сколько разъединял рейх. «Мне представляется, что Бисмарк совершенно неверно понимает и недооценивает могущество Церкви, — писал той же осенью в частном письме британский посол Одо Рассел. — Считая себя более непогрешимым, нежели папа, он не может допустить сосуществования двух непогрешимых в Европе... Таким образом, антиклерикальные меры создали ту самую ситуацию, к которой стремился Ватикан посредством своего всецерковного собора, то есть они привели к единству и дисциплине в среде духовенства, подчинившегося своему непогрешимому главе...»¹². Это было весьма проницательное суждение: притеснение преподавателей и преследование священства заставили немецкую церковную иерархию сплотить ряды вокруг папы и способствовали тому, что большинство католиков, которых не беспокоили вопросы, волновавшие интеллектуалов — «старокатоликов», единодушно проголосовали за Виндхорста и центристов на всех выборах, как на местном, так и на общенациональном уровне. Бисмарк, однако, не собирался менять свою политику. Не обращая никакого внимания на все свидетельства о ее провале, он продолжал подталкивать Фалька к введению все более жестких мер до

тех пор, пока не были арестованы и заключены в тюрьму архиепископы Кельнский и Позенский вместе с двумя епархиальными епископами, и тысяча триста приходов оказались лишенными духовенства. Для политического влияния церкви это не имело принципиального значения, даже наоборот, она приобрела еще большую популярность. Во время выборов в рейхстаг в январе 1874 г. центристы увеличили свое присутствие в нем с шестидесяти трех мест до девяноста одного.

Но почему же Бисмарк с такой настойчивостью продолжал проводить невыгодную политику? Некоторые его защитники настаивают на том, что он сам лично вовсе не интересовался подробностями «Культуркампф», что карательное законодательство было творением Фалька, а сам Бисмарк оказался настолько занят проблемами внешней политики, что просто был не в силах следить за деятельностью второстепенного министра в прусском правительстве. Бисмарк сам поощрял распространение этой легенды и даже настаивал на том, что не читал антиклерикальных законов в мае 1873 года, так как занимался совершенно иными проблемами. Как констатация факта это заявление, бесспорно, точно, но как объяснение политики оно не убедительно. Враждебность Бисмарка к церкви публично выражалась им в целом ряде пламенных выступлений, а его взгляды в этой области тиражировались газетами, находившимися под его влиянием. Гораздо ближе к правде его более позднее признание в том, что он «оказался вовлечен в эту борьбу из-за польских аспектов этой проблемы»¹³. Возможно, с чисто формальной стороны «Культуркампф» была не более, чем простым эпизодом внутренней политики Пруссии, но, вне всякого сомнения, для Бисмарка она имела поистине международное

значение с самых первых дней. И по мере того как борьба накалялась внутри Германии, она приобретала для него все большую важность в его взаимоотношениях с иностранными державами.

Для Бисмарка аксиомой было то, что французы после поражения 1870-71 годов сохранили в себе желание реванша. Но армии Французской республики сами по себе не представляли непосредственной опасности. Стратегически, как всегда, самая главная угроза для Германии исходила с востока, ибо там не существовало никакой естественной географической преграды, чтобы защитить Берлин от вторжения через польскую границу. Хорошие отношения с Россией были столь же важны для Бисмарка в 1870-е годы, как и в предыдущее десятилетие. К счастью, Александр II находился в превосходных отношениях со своим дядей Вильгельмом I, но Бисмарк не доверял Горчакову, которого он считал одним из самых тщеславных и завистливых государственных деятелей. И пока Горчаков определял политику в Санкт-Петербурге, Бисмарк не мог полностью отделаться от столь часто преследовавшего его в прошлом страха франко-русского союза. Именно поэтому в интересах Бисмарка было воспользоваться теми двумя главнейшими узлами, что связывали Пруссию и Россию на протяжении всего столетия: принципом монархического правления и подавлением национальных прав Польши. В соответствии с этим имелся и особый расчет в выступлениях против поляков и их католических союзников в рейхстаге, и как раз в то время, когда царское правительство в Варшаве проводило активную политику русификации как церкви, так и системы образования. И если русские вдруг вспомнят о традиционных симпатиях французов к полякам — тем лучше.

Польский вопрос также крайне волновал венское правительство. Австрийские власти вместе с Галицией в последние годы достаточно благородно обращались с польским населением, позволяя университетам Кракова и Львова распространять специфически польскую культуру, преследовавшуюся русскими в Варшаве и прусскими властями в Позене (Познани). Подчеркивая роль церкви в польской агитации против Пруссии, Бисмарк получил удобный предлог для воздействия на политику австрийского правительства в Галиции и для того, чтобы воспользоваться Польшей в качестве средства сближения трех держав, участвовавших в ее разделе, точно так же, как это сделал Меттерних в 1833 году. Бейст, австрийский канцлер, саксонец по происхождению, хотя и был давним оппонентом Бисмарка, весьма беспокоился по поводу возможных последствий новой прусской догмы. В изменившейся европейской ситуации он стремился еще более усилить общие интересы, связывавшие Вену и Берлин. Он приветствовал дружественную встречу Франца Иосифа и Вильгельма в Ишле в августе 1871 года. Это была их первая встреча со времен Кениггреца. Сам Бейст участвовал в ряде приятных для него бесед с Бисмарком в Гальштейне и Зальцбурге в течение того курортного сезона.

У Горчакова вызвали недовольство проявления австро-прусского примирения — Россия получала большую выгоду от враждебных отношений Германии с ее соседями. Однако взаимоотношения с двумя германскими империями вскоре стали еще более дружественными. В ноябре 1871 года Франц Иосиф заменил Бейста на посту министра иностранных дел Юлиусом Андраши, мадьярским аристократом, благожелательно расположенным к Бисмарку. А уже к лету следующего года Франц Иосиф счел возможным принять пригла-

шение посетить Берлин и присутствовать на осенних маневрах той армии, которая шесть лет тому назад едва не захватила столицу его империи. За две с половиной недели до намеченного визита Франца Иосифа и Андраши в Берлин Александр II сообщил немецкому послу, что он хотел бы в это же время посетить своего дядю и что его в этой поездке будет сопровождать Горчаков. Таким образом, в немецкой столице одновременно с 5 сентября по 12 сентября 1872 года находились три императора со своими министрами. И то, что поначалу планировалось как публичная демонстрация австро-германской дружбы, пришлось преобразовать — в основном, конечно, по инициативе русских — в демонстрацию солидарности трех монархий. Визит вежливости кораблей британского флота в Гавр на той же неделе придал этой встрече определенное сходство с 1830-ми годами. Зарубежная пресса писала с некоторым ожесточением о возрождении Священного союза и о разделении континента идеологически на Восток и Запад¹⁴.

И хотя Бисмарка раздражала подобная тактика русских, он не преминул воспользоваться сложившейся ситуацией. На встрече императоров не произошло ничего сенсационного. Они пришли к соглашению совместно противостоять «красной» опасности — интересная характеристика жуткой марксистской пропаганды и впечатлений от Парижской коммуны. Для Горчакова было достаточно уже того, что три государя встретились. «Никаких заметок, написанных от руки, никаких официальных протоколов, одним словом, ничего для дипломатических архивов, — писал он, — но нравственные последствия этого грандиозны»¹⁵. Бисмарка же вполне удовлетворило то, что русские и австро-венгры собрались для обсуждения проблем поддержания стабильности в Польше и на Балканах именно

в столице Германии, а не в каком-то другом месте. Он заметил в беседе с британским послом, что «впервые в истории три императора встретились за обедом, чтобы способствовать укреплению мира». Его вполне устраивало также и то, что русские взяли на себя инициативу в попытках достичь официального соглашения в вопросах сотрудничества всех трех империй, так как в этом случае ему не нужно было идти ни на какие уступки ради того, чтобы добиться согласия на сближение от двух своих имперских соседей.

В мае 1873 года Вильгельм прибыл с государственным визитом к своему племяннику в Санкт-Петербург. Так же, как и во время его поездки в Париж в 1867 году, его сопровождали Бисмарк и Мольтке, хотя на этот раз (и это очень важно) кронпринца послали с официальным визитом в Вену, где он мог бы успокоить третьего члена императорского трио. 2 мая в течение «четырех теплых часов, прошедших без дождя», Бисмарк присутствовал на военном параде, а вечером посетил в Большом театре торжественное представление «Дочери фараона» в постановке Петти с Екатериной Вазем в заглавной роли. «Великолепный балет с блистательным оформлением и множеством хороших танцовщиц», — рассказывал он Иоганне¹⁶. Серьезную работу он передал Мольтке, подписавшему военное соглашение с русским фельдмаршалом Бергом. По этому соглашению обе державы принимали на себя обязательства послать в случае нападения на любого из участников названного договора армию в количестве 200 000 человек для оказания помощи в отражении нападения. Но Бисмарк фактически игнорировал данное соглашение: ему не нужна была помощь русских в случае нападения со стороны Франции, и он считал маловероятной возможность нападения Австрии на Германию или

Россию. Поэтому единственным, что, по его мнению, имело хоть какое-то значение в этом документе, была его преамбула, где говорилось о желании двух императоров придать практическую форму той идее, которая руководит их столь тесным сотрудничеством¹⁷.

Месяц спустя русский царь посетил Вену и заключил соглашение с Францем Иосифом о предварительных консультациях по тем вопросам, которые могут угрожать добрым отношениям между двумя империями. Это безобидное заявление о миролюбивых намерениях в высшей степени удовлетворило Бисмарка, и, когда император Вильгельм в свою очередь посетил Вену в октябре 1873 года, он подписал там протокол о присоединении к русско-австрийской декларации, подписанной четырьмя месяцами ранее¹⁸. Столь громко названная (Союз трех императоров), она основывалась лишь на конвенции и протоколе в течение 1870-х годов: это был довольно слабо скрепленный союз самостоятельных государей, характерный прием царской дипломатии, так очевидно контрастировавший с прочными связями, объединявшими германское государство и основанными на взаимопонимании. И все же, с точки зрения Бисмарка, у Союза были свои достоинства: она подчеркивала отличительные особенности императорских монархий, отделяя их от парламентского Запада. И пока принципы, на которых зиждилась деятельность Союза, хоть что-то значили для Петербурга и Вены, по мнению Бисмарка, не существовало практически никакой опасности того, что Россия или Австро-Венгрия предложат руку помощи республиканской Франции, а это, в конце концов, оставалось главным источником всех его политических забот.

Неопределенность ситуации в самой Франции сохранилась. Бисмарк был убежден, что французы

будут стремиться к формированию такой ситуации в Европе, которая позволила бы им начать войну возмездия. Когда предварительные условия мира превратились в законченный мирный договор, подписанный во Франкфурте в мае 1871 года, он настоял на том, чтобы выплата контрибуции осуществлялась в течение трех лет и чтобы до ее полной выплаты германские войска продолжали занимать шесть французских департаментов. Таким способом он надеялся не позволить Франции нанести Германии ответный удар до того момента, пока последняя не консолидирует свои позиции внутри страны и в Европе в целом. Тем не менее Бисмарк доверял главе французского государства Тьеру, уважал его и полагал, что «мягкий» консервативный республиканизм будет залогом создания в Париже того типа правительства, которое в наибольшей степени будет удовлетворять нуждам Германии. Бисмарк исходил из того, что республиканской Франции всегда будет трудно найти союзника. Если Тьеру удастся завершить выплату контрибуции до весны 1874 года, — а это представлялось вполне вероятным, — Бисмарк дал понять, что он с удовлетворением отдаст приказ немецкой оккупационной армии покинуть пределы Франции. Он не доверял французским политикам правого крыла, которые, по его мнению, интриговали с его собственными врагами из центристской партии, внутри Германии в не меньшей мере не доверял канцлер и радикальному партиотизму последователей Гамбетты. К осени 1872 года Бисмарк к тому же был больше озабочен тем, чтобы сохранить Тьера на посту руководителя правительства, нежели тем, чтобы поддерживать хорошие взаимоотношения с Веной и Санкт-Петербургом. Посол в Париже, граф Гарри фон Арним, в этом вопросе расходится во мнениях с канцлером.

Арним представлял одно из крупнейших юнкерских семейств, обладавших значительным влиянием при дворе, и являлся с давних времен сотрудником канцлера. Он был дальним родственником мужа сестры Бисмарка Мальвины и зятем бывшего департаментского начальника Бисмарка в Ахене Арнима-Бойценбурга. Во время краткого визита Бисмарка в Лондон в 1862 году его сопровождал Гарри Арним. Два года спустя Бисмарк направляет Арнима в Рим в качестве прусского посланника при дворе Пия IX. После восстановления дипломатических отношений с Францией Арним был назначен послом в Париж, где он уже выполнял обязанности главы специальной миссии. Но очень скоро канцлер понял, что назначение Арнима на ключевой дипломатический пост было ошибкой, так как новый посол продемонстрировал ту независимость и амбициозное упрямство, которые Бисмарк не выносил в подчиненных. В начале октября 1872 года Арним направил в Берлин хорошо аргументированный анализ политической ситуации во Франции, в котором в высшей степени критически отзывался о Тьере, описывая его как эгоистичного оппортуниста, желающего воспользоваться в своих интересах доброй волей Германии и ведущего себя так, словно «он разделяет с папой его непогрешимость»²⁰. Арним настаивал, что политическое кредо Тьера слишком тесно связано с его личностью, и его форма республики не переживет своего создателя. С точки зрения Арнима, Франция уже практически оправилась от потрясений последней войны, и, если только не вмешается Германия и не попытается навязать Франции более приемлемое правительство, Тьера у кормила власти вскоре заменят Гамбетта и представители радикально-патриотического крыла.

Бисмарк был совершенно не согласен с Арнимом. В своем ответе он предупредил, что ждет от посла той же дисциплины, верности и повиновения, которые войсковой бригадир проявляет к своему главнокомандующему на поле брани²¹. На Арнима это не произвело никакого впечатления. В конце октября он неожиданно прибыл в Берлин и добился личной аудиенции у кайзера. Это было то самое поведение, которым Бисмарк сам столь часто пользовался в прошлом, и это его страшно разозлило. Возвратившись обратно, посланник начал в своих донесениях открыто добиваться того, чтобы Пруссия стала интриговать в пользу восстановления монархии во Франции. К этому моменту Бисмарк окончательно уверился в том, что Арним не только пытался навязать кайзеру Вильгельму изменение курса внешней политики, но, по видимому, решил подорвать авторитет канцлера в Берлине²². Тот факт, что Тьер оказался вовлечен в политический кризис, укреплял позиции Арнима и делал невозможным для канцлера его перевод в какую-либо иную дипломатическую миссию.

В течение всей зимы 1872-73 годов Бисмарк был серьезно обеспокоен деятельностью Арнима. Именно в этот период конфликт с юнкерами в Верхней палате Прусского парламента, начавшийся еще с законопроекта о школьных инспекциях, достиг своей кульминации в ходе навязывания Бисмарком непопулярных административных изменений в Пруссии. Арним очень хотел стать членом Верхней палаты, где, вполне вероятно, консервативные землевладельцы приветствовали бы его в качестве своего лидера. Немаловажно и то, что Арним попытался заручиться поддержкой старого соперника канцлера Эдвина фон Мантейфеля, ставшего фельдмаршалом и главнокомандующим германской оккупационной армии. Во

Франции Мантейфель все еще обладал большим влиянием при дворе не в последнюю очередь благодаря генералу Альбедиллу, занимавшему пост главы военного кабинета кайзера — пост, который в свое время занимал сам Мантейфель. Генерал фон Альбедилл регулярно консультировал его по проблемам взаимоотношений военной и гражданской власти. Но Мантейфель не доверял Арниму, и если бы прусскому офицерскому корпусу понадобилось заменить Бисмарка, они стали бы искать ему наследника среди «полубогов» Мольтке в Генштабе, а не в дипломатическом корпусе.

Стараясь не ввязываться ни в какие интриги, Мантейфель написал Бисмарку после визита Арнима и задал ему вопрос, не склоняются ли политические круги Германии в данное время к желательности восстановления монархии во Франции²³. И хотя Бисмарк тотчас же постарался успокоить Мантейфеля, ответив тому, что в его отношении к республике не произошло никаких перемен, сам канцлер весьма встревожился. Он хорошо знал, что Вильгельм довольно благожелательно настроен к взглядам Арнима на внешнюю политику Германии. «Старое монархическое государство, подобное Пруссии, ныне находящейся во главе Германии, никогда не должно поддерживать республику как таковую, но, *faute de mieux**, оно может ее терпеть», — писал Вильгельм Бисмарку незадолго до рождества 1872 года²⁴. У канцлера создалось впечатление, что он теряет доверие своего государя. Проблема Арнима в политических расчетах Бисмарка продолжала угрожающе расти до тех пор, пока не превратилась в настоящую манию.

В мае 1873 года внутренний кризис во Француз-

* *Faute de mieux* — (франц.) «за неимением лучшего».

ской ассамблее привел к отставке Тьера и избранию маршала Мак-Магона президентом Французской республики. Нет никаких доказательств того, что Арним сыграл какую-то роль в падении Тьера или в его замене солдатом с промонархическими симпатиями, однако Бисмарк всегда утверждал, что посол воспользовался своим влиянием, чтобы поддержать консервативных роялистов. Бисмарк был до такой степени взбешен, что в четверг 19 июля написал Арниму письмо, в котором обвинил его в намерении настроить Вильгельма таким образом, чтобы кайзер впредь стал отвергать советы Бисмарка²⁵. Кроме того, в тот же четверг он составил пространный меморандум для кайзера, в котором заверил его, что интриги Арнима совершенно изменили баланс сил в Европе. Они привели к кормилу власти в Париже, заявил он, милитаристское правительство, благосклонно расположенное к иезуитам и врагам Германии в Ватикане, и вследствие этой новой ситуации императору, вероятно, следовало бы предложить руководство внешней политикой Германии какому-то другому лицу, которое сменит в этой функции автора меморандума²⁶.

Почти наверняка можно утверждать, что Бисмарк не передал этого меморандума своему государю. Возможно, он осознал всю неразумность своего заявления об отставке в такое время; а может быть, понял, что нарисовал слишком мрачную картину европейской политической ситуации, населив зловещими тенями иезуитов все канцелярии, кроме своей собственной. В следующую среду Бисмарк посетил Вильгельма в Бабельсберге. Когда же он вернулся на Вильгельмштрассе, то настолько обессилел во всех отношениях, что его жена и дочь поспешно повезли его в Варцин в состоянии полнейшего нервного срыва. Они решили, что ему, по крайней мере, необходимо «две

недели никого не видеть и ни с кем не разговаривать»²⁷. По сути дела остаток года он в основном провел в Варцине и лишь в начале сентября приезжал в Берлин для весьма резкой беседы с Арнимом и для обсуждения с Фальком проблем «Культуркампф», а в октябре сопровождал Вильгельма во время официального визита императора в Вену.

А пока Бисмарк отдыхал в Варцине, во франко-германских отношениях наметилось явное ухудшение. В начале августа епископ города Нанси опубликовал пасторское послание к прихожанам своей епархии, в котором просил свою паству молиться за возвращение Страсбурга и Меца Франции. Архиепископ Парижский выступил с подобным воззванием месяц спустя. В свою очередь пять других французских епископов высказались в поддержку католиков Эльзаса и Лотарингии и немецкого епископата, борющегося против репрессивных мер Фалька. Таким образом, вмешавшись в политические вопросы, французская церковная иерархия невольно сыграла на руку Бисмарку. Их действия явились неожиданным подтверждением наличия жуткого призрака международного заговора католиков, на который он намекал в своей речи в Верхней палате Прусского парламента 10 марта. Более того, они настолько напугали кайзера, что тот стал уже со значительно меньшим вниманием прислушиваться к Арниму, который в противоположность канцлеру, постоянно преуменьшал значительность французских клерикалов. К концу года Бисмарк настолько уверился в поддержке кайзера, что пожаловался ему на Арнима, заявив, что посол недостаточно эффективно защищает интересы Германии в своих беседах с членами французского правительства, а в конце января 1874 года канцлер высказал пожелание перевести Арнима на должность,

имеющую меньшее воздействие на формирование политики рейха²⁸.

У Бисмарка не имелось никаких оснований — Арним, возможно, и проявлял какие-то симпатии по отношению к французским роялистам, но, что касается пасторского послания епископа Нанси, то по этому поводу он со всей подобающей послу твердостью и достоинством беседовал с премьер-министром Брольи. Всего несколькими месяцами ранее Вильгельм отверг бы просьбу своего канцлера практически с ходу. Но теперь он лицом к лицу столкнулся с парламентским кризисом, и ему требовались опыт и талант Бисмарка. Пока канцлер находился в Варцине, военные советники кайзера разработали законопроект, по которому размеры армии могли быть увеличены практически до бесконечности, а выделение денег на военные нужды превращалось в простую формальность. Неудивительно, что рейхстаг сразу же отбросил эти предложения. К началу февраля кайзер понял, что только Бисмарк может спасти его от конституционной битвы, сходной с тем столкновением, от которого так страдала политика Пруссии в начале 1860-х годов. Кайзер согласился отозвать Арнима из Парижа и предложить ему пост посла в Константинополе. Вслед за этим Бисмарк сосредоточил свои усилия на решении столь близкой ему проблемы спасения руководства армии из «зыбучих песков парламентаризма», в которые они угодили безрассудным маршем и такими стройными рядами²⁹.

При поддержке национально-либеральной партии он добился прохождения через рейхстаг закона, позволявшего парламенту один раз в семь лет дебатировать величину военных расходов и размеры армии. Это была уступка, которую прогрессивное крыло рассматривало как совершенно не эффективную,

но на которую Вильгельм пошел с очевидным нежеланием.

На этом этапе Бисмарк мог бы позволить своему противостоянию с Арнимом уйти в прошлое. Посол вернулся в Германию в отпуск, а внимание общественности сосредоточилось на очередной стадии «Культуркампф» — втором пакете «майских законов» Фалька. Но в течение апреля венские и южногерманские газеты опубликовали серию «дипломатических откровений» Арнима, в первую очередь касавшихся начала конфликта между прусским государем и римско-католической церковью. Поначалу Бисмарк заявлял, что весьма сомневается в подлинности всех публикуемых документов, и был не склонен возбуждать новое столкновение, предприняв официальные меры против Арнима. Но его действия ускорило то, что эти материалы были использованы в качестве оружия в «Культуркампф». 15 мая кайзер по просьбе Бисмарка принял решение о приостановке дипломатической деятельности Арнима на то время, пока будет проводиться расследование обстоятельств его поведения³⁰. Ровно через месяц в ходе этих расследований происходит драматический поворот. Гогенлоэ, сменивший Арнима на посту посла в Париже, сообщил, что проверка архивов, проводившаяся вторым секретарем посольства бароном фон Гольштейном, показала, что Арним изъясил из папок значительное количество документов. Дальнейшая проверка выявила отсутствие восьмидесяти шести сообщений и директив, охватывающих период января 1872 года по апрель 1874 года. Немаловажно то, что самым ранним из исчезнувших документов была конфиденциальная директива Бисмарка, касавшаяся его старого друга Николая Орлова, назначенного русским послом в Париже. Но канцлер обнаружил, что кайзер вовсе не склонен

серьезно наказывать Арнима за незаконное присвоение официальных документов. Письменные заверения Арнима, будто он изъял названные бумаги лишь для того, чтобы иметь возможность защищаться от будущих нападков Бисмарка и официально настроенной прессы, не способны были вернуть душевный покой канцлеру. Не способствовали этому и сообщения о том, что Арним вновь пытается получить депутатское место в Верхней палате Прусского парламента и на этот раз ведет переговоры о приобретении собственной газеты. Создается впечатление, что еще и в середине лета 1874 года Арним не оставил надежду «свалить» канцлера³¹.

Во вторник 7 июля Бисмарк прибыл в Киссинген в Баварии на воды. Он остановился в Оберзалине на расстоянии мили с четвертью от города и каждый день в экипаже приезжал. В следующий понедельник, когда его ландо следовало своим обычным курсом по правому берегу реки Заале, молодой ученик бочара по имени Кульман выстрелил в него из старомодного пистолета. Бисмарк получил легкое ранение в правую руку, так как именно в этот момент поднимал шляпу, чтобы ответить на приветствие группы зевак. В течение десяти дней он не мог держать перо, но это нападение было само по себе не столь серьезно, как покушение Кохена-Голинда в мае 1866 года. Но то, что случилось тем утром, дало еще большие основания словам Бисмарка о католических заговорах, так как Кульман являлся членом церковного молодежного движения. В ходе расследования прояснилось, что юноша искренне верил в то, что меры Бисмарка, направленные против епископата и священства Пруссии, — это лишь первый этап в широкой кампании по разрушению церкви в целом. Немедленным следствием акции Кульмана стало нагнетание атмосферы «па-

пистского заговора» в Берлине, и популярность Бисмарка в столице выросла до невиданных ранее высот. На момент покушения император Вильгельм находился в Мюнхене; он был глубоко взволнован при мысли о том, что, «не вмешайся Провидение», Германия лишилась бы своего канцлера из-за преступных замыслов негодяев³². Спасение Бисмарка убедило Вильгельма в том, что сохранение жизни канцлеру входило в Божественный замысел. Говоря практическим языком, это означало то, что теперь кайзер в меньшей мере был склонен подвергать сомнению предложения Бисмарка, чем в предыдущем году. И, когда юристы министерства иностранных дел рекомендовали Бисмарку серьезно наказать Арнима за изъятие официальных документов, канцлеру оказалось совсем несложным добиться согласия своего государя на арест Арнима*.

Арним был арестован в своем поместье 5 октября и помещен под стражу в Берлинскую тюрьму. Новость о его задержании произвела настоящую сенсацию, и Бисмарк лично утратил большую часть своей популярности. Арним был болен диабетом, он представлял семейство, уважаемое в Берлине, и обращение с ним со стороны канцлера и всей внешнеполитической службы казалось многим как внутри Пруссии, так и за ее пределами слишком жестоким и

* Решение подвергнуть Арнима аресту было принято в конце сентября 1874 года, когда возникли подозрения, что он собирается опубликовать еще ряд документов и бежать за границу. Бисмарк в это время находился в Варцине, а Вильгельм I в Баден-Бадене. Бернхард фон Бюлов, занявший пост канцлера несколько позже (а в то время двадцатипятилетний чиновник в министерстве иностранных дел), получил задание привезти решение об аресте Арнима в Баден-Баден и заручиться согласием кайзера на этот арест и суд.

бессердечным. Но если бы Арним был осужден, Бисмарк еще больше утвердил бы свой авторитет не только по отношению к инакомыслящим в дипломатическом корпусе, но и по отношению к фрондерам из юнкеров в самой столице. Если бы, с другой стороны, Арнима оправдали, Бисмарк предстал бы не многим лучше параноика, ведущего настоящую вендетту против государственного служащего, человека, отличающегося особым мужеством и умом, вместо того чтобы откровенно признать, что его решение проблем внешней политики оказалось ошибочным. Приезжавшие в Варцин гости в конце осени отмечали, что канцлер был «торжественно спокоен» относительно исхода дела Арнима, хотя и несколько жалел себя как постоянную жертву «интриг в верхах». На последней неделе октября он наконец вернулся из Померании в столицу в полной готовности к трехмесячной сессии рейхстага и возобновлению борьбы с центристской партией по церковным вопросам³³.

Открытие суда над Арнимом было назначено на 9 декабря в городском суде Берлина. Бисмарк принял решение не появляться в суде в качестве свидетеля; такое же решение приняли и другие крупные политические фигуры, как Мантейфель, например. Газеты продолжали беззастенчиво спекулировать по поводу тех разоблачений, которые может дать этот процесс, но канцлер вместе с государственным обвинителем так искусно обставили слушание дела Арнима, что публично в суде было оглашено всего несколько отрывков из наиболее спорных директив Бисмарка. Одновременно Бисмарк попытался отвлечь внимание от процесса. В течение двух недель, предшествовавших ему, он шесть раз выступал с речами в рейхстаге, и каждая из них была столь провокационно выстроена, что центристы сразу же попались на эту приманку. В

четвертой из этих речей (4 декабря) он вызвал настоящую сенсацию, неистово набросившись на баварских депутатов, высмеивавших его истории о католическом заговоре и подвергавших сомнению то значение, которое он придавал выстрелу Кульмана в Киссингене за пять месяцев до этого. «Вы, конечно, можете попытаться отмежеваться от этого убийцы, — восклицал Бисмарк, обратившись в сторону тех скамей, где сидели центристы, — но он все равно будет цепляться за фалды ваших фраков». И когда граф фон Балльстрем отреагировал на его слова гневным восклицанием: «Фу!» — Бисмарк буквально задрожал от настоящего или притворного возмущения³⁴. Было ли это случайным совпадением, что столь драматическая перепалка, которую обязательно во всех подробностях описали газеты, имела место именно в тот день, когда Арним сообщил друзьям-журналистам о своей уверенности и заявил, что как главное действующее лицо он обладает правом приглашать гостей на зарезервированные места на предстоящем процессе?

Процесс длился всего десять дней. Городской суд снял с Арнима обвинение в преднамеренном незаконном присвоении документов, но признал его виновным в удержании на слишком долгое время официальных бумаг, касающихся политики канцлера по отношению к церкви. За названное преступление его приговорили к трем месяцам тюремного заключения, но освободили до прихода ответа на апелляцию. Процесс вновь обеспечил Бисмарку поддержку общественного мнения. Одо Рассел, британский дипломат, полагал, что «искренний энтузиазм», демонстрировавшийся по отношению к канцлеру, проистекал в такой же мере из «чистоты и ясности его стиля» в дипломатических документах, в какой и из признания его несомненных достоинств как государствен-

ного деятеля³⁵. На первый взгляд, это заключение представляется плодом излишне профессиональной оценки происходящего, но, скорее всего, оно было вполне точным, ибо четкая проза Бисмарка являла собой приятный контраст с нескладным дидактическим морализаторством прессы.

На процессе произошла только одна неожиданность: вызов в качестве свидетеля обвинения Фридриха фон Гольштейна, второго секретаря Парижского посольства. Комментарии прессы нарисовали портрет Гольштейна — шпиона, направляемого канцлером следить за действиями Арнима и сообщать о них в Берлин. Это было несомненное злоупотребление обязанностями Гольштейна, как заявил на суде защитник Арнима, но репортеры, симпатизировавшие больному Арниму и уstraшенные мастерством Бисмарка, нуждались в злодее для своих статей, и так легко было обнаружить такового в этом честном, амбициозном и не вызывающем никакой неприязни холостяке — бароне фон Гольштейне. В дальнейшем Бисмарк показал свое умение быть благодарным, способствовав продвижению Гольштейна по служебной лестнице министерства иностранных дел до тех пор, пока он не стал самым знаменитым «серым кардиналом» со времен отца Жозефа, стоявшего рядом с Ришелье. Но во время процесса Гольштейн ощутил себя глубоко униженным тем, как с ним поступили. Бисмарк сделал все, что было в его силах, чтобы реабилитировать второго секретаря в газетах и журналах, сочувственно относившихся к его политике, и не только в берлинских, но также в парижских и лондонских. Но, начав журналистские дебаты по поводу роли Гольштейна в деле Арнима, канцлер сам стал отступать все дальше и дальше на задние планы.

Решение Берлинского городского суда вовсе не

поставило последней точки в этом деле. Расследование и различные юридические процедуры затянулись еще почти на целых два года и в конце концов привели к тому, что Арнима приговорили к пяти годам каторжных работ по обвинению в государственной измене. Однако приговор не был приведен в исполнение, так как Арним покинул Германию в начале 1875 года, уехав на лечение, и более уже никогда не возвращался на родину, скончавшись в мае 1881 года на юге Франции. Но для Бисмарка декабрьский процесс 1874 года имел решающее значение: политически канцлер оказался оправдан в глазах общественности, Арним же, если и не уличен в государственном преступлении, то уж, по крайней мере, более не представлял никакой опасности как соперник в борьбе за высший политический пост. То, что последовало за этим, представлялось Бисмарку не более чем обычным юридическим конфликтом, и он вмешивался только тогда, когда анонимные памфлеты, почти наверняка написанные самим Арнимом, пребывавшим в изгнании, в искаженном свете изображали отношения Германии и папства.

Длительная борьба с Арнимом и непримиримое сопротивление центристской партии Виндхорста не могли не отразиться на здоровье и характере канцлера. Он начал страдать бессонницей, несварением желудка, забывал отвечать на приветствия даже своих сторонников в парламенте, не говоря уже о противниках. Однажды вечером на последней неделе января 1875 года канцлер принимал трех своих друзей, включая и историка Зибеля. Вскорости беседа перешла на модный в современной им философии пессимизм, представленный прежде всего именем Шопенгауэра. «Как мы можем верить в то, что рождены для счастья! — заметил Бисмарк из облака сигарного дыма. — Нена-

висть дает нам не меньший стимул жить, нежели любовь. Мою жизнь поддерживают и укрепляют два человека: жена и Виндхорст. Один существует для моей любви, другой — для ненависти». Этот взгляд очень далек от христианских проповедей из той книги, которую он держал рядом со своей кроватью, но, по крайней мере, Бисмарк был достаточно честен с самим собой, чтобы полагать, что эти чувства весьма тесно взаимосвязаны³⁷. Две недели спустя он написал личное поздравительное письмо Николаю Орлову в Париж. «У меня было много друзей и мало врагов, даже среди моих противников, до того как я сделался министром, — писал он. — И не является ли тот факт, что в настоящее время сформировалось противоположное соотношение, следствием особенностей моего характера или же естественным результатом министерской карьеры, длящейся долее нормального срока?»³⁸ Вне всякого сомнения, той зимой канцлер терзался от мучительной тоски — одинокая фигура в совершенной изоляции на вершине власти.

Бисмарк также проявлял очевидный пессимизм относительно будущего политической системы в Европе. К этому времени он полностью убедил себя в реальном существовании международного католического заговора — «пугала», которое сам же и вызвал к жизни. Канцлер даже выразил протест бельгийскому правительству по поводу деятельности немецких иезуитов, искавших политического убежища в Лувене и Горюгге и, предположительно, замышлявших заговор против рейха при молчаливом попустительстве бельгийского и французского епископата. Более серьезными были предостережения Мольтке насчет того, что французы реорганизуют свою армию и укрепляют кавалерийские полки. В конце февраля 1875 года Бисмарк получил информацию, что французские влас-

ти хотели бы приобрести 10 000 верховых лошадей у немецких поставщиков. Он немедленно наложил запрет на экспорт лошадей во Францию³⁹. На протяжении нескольких последующих недель в отношениях между двумя странами нарастала напряженность, которую сразу же отметили французские дипломаты в Берлине в своих донесениях в Париж.

5 апреля одна кельнская газета, о которой было известно, что у нее очень тесные связи с Вильгельмштрассе, выступила с заявлением, что министерство иностранных дел состоит в теснейшем союзе с Ватиканом. И эти «естественные» враги рейха, заявила она, ищут поддержки у Франца Иосифа и у итальянского короля с целью создания европейской коалиции католических держав против немецкого протестантизма⁴⁰. Три дня спустя в берлинской газете «Пост» появилась статья, в еще большей степени способствующая возбуждению паники. «Неужели война — на горизонте?» — восклицал заголовок в «Пост», и на этот вопрос давался утвердительный ответ, и вся ответственность за это возлагалась на быстро перевооружавшуюся Францию. Как в Германии, так и за рубежом высказывалось предположение, что вдохновителем статьи в «Пост» стал сам канцлер и что действительно на горизонте собираются тучи войны, как это уже однажды, в июле 1879 года, произошло с такой внезапностью⁴¹.

Но Бисмарку не нужна была война в 1875 году. Как и в марте 1867 года он испытал сильнейшее давление со стороны Генштаба, настоявшего на проведении быстрой военной кампании, которая, по их мнению, задавила бы в зародыше стремление французов к реваншу. Но Бисмарку была необходима дипломатическая победа, предупреждение Парижу о возможностях германской военной мощи, доказатель-

ство всей Европе того, что рейх един и вовсе не раздираем религиозными противоречиями. Кайзер Вильгельм оказался захвачен врасплох. Он дал понять Бисмарку, что ни при каких обстоятельствах он не допустит вовлечения Германии в новый конфликт с Францией, и канцлер сделал все возможное, чтобы успокоить его⁴². Но Бисмарк был непоследователен. Пытаясь развеять опасения своего государя, он самым угрожающим тоном беседовал с членами дипломатического корпуса в Берлине. Точно так же, как и доблестный Мольтке. Ничего удивительного, что иностранные правительства охватила тревога.

Инцидент, имевший место на третьей неделе апреля, усилил напряженность. В среду 21 апреля британский посланник Одо Рассел давал обед у себя в посольстве. Среди гостей были его французские коллеги и один из ведущих дипломатов в министерстве иностранных дел Германии Иозеф фон Радовиц, недавно побывавший в Петербурге со специальной миссией, которая вызвала определенные подозрения у французов. Радовиц, сын первого министра Фридриха Вильгельма IV, был человеком, который, по меткому замечанию Бисмарка, «теряет власть над собственным языком после второго бокала вина», а у Одо Рассела был неплохой винный погреб. В тот вечер Радовиц высказал в беседе с французским послом свое мнение на тот счет, что, «если тайные мысли Франции концентрируются на реванше», едва ли разумно ожидать от германского государственного деятеля, что он будет «сидеть сложа руки, пока она соберет свои силы и заключит союзы», и только тогда начнет войну против нее. Это высказывание было крайне бестактным, и посол тотчас же направил соответствующую депешу Деказу, министру иностранных дел Франции, описав в подробностях всю беседу⁴³.

К этому времени Деказ прекрасно знал, что непосредственной опасности войны нет, и его бестактность Радовица особенно не встревожила. Но ему уже были хорошо знакомы и политические методы Бисмарка. Содержание депеши французского посла было так или иначе доведено до сведения всех наиболее влиятельных правительств Европы и передано парижскому корреспонденту «Таймс». Военная лихорадка, возбужденная берлинской газетой «Пост» 8 апреля, получила дополнительный стимул благодаря публикации в лондонской «Таймс» от 6 мая. Соединение сведений, распространенных Деказом, и статьи в «Таймс» дали повод Дерби, британскому министру иностранных дел, направить в Берлин послание, в самых недвусмысленных выражениях настаивающее на том, что «у Франции нет никаких агрессивных намерений», и выражающее надежду на то, что недоумение, возникшее между двумя странами, будет как можно скорее преодолено. Одновременно Англия пошла на контакт с Россией с целью организации совместного давления на Бисмарка ради сохранения мира в Европе⁴⁴.

10 мая русский император и Горчаков прибыли в Берлин как представители Великих держав.

И тут Бисмарк совершил ошибку, пожалуй, самую катастрофическую со времен Польского восстания. Вместо предполагавшейся демонстрации германского могущества в Западной Европе, он возбудил враждебность Британии и России. Вместо подхлестывания патриотического чувства с помощью демонстрации силы, он вызвал вопль либералов и центристов, что Бисмарк «делает церковный конфликт международным». Он отчаянно пытался заверить британцев, что данный кризис — обычная выдумка прессы, подстрекаемой биржевыми маклерами, надею-

щимися на легкую прибыль на бирже⁴⁵. Но более всего раздражало канцлера отношение Горчакова. Когда 10 мая они встретились, Горчаков сразу же принял на себя роль защитника Франции. Он добивался «категорического обещания, что Бисмарк не допустит войны». Бисмарк решил, по крайней мере, уступить этому требованию, более безапелляционному, чем любая просьба Бенедетти в Эмсе в 1870 году. С поразительным самообладанием он сдерживал свое негодование до тех пор, пока Горчаков покинул Берлин, но так никогда этого и не простил русскому министру⁴⁶.

Первым побуждением Бисмарка было уйти в отставку. Возникло впечатление, что на «укрощение» центристской партии не осталось никакой надежды, и очень мало сохранилось из того взаимопонимания с Россией, на котором канцлер основывал свою европейскую политику. Виндхорст и клерикалы с нетерпением ожидали известий о падении канцлера. Горчаков также полагал, что с Бисмарком покончено. «Бисмарк болен, потому что слишком много ест, слишком много пьет и слишком много работает», — отмечал он с презрением после своего возвращения из Берлина. «За нашими спинами Бисмарк неистовствует, словно маньяк», — писал Одо Рассел в личной записке одному из своих коллег⁴⁷. В Вене Андраши — поразительно живой и энергичный для своих лет, по утверждению его биографа, — трижды сделал стойку на руках на старом столе Меттерниха при известии о поражении Бисмарка. Что бы ни произошло в Берлине, Австро-Венгрия в любом случае выиграла благодаря своему невмешательству в описываемый кризис⁴⁸. Если Бисмарк удержится на своем посту, он обязательно обратится к Андраши, чтобы не остаться в изоляции, если же ему придется уйти — его преем-

нику понадобится поддержка Андраши, чтобы укрепить свои позиции.

Бисмарк удержался. В конце мая он, правда, пришел к Вильгельму и подал в отставку. Но кайзер отказался принять ее. Вместо этого он предоставил Бисмарку бессрочный отпуск. Пятого июля канцлер выехал из Берлина в Варцин⁴⁹. За исключением короткого визита в столицу в конце сентября с целью врачебной консультации, он не выезжал из Померании на протяжении следующих пяти с половиной месяцев, проводя все это время в грустных размышлениях о прошлом и будущем.

ГЛАВА 12

ЧЕСТНЫЙ МАКЛЕР

Бисмарку никогда не нравился Берлин. Даже будучи еще совсем молодым человеком, он жаловался, что задыхается здесь, а после того как многие дворянские семейства отвернулись от канцлера из-за дела Арнима, он решил возможно в большей степени отделить себя от того мира, по отношению к которому был едва ли способен скрывать свое презрение. С 1875 года его сезонный календарь приобрел ту форму, которой Бисмарк в основном следовал на протяжении всех остальных лет своей политической карьеры: весна и осень в Варцине или Фридрихсруэ; середина лета — в Киссингене или Гаштейне на водах; и четыре или пять зимних месяцев — в столице с возможно более редкими появлениями в обществе. Ему нравилось удаляться от суеты.

Этого нельзя было сказать о его сотрудниках. Даже Иоганна недовольно брюзжала по поводу «абсолютного уединения» их померанской обители. Ее супруг, однако, не находил никаких неудобств в своей варцинской резиденции. Он гордился ее отшельническим характером. «Как только вы доехали до Берлина, дальнейшее путешествие не представляет никаких трудностей, — объяснял он по-английски своему старому

другу Джону Мотли, планировавшему посещение поместья Бисмарков. — Лучший поезд выходит из Берлина утром между восьмью и девятью часами — думаю, что в 8.45 со Штеттинского вокзала, а это пятнадцать минут езды из любой гостиницы на Унтер-ден-Линден. Вы едете на поезде до Шлаве, куда прибудете около четырех часов дня, и оттуда форейтор под звуки рожка довезет вас до Варцина как раз к обеду еще до шести»¹. Все это звучит довольно мило, но Варцин был далеко не идеальным местом для пребывания первого министра, в монархическом государстве ответственного практически за все.

Тем не менее эти недели в Варцине были очень важны для канцлера. Он наслаждался возможностью любоваться из окон своего дома дубами и буками в парке, за которыми до темнеющего на горизонте леса простиралось бескрайнее колосющееся поле. В Померании от спасался от тех столичных господ, которые постоянно действовали ему на нервы: депутатов оппозиции, штабных офицеров-карьеристов, кронпринца и его окружения, императрицы Августы и, не в последнюю очередь, ее супруга. В течение всех тех лет, которые он провел на посту канцлера, любому поворотному моменту в политике предшествовало несколько недель уединения — либо в лесах Шварценберга в Варцине, либо в Заксенвальде у Фридрихсруэ. Великолепие природы, умиротворяло его душу и вновь возвращало ему способность логически мыслить, освобождая от власти ослепляющих страстей.

Двадцать пять недель, проведенных Бисмарком в Варцине в 1875 году, не повлекли за собой каких-либо немедленных политических перемен. У него не было никакого желания нарушать политическое равновесие внутри страны или вызывать новую панику за рубежом. Но он считал необходимым несколько

изменить свою политику, как во внутренних делах, так и в связях с главными европейскими державами. Можно заметить интересный контраст в интонации речей, произнесенных в рейхстаге в 1875-76 годах, и решительными нападками на центристскую партию годом раньше².

«Культуркампф» продолжалась, и через рейхстаг удалось проташить законопроект, практически запрещающий деятельность иезуитов, как духовную, так и светскую, на всей территории Германии. Но ироничные нападки на Виндхорста и его окружение теперь исчезли из ораторского стиля канцлера. Уже через три недели после возвращения Бисмарка из Варцина британский посол обратил внимание министерства иностранных дел Англии на совершенно очевидный поворот вправо во внутренней политике Германии. Одо Рассел сообщал, что Виндхорст поддерживает недавние финансовые мероприятия правительства и что центристская партия согласилась не выступать против проекта уголовной реформы, предложенного канцлером. Посол рассматривал эти события как определенные знамения будущих перемен в политике, при этом довольно точно оценивая нынешнюю позицию Бисмарка в парламенте. Он стремился к большой свободе действий для своих политических планов, и его тревожили, с одной стороны, признаки экономического спада, а с другой — усиление социалистической агитации в так быстро увеличивающихся индустриальных районах. Какое-то время его защищала мысль создания собственной партии — партии национал-либералов, в большей степени «национал», нежели «либералов», — юнкеров, консервативных по общему настрою, а не узко мыслящих тори; и католиков, готовых простить или забыть преследования их церковных иерархов. С такой коалицией Бисмарк

мог — если бы пожелал — бороться с экономической депрессией путем перехода от свободной торговли к политике протекционизма, а с угрозой революционного марксизма путем репрессивного законодательства. Именно в этом и заключался сдвиг вправо, который предвидел Одо Рассел. Но намерения Бисмарка обнаружили слишком скоро. В январе 1876 года он представил законопроект, позволявший судам подвергать тюремному заключению любого, виновного в разжигании классовых столкновений либо так или иначе угрожающего святости семьи, брака и частной собственности. И хотя этот закон был направлен на сдерживание роста социалистических тенденций, он одновременно являлся и признаком примирения католиков и протестантов, перепуганных секуляризующей тенденцией законодательства Фалька³.

И все же законопроект был отвергнут. Национал-либералы остались верны своим принципам и поддержали депутата от «прогрессивных» Ласкера в его призыве основывать деятельность государственных институтов на верховенстве закона. В то же время и среди центристов не было заметно никаких отступлений от прежних позиций. Если Бисмарк действительно хотел примирения с католиками, ему следовало бы пройти, по крайней мере, часть пути в Каноссу — а это путешествие он не стал бы совершать до тех пор, пока понтификом оставался Пий IX. Наибольшего успеха канцлер добился у юнкеров, смягченных этими признаками смещения вправо. В июле 1876 года группа молодых консерваторов основала консервативную партию Германии и заранее представила свою программу на одобрение Бисмарку. Это был, в общем, удовлетворительный результат, но канцлер прекрасно понимал, что, если он стремится к реальной и значительной партийной перестройке, ему придет-

ся готовиться к ней с особой осторожностью. И он был готов ждать до новых выборов в рейхстаг, назначенных на начало следующего года.

Бисмарк не мог уделять исключительное внимание внутренним проблемам после своего возвращения в Берлин в ноябре 1875 года. Во время его отсутствия начались волнения на северо-западных рубежах Турецкой империи в провинциях Босния и Герцеговина⁴.

Немусульманское население провинций Босния и Герцеговина составляли южные славяне, этнически родственные народам независимых государств Сербии и Черногории, а также болгарам, которые также пока еще оставались под властью турок. С 1870 года в России начинает развиваться активное панславистское движение, и среди наиболее энергичных проповедников панславизма был русский посол в Константинополе генерал Игнатъев. Александр II и Горчаков не могли игнорировать то, что происходит в Боснии и Герцеговине. Кроме того, в Вене существовала военная группировка, давно стремившаяся присоединить этот западный выступ Балкан к империи Франца Иосифа. Все три участника Союза трех императоров оказались заинтересованы в исходе событий в Боснии-Герцеговине, и потому Бисмарк никак не мог отмахнуться от «восточного вопроса», насколько бы неприятно и не было для него новое появление этой проблемы на дипломатическом горизонте.

В самом конце ноября 1875 года у Бисмарка был долгий разговор с Одо Расселом. «Германия, — заявил он тому, — не имеет никаких непосредственных интересов на европейской территории Турции, но косвенно мы крайне заинтересованы в предотвращении столкновения Австрии и России по поводу наследст-

ва «Больного»*. Поэтому Германия должна строго придерживаться своей роли миротворца и никогда полностью не выступать на стороне ни одного из своих союзников, не превращая таким образом Тройственный союз в противостояние двух против одного»⁵. В основе своей данная аксиома определяла отношение Бисмарка к балканским делам на протяжении трех лет кризиса. Двенадцать месяцев спустя он положил тот же принцип в основу своей речи в рейхстаге, в которой канцлер попытался преуменьшить значение «восточного вопроса» в словах, которые так часто неверно цитируют: «Я не вижу в этом никакого интереса для Германии ... по крайней мере, такого, за которого можно было бы заплатить здоровыми костями хотя бы одного доблестного померанского мушкетера»⁶. Но так же, как и любой другой ориентир его дипломатии, претензии на беспристрастность в этом случае были весьма относительны. Для Бисмарка основное значение имел не балканский вопрос сам по себе, но то, как напряжение, связанное с кризисом на Востоке, воздействует на политику европейских государств. Бисмарк не пытался контролировать все дипломатические акции в этом направлении, наоборот, время от времени он даже не возражал, чтобы другие (особенно Андраши) взяли бы на себя инициативу, но канцлер был совершенно убежден, что окончательное решение названной проблемы невозможно без его участия в качестве арбитра равновесия сил.

Поначалу казалось, что кризис будет довольно быстро разрешен. Чего бы ни хотели панслависты и милитаристская группировка в Австрии, ни Горча-

* «Больным» европейские политики во второй половине XIX века называли Османскую империю, переживающую в этот период внутриполитический кризис и сотрясаемую освободительными восстаниями подвластных народов.

ков, ни Андраши не были намерены эксплуатировать балканские беспорядки. В конце декабря 1875 года Андраши выступил с детально проработанными предложениями по поводу урегулирования ситуации: султану следовало бы пойти на широкие реформы, дав Великим державам письменные гарантии того, что предложенные меры будут воплощены в жизнь⁷. Бисмарк приветствовал инициативу Андраши. Точно так же к ней отнеслись русские, французы и итальянцы. Турки тоже восприняли ее вполне благожелательно, хотя и отвергли требование письменных гарантий, и в этом их поддержала Великобритания. Бисмарк не питал особого оптимизма по поводу успешности действий Андраши. Его опасения были вполне оправданны: местные турецкие чиновники не смогут реализовать на практике те реформы, которые разрабатывают в далеком Константинополе; кроме того, повстанцы в обеих провинциях преисполнились решимости вести борьбу до тех пор, пока не будет свергнута власть султана. Подобный исход событий сам Бисмарк рассматривал как неизбежный, рано или поздно, и он попытался выйти на более тесные контакты с британцами, полагая, что Англия — это та держава, которая проявляет традиционную заинтересованность в поддержке Оттоманской империи. 2 января 1876 года Бисмарк беседовал в течение полутора часов с Одо Расселом, сказав ему, что хотел бы «сотрудничать с Англией в целях поддержания мира в Европе», откровенно заметив при этом, что «Германия не может позволить Австрии и России слишком сблизиться за ее спиной, но, с другой стороны, исходя из соображений собственной безопасности, она не может позволить им ссориться».

«Впечатление, которое осталось у меня после этой беседы, — писал Рассел на следующий день, — своди-

лось к тому, что князь Бисмарк действительно совершенно-искренен со мной и в самом деле желает откровенного и сердечного взаимопонимания с Англией»⁸.

Лондон, однако, отнесся к подобной «искренности» с очевидной осторожностью. Со времен победы консерваторов на выборах 1874 года министр иностранных дел лорд Дерби еще более явно чурался Европы, чем его предшественники — либералы. Дерби в значительно меньшей степени был склонен доверять добрым намерениям канцлера, нежели Одо Рассел, так как единственной значительной акцией Дерби за двадцать два месяца его пребывания на посту министра явилось предостережение Бисмарку по поводу недопустимости войны с Францией, сделанное в мае предыдущего года. Не оставляли сомнения и британского премьер-министра Дизраэли, помнившего Бисмарка со времен их короткой встречи в 1862 году («очень высокий... черноволосый... курносый... с бледным лицом и осиной талией»). Дизраэли подозревал, что Германия хочет впутать Великобританию и Францию в ближневосточные дела⁹. Всего за несколько недель до этого Дизраэли успешно реализовал свой замысел по приобретению акций Суэцкого канала для британского правительства, и Бисмарк, конечно же, мог рассчитывать на возбуждение трений между Лондоном и Парижем в результате расширения британской экспансии в Египте, где у французов имелись свои коммерческие интересы. Дизраэли заявил королеве Виктории, что боится, как бы Бисмарк не воспользовался ближневосточным кризисом в качестве отвлекающего маневра для государственных деятелей Европы с тем, чтобы собрать свои армии для нового марша на Париж. Тем не менее премьер-министр заверил королеву в том, что будет сотрудничать с Бисмарком в целях сохранения мира, хотя Дерби удовлетворился надеж-

дой, что канцлер и посол будут иметь возможность «обмена идеями». Как Дерби, так и Дизраэли были «рады», что Одо Рассел достиг «дружественного взаимопонимания» с Бисмарком¹⁰.

На самом же деле этот «взаимообмен» привел к тому, что оба правительства оказались в ситуации «не совсем враждебного непонимания» друг друга — значительно менее желательный тип взаимоотношений. Бисмарка удивило отсутствие реакции со стороны Англии: Дизраэли продолжал полагать, что он может рассчитывать на поддержку со стороны Бисмарка, и был расстроен, заметив, что тот с ней не торопится. И все же у Бисмарка, как обычно, имелся ряд альтернатив, из которых он мог выбрать свою политическую линию, исходя из обстоятельств текущего момента. Более естественным для него было сотрудничество с его партнерами по Союзу трех императоров, нежели с Англией, несмотря на его личную враждебность к Горчакову. В январе 1876 года через два дня после своей беседы с Одо Расселом Бисмарк представил план раздела Турции русскому послу в Берлине¹¹. Его предложения заключались в том, чтобы Австрии было позволено расширить свою территорию за счет Западных Балкан, Россия при этом получала земли в устье Дуная, а британцам предлагалось аннексировать Египет. Горчаков отверг это предложение в основном потому, что не мог поверить в искреннюю беспристрастность Бисмарка. Он заподозрил ловушку, в которую увлекает его канцлер с целью дискредитации его в глазах Андраши, а, возможно, также и в глазах англичан и французов. Бисмарк, холодно отвергнутый Горчаковым и разочаровавшийся в Дизраэли, обратился к третьему варианту: тесному сотрудничеству с Австро-Венгрией и поддержке лично Андраши.

В течение первой четверти 1876 года кризис еще более углубился. Столкновения распространились на территорию Македонии и Болгарии. Имели место волнения в Салониках, где погибли французский и германский консулы. Бисмарк боялся того, что безумный поступок какого-нибудь фанатика в Вене или Санкт-Петербурге может ввергнуть Россию и Австро-Венгрию в войну, которую он уже не сумеет удержать под контролем. С отчаянной поспешностью он попытался вдохнуть новую жизнь в Союз трех императоров. Император Александр II уже высказал свое намерение посетить Берлин на второй неделе мая в сопровождении Горчакова и двух других высокопоставленных дипломатов. Бисмарк на это же время пригласил для переговоров Андраши. Андраши прибыл в Берлин 10 мая, русские — на день позже. Бисмарк переложил основной груз дискуссий на своих гостей и сделал все возможное, чтобы выглядеть беспристрастным. Однако ничто не могло смягчить его неприязнь к Горчакову. Даже блистательное знание последним французского языка вызывало ярость. «Помпо, помпо, пом, по», — презрительно нацарапал Бисмарк на листке бумаги, слушая, как Горчаков обращается к собранию дипломатов¹². И все же несмотря на то, что проект программы реформ на европейской территории Турции принадлежал Андраши, именно этот презираемый русский добавил «жало в хвост»* тому меморандуму. Ибо теперь Горчаков подчеркнул, что, если чиновники султана не смогут провести реформы в жизнь, Великие державы вынуждены будут вмешаться и навязать Турции «эффективные меры».

* Ссылка на «Откровение Иоанна Богослова», гл. IX, стр.10, где упоминается саранча с жалом в хвосте.

Германский меморандум постигла довольно странная судьба. Его приняли Франция и Италия, но совершенно отвергла Великобритания, в большей степени не из-за его содержания, а из-за того, что он был составлен без предварительных консультаций с министерством иностранных дел Англии. Все государственные мужи Британии с подозрением и неприязнью взирали на сотрудничество между восточноевропейскими монархами еще со времен Венского конгресса, и Дизраэли ненавидел Союз трех императоров и не доверял ему подобно радикалам, набрасывавшимся с нападками на Священный союз в эпоху Меттерниха. Бисмарк крайне расстроила реакция англичан: он попросил своего посла в Лондоне подчеркнуть, что благоденствие Турции значит для него много меньше, чем сохранение партнерских отношений между Россией, Австро-Венгрией и Германией. И настолько сильно Бисмарку хотелось поддерживать самые тесные контакты с Дизраэли, что он был готов воспользоваться постоянным критиком своей политики — кронпринцем — в качестве посредника. Королева Виктория тем временем передала своему премьер-министру ряд «успокоительных» посланий из Берлина. Ответ Дизраэли отличался холодной вежливостью¹³. Балканская ситуация представлялась слишком серьезной для простого обмена любезностями. Наполеон III давно бы при таком положении дел собрал международный конгресс. Дизраэли удивляло, что Бисмарку так не хочется брать инициативу в свои руки.

И это был не единственный озадачивший многих аспект его политики. Июнь 1876 года вместил в себя дворцовую революцию в Константинополе, первые сообщения в прессе о зверствах турок в отношении болгар и, наконец, сербский ультиматум

султану, повлекший за собой начало Балканской войны уже на первой неделе июля. Бисмарк, как обычно летом, был на водах. Происшедшие события чрезвычайно встревожили его, он принял британского посла и поспешил с ним 10 июля в Вюрцбург на аудиенцию к кайзеру. Но в шестичасовом путешествии на поезде из Киссингена в Вюрцбург и обратно вряд ли была какая-нибудь необходимость, поэтому создается впечатление, что главная забота Бисмарка заключалась в том, чтобы еще раз подчеркнуть неизменность своей «доброй воли» по отношению к Англии. И вновь из этого эпизода ничего не последовало. Бисмарк завершил свой курс лечения в Киссингене, вернулся в Варцин и внешне, по крайней мере, полностью отошел от международной политики. Одо Рассел в глубочайшем замешательстве возвратился в Лондон.

Дизраэли был возмущен. «А как насчет Германии? — писал он вскоре в записке Дерби. — Когда мне говорят, что канцлер пребывает в уединении и что его нельзя тревожить, что посол Ее Величества находится здесь, так как в его пребывании на своем посту нет особого смысла, у меня возникает ощущение, будто я слушаю рассказ о недопустимых странностях, каковым нельзя позволить влиять на события, от которых зависят судьбы целых поколений и империй»¹⁵.

Однако у поведения Бисмарка были свои вполне оправданные причины. За два дня до хорошо известного поспешного путешествия в Вюрцбург в Богемии состоялась короткая встреча императора Александра II и Горчакова с Францем Иосифом и Андраши. Бисмарк знал об этой встрече участников Союза трех императоров, но только в сентябре ему стала известна суть их соглашений (да и то лишь в версии

Андраши, существенно отличавшейся от интерпретации Горчакова).*

Таким образом, 10 июля Бисмарк почти утратил уверенность в том, что в Союзе трех императоров есть хоть какой-то смысл. Перед ним со всей остротой встала та самая дилемма, с которой он столкнулся еще в самом начале года: откровенная вражда между союзниками Германии полностью разрушит названное объединение, но их близкая дружба сделает Германию «третьей лишней». Именно по этой причине его реакция на сложившуюся ситуацию, как и в январе, состояла в откровенном «раскрытии карт» перед представителем единственного государства, достаточно могущественного, чтобы противостоять любой опасной демонстрации независимости со стороны Австро-Венгрии и России. Но ему не стоило так переживать. Перед отъездом из Киссингена в Померанию Бисмарк смог уже заметить, что встреча

* Рейхштадтское соглашение от 8 июля 1876 года (подобно беседам Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице) имело своей целью чисто «словесное» прояснение основных политических проблем, но оказалось предметом неумолкающих споров как современников, так и историков. Горчаков и Андраши пришли к соглашению не вмешиваться в войну Сербии и Черногории против Турции. В случае победы Турции Великие державы не допустят того, чтобы она воспользовалась ее плодами, и добьются изменения статуса Боснии-Герцеговины (Горчаков говорил об автономии, Андраши о гарантиях реформ). В случае поражения Турции предусматривалась перспектива значительного перекраивания карты Балкан, при этом Россия расширяла свои пределы до устья Дуная, а Австро-Венгрия получала свою долю на западных Балканах. Но существовали заметные расхождения между версиями Горчакова и Андраши относительно того, какие области должны достаться Австрии. Наиболее полное рассмотрение этой проблемы в английской исторической литературе читатель найдет в книге Б. Х. Самнера «Россия и Балканы» (гл. IV и Приложение II).

в Рейхштадте не только не ослабила союз, но, напротив, усилила его, так как и русские, и австрийцы видели в канцлере своего главного арбитра. У него не было ни малейшей нужды в британской поддержке и ни малейшего желания объясняться с каким бы то ни было послом. И что могло быть проще в таком случае, чем запереть ворота Варцина и повесить на них табличку «Просьба не беспокоить»?

Но к этому времени, однако, сербы и их панславистские сторонники стали терпеть серьезные поражения от турок, и в крупнейших городах России поднялся вал патриотических чувств. Возникла вероятность военного вмешательства со стороны России сразу же после завершения концентрации русских армий на территории Украины. Горчаков все еще был против войны: его аристократическому духу претил панславистский энтузиазм, а его тщеславие больше удовлетворило бы решение этой проблемы путем переговоров, нежели с помощью военных действий. Кроме того, растущее влияние генералов на царя возбуждало в нем ревность. Вместо того чтобы наблюдать за тем, как Россия втягивается в войну, Горчаков предпочел созвать европейский конгресс, чтобы иметь возможность продемонстрировать свое искусство дипломата, которому он научился у Каподистрии в Лайбахе более полувека назад. В начале августа Горчаков выступил с предложением, чтобы Бисмарк, как канцлер одной из Великих держав, непосредственно не заинтересованной в балканской ситуации, стал бы инициатором созыва конгресса с целью решения «восточного вопроса»¹⁶.

Дизраэли (или, точнее, лорд Биконсфильд, каковым он стал именно в этом месяце) также был сторонником переговоров за круглым столом. Но Бисмарк выступил против проведения конгресса в

этом году. 14 августа, в одном из наиболее четко обоснованных меморандумов за все время своей политической деятельности, он пояснил, что убежден в том, что подобная встреча поставит Германию в весьма невыгодное положение, так как враждебность в отношениях между Россией, Австро-Венгрией и Великобританией слишком велика для сколь-нибудь эффективного посредничества: «Перспектива такова, что все три наших друга — Россия, Австрия и Англия — уйдут с конгресса, затаив злобу на нас, так как никто из них не получит от нас той поддержки, на которую они рассчитывают. Еще одна угроза миру может возникнуть из-за столкновения князя Горчакова и лорда Биконсфильда, двух министров с одинаково опасным тщеславием, при том, что англичанин, безусловно, более опасен из-за большей политической неопытности и меньшей проницательности»¹⁷. Бисмарк вовсе не собирался «обжигаться» на созыве конгресса, обреченного на провал.

И все же было очень трудно продолжать угождать «нашим трем друзьям» и при этом стараться ни во что самому не ввязываться. Той осенью канцлер не сумел сохранить равновесие для того, чтобы успокоить Александра II. Вильгельм I послал к своему племяннику фельдмаршала фон Мантейфеля с посланием, говорившем о дружбе и взаимопонимании. У русских сложилось впечатление: «что бы ни случилось, Германия будет с нами». Но Мантейфель всячески увиливал от попыток русских воспользоваться доброй волей Германии и заручиться от нее обещанием помощи. В конце сентября Александр все-таки принудил личного военного представителя кайзера при русском дворе генерала фон Вердера телеграфировать в Берлин и спросить от имени царя, может ли Россия рассчитывать на поддержку со стороны Германии в

случае войны с Австрией. И не успел Бисмарк составить достаточно продуманный ответ на этот вопрос, как от Андраши прибыл эмиссар с инструкциями добиваться военной поддержки на тот случай, если переговоры между Веной и Санкт-Петербургом ни к чему не приведут. «Друзья» Бисмарка начали давить на него с обеих сторон¹².

Было относительно несложно решить вопрос с Австрией. Бисмарк пропустил мимо ушей все слова Андраши о взаимопонимании в военной сфере, но заверил его, что Германии отнюдь не безразлична безопасность Австро-Венгрии и, как бы между прочим, сообщил, насколько потрясла его самого недавняя просьба русских о поддержке в случае войны. Телеграмма Вердера породила массу щекотливых проблем. Бисмарк был в гневе на генерала, позволившего Горчакову «вовлечь его в ловушку», а русского министра он обвинял в изобретении вопроса, столь несвоевременного и ставящего его в неловкое положение». Канцлер отложил отсылку ответа до приезда в Варцин германского посла в России, а затем послал его обратно к царю в Крым таким кружным путем, что тот смог достичь Ливадии более чем через четыре недели после отправки телеграммы русским императором. К тому времени развитие событий сделало как вопрос, так и ответ на него безнадежно устаревшими. Посол сообщил русским, что Германия считает сохранение статуса Великих держав за Россией и Австрией жизненно важным для всей Европы, а вследствие этого Бисмарк рассматривает вмешательство в русско-австрийскую войну возможным только в том случае, если одна из воюющих сторон поставит под серьезную угрозу существование другой. «Мы ожидали чего-то значительного от вас, а вы не привезли нам ничего такого, чего мы бы уже давно не

знали», — раздраженно пробурчал Горчаков послу, изучив ответ Бисмарка¹⁹.

Благодаря этому отказу поддерживать либо только Андраши, либо только Горчакова, центр дипломатической активности переместился из Германии. С ноября 1876 года по февраль 1878 года Бисмарк удовлетворялся ролью наблюдателя. Он подталкивал Англию к тому, чтобы она взяла на себя основной груз по сдерживанию русских, и при этом был предельно любезен с генералом Игнатьевым, придерживавшимся панславистских взглядов и совершившим в марте 1877 года турне по главным европейским столицам. Однако как Бисмарк, так и Мольтке все еще весьма подозрительно относились к Деказу и французским роялистам, и в феврале 1877 года Бисмарк удивил Дерби и Дизраэли, предложив Великобритании через Одо Рассела заключить тайный союз с Германией против Франции. Но британцы, с головой ушедшие в «восточный вопрос», не обратили внимание на предложение немцев: англичане подозревали, что точно так же, как Россия и Италия сумели воспользоваться франко-прусской войной в 1870 году для достижения своих ближайших дипломатических целей, так и Бисмарк планирует марш на Париж в случае русско-турецкой войны в 1877 году. И Дерби сделал все от него зависящее, чтобы Горчакова уведомили о предложенном Бисмарком тайном альянсе²⁰. Невольно в голову приходит мысль, что в 70-е годы XIX века дипломаты пересказывали друг другу доверенные им секреты с такой же готовностью и наслаждением, с какой этим занимаются сплетничающие торговки на рынке.

Французы, конечно же, никакого нападения на Германию весной 1877 года не планировали. Маловероятно и то, что Вильгельм I стал бы поощрять превентивную войну на западе, которой он с такой на-

стойчивостью противился двумя годами ранее. Правда, Мольтке 3 февраля пересмотрел планы Генштаба, рассчитанные на непредвиденные обстоятельства, с тем, чтобы включить в них и вариант франко-русской войны против Германии, но он подчеркивал, что считает подобную ситуацию крайне маловероятной. Затянувшийся политический кризис в Париже, начиная с того момента, как президент Мак-Магон отправил в отставку премьер-министра 16 мая, убедил Германию в том, что Франция не в состоянии начать войну-реванш или интриговать с католической оппозицией внутри рейха. И впервые за четыре года тем летом ослабло напряжение вдоль франко-германской границы. Тем не менее озабоченность Бисмарка проблемой Франции в феврале 1877 года остается необъяснимой. Если его так быстро успокоило поведение французов летом, то почему же он был так страшно перепуган какой-то фантастической армией по ту сторону Рейна всего несколькими месяцами раньше? Французские дипломаты в Берлине предупреждали свое правительство, что канцлер нагнетает военный психоз, как и два года назад. Но если это действительно так, то на это имелись совсем иные причины по сравнению с 1875 годом. Тогда он хотел напомнить Европе о немецком военном превосходстве на континенте, теперь — стремился к тому, чтобы казаться незаменимым в Берлине.

Весной 1877 года Бисмарк находился ближе всего к пропасти, чем в какой-нибудь другой момент своей карьеры начиная с 1862 года. Январские выборы существенно не повлияли на состав рейхстага, но Бисмарк подозревал, что его парламентские противники планируют выступить единым фронтом против него. Когда умрет старый император — полагал Бисмарк — его наследник даст отставку канцлеру и заме-

нит его «министерством в духе Гладстона», коалицией либералов и центристов, ответственных перед парламентом. Чтобы вовремя пресечь эти интриги, Бисмарк решил усилить свои позиции, пока Вильгельм II еще активно занимался правительством. 10 марта Бисмарк удивил политических обозревателей критикой в рейхстаге одного своего коллеги из прусского правительства. Он жаловался, что генерал фон Штош, государственный министр и глава Адмиралтейства на протяжении шести лет, внес поправки в проект бюджета военно-морских сил лидера «прогрессивных» депутатов, при этом оставшись совершенно глухим к предложениям самого Бисмарка.

Штош был консервативным юнкером, приближавшимся к своему шестидесятилетию, профессиональным солдатом, которого уважал и кайзер, и его супруга Августа. В то же время он являлся другом кронпринца, в чьем штабе генерал служил во время франко-прусской войны. Он показал себя умелым главой адмиралтейства, составившим в 1872 году первый — и при этом весьма скромный — десятилетний план развития военно-морских сил Германии. Однако Бисмарк ставил его в один ряд с Арнимом. Упомянув о генерале в одной застольной беседе, он обоим охарактеризовал как «опасных интриганов». И Штош не питал никаких иллюзий по поводу отношения к нему канцлера: «Он попросил меня сесть, а затем стал вместе со мной разбирать мою работу так, как это стал бы делать школьный учитель с глупым и медлительным учеником, — писал Штош после одной беседы с Бисмарком. — Когда я пытался вставить слово, он сразу же огрызался на меня, и мне ничего не оставалось, как держать язык за зубами и уступать»²¹. И все же Штош остался на своем посту, уверенный в поддержке со стороны семейства кайзе-

ра и своих сослуживцев, многие из которых предупреждали его о коварстве канцлера. «Никто другой не знает так хорошо, как уничтожать свою жертву в глазах общества с помощью тщательно пропитанной ядом переписки», — писал Штошу политический фаворит императрицы Августы, Роггенбак, в 1874 году. И вот теперь, в 1877 году, Бисмарк публично дискредитировал Штоша в результате длительных нападок, на которые не могла не обратить внимания пресса. 24 марта Штош подал прошение об отставке, чего и ожидал Бисмарк. Но кайзер отказался принять отставку генерала, а этого Бисмарк не предвидел.

Канцлер избрал неудачное время для нападок на генерала, имеющего связи при дворе. За два дня до получения письма от Штоша с просьбой об отставке Вильгельм отпраздновал свое восьмидесятилетие в демонстративно добром здравии и ободряемый подарками и поздравительными посланиями со всех концов Германии и из-за границы. В такой момент кайзер не мог допустить, чтобы его первый министр изгнал одного из ближайших друзей семейства Гогенцоллернов. Бисмарк, со своей стороны, рассматривал вопрос об отставке Штоша как весьма принципиальный и в результате заявил Вильгельму во вторник 27 марта: «Либо Штош уходит, либо я подаю в отставку, и вам придется искать нового канцлера». При том, что кайзера серьезно встревожили сообщения о военных приготовлениях французов, и Россия явно готовилась к маршу на юг через Балканы, Бисмарк просчитал, что его старый хозяин вряд ли без него обойдется. В мае 1875 года Вильгельм сразу же отверг его просьбу об отставке. Но на этот раз, тем не менее, в течение последних дней марта и первой недели апреля на угрозу канцлера ответом было молчание. К следующей среде канцлер и его близкое окружение начали про-

являть признаки беспокойства. «Он в самом деле уходит, — писал в тот день Бушу Лотар Бюхер, и Буш, в соответствии с полученной информацией, опубликовал статью по поводу «нынешнего положения на Вильгельмштрассе», обошедшую все столичные газеты. Канцлер, как в ней заявлялось, имеет серьезное намерение уйти в отставку из-за «влияния одной высокопоставленной дамы и определенных кругов, с которыми эта дама на протяжении ряда лет была связана». Эта клевета направлялась против императрицы Августы, хотя статья предполагала критику и других людей при дворе, включая и кронпринцессу: «Всем своим сердцем я хочу, чтобы время (Бисмарк) завершилось в период правления кайзера или прямо сейчас», — писала она королеве Виктории в ту субботу²². Но в те воскресные дни Вильгельм все-таки принял решение. Он не примет отставки Штоша, но и Бисмарку не позволит уйти. Император порекомендовал канцлеру взять еще один отпуск. Бисмарк отправился в Фридрихсруэ в следующее же воскресенье и не возвращался к своим канцлерским обязанностям в столице на протяжении еще целых десяти месяцев.

«Какой вздор! Какой неуклюжий спектакль! На этот раз он одурачил всех», — писал депутат от «прогрессивных» Людвиг Бамбергер в своем дневнике²³. Были и другие, кого пугала мысль, что даже после скандальной статьи Буша старый кайзер не сумеет найти в себе силы дать канцлеру отставку. Берлин, подобно Парижу в 1630 году, пережил «День простофиль», и Бисмарк, подобно Ришелье, не простил своих врагов. Нападки Морица Буша на императора и на «политиков в нижних юбках» в целом продолжались еще в течение десяти недель после отъезда Бисмарка в Фридрихсруэ. Правительственный кризис, как все понимали, был не решен, а просто отложен.

Бисмарк провел остаток 1877 года в ставших уже привычными визитах в Фридрихсруэ, Киссинген, Варцин. Как всегда, было нелегко отличить настоящую болезнь от нервной ипохондрии, но настроение у него было значительно хуже, чем обычно в Варцине. В третье воскресенье октября, к примеру, его мучили угрызения совести: «Нет никакого сомнения в том, что я причинил страдания очень и очень многим, — заметил он приглашенным на обед после его завершения. — Если бы не я, не было бы трех больших войн, не погибли бы восемнадцать тысяч человек, и их сейчас не оплакивали бы родители, братья, сестры и вдовы»²⁴. Этой зимой он продолжал отклонять все предложения принять на себя инициативу во внешней политике. Бисмарк был занят сложными переговорами с лидером национально-либеральной партии Беннигсенем, которого он надеялся сделать членом своего правительства. На Рождество Бисмарк предложил Беннигсену стать заместителем канцлера, но этот проект, призванный расколоть национал-либералов, не реализовался по двум причинам: Беннигсен попросил министерские портфели для двух других членов своей партии, но главная причина заключалась в том, что кайзер страшно разгневался из-за того, что канцлер предлагает внести изменения в структуру правительства, «не заикнувшись ни единым словом об этом». В самом язвительном из своих новогодних посланий, когда-либо посылавшихся им своему первому министру, Вильгельм подчеркнул, что не желает видеть Беннигсена ни в каком министерстве и, «прежде всего», надеется на то, что в «новом году здоровье канцлера улучшится»²⁵. Настало самое время возвращаться в Берлин. Но, к сожалению, письмо Вильгельма вызвало у Бисмарка нервный припадок, из-за которого он даже слег в постель.

На второй неделе февраля 1872 года, когда собрался рейхстаг, Бисмарк уже восстановил свои силы, чтобы занять свое место в парламенте. Несколькими днями ранее в Ватикане скончался Пий IX, и в то время, как депутаты собирались на парламентскую сессию в Берлине, кардиналы съезжались в Рим на первый конклав по выборам папы за последнюю треть века. Их намерения многое значили для Бисмарка и Виндхорста. Оба надеялись на примирение между католической церковью и государством в Германии, и их устраивало избрание папой кардинала Печчи — Льва XIII, хранившего молчание во время дебатов по вопросу папской непогрешимости на Ватиканском соборе восемью годами ранее²⁶. В этот конкретный момент восточный вопрос представлялся значительно более важным. Российские войска, освобождавшие балканских славян от власти Османской империи, достигли пригородов Константинополя в последний январский день и здесь согласились заключить перемирие с турками. Британия, чувствуя, что проливы вот-вот окажутся под русским контролем, выслала 13 февраля эскадру из шести военных кораблей в Дарденеллы. Война между Британией и Россией казалась неизбежной. Как к этому должна отнестись Германия? 19 февраля Беннигсен задает вопрос в рейхстаге, не предлагает ли канцлер выступить в качестве арбитра по восточному вопросу. «Я не рассматриваю мирные переговоры как ситуацию, в которой, столкнувшись с двумя противоположными взглядами, мы выступаем в качестве арбитров и говорим: «Должно быть так!» — и поддерживаем нашу точку зрения всей мощью Германской империи, — ответил Бисмарк. — Я имею в виду гораздо более скромную роль... скорее, роль честного маклера, чья истинная цель заключается в том, чтобы делать свой бизнес»²⁷.

Его ироническое замечание было встречено «смехом в парламентских рядах». Но Бисмарк в самом деле уже определил свое положение. Если требуется сохранить за собой голос в европейских делах, то более нельзя игнорировать балканский кризис. Бисмарк имел не больше желания делать четкий выбор между «нашими тремя друзьями» в Европейском конгрессе, нежели в 1876 году, но ситуация за восемнадцать месяцев заметно изменилась. Теперь совершенно исключалось, что Горчаков будет возглавлять русскую делегацию на каком бы то ни было конгрессе; ему шел восьмидесятый год, и этой зимой он практически не вставал с инвалидного кресла. Биконсфильд также стал довольно хлипким семидесятилетним старцем. Он страдал астмой и бронхитом, и в последний раз осмелился пересечь Ла-Манш более двадцати лет тому назад. Бисмарк уже подружился с вероятным главой русской делегации, графом Петром Шуваловым, послом российского императора в Лондоне, и не сомневался в своей способности справиться с любым членом палаты лордов, который будет представлять Англию.

Изменилось положение дел и в Париже. Теперь места в правительстве уже не принадлежали правому роялистскому крылу, и граф Деказ передал руководство министерством иностранных дел Уильяму Генри Уоддингтону. Этот политик-нумизмат, получивший образование в Рептоне и Регби, участвовавший в Университетской гребной регате в 1848 году от Кембриджского университета, останется самым «англизированным» французом из всех, когда-либо руководивших ведомством на Кэ д'Орсэ. Бисмарк, подозревая, что происхождение Уоддингтона делает его отношение к проблеме Эльзаса и Лотарингии менее болезненным, чем у предшественников, даже предло-

жил провести конгресс в Париже под председательством Уоддингтона. Никто не согласился с Бисмарком, и больше всех возражал сам Уоддингтон. Андраши, наследник Меттерниха, предложил Вену как самый «естественный» для проведения конгрессов город, но русские отвергли все города, кроме Берлина. В соответствии с этим 3 марта Бисмарк с очевидным нежеланием наделил Андраши полномочиями пригласить Великие державы на конгресс в столицу Германии весной или летом этого года²⁸.

Поначалу складывалось впечатление, что война между Великобританией и Россией начнется еще до созыва конгресса. Так как в тот же самый день, когда Бисмарк согласился на то, чтобы Берлин стал местом проведения конгресса, генерал Игнатъев навязал туркам договор, подписанный в Сан-Стефано, по которому Оттоманская империя отдавала большую часть Балканского полуострова под непосредственное покровительство русских. На основании договора создавалась автономная «Великая Болгария», в целом зависимая от России в вопросах жизнеобеспечения и развития. Ни Австро-Венгрия, ни Англия не могли допустить такого изменения в балансе сил в Юго-Восточной Европе. К счастью, с ними из соображений сохранения мира на континенте соглашались и те русские, которые неодобрительно относились к панславистской идее, и среди них, что особенно важно, был и граф Шувалов. В течение марта, апреля и мая длилась необычная дипломатическая суета между Лондоном, Веной и Санкт-Петербургом, несколько дипломатов делали остановку в Берлине, сам Шувалов дважды посетил Фридрихсруэ. И только после того как Шувалов заверил нового министра иностранных дел Великобритании Солсбери, что Россия не будет настаивать на создании «Великой Болга-

рии», Биконсфильд все-таки официально объявил о принятии приглашения на Берлинский конгресс. Это произошло 3 июня, и Конгресс решено было открыть через десять дней после этого²⁹.

Конгресс открылся в сложный момент политической жизни Германии. 11 мая Макс Ходель, обедневший водопроводчик, стрелял в кайзера, но промахнулся. Бисмарк воспользовался тем, что Ходель когда-то был членом социал-демократической партии, и из своего уединения в Фридрихсруэ направил чиновникам в Берлин предписание подготовить еще один «закон против социалистов и их печатных органов». Поспешно и неудачно составленный законопроект был представлен на рассмотрение рейхстага менее чем через две недели после покушения Ходеля. Решительное противодействие со стороны национал-либералов привело к тому, что законопроект практически сразу же отвергли. Девять дней спустя, 2 июля, Вильгельм был тяжело ранен выстрелом из огнестрельного оружия в тот момент, когда он проезжал по Унтер-ден-Линден. На этот раз на жизнь кайзера покушался Карл Нобилинг, интеллектуал из среднего класса, имевший диплом доктора экономики, полученный в Лейпцигском университете. Нобилинг покончил с собой еще до начала расследования, и не существует однозначных свидетельств того, что он также был социалистом, но Бисмарк вновь заговорил о «красной опасности». Он надеялся, что ему удастся дискредитировать не только социалистов, но и национал-либералов, всячески препятствовавших усилиям канцлера противостоять вызову левых сил с помощью репрессивного законодательства. Бисмарк обратился к кронпринцу, представлявшему интересы своего отца, с просьбой распустить рейхстаг и назначить новые выборы на конец июля³⁰. Примечательно то, что

Вильгельм, несмотря на свой возраст (81 год), не скончался от полученных ран. Тем не менее ему пришлось передать свои обязанности кронпринцу, но император не был все-таки до такой степени слаб, чтобы возникла необходимость учреждения регентства, и кронпринц, таким образом, не получил возможности определять политику. В конституционном смысле покушение Нобилинга на кайзера временно устранило одно препятствие на пути канцлера. Со 2 июня по 5 декабря 1878 года, когда Вильгельм вновь смог принять на себя полную ответственность по решению государственных вопросов, Бисмарк пользовался не менее целостной и нераздельной властью в правительстве Германии, чем любой монарх в ее истории. В течение всех названных шести месяцев все в Берлине решалось волей канцлера, а отнюдь не кронпринца. Таким образом, во время конгресса исчезла всякая возможность для династических интриг, сложился очень неудачный момент для обращений представителей русского царя непосредственно к германскому кайзеру с целью противодействия шагам Бисмарка, ведь именно там, при дворе Вильгельма, идилия Гогенцоллернов — Романовых длилась на протяжении семи сентиментальных десятилетий.

11 июня рейхстаг был распущен. В тот вторник вечером лорд Биконсфильд прибыл в Берлин в качестве главы британской делегации на конгрессе. Бисмарк очень удивился, узнав, что Дизраэли едет в Берлин. На конгресс также направлялся и Солсбери, и никогда прежде ни на одной международной встрече не присутствовали одновременно премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании. Каково же было раздражение Бисмарка, когда он узнал, что известие о прибытии Биконсфильда в Берлин заставило и Горчакова подняться с одра болезни и отправиться

ся в путешествие. «Я не хочу, чтобы меня погасили, подобно чадающей лампе, я хочу угаснуть, подобно звезде», — заявил старик³¹. И все же опасения Бисмарка, что конгресс может превратиться в демонстрацию тщеславия его участников, не оправдались. У Горчакова были мгновения притворства и капризов, когда он в гневе швырял на стол нож для разрезания бумаги или ел клубнику на балконе своего гостиничного номера, когда из-за «болезни» он не мог посетить важнейшее заседание конгресса. Подобные же черты характера Биконсфильда заставили его заказать — или сделать вид, что он заказал, — специальный поезд в Кале, угрожая прервать таким образом конгресс, если русские проявят большое упрямство. Но подобным трюкам и демонстративным жестам каждый из них мог вполне поучиться у самого Бисмарка. Конкретная работа на конгрессе проводилась людьми, пребывавшими на вторых ролях, — и в особенности Солсбери и Шуваловым. «Все вопросы ставятся публично, но затем приватно решаются», — писал Биконсфильд королеве Виктории в конце первой недели³². Никогда раньше не было столь быстро и столь эффективно проведенного совещания Великих держав.

Берлинский конгресс официально открылся в два часа дня в четверг 13 июня, когда делегации всех стран-участниц собрались в бальной зале бывшего дворца Радзивиллов. Но первое настоящее неформальное заседание конгресса состоялось только в следующий понедельник. Многие возражения против положений договора, заключенного в Сан-Стефано, были сняты во время неофициальных встреч и обмена мнениями. Оставался, однако, целый ряд достаточно болезненных вопросов, касавшихся отдельных деталей, которые могли бы пробудить старые обиды, если бы Бисмарк в качестве председателя не держал

ход конгресса под своим строгим и четким контролем. Он держался настолько беспристрастно, насколько ему позволяли события. Канцлер поддерживал одновременно как претензии русских на европейское и азиатское побережье Черного моря, так и политику Андраши по введению австрийского военного присутствия в Боснии и Герцеговине. Ни австрийских, ни русских дипломатов поведение Бисмарка не удовлетворило, каждая сторона полагала, что он предпочитает противоположную; но это было как раз то, чего канцлер больше всего опасался. То и дело Бисмарк пытался сделать «восхитительного мсье Годдингтона» главным посредником в этих вопросах, но всякий раз французский политик практично отклонял это лестное предложение.

Бисмарк вел конгресс с невероятной скоростью, запугивая делегатов и льстя им так же, как когда-то он запугивал и льстил участникам Франкфуртского совещания. Он не стеснялся в выражениях по адресу Турции, не меньше доставалось от него представителям Греции, Сербии и Черногории. Ничто не выводило его из себя в большей степени, чем длинные речи в пользу той или иной из малых народностей, стремившихся к независимости от России или Турции. Его наибольшее раздражение вызывала защита Солсбери лазов, мусульманских племен, проживавших между Трапезундом и Батумом, народа, точное название которого британский министр иностранных дел припомнил с большим трудом, но при этом произнес яркую речь в их защиту. Бисмарк отказался признать существование кутцу-валахов, когда увидел это наименование в списке народов, чьи права нуждались в защите на территории автономной Болгарии. «Кутцу-валахи? — сказал он. — У этого слова есть только одно право — быть вычеркнутым», — и он, не задумываясь, провел

карандашом по упомянутому этнониму³³. Но и болгары оказались не в лучшем положении. «Он постоянно пользуется любой возможностью сообщить нам, что ни в грош не ставит счастье «этих», — отметил один из делегатов³⁴. Он разочаровался в Андраши, возможно, из-за того, что аристократическая самоуверенность мадьярского дворянина оттеняла бесцеремонную вульгарность манер канцлера; ему не нравился Солсбери, отличавшийся слишком яркой индивидуальностью, чтобы легко укладываться в готовое бисмарковское представление об английской земельной аристократии; к Горчакову же он продолжал относиться с холодной вежливостью. На конгрессе присутствовало только два человека, чьими достоинствами Бисмарк восхищался и кого, несомненно, уважал: Шувалов, на которого Горчаков переложил решение всех тех ответственных вопросов, каковых сам избегал, и прежде всего — Биконсфильд, «старый еврей», государственный деятель, с которым легко было решать любые проблемы. «В течение четверти часа для вас становится ясна суть взаимоотношений с этим человеком», — вспоминал Бисмарк позднее³⁵.

Возможно, о политике с немецким канцлером говорил лорд Биконсфильд, но вот наслаждение от самых ярких событий конгресса получал, описывая своим точным пером и личность его председателя, и всех тех, кто его окружал, уже Бенджамин Дизраэли, «фантастический романист». «Весьма тучный человек с румяным лицом, на котором он ныне растит серебристую бороду», — так описывал он Бисмарка королеве Виктории. «Я сидел справа от председательствующего Бисмарка и, поскольку никогда много не ем в обществе, то имел возможность внимать его раблезианским монологам и бесконечным откровениям по поводу тех вещей, о которых ему не следовало бы упоминать, — сообщил он

Виктории после обеда с канцлером несколько дней спустя. — Поразителен контраст между его голосом, приятным и мягким, и его фигурой великана. Он, совершенно очевидно, хорошо начитан и знаком с современной литературой (тем летом в Берлине продавались романы Б. Дизраэли). Его характеристики важных особ весьма пикантны и безрассудно откровенны». Помимо всего прочего королеве сообщалось, что Иоганна фон Бисмарк «далеко не красавица, но ее влияние в семье неборимо».

«Он спросил меня сегодня, — писал Биконсфильд 5 июля, — столь же популярны ныне скачки в Англии, как это было прежде? Я ответил, что популярны, как никогда раньше... «В таком случае воскликнул князь с воодушевлением, — в Англии никогда не будет социализма... В Англии чем больше у дворянина лошадей, тем более он популярен. И пока англичане преданы скачкам, социализм у них не будет иметь ни малейшего шанса»³⁶.

Между двумя государственными мужами возникла дружба, основанная на даре, которым обладал каждый из них, — способности понимать характер друг друга, отделяя напускное от сути. Биконсфильд совсем не боялся этого «великана». Через две с половиной недели после открытия конгресса он писал домой с легкой иронией: «Пред. Бисмарк, держа в одной руке горсть вишен, а в другой — креветок и по очереди проглатывая то и другое, жалуется на страшную бессоницу и говорит, что должен ехать в Киссинген»³⁷. Это был не менее точный портрет председателя конгресса, нежели тот, который Вернер, официальный художник, изобразил на своем полотне.

Вне всякого сомнения, Бисмарк стремился сбежать от берлинской жары в Киссинген и Гаштейн. Его подчиненные терзали себя вопросом, а что будет,

если до подписания заключительных документов у канцлера сдадут нервы и здоровье? И все же конгресс завершился 13 июля, раньше, чем произошло то, чего они опасались, и его решения сняли непосредственную опасность общеевропейского кризиса, даже несмотря на сохранение определенных трудностей, связанных с проведением в жизнь этих решений. Берлинский договор в целом удовлетворил и Австрию, и Великобританию.* Русские получили признание своего влияния в Болгарии, за ними также были окончательно закреплены земли на Кавказе, довольно сильными стали и русские позиции в дельте Дуная. Во всех этих решениях не было ничего идеалистического, многие крупные деятели российской политики оказались ими крайне разочарованы и возмущены. Но, как заявил Бисмарк в своем прощальном обращении к собравшимся на конгрессе государ-

* Главные положения, оговаривавшиеся — или подтверждавшиеся — в Берлинском договоре, были таковы: создавалось автономное государственное образование Болгария, формально-юридически находящееся под покровительством турецкого султана; к югу от Болгарии возникла провинция Восточная Румелия, номинально относящаяся к Турции, но с христианским правительством; Сербия и Черногория получали дополнительную территорию и формальное подтверждение их независимости; подтверждалась и независимость Румынии, которая получала Северную Добруджу в обмен на передачу Бессарабии России; Австро-Венгрия получала право оккупации и управления Боснией-Герцеговиной и право размещения войск в Нови-Базаре; Греции обещалось скорое исправление пограничной линии в Фессалии и Эпире; было подтверждено владычество России на Кавказе. Турецкий султан заверил участников конгресса в том, что проведет реформы в европейских провинциях своей империи под наблюдением Великих держав. Отдельная «Кипрская конвенция», подписанная в Константинополе 4 июля, предоставила Британии право оккупации острова Кипр, который формально-юридически оставался частью Турецкой империи до 1914 года.

ственным деятелям и дипломатам, «в рамках возможного этот конгресс сослужил Европе хорошую службу в деле сохранения и поддержания мира»³². Это было достаточно скромное и реалистическое заявление.

Не было никаких сомнений в том, что благодаря конгрессу престиж Бисмарка на родине неизмеримо возрос. Что могло быть лучшей прелюдией к выборам, назначенным через две недели после завершения конгресса? Тем не менее сам Бисмарк не собирался оставаться в Берлине и ожидать результатов подобной оценки общественного мнения. Нервная система канцлера, для которой конгресс стал тяжелейшим испытанием, дала сбой. Все его тело покрыла сыпь; и он поспешил в Киссинген, словно студент, закончивший семестр с восторгом, который он испытывал в последний раз в штеттинском дилижансе более полувека тому назад³⁹.

ГЛАВА 13

РАСЦВЕТ СИСТЕМЫ БИСМАРКА

Выборы в рейхстаг дали Бисмарку то, чего он хотел — усиление консервативных партий за счет либералов и социалистов. Теперь канцлер мог быть уверен в большинстве в шестьдесят голосов при голосовании за любую меру, поддерживаемую консерваторами и центром. В сентябре Бисмарк представил третий законопроект, направленный против социалистов, более умело составленный, чем те поспешные мероприятия, которые предлагались им летом, и не ставивший социал-демократическую партию как таковую вне закона. В каком-то смысле этот «исключительный закон» был проверкой настроений в новой парламентской ассамблее¹.

Если закон без задержек пройдет через эту палату, то не будет никаких оснований полагать, что в будущем году Бисмарк не получит парламентской поддержки своим далеко идущим изменениям политической линии. Косвенное налогообложение, по которому не проводилось бы ежегодное бюджетное голосование в рейхстаге, увеличило бы мощь и независимость центрального правительства. Оно также было бы с удовлетворением встречено промышленниками и производителями сельскохозяйственной

продукции, которые давно искали защиты от иностранных конкурентов.

Законопроект против социалистов прошел в рейхстаге очень легко. Бисмарк с удовлетворением отметил, что несколько выдающихся либералов поддержали «исключительный закон» с успокаивающей совестью мыслью, что эти меры будут применяться только к нарушителям общественного спокойствия, но ни в коей мере не против существующих политических партий. Поскольку либералы пошли на поводу у подобной политической казуистики, Бисмарку становилось ясно, что его личное обаяние оказалось достаточно сильно, чтобы склонить и даже развалить самую либеральную партию в том случае, если ее лидеры пожелают отстаивать свои принципы по другим вопросам. В октябре более двухсот депутатов подписали декларацию, требовавшую от канцлера отказа от принципа свободной торговли и принятия протекционистских тарифов. Декларация в конце концов заставила Бисмарка решиться. 15 декабря 1878 года он объявил о том, что будет просить рейхстаг одобрить тарифные реформы, на основании которых налогом будут облагаться как импортируемые продукты питания, так и промышленные товары².

Это заявление никого не удивило. Даже Бисмарк, каким бы равнодушным к экономическим доктринам он ни казался, не мог не обращать внимание на признаки экономического спада, постоянно множившиеся с 1873 года. Тарифы, как указывал один из его советников, не только дадут возможность косвенного налогообложения, но и будут сдерживать рост социализма, поддерживая экономику. Правда, гораздо большее впечатление на Бисмарка произвели другие соображения: его личный банкир, Блейхредер (уже спасший целый ряд известных семейств от необду-

манских спекуляций с акциями румынских железных дорог) расширял круг интересов своего банка, в этот круг входил теперь индустриальный комплекс в Руре, а канцлер обращал пристальное внимание на судьбу своих личных банковских вкладов³.

Кроме того, Блейхредер, естественно, относился с большим сочувствием к жалобам своих собратьев-банкиров, встревоженных увеличением импорта зерна из Венгрии, России и Соединенных Штатов, где расширение сети железных дорог и массовая запашка земель вызвали сенсационное падение цен на зерно. И хотя источником большей части его состояния была торговля древесиной — «лиственные леса... можно сравнить с прусскими консолями»*, как он однажды заметил⁴, — сам Бисмарк занимался фермерством в течение девяти сложных лет последней великой сельскохозяйственной депрессии. Он и говорил на том же языке, на котором говорили землевладельцы.

Законопроект о тарифах вошел в силу в июле 1879 года. Их размеры были довольно невысоки, и, хотя они сократили ввоз крупных промышленных товаров, едва ли они смогли преодолеть депрессию в сельском хозяйстве. Тем не менее юнкеры были удовлетворены — канцлер продемонстрировал свою решимость сохранять их интересы с помощью «зернового закона». После 1879 года промышленники и землевладельцы стеной встали за него. Лозунг «железом и кровью» первых лет его деятельности уступал место менее драматическому союзу «зерна и железа», ознаменовавшего последнее десятилетие политической жизни канцлера.

В конечном итоге переход к протекционистской политике в 1879 году глубочайшим образом воздей-

* Консолидированной рентой — прим. переводчика.

ствовал на экономику Германии. Названные тарифы позволили тяжелой индустрии Рура, Саара, Эльзаса-Лотарингии и Силезии отнять у Англии и Шотландии право называться главными «мастерскими мира». Тем не менее Бисмарк, конечно же, не предвидел далеко идущих последствий своих действий. Его прежде всего интересовали ближайшие результаты перехода к политике протекционизма и, в особенности, ее воздействие на партийную структуру рейхстага. Становилось ясно, что национал-либералы, приведенные плюсами и минусами тарифной системы в не меньшее замешательство, нежели репрессивными мерами в отношении социалистов, ныне могут считаться раздавленной и дискредитированной политической силой. Тем летом их предал осмеянию в парламенте тот самый канцлер, которого они поддерживали целое десятилетие. В то же время вопрос о фискальных мерах помог установить хорошие отношения с центром. Когда депутат-центрист внес поправку в закон о тарифах с тем, чтобы обеспечить справедливое распределение доходов от косвенного налогообложения между федеральными государствами, входящими в состав рейха, Бисмарк принял это предложение. А на первой неделе мая 1879 года, почти через шесть лет после начала действия жестких антицерковных законов, Людвиг Виндхорст был приглашен на прием в семейство Бисмарков на Вильгельмштрассе. И оказалось далеко не случайным совпадением, что 13 июля, за два дня до введения тарифной системы, Адальберт Фальк подал в отставку с поста прусского министра вероисповеданий. «Культуркампф» более уже не была борьбой: она превратилась лишь в традицию⁶.

Бисмарк предположил, что конфликт между церковью и государством исчерпал себя. Он, конечно, не желал его формального завершения, так как это под-

разумевало бы признание собственного поражения. Но канцлер полагал, что конфликт можно разрешить по дипломатическим каналам и что Лев XIII разделяет его точку зрения. Новый папа не отличался непреклонностью своего предшественника, он даже направил Вильгельму I послание доброй воли после покушения Нобилинга. В июле 1878 года Бисмарк провел «пробные» переговоры в Киссингене с папским нунцием в Баварии, но обнаружил, что церковь требует официальной отмены «майских законов» — уступка, которую он находил излишней. Бисмарк надеялся, что, настаивая на мягком и не слишком «навязчивом» проведении в жизнь этих законов, ему удастся постепенно добиться поддержки у католиков. Папа и его нунции и в самом деле были готовы к постепенному устранению репрессивных мер, но против этого выступал Виндхорст. Центристы, поддерживавшие Бисмарка в других вопросах, настаивали на том, что ограниченные жесты примирения явно недостаточны. В конце концов в июле 1880 года Бисмарк представил на рассмотрение прусского ландтага первый из так называемых «мирных законов», ограничивавших права судов при рассмотрении церковных вопросов, учрежденных Фальком. За ним последовали и другие законодательные мероприятия в 1882 и 1883 годах до того момента, пока в середине десятилетия католические епископы не получили такую же автономию и такую же власть над своей паствой, какой они обладали еще в то время, когда рейх был только что создан. В ходе «Культуркампф» не было ни решительной победы, ни поражения. Религиозные ордена не смогли вернуть себе свои прежние позиции, и церкви пришлось признать за государством право на защиту людей религиозных и тех, кто порвал с традиционной верой своих предков. Эти

уступки были весьма разумны в эпоху интеллектуального брожения и перемен. Бисмарк не унизился до какой-нибудь современной Каноссы, он даже сам лично не поехал в Ватикан и предпочел отправить к папе кронпринца с миссией доброй воли. Но ему пришлось поторговаться с Виндхорстом, чтобы добиться поддержки центристами его курса в парламенте. Национал-либералы в годы их восхождения к высотам власти никогда не ценили себя столь высоко.

Была и еще одна причина стремления канцлера перетянуть на свою сторону центристов. Он хотел заменить то, что Виндхорст именовал «обанкротившейся эрой либерализма», — консервативной эрой, которая, по его мнению, должна дать прочное основание германскому обществу. Депутаты от центра, так же, как и консерваторы, были людьми солидными и состоятельными. В 1878 году более трети их представителей в рейхстаге составляли крупные землевладельцы. Бисмарку представлялось разумным, что такие люди должны присоединиться к нему в его попытках навеки сохранить старую Германию, навязав бюрократии и промышленности высокий образец служения государству. Он рисовал в своем воображении модернизированное, но в основе своей патриархальное общество, по сути феодальное, в котором церкви, как католическая, так и протестантская, будут выступать в качестве послушных инструментов светских властей. Римско-католическая церковь проявила интерес к негативным сторонам индустриального общества еще до создания рейха. Епископ Майнцкий Вильгельм фон Кеттелер, аристократ, принявший священнический сан уже в довольно преклонном возрасте, опубликовал в 1864 году яркое, хоть и короткое исследование взаимоотношений между христианством и рабочим классом и до конца своей жизни (до 1877 года) продолжал

настаивать на том, чтобы центристы перешли к политике социальных реформ⁶. Бисмарк также заботило благополучие фабричных рабочих: он пытался просветить себя в этих вопросах с помощью бесед с лидером социалистов Лассалем во второй год своего пребывания на посту министра-президента Пруссии⁷. Но в то время как Бисмарк рассматривал государство в качестве «отца-благодетеля» пролетарских масс города, центристская партия относилась к государственному вмешательству с такой же подозрительностью, как и либералы, и хотела переложить ответственность по социальной защите на промышленников и рабочие ассоциации, финансируемые церковью. Эти, в принципе различавшиеся, подходы сделали невозможной помощь центристов в создании Бисмарком патриархального общества, которое он придумал во время своих прогулок в Варцине и Фридрихсруэ. С другой стороны, депутаты-центристы не были готовы отвергнуть проект, нацеленный на то, чтобы заставить работодателей в большей степени осознавать свои обязанности по отношению к рабочим. Время от времени Бисмарк не меньше раздражала «полуподдержка» центристов, нежели откровенная оппозиция со стороны либералов.

Когда Бисмарк составлял тронную речь к открытию сессии рейхстага 12 февраля 1879 года, он вставил в нее упоминание о необходимости введения законов, которые способствовали бы преодолению негативных сторон индустриализации. Это «обещание сделать что-то позитивное в целях устранения причин, порождающих социализм», вызвало к жизни самую интересную, глубокую программу социального страхования из тех, которые принимались каким-либо правительством в XIX столетии. В апреле 1881 года канцлер представил на рассмотрение парламента законопроект о страхова-

нии рабочих от несчастных случаев — мера, давно предлагавшаяся епископом Кеттелером и над которой сам Бисмарк размышлял еще десятью годами раньше. Канцлер надеялся, что законодательство подобного рода привлечет на сторону правительства огромные массы рабочих и таким образом выбьет почву из-под ног у того явления, которое он характеризовал как «подрывной социализм». И даже в этой форме его предложения вызвали взрыв негодования среди либералов и сторонников «прогрессивного» крыла. Помощь рабочим со стороны государства «имеет не социалистический, а коммунистический характер», как заявил один из лидеров. «Если это и коммунизм, а не социализм, как настаивает предыдущий оратор, мне все равно, — ответил Бисмарк в ходе дебатов. — Я называю это практическим христианством, воплощенным в законодательстве⁸.

У центристов было, однако, другое мнение. Виндхорст настаивал, что принцип финансируемого государством страхования ложен, и сам Виндхорст присоединился к либеральной оппозиции в попытках «завалить» этот законопроект. Предложение, касавшееся страхования по болезни и не подразумевавшее участия государства, было принято рейхстагом в июне 1883 года, а первоначальный план страхования от несчастных случаев в конце концов утвердили в июле 1884 года, когда канцлер согласился оставить конкретные моменты его проведения в жизнь на усмотрение работодателей и профессиональных рабочих ассоциаций. Оппозиция со стороны центристов привела к тому, что это наиболее дальновидное из всех предложений Бисмарка в конечном итоге в большей степени стало соответствовать католической социальной доктрине, чем его собственной концепции «практического характера».

Попытка Бисмарка перевести рейхстаг на рельсы «нового курса» в ходе сессии 1878-79 годов, таким образом, оказалась лишь частично успешной. Он ввел протекционистские тарифы, защитившие немецкую промышленность и сельское хозяйство, принес дополнительные доходы благодаря своим таможенным пошлинам и уменьшил тем самым свою зависимость от бюджета, выносимого на одобрение парламентом; он предоставил федеральным землям возможность бороться с подрывным социализмом, и ему удалось выпутаться из конфликта с церковью. Но Бисмарк не смог создать какие-либо новые и долговременные политические комбинации. Разработанный им курс, возможно, и оставил национал-либералов на мели, а центристов, напротив, продвинул далеко вперед, но самого канцлера он заставил метаться между удовлетворением требований момента и знакомыми принципами его правления. Никогда раньше ему не приходилось столь часто импровизировать в чисто внутренних делах, организуя временные группировки в рейхстаге с тем, чтобы добиться прохождения того или иного законопроекта. Эта необходимость уделять так много времени внутренним делам явно оказалась лишней для Бисмарка. В марте 1878 года специальным конституционным законом была создана должность вице-канцлера. Но Бисмарк вовсе не собирался отказываться даже от части своей власти. Граф Отто фон Штольберг-Вернигероде, вице-канцлер с 1878 по 1881 год, являлся не более чем церемониальной фигурой. Бисмарк до такой степени ни во что не ставил эту должность, что когда Штольберг ушел в отставку, канцлер передал этот пост государственному секретарю по внутренним делам Беттихеру, который наряду с обязанностями вице-канцлера продолжал исполнять свои прежние обязанности. Так как он не желал разделять

с кем бы то ни было управление своей конституционной машиной, Бисмарку приходилось уделять время парламентским делам. Он присутствовал на заседаниях рейхстага в период между 1879 и 1887 годами гораздо чаще, чем когда-либо раньше или позже этого срока, а тома его речей показывают, насколько часто он считал необходимым лично обратиться к депутатам, пытаясь — далеко не всегда успешно — отбиться от поправок к своей законодательной программе. Вся эта деятельность отнюдь не способствовала улучшению его здоровья. Он нервно садился на самый край парламентских скамей, и лишь длинная борода патриарха скрывала подергивание его лицевых мышц. Наблюдатели, присутствовавшие на дебатах по вопросу о страховании в 1881 году, глядя на этого гиганта, весом свыше ста килограммов, нетерпеливо рвущегося к трибуне и дрожащего от негодования на своих противников, отпускали ему еще не более двух лет жизни. И, как всегда в случаях с Бисмарком, внешность оказалась обманчива.

Эта дипломатическая трансформация, тем не менее, в основном имела случайный характер. Легендарная бисмарковская система альянсов оказалась в большей мере результатом стечения обстоятельств, нежели продуманного планирования. Но он никогда и не намеревался создавать жестокий механизм сдерживания и равновесия в Европе. Его политической манере была слишком присуща стратегия свободного маневрирования, чтобы он мог от нее полностью отказаться. Бисмарк всегда видел особую эффективность проведения в жизнь сразу нескольких альтернативных политических линий. При этом он обычно откладывал решающий выбор до самого последнего момента, когда его соперникам или противникам бывало уже слишком трудно избрать эффективную

ответную тактику. Он продолжал на протяжении всего времени пребывания на своем посту уравнивать обещание, даваемое правой рукой, жестом независимости, который он проделывал левой. В идеале Бисмарк желал бы оставаться таким же «честным маклером» после конгресса, каким он был до него, и чтобы его при этом занимали лишь существенные проблемы политической жизни, а к «дипломатии престижа» канцлер демонстрировал бы свое высокомерное презрение. Однако канцлер понимал, что если он и впредь будет воздерживаться от решительных действий, как и в начале этого десятилетия, то возникает опасность дипломатической изоляции Германии и может всплыть «кошмар» союза Франции и России, а, возможно, даже коалиции Франции и Австрии с Россией в качестве непредсказуемого третьего члена. Самый надежный способ предотвращения этой катастрофы заключался в наделении реальным содержанием эфемерного Союза трех императоров. И потому Бисмарк всеми силами стремился к укреплению связей между Берлином и Веной и при этом всячески склонял государственных деятелей России и Австро-Венгрии к тому, чтобы они забыли о своих разногласиях и начали бы реальное сотрудничество.

Однако перспективы оставались не слишком радужны, и Бисмарк это знал. Многие в России, в том числе и сам император Александр II, были недовольны условиями Берлинского договора. В то же время позиции Андраши в Австро-Венгрии оказались менее надежны, чем в начале кризиса, отчасти из-за влияния антивенгерской партии в Вене, отчасти же потому, что ощущалось его чрезмерное стремление угодить своему русскому партнеру.

Бисмарк возложил свои надежды на Шувалова, который провел большую часть лета 1878 г. в Санкт-

Петербурге перед возвращением в русское посольство в Лондоне. Здоровье Горчакова было настолько подорвано во время конгресса, что он взял пятимесячный отпуск по болезни и практически весь его провел в Швейцарии. Теоретически, таким образом, у Шувалова появилась реальная возможность укрепить свои позиции в Петербурге. Бисмарку представлялось совершенно невозможным, чтобы Горчаков, которому уже перевалило за восемьдесят, когда-либо вновь возвратился к управлению русской дипломатией, и канцлер не скрывал того, что Шувалову в качестве преемника Горчакова на посту министра иностранных дел будут особенно рады в Берлине¹³.

Тем не менее Бисмарка постигло разочарование. Александр II был предубежден против Шувалова и против его немецкого патрона. Состоявшийся конгресс — это не что иное, как «европейская коалиция, направленная против России и руководимая князем Бисмарком», — настаивал император. Самое большее, что он мог допустить, сводилось к встрече с Андраши в Вене с тем, чтобы выяснить, насколько могут быть изменены отдельные условия Берлинского договора путем непосредственных переговоров между участниками Союза трех императоров. Бисмарк поддержал инициативу России, но Андраши отнесся ко всему этому с подозрением и настаивал на сохранении верности принятым договоренностям. К Рождеству Горчаков вернулся в Санкт-Петербург. И хотя деталями внешней политики уже занимались другие люди, он сохранял достаточное влияние, чтобы наложить вето на все дальнейшие контакты с Берлином и Веной и чтобы способствовать публикации в русской прессе статей с нападка на Бисмарка¹¹. Так, к началу 1879 года Союз трех императоров стал уже делом прошлого точно так же, как и Священный союз. В отноше-

ниях между Берлином и Санкт-Петербургом возникла самая большая напряженность за все время пребывания Бисмарка у власти.

Канцлер крайне медленно осознавал всю меру ухудшения отношений с Петербургом. Глаза ему открыла кампания в печати, начавшаяся в Москве в феврале 1879 года и вскоре перекинувшаяся в столичные русские газеты. Непосредственным поводом для недовольства России стал предлагаемый Бисмарком тариф на сельскохозяйственную продукцию, который, как подчеркивала московская пресса, самым драматическим образом сократит экспорт российского зерна. Но вскоре зазвучали и другие жалобы: на карантин, установленный вдоль русской границы из-за предполагаемой вспышки чумы в Астрахани; на необдуманные замечания, сделанные Бисмарком в адрес Горчакова и просочившиеся в лондонскую «Таймс», и на многое другое. Бисмарка очень заботили как военные учения русских на польской границе, так и разговоры о тайных дипломатических сношениях России с Италией и Францией в самом начале апреля 1879 года. Бисмарк упомянул о возможности союза с Австро-Венгрией в беседе с генералом фон Швейницем, германским послом в России, находившимся весной того года в Берлине. В дальнейших сообщениях от Швейница на протяжении летних месяцев подчеркивалось нарастающее раздражение русского императора политикой Германии и особенно самим канцлером лично. Ко второй неделе августа Бисмарк решает использовать свой ежегодный визит в Гаштейн для обсуждения русской проблемы с австрийцами. Новости, полученные Бисмарком 12 августа, содержали намек на то, что Андраши находится на грани отставки¹². И если Бисмарк хотел захватить инициативу в свои руки, ему нельзя было терять ни минуты.

Бисмарк уделял большое внимание подробным сообщениям о расширении русской армии, подкрепленным данными военной разведки в марте, апреле и мае. Но его беспокойство не было чрезмерным. Он прекрасно понимал, что российская экономика не выдержит войны. Его ближайшей целью оставалось вытеснение Горчакова и замена его таким министром, который искренне хотел бы помочь Германии в создании второго, более эффективно работающего, Союза трех императоров. В Гаштейне, однако, он пришел к выводу, что не может рассчитывать на помощь Андраши в деле воскресения Союза. Министр иностранных дел Австро-Венгрии разочаровался не только в русских, но и во внешней политике в целом — он решил уйти в отставку и уехать в свои венгерские поместья. Тем не менее Андраши готов был еще в течение нескольких недель оставаться на своем посту в том случае, если это поможет улучшить австро-германские отношения путем альянса, способного защитить Габсбургскую монархию (и Германию) от нападения со стороны России. Бисмарк приветствовал это предложение как возможность обеспечения преемственности в политике Австрии. Более того, он полагал, что показательная демонстрация австро-прусской дружбы заставит Россию изменить свою политику. После переговоров в Гаштейне германское и австро-венгерское министерства иностранных дел подготовили черновые варианты соглашения как основу для будущих переговоров¹³.

Самым серьезным препятствием на пути осуществления планов Бисмарка стало отношение к ним кайзера Вильгельма. Теперь у императора Александра имелось преимущество, которое отсутствовало у русских делегатов год назад во время конгресса,

когда кайзер находился под наблюдением врачей в результате покушения Нобилинга. 15 августа Александр направил личное послание Вильгельму, в котором жаловался на «систематическую враждебность», демонстрируемую Германией по отношению к России¹⁴. Обеспокоенный этим, Вильгельм отправился на границу с русской частью Польши в самом начале сентября и здесь встретился с царем в Александрово. Состоялась теплая встреча дяди с племянником, во время которой были пролиты слезы раскаяния и примирения. Вильгельм вернулся в Берлин весь проникнутый сентиментальным настроением. И, конечно же, это был крайне неудачный момент для вручения ему Бисмарком проекта договора с Австро-Венгрией, который содержал преамбулу, подчеркнута антирусскую по интонации. Подобный союз, заявил кайзер тоном, не допускавшим возражений, будет страшным пятном на «его совести, его личности и его чести»¹⁵.

За этим последовала привычная драма взаимной конфронтации, хотя на этот раз вспышки раздражения звучали несколько глуше по сравнению с предшествующими подобными периодами. Бисмарк из Гаштейна намекал на отставку, Вильгельм — на отречение. Гольштейн, находившийся в это время с канцлером, был обеспокоен этими личными антагонизмами. Он высказал предложение, чтобы князь Гогенлоэ, баварский аристократ, наследовавший Арнима на посту посланника в Париже, выступил в качестве посредника. Гогенлоэ, либерал и католик, пользовался большим уважением кайзера не в последнюю очередь потому, что происхождение и личные качества выгодно выделяли его среди многих других государственных служащих. Он не питал особого энтузиазма по поводу союза с Австрией, но

послушно исполнял роль эмиссара канцлера. «Я обнаружил, что кайзер очень внимательно прислушивается к разумным доводам, — писал он в дневнике 22 сентября, — но испытывает постоянный страх совершить предательство по отношению к своему другу и племяннику»¹⁶. Самое большее, на что соглашался Вильгельм, — это выражение взаимопонимания с Австрией «в принципе». Он указывал однако, что если для Германии столь уж важно заключить военный пакт с Австрией, то это соглашение должно быть не в меньшей степени направлено против французских реваншистов, чем против русских.

Но, как подозревал Бисмарк, шанс заставить Андраши взять на себя обязательства, направленные против Франции, был весьма невелик. Во время своего визита в Вену в конце сентября Бисмарк обнаружил, что Андраши не собирается идти ни на какие уступки в этом вопросе. Не наблюдалось никакого прогресса и в переговорах с бароном Гаймерле, прогрессивным дипломатом, которого прочили в преемники Андраши. Бисмарк характеризовал барона как «бесцветного, безликого, деревянного венского бюрократа». Андраши был решительно настроен твердо держаться тех условий соглашения, проект которых был подготовлен в Гаштейне, то есть сохранить их исключительно антироссийскую направленность; его поддерживал и Гаймерле, питавший почти патологическую ненависть к России. На Бисмарка, однако, произвело впечатление то, с какой теплотой его принимали в Вене. В России также не смогли не заметить это свидетельство австро-прусского согласия, и, когда Бисмарк возвратился в Берлин, его там уже ждал специальный посланник российского императора Петр Сабуров, проявляющий очевидное стремление улучшить отношения между двумя империя-

ми.* Бисмарк сделал последнюю попытку обеспечить поддержку Австрией возрожденного Союза трех императоров до того, как Андраши передаст дела Гаймерли. 17 Но 1 октября Андраши отмахнулся от инициативы Бисмарка — он стремился лишь к военному союзу с Германией, не больше, но и не меньше. Самая большая уступка, на которую он согласился пойти, — это внести некоторые смягчающие незначительные изменения в преамбулу к секретному договору, которая особенно расстраивала кайзера Вильгельма. 3 октября, столкнувшись с угрозой потерять не только своего канцлера, но и все прусское правительство, Вильгельм капитулировал. «Пусть же те люди, которые принудили меня совершить этот шаг, ответят за это перед Богом», — записал он мрачно рядом со своей подписью, когда все-таки санкционировал заключение этого договора¹⁸. «При этом нынешнем руководстве мне вообще ничего не разрешают делать», — ворчал он несколько дней спустя, но в свои восемьдесят два года так и не смог заставить себя начать поиск замены Бисмарку.

Австро-германский союз был скреплен подписями его участников в Вене 7 октября 1879 года. Он предусматривал взаимную помощь в случае нападения со стороны России и благожелательный нейтралитет в том случае, если в конфликт оказывалась вовлечена другая держава, если только эта держава не состоит в союзе с Россией. В этом случае договор будет направлен против обеих вражеских держав. Союз

* Сабуров — в течение девяти лет русский посол в Афинах — по собственной инициативе приехал в августе в Киссинген и имел две беседы с Бисмарком. Вслед за этим он отправился в Петербург, где его доклад, в котором он благоприятно охарактеризовал отношение Бисмарка к России, произвел положительное впечатление на Александра II.

заклучался на пять лет. На практике же — а это вовсе не входило в намерения Бисмарка — союз регулярно возобновлялся до того времени, пока Германская и Австро-Венгерская империи не развалились практически одновременно через тридцать девять лет после заключения договора.

На третьей неделе сентября, когда переговоры между Бисмарком (в Гаштейне) и Андраши (в Вене) достигли своей кульминации, германская дипломатия совершила неожиданный поворот из-за совершенно очевидной попытки достичь взаимопонимания с Великобританией¹⁹. 16 сентября граф Мюнстер, посол Германии в Лондоне, получил инструкции «прощупать» настроения Биконсфильда и выяснить «отношение Англии» на тот случай, если Германия будет вынуждена «противостоять давлению России» из-за «особого внимания к сохранению дружественных отношений с Австро-Венгрией и Великобританией». Мюнстер встретился с Биконсфильдом 26 сентября, но либо посол, либо премьер-министр неправильно поняли пожелания, исходившие из Берлина. Биконсфильд заверил Мюнстера в том, что всегда рассматривал Германию и Австрию в «качестве наиболее естественных союзников Англии», и подчеркнул, что он всегда был сторонником добрых взаимоотношений с Германией. Но при этом британский премьер настаивал на том, что обсуждение вопроса об англо-германском союзе возможно только с министром иностранных дел Солсбери. Все запуталось. Информация о встрече, переданная Мюнстером Бисмарку, заметно отличается и по интонации, и по характеру от более пространного отчета, посланного Биконсфильдом королеве Виктории. Одно совершенно ясно — в Лондоне предположили, что Бисмарк предлагает союз, в Берлине же министр иностранных дел имел в виду нечто

значительно менее определенное. Возможно, эти шаги Германии, в которых угадывалось явное ухудшение русско-германских отношений, составляли часть того, что Бисмарк называл «подготовкой общественного мнения», нацеленной на демонстрацию русскому императору серьезной заинтересованности и озабоченности Германии по поводу российской политики. Бисмарку было прекрасно известно, что информация о предыдущих дипломатических шагах Германии в направлении сближения в Великобритании (в феврале 1877 года) просочилась к русским всего за несколько дней. Британцев удивило и озадачило то, что о плане союза больше не упоминалось. Если Бисмарк не хотел, чтобы значение запроса было раздуто, его последующее молчание вполне понятно.*

Существовала еще одна причина, по которой у Бисмарка не было никакого желания в эти последние месяцы 1879 года налаживать более близкие отношения с Биконсфильдом. Британский премьер-министр никогда не скрывал своей неприязни к тому, что он называл «Кайзербунд»; сам же Бисмарк отдавал неоспоримый приоритет Союзу трех императоров перед всеми другими дипломатическими задачами. В Санкт-Петербурге (или, точнее, в Ливадии, так как Александр II осенние месяцы проводил в Крыму) за слухами об австро-германском альянсе последовали сообщения о дипломатической активности в Лондо-

* Инструкции министру «прошупать» Биконсфильда поступили не от Бисмарка непосредственно (как было бы в том случае, если бы эти шаги рассматривались в качестве начала серьезных переговоров), а от Радовица, старшего чиновника, занимавшегося балканским вопросом в министерстве иностранных дел в Берлине. Значение, которое придается отдельными немецкими и американскими историками дипломатии той эпохи, говорящими об «упущенной возможности» обеспечить твердое основание для англо-германской дружбы, представляется преувеличенным.

не. Осмысление того факта, что Мюнстер имел тайные беседы с Биконсфильдом и с Солсбери, не могло не тревожить русских. Александр II стал пытаться умиротворить немцев²⁰: он заверил своего дядю в том, что прекрасно понимает необходимость для Германии сохранять здоровые отношения с династией Габсбургов, и назначил предприимчивого Петра Сабурова послом в Берлин. Более того, хотя выпроводить Горчакова в отставку оказалось практически невозможно, император проследил за тем, чтобы политические решения принимались его заместителем Николаем Гирсом, протестантом и шведом по национальности, которого Бисмарк высоко ценил.*

Александр II дал задание Сабурову подготовить для России «особую поддержку в дружеском соглашении с Германией». Это был резкий поворот в политике, но Бисмарк его приветствовал. Поначалу и Гирс, и Сабуров стремились лишь к заключению обычного двухстороннего союзнического договора. Бисмарку это не очень нравилось. «Единственная система, гарантирующая максимальное сохранение мира в Европе — это Союз трех императоров, если его удастся возродить», — заявил он Сабурову в октябре²¹. И он мягко пояснил послу, что его главная цель при заключении договора с Австро-Венгрией состояла в том, чтобы «вырыть пропасть между ней и западными державами». Это были хорошие новости для Александра — в январе 1880 года он поручил Сабурову пред-

* Горчаков оставался на своем посту до весны 1882 года, когда Александр III официально назначил Гирса министром иностранных дел (этот пост он занимал до своей смерти в 1895 году). Горчаков скончался от отравления в Баден-Бадене в 1883 году в возрасте восьмидесяти шести лет. Бисмарк полагал, что он умер от последствий курса омолаживающих процедур, которые ему прописал некий шарлатан-лекарь.

ложить новый вариант союзнического договора между тремя императорами, более конкретного, нежели политические соглашения 1873 года, на которых первоначально зиждился Тройственный союз, и, как показало время, весьма неустойчиво²². Создавалось впечатление, что хитроумные политические ходы Бисмарка наконец увенчаются успехом.

И тем не менее это было только впечатление. Прошло еще восемнадцать месяцев, прежде чем переговоры завершились. Причиной первых осложнений стал Гаймерле, который довел до сведения всех участников, что предпочитает такое положение дел, при котором влияние Австро-Венгрии будет распространяться на европейскую территорию Турции, а влияние Британии — на азиатскую ее часть. Но Бисмарк никогда бы не поддержал политику, не учитывающую интересы России в проливах. «Империя, подобная России не может позволить себе оказаться запертой англичанами в Черном море», — сказал он Сабурову, и в этом случае говорил совершенно искренне. Его вполне устраивало то, что Россия угрожает британским и французским интересам в Восточном Средиземноморье и Леванте.

Вскоре, однако, у Бисмарка появилось одно более значительное препятствие, притом такое, которого почти никто не мог предвидеть. Победа Гладстона на всеобщих выборах в Англии в апреле 1880 года сразу же создала угрозу распада всей дипломатической системы сдерживания и балансов. Ибо в своих речах во время избирательной кампании Гладстон обрушивался на «эгоистические цели» европейских держав. На политическую арену выходил премьер-министр, который четко сформулировал принципы своей внешней политики еще до того, как занял пост руководителя правительства: необходимость достойного правитель-

ства внутри страны, мир, поддержание «согласия в Европе», отказ от «ненужных обременительных обязательств», равноправие всех народов, свобода. Гладстон стремился к «формированию всеобщего согласия в Европе, которое в одном органе воплощало бы голос всего цивилизованного человечества». Такой язык звучал абсолютным диссонансом бисмарковской «реальной политике». Никто не мог предсказать, что будет означать замена Биконсфильда и лорда Солсбери на Гладстона и лорда Грэнвилла для Британии и для всей Европы. Гладстон был на шесть лет старше Бисмарка и занимал одно из не слишком значительных мест в правительстве, когда канцлер впервые посетил Лондон в 1842 году. Но они никогда не встречались, и на протяжении многих лет у Бисмарка складывалось довольно враждебное впечатление об этом политике-либерале как о человеке неумелом и нерешительном. В 1880 году Бисмарк сказал своим коллегам, что Гладстон играет словами до тех пор, пока сам не становится их жертвой, что он хочет проводить «революционную политику», опасную для континента в целом, а его неспособность управлять Англией приведет к тому, что страна будет «расколота и республиканизирована». Несколько лет спустя Бисмарк задавал риторический вопрос, как можно было ожидать «чего-нибудь от дружбы с тем, о ком лорд Пальмерстон сказал, что по его глубокому убеждению, этот человек должен закончить свои дни в сумасшедшем доме»²³. Для Бисмарка премьер-министр Великобритании всегда оставался «господином профессором Гладстоном» — слова, которые он всегда произносил с подчеркнутым презрением. Не существовало другого политического деятеля, которого бы Бисмарк до такой степени не понимал.

Эта антипатия углублялась из-за усилий Гладстона в союзе с русскими заставить Турцию выполнить до-

говорные обязательства на Балканах. Поначалу Бисмарк очень серьезно озаботили признаки англо-российского взаимопонимания. Он делал довольно грубые попытки представить Гладстона Сабурову и Александру II в качестве апостола радикальной революции. Когда же из этих «маневров» ничего не вышло, Бисмарк, как казалось, принял точку зрения Гладстона, по которой восточный вопрос мог быть разрешен только совместными действиями Великих держав. В начале мая он согласился на созыв конференции в Берлине, где дипломаты смогли бы определить характер отношений Турции и ее соседей — Греции и Черногории. Сам Бисмарк не принимал участия в этой конференции, на которой председательствовал Гогенлоэ — он наблюдал за ее ходом с циничной отстраненностью незаинтересованного свидетеля. Тем не менее делегаты не в меньшей степени были заняты отношениями друг с другом, нежели проблемами Турции в Европе. «Европейское согласие» все больше портили интонации диссонанса. К концу июля Сабуров и Гирс уже стремились к тому, чтобы Бисмарк успокоил Гаймерле и чтобы возобновились переговоры о формировании Союза трех императоров.

Австрийцы тоже были озадачены позицией, которую занял Гладстон во внешней политике, так как во время предвыборной кампании он очень редко обличал деятельность Австрии как Великой державы на международной арене. В начале сентября Бисмарк пригласил Гаймерле в Фридрихсруэ для личной беседы²⁴. Канцлер обнаружил, что австриец вполне готов рассматривать перспективы сотрудничества монархий независимо от «гладстоновского согласия». Но если Союз трех императоров действительно мог состояться, то, по настоянию Гаймерле, только при условии, что Россия признает первенст-

во Австро-Венгрии на западе Балкан, включая право на установление (при необходимости) протектората над Сербией и на аннексию со временем Боснии-Герцеговины. Эти условия удивили Бисмарка и на какое-то время даже повергли его в растерянность, однако на протяжении зимы он продолжал поддерживать в Сабурове надежды на создание союза, позаботившись о том, чтобы русские не узнали об истинном характере требований Гаймерле. Бисмарк пригласил Сабурова, в свою очередь, провести пару дней в Фридрихсруэ. «Наши интересы заставляют нас не допускать крушения Австрии, но она не может быть гарантирована от нападения», — сообщил он Сабурову. Понятно, что именно поэтому Сабуров истолковал данное замечание как заверение в отсутствии какого-то особого австро-германского договора, направленного против России, и сообщил Гирсу о примирительном настроении Бисмарка. За этим последовал ряд непростых встреч Гирса с Гальноки, послом Австро-Венгрии в Петербурге, но в конце концов на первой неделе марта 1881 года Гаймерле одобрил черновой вариант союзнического договора. Бисмарк был убежден, что благодаря этому компромиссу будет положено начало многолетнему взаимопониманию и сотрудничеству между державами — участницами договора. Но он не принимал в расчет одной фундаментальной слабости любой монархии. Несколько дней спустя, 13 марта, Александр II подорвался на бомбе, брошенной террористом. Не было никаких оснований полагать, что новый царь продолжит политику своего предшественника.

Убийство царя серьезно обеспокоило Бисмарка. Он полагал, что за этим в России последует революция, и приказал послу присылать телеграммы утром и вечером ежедневно до поступления каких-либо но-

вых указаний. В том случае, если не придет телеграмма, сообщил Бисмарк, он сделает вывод, что Петербург охвачен восстанием. В то же время он просил сообщать ему о случаях социалистической агитации в самой Германии, и особенно в Саксонии, так как полагал, что насилие очень быстро начнет распространяться повсюду²⁵. Но очень скоро канцлер понял, что социалистические и анархистские группы за пределами России слишком разобщены для какого-либо объединенного действия. Более того, не оправдались и его опасения насчет того, что восшествие на престол Александра III усилит влияние антиавстрийски настроенных кругов и таким образом положит конец всем планам заключения союза (опасения, разделявшиеся, кстати, и кайзером Вильгельмом). Александр III был значительно менее рафинирован, чем его предшественник, и его не трогали сентиментальные династические узы, упоминание о которых с такой легкостью вызывало слезы и у его отца, и у двоюродного деда, но в данный момент ему не хотелось ничего менять во внешней политике. Через несколько дней после своего воцарения он поручил Гирсу продолжить переговоры. К великому раздражению Бисмарка, Гаймерле начал теперь оспаривать формулировку отдельных параграфов, и канцлер пригрозил полностью отойти от решения проблем, связанных с этим проектом. Он даже сообщил, что «болезненное распухание вен» вызывает необходимость его немедленной поездки в Киссинген, где он сразу же удалился от всех дел²⁶. Этот давно известный дипломатический прием вновь оказался вполне успешным. Возражения австрийцев были сняты, и 18 июля 1881 года договор о создании Союза трех императоров был подписан в Берлине Бисмарком и послами России и Австро-Венгрии.

Договор был тайным, первоначально подписывался на срок в три года и представлял собой весьма примечательный и сложный документ, хотя все его положения определялись достаточно четко. Если один из членов Союза оказывался в состоянии войны с некой четвертой державой (кроме Турции), две другие страны-участницы должны были соблюдать благожелательный нейтралитет. По сути дела, по другим пунктам договора Восточные Балканы признавались сферой влияния России, а Западные Балканы — в основном Австрии. Предусматривался отказ от каких-либо территориальных изменений в Турецкой империи без предварительного согласия всех трех стран-участниц, но оговаривалось, что не должна вызывать никаких возражений ожидаемая аннексия Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины, а также объединение Болгарии и искусственно созданной провинции Восточная Румелия, «в том случае, если этот вопрос будет поднят в силу сложившихся обстоятельств». Договор еще раз подтвердил принцип закрытия Босфора и Дарданеллов для иностранных военных кораблей.

И хотя условия договора касались региона, в котором Германия не имела непосредственных интересов, Бисмарк рассматривал эту консолидацию Союза трех императоров как крупный дипломатический триумф. Он объявил Вильгельму I, что договор «сохранит в мире двух наших соседей в течение нескольких лет» и совершенно устранил для Германии угрозу франко-русского объединения»²⁷. В его представлении этот союз имел еще одно, менее заметное достоинство: с его помощью дискредитировались как в Санкт-Петербурге, так и в Вене все попытки Гладстона возродить «соглашение» шести европейских держав. Если в Европе требовалось сохранить мир и добрососедские отношения, — а имперская Германия была в

неменьшей степени заинтересована в стабильности, нежели либеральная Британия, — то Бисмарк предпочитал сам контролировать события, чем передоверить этот контроль коллективному разуму послов, созывавшихся на импровизированные конференции. Он оставался слишком большим реалистом, чтобы верить в то, что договор действительно и окончательно разрешил «восточный вопрос», но, по крайней мере, опираясь на этот документ, можно было бы предположить будущие проблемы и таким образом не допустить их перерастания в острые кризисные ситуации.

Союз трех императоров, заверил Бисмарк Вильгельма I, «выбьет почву из-под ног у российских сторонников войны с Германией». И все же, верил ли он в то, что писал? Вне всякого сомнения, первые три месяца канцлер был полностью удовлетворен достигнутым. В сентябре Вильгельм принимал императора Александра III и его министра в Данциге (Гданьске), и у канцлера появилась возможность повести длительные беседы с Гирсом, который, как он заметил, очень доброжелательно относился к Германии. Но к Рождеству Бисмарк начал сомневаться в том, действительно ли ему удалось справиться с этим «восточным пугалом». Не было никаких признаков примирения между Россией и Австро-Венгрией. Гаймерле внезапно скончался в октябре, и в качестве жеста доброй воли по отношению к России Франц Иосиф назначил его преемником венгерского аристократа графа Кальноки, занимавшего в течение нескольких лет пост посла в Санкт-Петербурге и пользовавшегося там благосклонностью. Не ответив никаким подобным действием со своей стороны, русский царь одобрил дальнейшее строительство стратегически важных железных дорог на территории Польши, угрожавших как австрийской Галиции, так и Пруссии. Бисмарка также беспокоило

назначение начальником русского Генерального штаба Николая Обручева, возглавлявшего особую миссию во Францию в самый разгар антигерманской кампании в прессе в 1879 году. Но за этим последовало еще худшее — в начале 1882 года генерал Скобелев, легендарный военачальник, войска которого за четыре года до этого дошли до Константинополя, прибыл в Париж и 17 февраля выступил с речью перед студентами-сербами, в которой он обрушился на Германию, как на врага России и всего славянства. И хотя Гирс сделал все, что в его силах, чтобы как-то загладить проступок Скобелева, подозрения не оставляли Бисмарка. К весне 1882 года канцлер совершенно убедился, что лишь хаотическое состояние русских финансов удерживает царя от развязывания войны.

Нет никакого сомнения, что Бисмарк преувеличивал опасность. Скобелев просто вел себя как разъяренный дикий бык — он произнес воинственную речь перед поляками в Варшаве, где остановился по пути из Парижа, получил за это выговор от Александра III и умер от сердечного приступа три месяца спустя. Но деятельность этого генерала стала причиной поворота в политике Германии. В последние недели 1881 года итальянское правительство вступило в контакт с правительствами Германии и Австро-Венгрии, внося предложение о заключении союзнического договора и напомнив о традиционно хороших отношениях между Италией и Великобританией, которые могли сослужить хорошую службу в установлении добрых взаимоотношений между Лондоном, Берлином и Веной при посредничестве Рима. Поначалу Бисмарка это предложение не заинтересовало. Канцлер понимал, что итальянская инициатива частично является следствием его собственных действий, так как он сам тайно подталкивал Францию и

Италию к захвату Туниса, а когда итальянцы проиграли эту гонку (в мае 1887 года), они обратились к своему берлинскому покровителю в поисках дальнейшей поддержки в их состязании с победителем. Бисмарку с легкостью удалось уйти от принятия на себя каких-либо обязательств, и он отослал итальянцев к Кальноки в Вену, но и тот лишь тянул время, не давая никаких обещаний. Однако скобелевские выступления в Париже заставили Бисмарка перейти от слов к делу. В Вену была послана телеграмма, в которой содержалась настоятельная просьба к Кальноки оживить переговоры с Италией²⁸.

Бисмарк хотел получить общие гарантии безопасности границ против возможного нападения Франции. Кальноки это представлялось географической и стратегической ерундой. Подобно Андраши в 1879 году, он отказался связывать Франца Иосифа обязательствами защищать немецкие Эльзас и Лотарингию от французского вторжения. Его принципиально интересовал вопрос о нейтралитете Италии в случае войны на востоке против России. Бисмарк согласился с большей частью его доводов. Канцлер разыграл своеобразный спектакль, настаивая на реальной опасности для Австро-Венгрии со стороны Франции, придумав ситуацию, в которой французская армия наносит одновременный удар по Германии и Австрии в то время, как силы обеих этих стран будут вовлечены в конфликт с Россией. В конце концов стороны пришли к соглашению, что Италия будет сохранять благожелательный нейтралитет в том случае, если только Россия совершит нападение на Германию и Австро-Венгрию, и окажет им военную помощь в том случае, если в этом нападении будет участвовать более одной Великой державы. Германия и Австро-Венгрия пообещали Италии помощь в отражении неспровоцированного напа-

дения со стороны Франции, обязательство, которым, в свою очередь, связала себя и Италия по отношению к Германии. Бисмарк был доволен. Он придерживался невысокого мнения о воинской доблести итальянцев. «Такой большой аппетит, и такие плохие зубы!» — как-то заметил он. Но Бисмарк прекрасно понимал, что любая угроза со стороны Италии на юге сократит численность французской армии, размещенной вдоль германской границы. «Одного итальянского капрала с итальянским флагом и барабанщиком» вполне достаточно, заявил он²⁹. В договоре не упоминались итальянские интересы в Африке и на Балканах, но в отдельном протоколе подчеркивалось, что союз не следует «рассматривать как направленный против Англии». Последнее замечание явилось уступкой чувствам итальянцев и здравому смыслу. В преамбуле говорилось о намерении трех держав «усиливать монархический принцип» и «стремиться к сохранению общественного и политического порядка». При том разгуле республиканского анархизма, который в это время свирепствовал в Италии, эти слова были восприняты в Риме как нечто значительно большее, чем обыкновенная дипломатическая формула.

Заключение тайного Тройственного союза в мае 1882 года ознаменовало собой высшую точку в развитии бисмарковской системы в европейской дипломатии. За три года Германия заключила официальные договоры с Австро-Венгрией, Россией и Италией. Благодаря австрийским связям Германия вступила в контакт с руководством Сербии и Румынии в то время, как дипломатические узы с Италией внушали надежду на сотрудничество с Великобританией, по крайней мере, в Средиземном и Эгейском море. Все эти меры нацеливались Бисмарком на укрепление мира в Европе путем сдерживания соседних с Герма-

нией держав и путем изоляции Франции — с его точки зрения, главной ревизионисткой державы на континенте. И все же в его системе имелись серьезные недостатки. Дипломатия Бисмарка не строилась ни на абсолютной секретности, ни на столь же полной открытости; неточная информация возбуждала страхи и подозрительность, толкая правительства на поиск новых союзников как внутри, так и за рамками этой системы. Более того, хотя Бисмарк всегда рассматривал дипломатию как непрерывное упражнение, менее способные министры были склонны полагать, что соглашения, будучи подписаны и ратифицированы, становятся окончательными и неотменяемыми. В основе своей слабость дипломатических достижений Бисмарка отражала и слабость самой имперской конституции Германии. И то, и другое являлось плодом труда отдельного человека на вершине власти и интеллектуальной изобретательности. И в то время, как Гладстон стремился создать «европейское согласие» (Concert of Europe), бисмарковская система оставалась творением и делом одиночки.

ГЛАВА 14

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВИЛЬГЕЛЬМА I

В марте 1882 года Вильгельм I отпраздновал свое восьмидесятипятителетие. Никто не ожидал, что он сумеет поправиться после ранения, полученного при покушении на его жизнь Нобилинга, теперь же, спустя почти четыре года после того происшествия, он находился в гораздо лучшей физической форме, чем канцлер, который был на восемнадцать лет его моложе. Вильгельм, похоже, не собирался стареть: тринадцать месяцев назад он, облаченный в парадную одежду, шесть с половиной часов просидел на брачной церемонии своего старшего внука, будущего Вильгельма II. Он все еще мог оседлать лошадь и получить удовольствие от стрельбы. «Мой охотничий трофей составили четыре благородных оленя, один из них, правда, оказался несколько маловат, и двадцать один кабанчик», — восторженно сообщил он Бисмарку в октябре того года¹. Ему претило быть формальной главой государства. Когда им с канцлером случалось находиться в Берлине одновременно, они почти ежедневно встречались для детального обсуждения политической ситуации. Из его писем явствует, что монарх признавал политический гений Бисмарка и хорошо понимал, какие перемены, тот совершил для

будущего Гогенцоллернов. Если в начале его жизни благополучию династии угрожали революционные потрясения, то теперь такая опасность больше не существовала. Когда в мае 1882 года на свет появился его правнук — злобный «маленький Вилли» первой мировой войны, престарелый император в письме признался Бисмарку: «Так я скоро увижу перед собой трех наследников моего трона! Воистину величественная мысль!»²

Хотя теперь Вильгельма по ночам больше не мучили кошмары с видениями установленной у дворца гильотины, пугающие сцены в парламенте ему все еще продолжали сниться. Известно, что по меньшей мере один раз он рассказал Бисмарку о своем сне, в котором видел разъяренную толпу депутатов, требовавших, чтобы в стенах рейхстага имя монарха никогда больше не упоминалось. Переживания императора были хорошо понятны Бисмарку, поскольку он и сам не раз делился со стариком своими трудностями, связанными с рейхстагом³. Хотя его проблемы не были столь серьезными, как в снах императора, все же они не могли не вызывать досады. Выборы осенью 1881 года фактически стали для Бисмарка поражением: консервативные партии и либералы Бисмарка почти девяносто мест уступили прогрессивным либералам, социалистам и партии «Центра». Во время выборной кампании консерваторы дали электорату понять, что Бисмарк выступает в поддержку табачной монополии, рассматриваемой правительством в качестве нового источника не прямых доходов; курильщики Германии решительно отвергли это предложение. Тогда в начале лета 1882 года Бисмарк со свойственным ему напором попытался добиться от рейхстага получения монополии на табак, упрямо отказываясь замечать негативный настрой обществен-

ности относительно любого увеличения поборов. Все же, что бы он ни говорил, ничто не могло заставить «Центр» поддержать решение в пользу табачной монополии. Рейхстаг решительно отверг законопроект, содержащий это положение⁴. Бисмарк отлично понимал, что после такого сокрушительного поражения «гладстоновский кабинет» должен был рухнуть, но согласно германской конституции рейхстаг не имел права сместить канцлера даже в том случае, когда большинство членов парламента были против политики, на которую он делал основной упор.

Не прошло и шести месяцев, как Бисмарк столкнулся с новой проблемой. В январе 1883 года оппозиционные партии, объединившись, предприняли неожиданную атаку на расходы, направленные на содержание армии. Нападки на привилегированные кавалерийские полки, и возмущение остальных членов парламента денежными издержками, связанными с содержанием военных оркестров, не сулило ничего хорошего. Депутат прогрессивного блока Евгений Рихтер пошел еще дальше: срок военной службы он призывал сократить с трех лет до двух и упразднить так называемые «парадные войска». Император от гнева рвал и метал. Бисмарк тоже был серьезно обеспокоен — ничто так быстро не раздувало политические страсти, как посягательство парламента на военные привилегии⁵.

Случись подобное в бытность Роона, министр быстро подавил бы любое выражение критического настроения, сказав, что рассмотрение таких дел выходит за компетенцию рейхстага, и к его слову прислушались бы. Но в 1873 году Роон ушел из военного министерства, а его последователь генерал фон Камек не обладал ни весом, ни авторитетом своего предшественника. Бисмарк уже был недоволен фон Камеком,

который, по его мнению, проявлял чрезмерную симпатию к кронпринцу и его либерально настроенным друзьям. Естественное решение проблемы Бисмарк видел в том, чтобы заставить Камека выйти в отставку, оставив пост военного министра для более решительного человека. Император благосклонно относился к этой идее. Вопрос состоял только в том, где найти Бисмарку такого генерала, который пришелся бы по душе Вильгельму и не стал бы заигрывать с Генеральным штабом с целью подорвать положение самого канцлера. Слишком часто в последнее время приходилось Бисмарку спорить с армейскими лидерами. Он уже не состоял в добрых отношениях с Мольтке, который, несмотря на свои восемьдесят два года, все еще являлся номинальной главой Генерального штаба, к тому же канцлер всегда с подозрительностью относился к обоим помощникам Мольтке, квартирмейстер-генералу графу фон Вальдерзее и главе военного кабинета монарха генералу фон Альбедиллу. Все же Бисмарку было ясно, что, если он хочет пресечь новую попытку парламента вмешиваться в дела армии, ему придется искать сотрудничества либо с Мольтке и Вандерзее, либо с Альбедиллом. Перспектива эта его не слишком радовала и стала причиной многих бессонных ночей. Гольштейн, увидевший канцлера в начале февраля 1883 года после шестинедельного перерыва, отметил в своем дневнике: «Никогда раньше меня так не поражали признаки старости»⁵.

Скрепя сердце Бисмарк пришел к выводу, что с его стороны будет разумнее искать сотрудничества с Альбедиллом, лично не заинтересованным в получении поста. С помощью Вильгельма он уговорил Камека подать в отставку. Но Альбедилл за свою услугу потребовал от канцлера платы. Он настоял на уменьшении полномочий военного министра. С тех пор

кадровая политика всецело легла на плечи военного кабинета императора, возглавляемого самим Альбедиллом. В то же время начальник Генерального штаба получил право прямого доступа к императору как в мирное, так и в военное время. Эта привилегия давала ему возможность обсуждать военные дела непосредственно с монархом, не ставя в известность ни военного министра, ни канцлера. Такие изменения означали, что военный министр в будущем мог пресечь любую попытку рейхстага поставить на обсуждение вопросы военной организации. Таким образом, армия и ее дела выходили за рамки компетенции рейхстага. Единственное исключение составляло утверждение военного бюджета, которое имело место один раз в семь лет⁷. Такое внеконституционное развитие событий имело для будущего Германии огромное политическое значение.

На первый взгляд казалось, что Альбедилл печется о сохранении полномочий императора как верховного главнокомандующего, на самом же деле он стремился укрепить офицерский корпус, превратив его в самостоятельное государственное образование и вернув ему возможность влиять на политику рейха, которой канцлер лишил его в последние месяцы франко-прусской войны. Для подкрепления своего успеха Альбедилл позаботился о том, чтобы на пост военного министра был назначен «полубог» Генерального штаба, генерал Бронсарт фон Шеллендорф, который будучи еще полковником во время кампании 1870 года постоянно критиковал Бисмарка. Единственным утешением для Бисмарка служил тот факт, что он добился не только падения Камека, но и убрал из адмиралтейства любимца кронпринца генерала фон Штоша, против которого замышлял интриги еще весной 1877 года, но тогда они не увенчались успехом⁷.

Все же хотя в администрации канцлера одним потенциальным противником стало меньше, на его место пришли два других: возросший престиж начальника Генерального штаба оказался, несомненно, на руку тщеславному Вандерзее, в котором видели преемника Мольтке, а если бы Бронсарт сумел справиться с крикливым рейхстагом, то и сам он тоже мог бы стать претендентом на канцлерство. Но пока никто не проявлял особого интереса к преемнику Штоша в адмиралтействе, еще одному генералу, получившему новое назначение, графу Лео фон Каприви.

Состояла ли цель этих маневров в немедленном смещении Бисмарка или была началом борьбы за пост, который станет вакантным после его смерти? Летом 1883 года действительно казалось, что Бисмарк сойдет в могилу прежде своего царственного суверена. Весил он 114 килограммов и страдал от болей в ноге и невралгии. Его жена, следившая за удовлетворением непомерного аппетита мужа, не на шутку встревожилась. Врачи намеками говорили, что у канцлера рак печени и желудка. Иоганна настоятельно требовала сменить лечащего врача. Второй сын канцлера Вилли на протяжении вот уже двух лет лечился от подагры и избыточного веса. Пользовал его доктор Эрнст Швеннигер, еврей по происхождению, тридцати с лишним лет. Ему надоели медицинские авторитеты в родной Баварии, и он переехал в Берлин, где имел очень приличную практику. Поскольку Швеннигер добился у их сына отменных результатов, Иоганна в начале ноября 1883 года убедила мужа вызвать этого доктора к себе⁹. Доктор оказался таким же диктатором и непреклонным упрямым, как и его пациент. Он посадил Бисмарка на диету, состоявшую преимущественно из рыбы, запретил употреблять крепкие вина, научил его, как расслабляться, чтобы хорошо спать.

Результаты не заставили себя долго ждать. К Рождеству того же года Бисмарк уже начал худеть. Своим посетителям он говорил, что от боли больше не страдает и снова способен много ходить пешком. Непосредственно на Рождество он, как обычно, разослал поздравительные открытки. В своем поздравлении императору Вильгельму он сообщил: «Вчера я смог насладиться верховой ездой в лесу с двумя своими сыновьями», — воистину удивительное достижение для человека, который не сидел в седле по меньшей мере десять лет¹⁰. За четыре месяца Бисмарк сбросил двадцать пять с лишним килограммов. К нему вернулась былая энергия и целеустремленность, начался новый виток жизни, он отвоевал для себя у смерти еще четырнадцать или пятнадцать лет. Неудивительно, что Швеннигер стал близким другом семьи. Злые языки обвиняли доктора в том, что чрезмерным применением стимуляторов он ослабил сердце старца. Глядя на фотографии, нельзя не заметить, какая разница существует между бородатым дряхлеющим гигантом весны 1883 года и подтянутым, гладко выбритым семидесятилетним стариком двумя годами позже. Какими бы средствами доктор Швеннигер не пользовался, отрицать успех его лечения было невозможно.

Изменение физического состояния тотчас нашло отражение во внезапном повышении работоспособности канцлера. Он еще раз доказал рейхстагу и администрации, что по-прежнему в состоянии контролировать состояние дел. Гольштейн, черной завистью завидовавший доктору Швеннигеру, пожаловался, что с годами изъяны характера Бисмарка усилились, канцлер «больше не выносил, чтобы ему перечили», и «его тщеславие возрастало, в то время как талант уменьшался»¹¹. Другие, тем не менее, находились под впечатлением перемен. Теперь во всем,

что бы он ни делал, чувствовалась целеустремленность, которой ему так не хватало за год до этого.

Работа, за которую с таким рвением ухватился Бисмарк, касалась дел, которые он прежде игнорировал. На протяжении всей своей карьеры политического деятеля он утверждал, что колонии — дорогостоящая роскошь, не имевшая никакой ценности для столь великой континентальной державы, как Германия. Летом 1872 года он сказал Вильгельму I, что «последовательно не одобрял политику приобретения территорий за пределами Европы», потому что «для Германии такие приобретения послужат источником скорее слабости, нежели силы»¹². Приветствуя торговые предприятия коммерсантов в Гамбурге и Бремене, Бисмарк в то же время оставлял без внимания пропаганду Колониального союза, основанного в 1882 году обер-бургомистром Франкфурта. Поэтому прессу и общественность ждал сюрприз, когда весной 1884 года стало известно, что интересы канцлера «обратились к колониализму». Менее чем за двенадцать месяцев Германия приобрела столько территорий, что площадь их только в одной Африке составила почти миллион квадратных километров. Сделав колониализм побочной ветвью своей политики, Бисмарк возделал почву для германского патриотизма. Этого оказалось достаточно, чтобы созвать в Берлине колониальную конференцию и даже пойти на примирение со своим традиционным врагом с западного берега Рейна. Но к февралю 1886 года канцлер утратил интерес к колониям. Позже, в январе 1889 года, обращаясь к рейхстагу, он даже позволил себе сказать: «Я никогда не относился к числу сторонников колониализма»¹³. Но все же опыт его работы в области заморского империализма оказал Германии неоценимую услугу, равно как и европейской дипломатии.

Мотивы, пробудившие преходящий энтузиазм Бисмарка в отношении колоний, в свое время озадачили современников и сегодня продолжают оставаться загадкой для историков¹⁴. Имелось три экономические или социальные предпосылки: две дождливые осени подряд 1882 и 1883 годов вызвали в Германии хронический сельскохозяйственный кризис и вплотную подвели к спаду в промышленности, заставив тем самым правительство искать пути выхода из создавшегося положения; молодое поколение, воодушевленное Колониальным союзом, приветствовало колониализм, но в то же время в условиях, когда другие державы, расширяя сферы своего влияния, угрожали интересам Германии, канцлеру все труднее становилось осуществлять свой идеал торговой политики «открытых дверей» в Африке. Влияние на политику Бисмарка оказала каждая из этих предпосылок, а также две другие. Поддержка французских колониальных завоеваний в Африке, подкрепленная основательным перекраиванием политической карты континента, вела к уменьшению франко-германского противостояния в Европе. Более того, в тот момент Бисмарку была на руку ссора с правительством Гладстона в Лондоне. Причиной тому — отчасти его навязчивый страх перед премьер-министром с либеральными взглядами, но еще в большей степени канцлер желал воспользоваться предоставившейся возможностью и дискредитировать близких к наследнику трона политиков с явными англофильскими настроениями, а также обуздать влияние самой кронпринцессы. Действия англичан в Африке еще больше подкрепляли предвзятое к ним отношение Бисмарка.

В начале 1884 года политика Британии раздражала Бисмарка больше, чем когда бы то ни было. За год до этого он в частном порядке заверил коммерсантов

Бремена и Гамбурга, что будет защищать торговые предприятия коммерсанта из Бремена Адольфа Людерица, основанные в Юго-Западной Африке между маленьким британским владением Уолфиш-Бей и границей южноафриканских владений. В первую неделю февраля 1883 года Бисмарк сделал запрос правительству Гладстона относительно притязаний Британии на область Ангра Пеквена*. Грэнвилль, секретарь министерства иностранных дел, не счел запрос срочным. Подобным образом отнеслись к нему и британский посол в Берлине, и германский в Лондоне. Бисмарку сообщили, что правительство метрополии сделает запрос колониальному правительству Колонии Мыса. Ответа от Грэнвилля не было девять месяцев, после чего Бисмарку наконец сообщили, что Британия считает себя вправе претендовать на всю береговую линию Южной Африки, начиная от Анголы до Мыса, общей протяженностью более шестисот миль. Бисмарк справедливо разгневался: во-первых, он не понимал причины такой задержки с ответом; во-вторых, не видел оснований для притязаний. В канун Нового, 1883 года, Бисмарк отправил Грэнвиллю официальный протест и потребовал дать объяснения. Тогда ему вновь сообщили, что Лондон прежде проконсультируется с Кейптауном.

В первые месяцы 1885 года Бисмарк испытывал давление со стороны коммерсантов Северной Германии и банков Берлина, с которыми был тесно связан «Берлинер Хандельсгезельшафт» Блейхредера и «Дисконто гезельшафт» Давида Ханземанна. 24 апреля

* Ангра Пеквена — названа в честь коммерсанта, открывшего там торговую точку, была позже переименована в Людериц. На современных картах Людериц представлен как главный порт Юго-Западной Африки, территории, часто являющейся темой дискуссий в Организации Объединенных Наций.

Бисмарк дал телеграмму своему генеральному консулу в Кейптаун, в которой просил его проинформировать британские колониальные власти о том, что Ангра Пеквена взята «под опеку рейха». В тот же день он предложил французскому послу, чтобы Германия, Франция, а также другие нейтральные государства объединились в союз, назначение которого состояло в «защите себя от навязчивых посягательств английского флота». Открытая враждебность канцлера по отношению к британскому правительству удивила посла. Согласно его уверениям Бисмарк якобы сказал: «Если Европа хочет сохранить доверие к Англии, наиболее оптимальным решением было бы смещение со своего поста мистера Гладстона».

«Но, — добавил он с видимым сожалением, — об этом никто не осмелится сказать вслух»¹⁵.

К июню 1884 года британцы окончательно и безнадежно запутались относительно того, чего же хотел Бисмарк. Кроме требований протектората над Ангра Пеквеной, теперь поступали сообщения о германской торговой «миссии» в Камеруне, об активности германских поселенцев на Фиджи, о переполохе в Австралии, вызванном образованием двумя банками консорциума, назначение которого состояло в поддержке германских коммерческих предприятий в Новой Гвинее и на прилежащих островах (переименованных в конце того же года в «архипелаг Бисмарка»)¹⁶. В тот период британское правительство в большей степени занимали финансовые проблемы, связанные с управлением Египтом, а также колониальный спор с Францией вокруг территорий, прилежащих к устью реки Конго. Лондону только не хватало еще и конфликта с Германией. Чтобы объяснить англичанам свою точку зрения, Бисмарк отправил в Лондон своего старшего сына, Герберта, который к

этому времени четырнадцать месяцев отслужил в должности первого секретаря посольства на Карлтон-Хаус-Террас, а в тот момент фактически являющегося германским посланником в Гааге. Не прошло и недели со дня прибытия Герберта в Лондон, как правительство Грэнвилля уведомило его о том, что Британия признает протекторат Германии в Юго-Западной Африке. Британцы также были готовы обсудить притязания Германии в Камеруне, Тоголенде, Фиджи и других местах¹⁷. Хотя Грэнвилль охотно урегулировал бы все эти вопросы с графом Мюнстером, получи посол на этот счет точные указания, тем не менее заслуга в разрешении конфликта всецело принадлежит тридцатичетырехлетнему Герберту.

О достижениях сына Бисмарк постарался сообщить императору в самых радужных красках, чтобы у того и тени сомнения не оставалось относительно дипломатического искусства Герберта. Но Бисмарк не хотел видеть в Англии молчаливого соглашателя. Он рвался в бой. С начала мая газеты, находившиеся под его влиянием, — так называемая «продажная пресса», — подавали колониализм в качестве основного козыря против прогрессивных либералов и радикалов (объединившихся теперь в новую Германскую либеральную партию) и партии «Центра». Летом политическим коллегам канцлера стало совершенно ясно, что как бы тот ни старался перед рейхстагом критиковать имперские настроения, в период предвыборной борьбы ум его в первую очередь занимали вопросы колониальной политики. В конце июля Бисмарк признался Луцию фон Баллхаузену, что надеется: восторг по поводу колоний поможет укрепить позиции национал-либералов (разделявших взгляды Бисмарка) за счет германских либералов, которых он характеризовал как «партию кронпринца». Во время

встречи Бисмарка с Александром III канцлер даже сказал царю, что «единственной целью германской колониальной политики было вбить клин между кронпринцем и Англией»^{18*}.

Такое простое объяснение поразило Александра III тонкостью расчета: он не любил Англию и не любил кронпринца. Но Бисмарку до полной победы в своей игре, цель которой состояла в том, чтобы заставить себе поверить, было еще далеко. И Гладстон, и Грэнвилль знали, что канцлер «использовал их для предвыборной борьбы», и английские либералы вовсе не хотели играть роль мальчишек для битвы. В четырнадцатую годовщину битвы при Седане «высокое мужество Бисмарка ... в двух войнах» Вильгельм I отметил высшей военной наградой, орденом «За заслуги» с дубовыми листьями, но радость канцлера вскоре омрачили сообщения о речи Гладстона, которую он произнес в тот самый день. Ибо вместо того чтобы осудить колониальные амбиции коммерсантов Гамбурга и Бремена, премьер-министр заверил своих шотландских избирателей в том, что испытывает «удовлетворение, понимание и радость» по поводу «утверждения Германии в этих пустынных местах»¹⁹. В условиях, когда Гладстон проявил такую виртуозную способность подставлять вторую щеку, чрезвычайно трудно было представить его в качестве революционного пугала.

* Вскоре после падения канцлера в 1890 году Герберт Бисмарк в беседе с генералом фон Швейницем усилил этот аспект политики отца: «Свою колониальную политику мы строили на том основании, что грядет долгое царствование кронпринца, во время которого будет преобладать влияние Англии. Чтобы предотвратить такое развитие событий, мы и начали вести колониальную политику — она оказалась популярной и в любой момент могла спровоцировать конфликт с Англией».

В германской прессе продолжались нападки на британскую колониальную политику в устье реки Нигер и в Камеруне, и Бисмарк, надеясь вызвать враждебную реакцию Лондона, демонстративно подчеркивал совпадение своих позиций с Францией в отношении дел в Африке. Наконец 15 октября 1884 года — менее чем за две недели до выборов в рейхстаг — он провозгласил установление германского владычества над Юго-Западной Африкой (от южной Анголы до устья Оранжевой реки), над Тоголендом и Камеруном. Передовицы британских газет пестрели возмущенными комментариями, но гневной реакции со стороны правительства не последовало. В тот момент мысли Гладстона занимали проблемы в Египте, Судане и Ирландии, и правительство не могло себе позволить отвлечься на сомнительные предвыборные игры Германии.

Предвыборный гамбит Бисмарка, нацеленный против Британии, не принес ему ожидаемых очков и не способствовал укреплению его позиции. Когда 28 октября немцы пришли к избирательным урнам, победу, как и ожидалось, одержала консервативная партия и «охвостье» национально-либеральной. «Партия кронпринца» и германские либералы значительную часть своих голосов потеряли; социалисты удвоили свое представительство, партия «Центра» продолжала сохранять равновесие между партиями. Колониальная политика не затрагивала интересы городских масс, как не волновало их и патриотическое развенчание английских политических планов. Выборы показали, что германские рабочие также сильно ненавидят антисоциалистическое законодательство, как римско-католическая церковь ненавидела все, относящееся к «Культуркампф». Более существенную отдачу Бисмарку обещало принести второе косвенное преимущество его колониальной политики. В конце июня 1884 года в своей

речи в рейхстаге канцлер покровительственным тоном произнес несколько сентенций в поддержку французов: он похвалил здравомыслие правительства Жюль Ферри и подчеркнул, что у франко-германской дружбы не существовало бы преград, если бы только французы «начиная с времен царствования Людовика XIV не пытались восстановить неестественное положение»²⁰. Четыре месяца спустя он сказал французскому посланнику: «Я бы хотел, чтобы вы простили нам Седан точно так же, как после 1815 года простили Ватерлоо». Но французам требовалось нечто большее, чем красивые слова и исторические ссылки. Жюль Ферри, радикал с империалистическими взглядами, который в феврале 1883 года стал одновременно премьером и министром иностранных дел, проявлял осмотрительность. Во время трехмесячной конференции по Западной Африке, открывшейся в Берлине 15 ноября, французы показали, что не хотят такой свободы конкуренции для предпринимателей в бассейне реки Конго, которую отстаивали и Германия, и Британия. Тогда в речах Бисмарка стали проскальзывать жалобы по поводу «трудности завоевания Франции» и сожаление, что французы «не готовы забыть прошлое»²¹.

Правда состояла в том, что Ферри нуждался в уступке — вернее, в миротворческом жесте — в Эльзас-Лотарингии. Иного способа спасти свой кабинет от нападок радикальных патриотов типа Клемансо у него не осталось. Но Бисмарк еще не был готов к обсуждению ситуации в Западной Европе, тем более такого взрывоопасного вопроса, как «потерянные провинции». Крупное поражение французской армии в Тонкине (Вьетнам) в конце марта 1885 года привело к смещению Ферри и негативному отношению общественности к колониальной политике. На протяжении нескольких месяцев Бисмарк пытался найти

общий язык с преемником Ферри, Фрейсине, но без заметного успеха²². Для Франции теперь первостепенное значение имел Рейн, а не Нил и Конго. В преддверии выборов во Франции, проведение которых ожидалось грядущим летом, никто не хотел показаться обласканным Бисмарком.

Постепенно после выборов в рейхстаг натянутые отношения с правительством Гладстона из-за колониальных вопросов ослабли. К этому времени колониальную тему Бисмарк был склонен эксплуатировать с относительно более мелкими целями. Опубликование правительством Гладстона официальных документов по делам в Африке в Синей книге* привело к гневному выступлению Бисмарка перед рейхстагом 2 марта 1885 года, что в свою очередь отразилось на ведении Грэнвиллем дел и вызвало критику Германии на заседании палаты лордов²³. Этот в значительной степени искусственный кризис мог быть создан канцлером с целью обеспечить продвижение по служебной лестнице своему старшему сыну. Герберту снова пришлось отправиться в Лондон и повторить свой занимательный трюк. Там он остановился у своего старинного приятеля, графа Розбери, который недавно вошел в кабинет Гладстона в качестве лорда-хранителя печати. После пяти дней встреч и бесед Герберт вернулся в Берлин с решенными проблемами и заверениями, что британское правительство хорошо понимает нужды Германии в Африке и Новой Гвинее. Два месяца спустя император одобрил назначение Герберта на должность помощника статс-секретаря. Положение номинального государственного секретаря, Хатцфельдта (который на дипломатической службе провел почти

* Сборник официальных документов, парламентских стенограмм и т.п.

четверть века), стало незавидным. «Человек, находящийся между двумя Бисмарками, отцом и сыном, полусмешон, полуничтожен», — сурово заметил Гольштейн²⁴.

Никто не сомневался в том, что Герберт Бисмарк в скором времени совершенно вытеснит Хатцфельдта.* Его отец, похоже, собирался вырастить из сына будущего канцлера. Если бы Герберт обладал талантами отца, к которым мог присовокупить знания молодого поколения, достигшего зрелости в семидесятые годы, старания эти следовало бы только приветствовать. Но Герберт копировал только наиболее жестокие черты характера отца, не придавая значения его личному обаянию, так часто ошеломлявшему противников старого политика. Разочарованность в личной жизни также усугубляла недостатки и способствовала просчетам молодого Бисмарка²⁵. В 1881 году, узнав о желании сына жениться на разведенной графине Каролат-Бейтхен, Бисмарк впал в неопишную ярость и даже театрально угрожал покончить собой. Герберт послушался отца, но стал искать забвения в пьянстве. Помогал ему в этом его зять, граф Ранцау, женившийся в 1878 году на дочери Бисмарка Марии. Положение складывалось тем более тревожное, когда сын канцлера и его зять из мелкокалиберного ружья начинали палить из окон министерства иностранных дел. Довольно часто иностранные дипломаты чувствовали себя неловко, когда замечали, что помощник государственного секретаря страдает от «алкогольного возбуждения по вечерам», от «пох-

* Официально статс-секретарем по иностранным делам он стал в мае 1886 года. Но главенствующую роль в определении политики, конечно же, играл министр иностранных дел, его отец.

мелья по утрам» и «после обеда предается оздоровительному сну с газетой на коленях»²⁶. Популярностью Герберт не пользовался. Кронпринцесса в частной беседе заметила, что хотела бы, чтобы кто-нибудь нашел возможность отправить его куда-нибудь в Китай. За четыре года до этого королеве Виктории она охарактеризовала младшего Бисмарка как «узколобого, жестокого и мстительного» человека. И причин для изменения своего мнения о нем она не видела — отказ от собственного мнения вообще был чужд ее характеру. Однако, оглядываясь на прошлое, графу Герберту можно было посочувствовать. Длительное пребывание в Китае на самом деле могло бы пойти ему на пользу. К этому времени он уже не был молодым претендентом, которому еще предстояло дорасти до масштабов личности своего отца. «Quasch nicht, Herbert (Не мели чушь, Герберт)», — бывало говорил канцлер, когда его младший партнер высказывал свое мнение за конференц-столом. Но в глазах работников министерства иностранных дел снискать уважение к любимому сыну подобным образом было нельзя. Тем более что его подчиненные и без того не любили методы, которыми канцлер добивался авторитета. Желание канцлера протолкнуть Герберта по службе вызывало критическое отношение к семейству в целом. Поговаривали, что «шефу» отказывает здравый смысл, что в жизни им управляют его банкир Блейхредер и его домашний врач Швеннигер и что под их влиянием он начал страдать манией величия и стал одержим патологической подозрительностью относительно амбиций других людей²⁷.

Легенда, которой все еще было окружено имя Бисмарка, продолжала занимать умы его соотечественников, но вскоре после празднования семидеся-

тилетнего юбилея канцлера появились первые признаки разочарования. В его пользу общественность подписалась на заем на сумму в 1 200 000 марок (более четверти миллиона фунтов стерлингов), которую в честь указанного события он при желании мог пожертвовать на «общественные цели». Часть этих денег ушла у него на учреждение «Фонда Шенхгаузена», эти средства направлялись для подготовки специалистов высшей квалификации в области образования, остальные предназначались для выкупа земли и сданных в аренду участков в районе Шенхгаузена, от которых семье пришлось отказаться в трудные сороковые годы. Поскольку в это время Бисмарк уже превратился в крупного землевладельца и пользовался специальными привилегиями в налогообложении, предполагалось, что заем задуман скорее с благотворительными целями, чем для удовлетворения личных запросов семьи Бисмарка. Гольштейн, до молниеносного взлета Герберта по служебной лестнице остававшийся восторженным почитателем Бисмарка, впервые за полтора года присоединился к семье за рождественским обедом, после чего в своем дневнике с грустью написал: «Бисмарк еще обладает способностью все ясно видеть, но теперь его взгляд в большей степени, чем когда бы то ни было, обращен на эгоистичные цели и интересы»²⁸. Ходили слухи, что он надеялся женить Герберта на одной из внучек императора, несмотря на нескрываемую враждебность со стороны родителей принцессы.

Все же невзирая на критику, которую вызывало поведение канцлера в быту, мастерство его в делах государственных не ослабевало. В первые три года существования ничто не поколебало Союза трех императоров. По этой причине в 1884 году он был продлен еще на три года. Шесть месяцев спустя Бис-

марк вместе с Вильгельмом I отправился в Скерневицы в русской Польше, где намечалась встреча с Александром III и Францем Иосифом²⁹. В отрицательном смысле Скерневицы стали историческим событием, последней встречей верховных правителей Восточной и Центральной Европы, первая из которых имела место в 1813 году в Теплице во время великого похода против Наполеона I. По этому поводу Меттерних связал Австрию, Россию и Пруссию громкими обязательствами, в которых тактично обходился стороной вопрос существенных разногласий, существовавших между державами. Семьдесят один год спустя в Скерневицах Бисмарк попытался возродить тот оказавшийся удачным прием, хотя в его намерения не входило делать достоянием гласности даже ту малую толику вопросов, по которым три империи пришли к согласию. Скерневицы никого не ввели в заблуждение, если не считать единственного участника встречи в Теплице Вильгельма I, который с облегчением вздохнул, узнав о готовности Александра III сотрудничать с Германией. Что касается Гирса и Кальноки, то они оба знали, что альянс выжил только потому, что до сих пор не затрагивался балканский вопрос. Сам Бисмарк боялся, что болгарский вопрос мог снова рано или поздно возникнуть по инициативе одного из соперничавших между собой «союзников» или Александра Баттенберга, суверена, которого Великие державы поставили во главе Болгарского княжества в 1879 году.

Александр Баттенберг — дядя графа Маунтбаттена и двоюродный дед принца Филипа, герцога Эдинбургского, — был членом германской династии, которая давно раздражала Бисмарка. Его отец, принц Александр Гессе-Дармштадтский, в 1859 году в качестве австрийского генерала принимал участие в

битве при Сольферино и в 1866 году командовал одной из южных германских армий, выступавших против Пруссии. Сам Александр по браку приходился племянником царю Александру II и в 1877 году сражался в русской армии против Турции. Именно такое сочетание германских, русских и австрийских родственных связей и послужило причиной провозглашения его в апреле 1879 года князем Болгарии под попечительством русского царя. В ту пору ему шел двадцать второй год. Бисмарк принял молодого человека незадолго до его отъезда в Болгарию. Канцлер ясно дал ему понять, что у Германии нет прямых интересов в княжестве; он посоветовал Александру строго соблюдать Берлинское соглашение и не пытаться восстановить «Большую Болгарию» панславистских фанатиков³⁰. Александра горячо поддерживала королева Виктория, которой нравились красивая внешность и изысканные манеры выходцев из семейства Баттенбергов. Но на своего двоюродного брата, Александра III, русского царя, болгарский князь не произвел благоприятного впечатления. Начиная с 1882 года он начал проявлять такую самостоятельность, что даже Бисмарка начала тревожить очевидная импульсивность князя. Александр, хотя и вызывал глухое раздражение Бисмарка, но поскольку находился далеко в Софии, непосредственной угрозы не представлял. В апреле 1884 года Бисмарк обнаружил, что князь вот уже двенадцать месяцев как помолвлен с принцессой Прусской Викторией, восемнадцатилетней дочерью кронпринца. Женщина эта, как говорили, в глазах Бисмарка представлялась идеальной партией для Герберта. Кронпринцесса горячо приветствовала перспективу заключения брака между Гогенцоллернами и Баттенбергами. Но ее муж на этот счет не проявлял

особого энтузиазма. Старший сын также возражал против родства с Баттенбергами, считая их отпрысками морганатического союза, так как их отец состоял в браке с польской графиней. Возражения Бисмарка имели политическую подоплеку: княжеский престол в Болгарии он считал неустойчивым и к тому же не хотел, чтобы прусский королевский род имел какое-то отношение к области, за влияние в которой и без того уже соперничали Россия и Австро-Венгрия. 12 мая 1884 года у него состоялась более чем холодная беседа с князем Александром, во время которой он предупредил последнего о том, что германское правительство выскажется против официального объявления о его помолвке с прусской принцессой. Бисмарк посоветовал ему «жениться на православной миллионерше», так как таким способом он мог усилить позицию Болгарии и получить деньги для дачи взяток, что являлось неременным залогом успешного правления на «Ближнем Востоке», как выразился канцлер. Однако его слова на князя Александра должного впечатления не произвели.

В начале 1885 года принцесса Беатриса, младшая дочь королевы Виктории и сестра кронпринцессы Пруссии была помолвлена с Генрихом Баттенбергом, братом Александра. Этот последний королевский роман еще больше омрачил настроение Бисмарка. Баттенберги, жаловался он, все более англизируются: берлинский брак, по его мнению, являлся сговором между «виндзорской вдовой» и кронпринцессой, цель которого состояла в усилении влияния Англии при дворе императора Германии. Страхи его были столь сильными, что в марте он сумел убедить Вильгельма I сообщить князю Александру, что его брак с принцессой Викторией будет противоречить

традициям дома Гогенцоллернов. Таким образом предполагаемый брак Баттенберга был расстроен: вероятность того, что он все же состоится после того, как Вильгельм I умрет, и на трон взойдет его сын, была чрезвычайно мала, так как за это время и Виктория, и Александр могли подыскать себе супругов. Все же возможность эту сбрасывать со счета не следовало, поскольку состояние здоровья Вильгельма быстро ухудшалось, и он все чаще страдал приступами слабости.

Весной 1885 года князь Александр, и без того вызывавший теперь у Бисмарка головную боль, превратился в одночасье в крупную в международной политике фигуру. В номинально турецкой провинции Восточной Румелии болгарские националисты свергли власть султана и объявили о желании войти в союз с Болгарией под верховным правлением Александра. Царь, которого давно раздражало поведение князя, объявил происшедшие в Болгарии события нарушением берлинского соглашения. Австро-Венгрия и Германия последовали примеру российского государя. Турция в этом вопросе тоже проявила солидарность. Теперь главной заботой Бисмарка стало предотвратить действия Александра, которые могли поставить Европу на грань войны. Больше всего на свете он хотел сохранить гармонию и спокойствие в Союзе трех императоров. Существенную помощь в этом ему оказало родство Баттенбергов с Англией, на которое он и не чаял рассчитывать. Консервативное правительство Солсбери, портфель к которому перешел в середине лета 1885 года, тепло приветствовало стремление Александра к независимости, приняв тем самым на себя всю силу российского негодования. Если бы не это обстоятельство, весь российский гнев обрушился бы на Австро-Венгрию. Альянс трех импера-

торов просуществовал еще зиму 1885-86 годов, и Бисмарк, исполнявший роль связующего звена, сполна испытал на себе всю тяжесть возникшего в Союзе напряжения.

В конечном итоге роковую роль сыграло отпрямечивое поведение русских военных. Болгары в своем большинстве тепло поддерживали князя Александра, особенно после того как болгарская армия в битве при Сливнице (ноябрь 1885 года) повернула вспять сербских оккупантов. Но в Софии нашлись инакомыслящие, а недоверие русских к князю Александру достигло таких масштабов, что в августе 1886 года группа заговорщиков под руководством русского военного атташе захватила дворец и самого князя. Три последующие недели в Болгарии царила неразбериха: князя похитили и заставили отречься от престола; потом он вернулся в Софию, восстановил свою власть и начал борьбу против тех из своих подданных, кто сотрудничал с русскими. В конце концов все это дело ему наскучило, он подписал безоговорочное отречение и 9 сентября навсегда покинул Болгарию³¹. Тогда казалось очевидным, что в ближайшее время русские двинут войска на юг и оккупируют Болгарию. Как в таком случае должна была отреагировать Австро-Венгрия? Венгерский премьер-министр, Тиса, заявил в Будапеште, что ни одно правительство не имеет права «предпринимать одностороннее вооруженное вторжение или устанавливать на территории Балканского полуострова протекторат». В Санкт-Петербурге и Берлине слова Тисы были восприняты как конец Союза трех императоров. И только Бисмарк отказывался признавать факт окончательного распада альянса 1881 года. «Пока тянется нить, мы должны вить пряжу Союза трех императоров», — убежденно говорил он незадолго до Рождества³². Тогда никто из

его окружения не набрался смелости сказать ему, что нить давно оборвалась.

К счастью для Бисмарка, в Санкт-Петербурге оставалась еще фракция, горячо поддерживавшая традиционную политику сотрудничества. На сотрудничество с немцами надеялся и сам Гирс, и Петр Шувалов, который во время восточного кризиса семидесятых установил с канцлером самые дружеские отношения. В январе 1887 года Петр Шувалов еще раз посетил Берлин, где в ту пору посланником был его брат Павел. Шуваловы обсуждали с Бисмарком пути создания русско-германского союза, который мог прийти на смену Союзу трех императоров. Но предварительные беседы не принесли сколько-нибудь заметных результатов, так как Александр III какие-либо соглашения с Германией санкционировать отказывался. Только после того как Гирс указал на опасность изолированного положения России, царь дал Павлу Шувалову полномочия вести с Бисмарком дальнейшие переговоры, но идти на какие-либо уступки по-прежнему не собирался.

Найти общий язык с Россией, пусть даже на поставленных царем условиях, было все же лучше, чем допустить непонимание между Берлином и Санкт-Петербургом. По крайней мере, это открывало перед Бисмарком дополнительную возможность выбора в определении политики. Такое поведение всегда оставалось отличительной чертой прозорливого ума этого государственного деятеля. Петру Шувалову он намеревался пойти на любые уступки. В начале июня оба политика выработали соглашение, которое легло в основу пресловутого договора «перестраховки» (18 июня 1887 года), секретного соглашения, срок действия которого поначалу составлял три года. Россия и Германия в случае крупных военных действий обещали друг

другу сохранять нейтралитет, если только Россия не нападет на Австро-Венгрию, а Германия — на Францию. Немцы признавали доминирующее влияние России в Болгарии и обещали никогда не соглашаться на восстановление власти князя Баттенберга, также они поддерживали положение о недопущении иностранных военных кораблей в Дарданеллы и Босфор во время ведения военных действий. Девять лет спустя, когда Бисмарк больше не чувствовал себя связанным обещанием соблюдать секретность, он начал распространять слух о том, что договор «перестраховки» был с его стороны ловким ходом, который помог Германии восстановить верховенство в европейской дипломатии. Но договор «перестраховки» являлся спонтанным шагом и стал достижением негативного характера, поскольку свободу выбора Бисмарка ограничивал еще в большей степени, чем альянс трех императоров за шесть лет до этого. Договор «перестраховки» только откладывал решение дел, ничего не решая, но в 1887 году Бисмарку именно это и было нужно. Несмотря на то, что напряженности в Европе договор не уменьшил, он хотя бы на три года гарантировал стабильность русско-германских отношений, ставя их вне зависимости от политики, которую мог вести новый правитель в Берлине.

На протяжении 1886 и 1887 годов политическая жизнь Германии находилась под влиянием ожидания смены монарха. Состояние здоровья Вильгельма I неуклонно ухудшалось, и страна жила в обстановке неопределенности и страха. Бисмарка все еще беспокоила мысль о том, что кронпринц после восхождения на престол тотчас постарается создать «гладстоновский кабинет». Изгнание Александра Баттенберга из Болгарии в сентябре 1886 года возродило в душе Бисмарка старые страхи. Для многих соотечественни-

ков канцлера князь Александр был фигурой легендарной, победитель Сливница, добропорядочный немец, преследуемый русскими и австрийцами, кумир дам, красавец двадцати девяти лет. Кронпринцесса с воодушевлением отзывалась о нем и вела с ним оживленную переписку; теперь, когда он больше не имел никакого отношения к Болгарии, она снова рассматривала его как возможного претендента на руку принцессы Виктории. Одна из сестер кронпринцессы даже сказала их матери в Виндзоре, что «Сандро» Баттенберг «напоминает папу» и что для любимого дитяти нельзя желать лучшей партии. Всплеск такой любви к Баттенбергу при дворе не мог не вызывать раздражения Бисмарка. Популярность князя настолько тревожила его, что в начале октября 1886 года он даже счел необходимым побеспокоить Вильгельма I, представив ему длинный список недостатков Александра³³. Он сообщил императору, что тот является политически опасным, слабым и безответственным и в случае своего обоснования в Германии станет потенциальным кандидатом на должность канцлера от внутренних врагов рейха — прогрессивных либералов, социал-демократов, непримиримых католиков. Такой тактикой железной руки Бисмарк совершенно дискредитировал несчастного князя. Он сделал все возможное, чтобы до тех пор, пока Вильгельм I жив, вопрос о женитьбе на принцессе больше не поднимался, и для Александра не было ни места при дворе, ни должности в германской армии.

Эта карательная кампания, направленная против Александра Баттенберга, продемонстрировала худшие черты характера Бисмарка, зависть, эгоизм, узости мышления и параноидальный страх перед дворцовыми интригами. В такой атмосфере у него началась размова с Гарри фон Арнимом. Одновременно,

призвав на помощь всю прозорливость своего ума, он готовил почву для того, чтобы первый рейхстаг нового императора находился под его контролем. Для этого осенью 1886 года он, зная об особой чувствительности депутатов к данному вопросу, умышленно сверг их в спор по конституционному пункту: в сентябре того года он на двенадцать месяцев раньше, чем следовало, представил предварительные расчеты по расходам на армию на следующие семь лет. Он обратился к рейхстагу с просьбой одобрить увеличение армии на десять процентов, чтобы не отставать от программы ускоренной военной подготовки, развернутой во Франции. Предложения оказались вынесенными перед депутатами в тот момент, когда Германию по-настоящему волновало желание французов развязать войну за пересмотр итогов франко-прусской войны. В январе 1886 года Фрейсине назначил военным министром Жоржа Буланже. Если бы человека, подобного Буланже, который мог разжечь во французах чувство патриотизма, не существовало, Бисмарку следовало бы его выдумать. Но таких усилий не потребовалось, поскольку такой человек уже имелся во плоти и крови — «генерал на коне». Во время парада Четырнадцатого июля он спровоцировал во французском народе такое воинствующее настроение, которого не знали со времен Седана. Даже парламентская оппозиция в Германии была согласна с тем, что до тех пор пока французы превозносят Буланже, называя его необонапартистским спасителем, ни один патриотически настроенный гражданин Германии не сможет отказать Бисмарку в увеличении армии. Именно этого он и хотел добиться, предлагая новый семилетний срок службы.

Хотя партия «Центра» и либералы были готовы пойти на увеличение армии, они не собирались пред-

ставлять Бисмарку карт-бланш на семь лет. Оппозиция в рейхстаге предложила семилетний период заменить на трехлетний. 11 января 1887 года канцлер произнес в рейхстаге эмоциональную речь, в которой ни слова утешительного не прозвучало относительно международной обстановки, сложившейся вдоль берегов Рейна. «Закончилась или нет эпоха пограничных войн с французским государством? — спросил он и тут же сам мрачно ответил: — На этот вопрос я могу высказать только свои собственные подозрения и заявить, что она не закончилась, — потому что для этого понадобилось бы полностью изменить характер французов и ситуацию вдоль границы в целом»³⁴. Так хотелось Бисмарку заставить Германию всерьез отнестись к предполагаемой угрозе со стороны шовинистической Франции, что еще на протяжении двух последующих дней продолжал он выступать с речами. Даже Мольтке, которому в ту пору исполнилось уже восемьдесят семь лет, явившийся на заседание рейхстага в форме фельдмаршала, сказал депутатам, что, если законопроект будет отвергнут — «война неминуема». Но запугать депутатов оказалось непросто. Выделить средства они соглашались только на срок в три года, и ни на день больше. Тогда Бисмарк поднялся на трибуну и зачитал приказ о роспуске парламента, получения которого добился у Вильгельма I накануне. Новые выборы в рейхстаг — шестые за шестнадцать лет — должны были состояться в начале четвертой недели февраля.

Во время предвыборной кампании консерваторы и национал-либералы неустанно твердили о значении для Германии буланжистской угрозы на западной границе. 31 января в берлинской газете «Пост», которая в апреле 1875 года уже встревожила Европу вопросом, «за горами ли война», появилась другая статья,

вызвавшая сенсацию, она называлась «На лезвие бритвы». Европа на этот раз не придавала ей значения, но немецкие избиратели сплотились вокруг Бисмарка. Канцлер сумел добиться успеха, которого не мог добиться во время ажиотажа вокруг колоний в 1884 году. Выборы, состоявшиеся в феврале 1887 года, принесли консерваторам и национал-либералам 220 из 397 мест рейхстага. Группа эта теперь образовала коалицию, получившую название «Картель», которая впервые за шесть лет обеспечила Бисмарку желанное большинство в рейхстаге. Как только открылась первая сессия нового парламента, законопроект о семилетнем сроке службы превратился в закон. Случилось это во вторую неделю марта. Хотя партия «Центра» утратила в рейхстаге только одно место, германские либералы и «партия кронпринца» понесли существенные потери. В рейхстаг не вернулось более половины ее бывших депутатов. Опасность войны с Францией принесла Бисмарку заметный успех во внутренней политике.

Все же в одном смысле победа канцлера оказалась ничтожной. В марте 1887 года всем при дворе стало известно, что кронпринц серьезно болен. За последние полтора года он очень постарел, и опухоль на голосовых связках почти не позволяла ему говорить. В мае врачи поставили диагноз рака и предложили произвести трахеотомию. Операция эта почти наверняка могла погубить его. В беседе с нестарющим Вильгельмом I и кронпринцессой Бисмарк высказался против операции, но с одобрением отнесся к предложению пригласить для больного шотландского специалиста сэра Моррелла Маккензи. Кронпринц достаточно хорошо себя чувствовал, чтобы в июле принять участие в торжествах по поводу золотого юбилея королевы Виктории, устраиваемых в

Лондоне, а потом отправиться в Сан-Ремо, где он рассчитывал поправиться³⁵. Учитывая ужасную болезнь кронпринца, Бисмарк уже начал задумываться, не переоценил ли он опасность, исходившую от Фридриха Вильгельма. Действительная опасность его системе угрожала не со стороны классических либералов, искавших благосклонности наследника трона, а со стороны молодого поколения с его пренебрежением к осторожности и высокомерной горделивой уверенностью в превосходстве нации. Сын кронпринца, принц Вильгельм формировал свой характер в полном соответствии с понятиями своего поколения о добродетелях и пороках; и образ его мышления совсем не импонировал Бисмарку.

«Пусть скорее наступит день, когда гвардейцы-гренадеры под барабанный бой штыками расчистят место», — писал двадцативосьмилетний принц Вильгельм своему приятелю в разгар парламентской дискуссии относительно семилетнего срока службы. Заявление это относилось к тому типу безответственного анархизма, к которому в его возрасте мог прибегнуть и сам Бисмарк, но в 1887 году перспектива военного разгона парламента представлялась канцлеру такой же нежелательной, как и установление «гладстоновского кабинета». Все же такая вероятность существовала. Во внешней политике также сохранялась напряженность: сыграв положительную роль в выборной кампании Германии, буланжистский кризис не закончился сам по себе; имея тайный сговор с Россией относительно влияния в Болгарии, Бисмарк испытывал определенные трудности с восстановлением союза с Австрией. Но кроме этих, канцлера волновали и другие проблемы. Ища поддержки со стороны Мольтке в своем конфликте с парламентом, Бисмарк дал армии возможность вмешиваться в формирование по-

литики. Генерал фон Вальдерзее, ставший к этому времени очевидным преемником Мольтке, был неисправимым интриганом, который в такой степени обожал подкапываться под политическую жизнь, что его недоброжелатели из Генерального штаба окрестили его «Барсуком». Бисмарк с недоверием относился к дружбе, зародившейся между принцем Вильгельмом и Вандерзее и его женой, американкой по происхождению³⁷.

В намерение Вальдерзее входило изменить функции военных атташе в основных германских посольствах, преобразовав их в отдельную иностранную службу, подчиняющуюся непосредственно начальнику Генерального штаба и через него — императору³⁸. Это был вызов контролю канцлера над дипломатической работой. В результате чего в последние месяцы 1879 года в стране возник серьезный кризис, когда армейские лидеры решили, что франко-русский альянс неминуем и что Германия для превентивной войны в Восточной Европе должна координировать свои действия с Австро-Венгрией. Бисмарк категорически выступал против войны с Россией. Германского посла в Вене он настоятельно просил успокоить австрийцев и постараться донести до них мысль, что альянс 1879 года носил исключительно оборонительный характер и ни к чему не обязывал Германию в случае, если Австро-Венгрия развяжет на Балканах войну. Канцлер с негодованием отнесся к заявлению Вандерзее, сделанному австрийскому послу, в котором тот сказал, что к нападению на Россию Генеральный штаб отнесется с благосклонностью. Никогда прежде на веку Бисмарка Генеральный штаб не вмешивался во внешнюю политику столь решительно.

Бисмарк отреагировал сразу и страстно. 7 декабря он открыто упрекнул Вальдерзее в том, что тот поз-

волил довести до иностранных дипломатов и правительства «противоречивые и официальные по характеру мнения». Еще он переговорил непосредственно с Мольтке, Альбедиллом и Бронсаром, подчеркнув, что Германия не может позволить втянуть себя в войну в то время, когда ей угрожает смена императора, и военные руководители борются за увеличение срока службы в армии. Несчастный военный атташе в Вене был подвергнут осуждению, и австрийский министр иностранных дел сказал, как важно сохранить «в своих руках и не передавать Генеральному штабу привилегию давать политические советы монарху». Наконец после окольного лавирования и рытья подкопа, достойного самого «Барсука», Бисмарк нанес косвенный удар по одному из главных источников влияния Вандерзее. В «Норддойче Рундшау» появилась инспирированная статья, в которой принц Вильгельм подвергался резкой критике за то, что посетил обед в квартире Вандерзее, где произносились речи в пользу образования нового протестантского политического движения³⁹. Этот шаг позволил Бисмарку хотя бы осадить амбиции Вандерзее и сделать молодому принцу предупреждение.

Все же неизвестно, сумел бы Бисмарк в 1883 году сохранить за собой контроль, если бы он не пошел на военные реформы. 16 декабря 1887 года, в самый разгар кризиса Вандерзее, Бисмарк представил на рассмотрение рейхстага законопроект о военной реорганизации, согласно которому благодаря изменению условий службы запасников в армию во время военных действий можно было дополнительно мобилизовать 700 000 человек. Благодаря стараниям «Картели» проект практически не встретил противодействия в парламенте. Но бисмарковская пресса устроила дебаты по второму прочтению законопроекта, пока

не добились вотума доверия к основным пунктам внешней политики канцлера. 6 февраля 1888 года во время дебатов Бисмарк произнес речь, которая стала его наиболее ярким образцом словесного убеждения⁴⁰. Германия, говорил он, ищет мира как с Россией, так и с Францией. Но ситуация осложнялась безответственным, вселяющим тревогу тоном иностранных газетчиков. «С нами легко договориться на языке любви и сочувствия, — заявил он, — но только не угрозы. Мы, немцы, ничего на свете не боимся, кроме одного только Господа Бога; именно страх перед Господом и толкает нас на любовь к миру и желание сохранить его». Эта декларация была встречена приветственными выкриками, в самый разгар которых Мольтке поднялся со своего места и подошел к канцлеру, чтобы поздравить с успешной речью. По его щекам катились слезы. Из рейхстага канцлер направился домой на Вильгельмштрассе, его экипаж сопровождала толпа горячих сторонников. До самой ночи под окнами Бисмарка они демонстрировали ему свою искреннюю признательность. Через два дня законопроект о военной реорганизации стал законом; но людям запомнилось не само событие, а речь, по поводу которого она была произнесена.

Спустя месяц в пятницу 9 февраля 1888 года развевающийся над рейхстагом флаг был приспущен. Рано утром скончался от пневмонии Вильгельм I, шестнадцать дней не дожив до своего девяносто первого дня рождения. Сразу после полудня «все депутаты парламента заняли свои места, и галерея заполнилась зеваками, — написал в лондонскую «Таймс» берлинский корреспондент, — в просторном зале воцарилась тишина, каждый из присутствующих остался наедине со своими печальными мыслями, только изредка бросая косые взгляды на соседа, интуитивно угадывая его

мрачные думы». В зал в мундире генерала с орденом «За заслуги» на воротнике в сопровождении Герберта вошел Бисмарк. Он объявил, что «в половине восьмого утра император Вильгельм I отошел в мир иной» и что «прусская корона вместе с императорским титулом переходит Его Величеству Фридриху III». Возможно, канцлер говорил еще что-то, но слов его никто не разобрал, потому что его голос заглушили рыдания, и он, на ватных ногах — разбитый, больной старик — медленно побрел на свое место. Очевидцы событий считали, что скорбь канцлера произвела более сильное впечатление ... чем все траурные речи вместе взятые»⁴¹. Не было ли в ней дурного предчувствия?

ГЛАВА 15

НИЗВЕРЖЕНИЕ ЮПИТЕРА

Для репутации Бисмарка было бы лучше, если бы в марте 1888 года он тоже умер, и речь его по поводу законопроекта о реорганизации армии стала бы его «лебединой песней». Хотя в кабинете правительства он оставался еще два года, управлять событиями ему больше не довелось. Несмотря на то, что от активной политической жизни он еще не удалился, мысли его уже были обращены к прошлому. Он еще был способен приправлять свою речь яркими оборотами и вольностями, не выходящими за грань дозволенного, разрешать критические ситуации как во внутренних, так и внешних делах. Но теперь все его слова и поступки были направлены на то, чтобы своим преемником на посту канцлера сделать своего старшего сына. Бисмарк не понимал, что чиновники, которые верой и правдой служили ему, не были готовы подставить свою шею бесцеремонному и никчемному графу Герберту. Более того, он не сумел сделать поправку на то, что со смертью первого императора из дома Гогенцоллернов Германия входила в новую эру, в то время как в стране все были охвачены этим чувством.

Такая перемена настроений произошла не в одночасье. Тяжесть состояния здоровья Фридриха III

скрывать уже было нельзя. В связи с этим многие из бывших критиков Бисмарка той весной переживали мрачный период растерянности. Когда отец умер, Фридрих находился в Сан-Ремо. Первоначально на Средиземноморье он рассчитывал оставаться до наступления теплой погоды, но не прошло и двадцати четырех часов после эмоционального выступления Бисмарка перед рейхстагом, как специальный поезд мчал Фридриха в Берлин. Бисмарк подсел в поезд в Лейпциге. Его поразили внешний вид нового монарха. Он не мог поверить, что этот высохший гигант, молчаливый и вялый от физического и психического истощения, протянет на троне более нескольких недель. В действительности периоды спасительного забытья не посещали Фридриха на протяжении девяти дней. Как писал Герберт, трагедия смертельной болезни старого противника оказала на Бисмарка глубокое впечатление. Но тем не менее он все время оставался начеку, опасаясь как бы либералы не укрепили свои позиции при дворе. Его беспокоили слухи о том, что император намерен объявить о регентстве, возложив обязанности монарха не на своего наследника, а на «английскую императрицу». В Берлине говорили о заявлении принца Вильгельма, в котором тот с выраженным чувством обеспокоенности сказал, что «Гогенцоллерны, Прусское королевство и Германская империя никогда не допустят, чтобы ими командовала женщина». Бисмарк тоже не мог допустить этого.

В субботу 31 марта канцлера официально уведомили о том, что на понедельник император пригласил в Шарлоттенбург, где проживала императорская семья, князя Александра Баттенберга. Бисмарк понял, что Александру будет пожалована высшая награда и должность генерала в германской армии. Еще он

полагал, что вслед за этим произойдет официальное объявление о помолвке Александра с принцессой Пруссии Викторией. Канцлер открыто заявил Фридриху, что этот визит будет расценен как «проявление антироссийских настроений и изменение политики, проводимой прежде», — если Александр прибудет в Шарлоттенбург, он подаст в отставку. Принц Вильгельм настоятельно попросил родителей изменить свое решение, и Александру была отправлена телеграмма, в которой сообщалось об отмене предполагаемого визита¹. Угроза отставки Бисмарка просуществовала всего несколько часов. Тем не менее это событие еще больше укрепило императрицу в желании женить Баттенберга на дочери. Мысль эта превратилась у бедной женщины в навязчивую идею, которая не оставляла ее на протяжении всех ужасных недель тяжелой болезни мужа.

Бисмарк отлично сознавал, что русских Александр Баттенберг теперь не интересовал. Какое дело им было до вчерашнего князя, когда теперь их занимали амбиции нового правителя Болгарии Фердинанда Сакс-Кобурга. Враждебность канцлера основывалась на убеждении, что мысль о женитьбе была «внушена королевой Англии». Стремясь разрушить этот план, Бисмарк думал, что этим положит конец англофилии при дворе, которая неотступно тревожила его начиная с 1857 года. Но королева Виктория уже знала, что Александр больше не ищет брака с ее внучкой, поскольку влюбился в какую-то актрису. Этой новостью британский посол поделился с Бисмарком в конфиденциальном разговоре 13 апреля, еще он сообщил канцлеру, что королева Виктория собирается заехать в Берлин по пути домой из Флоренции².

Королева, как и ожидалось, прибыла в Берлин 22 апреля. Она хотела повидаться со своим хворающим

зятем, которого особенно любила. В планы ее также входило успокоить свою дочь и расставить все точки над «i» относительно видов на брак. Проявив благоразумие, она посоветовала императрице не настаивать на обручении дочери ввиду того, что у Александра, во-первых, появилось другое увлечение, и, во-вторых, принц Вильгельм был твердо настроен против Баттенбергов³. Королева Виктория, чтобы сгладить оставшиеся шероховатости и избавиться от недомолвок, согласилась дать аудиенцию Бисмарку. Такое поведение полностью соответствовало общей политике королевы. После того большого бала в Версале они больше не встречались. С тех пор прошла почти треть столетия. В то время как она ничуть не сомневалась в своих способностях справиться с Бисмарком, он, со своей стороны, ждал аудиенции с видимой тревогой, не в силах скрыть нервозность от окружающих. Но причин волноваться у него не было. Все прошло гладко. Прямо о перспективе брака ничего сказано не было, поскольку вопрос этот уже как будто решился негативно. Бисмарк сказал Виктории, что на этом этапе объявлять о регентстве считает «жестокостью», и она с ним согласилась. Впоследствии она сказала Солсбери, что нашла канцлера обходительным и очаровательным. После короткой их встречи он, по словам очевидцев, покинул королеву, вытирая лоб, но преисполненный восхищений. «Какая женщина! — воскликнул он. — С ней можно делать дело!» Но не Бисмарк, а Лотар Бюхер сказал чиновникам из министерства иностранных дел, что «в Шарлоттенбурге бабуля вела себя вполне разумно». Дома канцлер позабавил свою семью, с видимым удовольствием назвав Викторину «весьма крохотным созданием»⁴.

Больше тем летом светлых моментов при дворе не наблюдалось. В начале июня Фридриха на корабле

переправили в Потсдам. Он сказал, что хочет закончить свои дни в Новом Дворце, где пятьдесят семь лет назад появился на свет. Там 13 июня в присутствии жены он в последний раз принял Бисмарка. Канцлер заверил его, что никогда не забудет, что бедная расстроенная императрица «является (его) королевой». Через два дня Фридриха не стало. На похороны Бисмарк не пошел и ни единого жеста доброй воли в сторону вдовствующей императрицы не сделал до тех пор, пока не почувствовал, что власть ускользает из его рук. Сочувствие он всегда считал элементом расчета, и его, как и лесть, не следовало расточать бездумно.

Вильгельму II, ставшему за четыре месяца третьим императором Германии, в момент восхождения на престол шел тридцатый год. Он рос и превращался в мужчину на глазах Бисмарка. В былые дни дети Бисмарка посещали приемы, устраиваемые в честь его дней рождения; и канцлер знал о молодом человеке столько интересного, что во время застольной беседы мог позабавить свою семью, рассказав о том или ином случае из жизни нового монарха, как, например, его гувернантке приходилось ремнем проходиться по мягкому месту своего воспитанника⁵. Вильгельма он был склонен воспринимать как потсдамского недоросля, так и не ставшего взрослым; это стало причиной того, что канцлер явно недооценил интеллект молодого монарха. В 1886 году Вильгельм I позволил принцу несколько месяцев проработать в министерстве иностранных дел. Тогда стало ясно, что, несмотря на острый ум и проницательность, ему трудно сосредоточиваться на деталях и подвергать ситуацию логическому анализу. Также во время двух официальных визитов в Санкт-Петербург Вильгельм показал себя невоздержанным на язык и склонным к

опрометчивым выводам, но сказать, что он полностью себя дискредитировал, было нельзя. Произвольно или непроизвольно Бисмарк относил Вильгельма II к той возрастной группе, которую он плохо понимал. Но с 1885 года он постоянно настраивал Герберта на поддержание с принцем хороших отношений. Ему хотелось, чтобы Бисмарк второго поколения был близок к будущему правителю, чтобы кто-то мог компенсировать влияние Вандерзее и близкого товарища Вильгельма графа Филиппа Эйленбурга, который на двенадцать лет был старше Вильгельма.

В детстве Вильгельм восхищался Бисмарком. Став студентом и учась в Бонне, он критично воспринял решение о созыве в Берлине конгресса, позже он был не согласен и с переходом к политике протекционизма; но его замечания были всего лишь отражением мнения других людей, о чем сам он обычно не помнил. До последних месяцев 1887 года, когда Бисмарк с неодобрением высказался относительно политической связи Вильгельма с семейством Вандерзее и их протезе, антисемитом, лютеранским пастором Адольфом Штёкером, разногласий между принцем и канцлером почти не существовало. Этот инцидент, сам по себе довольно банальный, по всей видимости, вызвал у Вильгельма негодование. В день семидесятитрехлетия канцлера, когда уже было ясно, что не пройдет и несколько недель, как на престол взойдет Вильгельм, он напросился на обед в канцелярию, на котором предложил тост «за нашего великого канцлера». Бисмарк, сказал принц, «является знаменосцем, к которому трепетно обращены преданные сердца сорока шести миллионов немцев». В конце он вдохновенно добавил: «Пусть он ведет нас. Мы пойдем за ним. И долгие ему лета!» Но на самом ли деле Вильгельм говорил то, что чувствовал? Как и другие по-

томки царя Павла, он, когда хотел, умел быть искусным лицемером. Прошло немногим более месяца после его восшествия на престол, когда Адольф Штёкер в частной беседе сказал, что тот «недавно заметил: «Я дам старику шесть месяцев, чтобы он смог прийти в себя, а потом буду царствовать сам»⁶.

Большую часть времени «старик» проводил в Варцине и Фридрихсруэ. Отношение к нему нового императора особенно его не волновало, и канцлер не видел оснований в это время года оставаться в столице, при том при всем, что во внешней политике никаких крайностей не наблюдалось. Бисмарк был рад, что представилась возможность позволить Герберту и самому Вильгельму следить за международной обстановкой. Поначалу казалось, что Герберт хорошо справляется с заданием. В то лето он принимал участие в первом из многочисленных путешествий Вильгельма на императорской яхте «Гогенцоллерн». В сопровождении десяти военных кораблей они взяли курс на северную часть Балтийского моря, где намеревались посетить Петергоф, Стокгольм и Копенгаген. В октябре император снова отсутствовал, на этот раз путешествовать он отправился в королевском поезде. Двенадцать голубых, золотистых и кремовых вагонов должны были доставить его в Вену и Рим. И снова Герберт Бисмарк находился рядом, послушно посылая в Фридрихсруэ регулярные донесения. В одном из них он предупредил отца о том, что Вильгельм планирует морское путешествие в Афины на свадьбу сестры и наследника греческого престола⁷. Император, ворчал старый канцлер, «был подобен воздушному шару. Если не будешь крепко держаться за веревочку, то никогда не узнаешь, куда его занесет». Но ни действия, ни слова Вильгельма он никогда всерьез не критиковал. Только злопыхатель-

ный Гольштейн считал, что успехи Вильгельма повергали Бисмарка в дурное расположение духа. «Наблюдая издали за триумфальным шествием молодого кайзера, он испытывал чувства угрюмой старой кокетки», — писал в октябре того года Гольштейн в одном из частных писем⁸. Естественно, Бисмарку трудно было приспособиться к правителю, из которого энергия была ключом и который наслаждался жизнью.

Все же в медовые первые месяцы правления стычек между канцлером и его сувереном не наблюдалось. Двойная смена императоров сократила парламентскую сессию, в 1888 году вышел только один законодательный акт (принятый незадолго до кончины Фридриха), согласно которому срок полномочий депутатов рейхстага с трех лет продлевался до пяти. Заниматься нововведениями в существующем рейхстаге Бисмарк не спешил, несмотря на то, что «Картель» в парламенте обеспечивала ему безопасное большинство. Сначала ему нужно было присмотреться и к Вильгельму II и к людям, к которым тот обращался за советом. Речь шла не только о личностях, проявлявшихся в политическом конфликте. Обоих Бисмарков беспокоило бесцеремонное отношение Вильгельма к административному протоколу. Уже произошел один многозначительный эпизод, имевший место в первую неделю июля, когда генерал фон Каприви сложил с себя обязанности главы адмиралтейства из-за того, что император посчитал возможным советоваться непосредственно с руководителем военно-морского судостроительства, предварительно не обратившись к самому Каприви⁹. Всех занимал вопрос, что будет, если Вильгельм свой неустанный энтузиазм, который он проявлял в сфере строительства кораблей военно-морского флота, решит перене-

сти во внешнюю политику и перебежит дорогу, которую семейство Бисмарков оставляло за собой.

При Вильгельме II, так же, как и Вильгельме I, Бисмарк намеревался упрочить отношения между Берлином и Санкт-Петербургом. Поэтому он с радостью для себя услышал от германского посла о благоприятном впечатлении, которое произвел император в Петергофе во время своего помпезно обставленного визита в сопровождении военных кораблей. Во всяком случае, общение с Романовыми как будто свидетельствовало о том, что Вильгельм не собирается слепо следовать военной доктрине Вандерзее относительно превентивной войны. Не поддающимися разгадке для обоих Бисмарков оказались чувства Вильгельма к британцам, странная, сдобренная эмоциями смесь восхищения, зависти и презрения, которая оставалась неизменной как в период правления, так и ссылки. Не были они уверены и в его отношении к Франции. На протяжении всего 1888 года генерал Буланже, хотя и низведенный теперь до провинциального командира, продолжал вызывать энтузиазм народа по отношению к своей необонапартистской программе. Буланжизм Бисмарк считал скорее мифом, нежели реальной угрозой, но Вильгельм II принял Буланже всерьез, сделав ему тем самым комплимент. Вероятно, причиной этому послужил тот факт, что в душе генерал был эксгибиционистом, сродни самому Вильгельму II. Бисмарк в какой-то степени оказался пленником собственной хитрости: во время выборов 1887 года он чрезмерно раздул буланжистскую угрозу; а затем за пять недель до восшествия Вильгельма на престол он, чтобы отвлечь будущего императора от Вальдерзее и русофобов из Генерального штаба, снова привлек его внимание к опасности, грозившей из-за Рейна. Раз Вильгельм

научился смотреть на французов как на своего естественного врага, то можно было точно сказать, кто был его наставником.

Все же, когда в январе 1889 года Бисмарк снова поспешил на Вильгельмштрассе, причиной тому была отнюдь не чрезмерно активная деятельность молодого императора. В тот момент, когда его отец так старательно пытался укрепить контакты с Лондоном, Герберт произвольно внес некоторую путаницу в отношения с Англией. В своей речи в рейхстаге 14 декабря Герберт несколько покровительственным тоном отозвался о готовности британцев во избежание споров сотрудничать с немцами в вопросах по Восточной Африке: «Я снискал громкое одобрение, когда похвалил старую Англию», — два дня спустя писал Герберт по-английски своему другу Розбери¹⁰. Но вся польза от этого жеста была вскоре сведена к нулю, когда разгорелся невиданный скандал, который Герберт счел возможным предать гласности незадолго до Рождества. Он вспомнил о старой обиде на сэра Роберта Мориера, британского посла в Санкт-Петербурге, и заявил, что Мориер, служивший в августе 1870 года в Дармштадте, пользовался дипломатическими каналами в Лондоне для передачи маршалу Базену сведений о передвижениях германской армии и что эти данные позволили французам предпринять действия при Мар ля Тур, когда Герберт Бисмарк получил тяжелое ранение. Прежде чем отправиться в Россию, Мориер много лет прослужил при посольстве в Берлине, и канцлер с опаской относился к его влиянию на Фридриха и его супругу, но теперь, когда на троне сидел Вильгельм II, шум из-за Мориера поднимать не стоило. Голословные утверждения Герберта Бисмарка, первоначально высказанные в тесном кругу за девять месяцев до этого, показали

настолько фантастичными, что Солсбери и германский канцлер захотели спустить их на тормозах¹¹. Тень недоверия вызвал не столько Мориер, сколько джентльмен, которого Солсбери прозвал «ненавистный Герберт». Происшествие это еще в большей степени утвердило Берлин в давно устоявшемся мнении, что сын канцлера не в состоянии взять на себя обязанности, которые намеревался возложить на него отец, к тому же это не могло способствовать уважению Лондона к методам, какими Бисмарки осуществляли германскую дипломатию. В тот момент для канцлера это стало неудачным стечением обстоятельств.

Незадолго до отъезда из Фридрихсруэ Бисмарк имел длинную беседу с Хацфельдом, который в то время был послом в Лондоне. Отправляя его к месту службы, Бисмарк просил передать Солсбери заверения в доброй воле. За два года до этого Бисмарк, чтобы косвенно связать Британию с Тройственным союзом, содействовал тому, что итальянское и австро-венгерское правительства заключили с Солсбери «Средиземноморские соглашения». Теперь в январе 1889 года явная угроза буланжистского переворота заставила Бисмарка выступить с официальным предложением создать англо-германский альянс. Он стремился к заключению открытого, а не секретного по характеру договора. В конце января Бисмарк, как и его сын шестью месяцами раньше, в речи в рейхстаге похвально отозвался о британцах: «Англию я рассматриваю как старого традиционного союзника, интересы которого не сталкиваются с нашими, — заявил он. — Я желаю сохранить с Англией дружеские отношения, которые у нас существуют вот уже сто пятьдесят лет и в колониальных вопросах тоже». (В записях заседания рейхстага сказано, что «от депутатов слева слышались выкрики «Браво!»)¹² Канц-

лер редко с таким теплом отзывался о другой Великой державе.

Предложение Бисмарка Солсбери рассматривал в течение двух месяцев. Он понимал, что гласность, которой Бисмарк хотел добиться в подписании англо-германского договора, была для английского парламента не просто подачкой. Разумно было предположить, что, если Франция будет знать о формальных обязательствах, связывающих Британию с Германией, то вряд ли решится на военное вторжение. Но к марту 1889 года буланжистская угроза (если таковая вообще существовала) перестала быть явной, поскольку популярность генерала пошла на убыль. Поэтому, когда Герберт Бисмарк в тот месяц прибыл в Лондон, он увидел, что Солсбери хорошо расположен к Германии и готов работать со средиземноморскими союзниками Германии «плечом к плечу», но предложение о создании официального альянса британское правительство отвергло. Солсбери сказал Герберту, что не может заключить такое соглашение, поскольку не уверен в большинстве голосов в парламенте. Отсутствие ответа нанесло удар личному положению канцлера. Подписание англо-германского договора, о котором публично было объявлено, могло существенно укрепить начавшую увядать популярность династии Бисмарков, и стать сдерживающим фактором для французских шовинистов. С наступлением весны 1889 года канцлер нуждался в успехе того или иного рода. Медовый месяц правления нового монарха близился к концу, и враги Бисмарка в Берлине уже замыслили против него заговор. Один из них, Адольф Штёкер, проявлял такую открытую враждебность, что Бисмарку не стоило никакого труда добиться запрета на политическую деятельность пастора, но он недооценил влияния Штёкера на берлинское общество. К

тому же, похоже, канцлер решил, что Вальдерзее, наконец занявший место главы Генерального штаба вместо ушедшего в отставку Мольтке, оставил идею создания военной иностранной службы, которая так рассердила Бисмарка в 1887 году. Но восшествие на трон Вильгельма II еще больше увеличило амбиции Вандерзее, и гнев канцлера для него больше ничего не значил¹³.

К весне 1889 года Вандерзее регулярно снабжал императора рапортами военных атташе, присылаемыми из-за границы в обход разведки при министерстве иностранных дел. «Я в любое время могу представить Его Величеству ту или иную политическую информацию», — говорил он военному атташе в Риме, но в большей степени его интересовали новости с Востока¹⁴.

В своих беседах с Вильгельмом II он утверждал, что Россия быстро перевооружается, заказывая вооружение во Франции и создавая в Польше новые военные склады, стягивая военные силы к наиболее уязвимой германской границе. Вандерзее ничего не стоило убедить императора в том, что дружба с Россией нереальна и что канцлер живет понятиями двадцатилетней давности. Утверждения Вандерзее казались тем более весомыми, что Бисмарк в своих последних речах все чаще и чаще ссылался на шестидесятые и даже более ранние годы. Германский посол в Турции, принятый императором в Берлине в апреле того года, заметил, что Вильгельм с подозрительностью относится к России. «Если Бисмарк не согласится с нами в русском вопросе, — сказал император, — тогда нам придется расстаться».

Консерваторы из политической оппозиции Бисмарка вскоре после восшествия на трон Вильгельма решили, что в присутствии императора никогда не

будут делать прямых замечаний в адрес канцлера. Они считали, что с их стороны будет прозорливее вести политику, которая могла вызвать гнев Бисмарка и спровоцировать его подать в отставку. Впервые тактику изгнания Бисмарка они применили в мае 1889 года. Хотя Гольштейн в министерстве иностранных дел и Вандерзее в Генеральном штабе знали о ведущихся интригах, конфликт все же разыгрывался не вокруг дипломатических или военных дел, а на социальной почве. Той весной грозила остановка производства в крупном промышленном поясе Вестфалии.

Тяжелое положение было вызвано забастовкой шахтеров на угольных шахтах Рура. Условия работы там были такими же отсталыми и тяжелыми, как на британских шахтах сорок лет назад. Несмотря на прогрессивные взгляды в отношении страхования рабочих, Бисмарк, как это ни странно, консервативно относился к полемике относительно условий труда и продолжительности рабочего дня. Ограничение продолжительности рабочего дня, запрет принимать на работу женщин и детей означал, по его мнению, уменьшение еженедельной денежной суммы, получаемой рабочим и его семьей. В то, что предпринимателей можно удержать в узде, он никогда не верил.

Несмотря на то, что за забастовщиками не стояло хорошо организованного союза, их лидеры сумели поднять за собой 150 000 — 200 000 рабочих. В этом деле Бисмарк имел личную заинтересованность, поскольку некоторые шахтерские комплексы финансировались Блейхредером, его банкиром. К тому же канцлер был основным покупателем леса из его частных владений. По этой причине на беспорядки в Руре он, как политик, склонен был не реагировать.

Он полагал, что владельцам шахт требовалось только проявить твердость и дождаться того момента, когда голод и нищета заставят забастовщиков сдаться.

Но у Вильгельма II на этот счет имелось другое мнение. В молодости ему часто доводилось посещать заводы и шахты Рура. В этих поездках наследника неизменно сопровождал его главный наставник, Георг Гинцпетер, уроженец Вестфалии. Взойдя на трон, Вильгельм продолжал обращаться за советом к своему бывшему учителю. Гинцпетер был убежденным кальвинистом, который придерживался взглядов «христианских социалистов» Адольфа Штёкера и недолюбливал Бисмарка. Еще меньше симпатии испытывал он к Блейхредеру. 14 мая по собственной ли инициативе или с подачи Гинцпетера Вильгельм неожиданно прервал сессию прусского правительственного совета, проходившую под председательством Бисмарка. Действуя в этом случае как король Пруссии, император приказал министрам позаботиться о том, чтобы забастовка в Руре была урегулирована. Если возникнет необходимость, сказал он, придется заставить владельцев шахт удовлетворить требования забастовщиков. После этого Вильгельм покинул собрание, и Бисмарк вслух посетовал, что его суверен является опасно импульсивным молодым человеком, склонным навязывать деспотические решения в управлении жизнью в Пруссии, как если бы он был Фридрихом Вильгельмом I. В течение нескольких дней с забастовкой шахтеров было покончено¹⁵.

Бисмарка в высшей степени рассердило поведение Вильгельма, нарушившего конституционный протокол. Но он не проглотил предложенную ему наживку интриги и не подал в отставку. Вместо этого в конце мая он опять удалился в Фридрихсруэ и большую часть времени на протяжении пяти месяцев провел за

пределами столицы. Но все это время он не оставался бездейственным. Он позаботился о том, чтобы во влиятельной газете Гамбурга «Норддойче Альгемайне Цайтунг» стали появляться статьи с нападками на Вандерзее¹⁶. Предпринятая атака, достигшая апогея 7 июля, заставила главу Генерального штаба вести себя более осмотрительно и до конца года проявлять осторожность. С Бисмарком он, правда, не помирился. Одновременно канцлер начал изучать политическую обстановку, сложившуюся в рейхстаге. Он хотел оценить свои позиции на следующих выборах, которые должны были пройти в феврале 1890 года. Следовало ли ему оказывать поддержку «Картелю» в надежде, что партии консерваторов и национал-либералов сумеют повторить свой триумф 1897 года и стать его опорой в рейхстаге? Или следовало попытаться построить свою будущую политику на иной основе, скажем, на союзе умеренных консерваторов и партии «Центра»? Император уже неоднократно давал понять, что рассматривает «Картель» в качестве естественного фундамента правительства. Вандерзее, менее, чем его суверен, склонный предавать гласности свои убеждения, в частной беседе с партийными лидерами, также обмолвился, что благоволит «Картели». Но Бисмарку в первую очередь нужно было определить, не кто его политический союзник, а кто является его внутренним врагом — католическая церковь, как раньше, рабочие, Генеральный штаб, или появился новый объект — дворец? В течение недель, проведенных в Фридрихсруэ и Варцине, ему было над чем подумать и что проанализировать.

Все же принятое канцлером в конце мая решение удалиться из Берлина оказалось тактической ошибкой. Он уже спровоцировал начало споров по вопросам внешней политики, которые оказались достаточ-

но серьезными и продемонстрировали глупость правительства. В апреле швейцарские власти арестовали немецкого полицейского инспектора по имени Вольгемут. Причиной для ареста послужил его откровенный интерес к деятельности ссыльных анархистов и социалистов, находившихся на территории Швейцарии. Бисмарк обратился с жалобой к правительству Швейцарии и уполномочил посла в Санкт-Петербурге устроить в Берне встречу российско-германских представителей. Цель ее состояла в том, чтобы надавить на швейцарцев и заставить их более строго относиться к иностранцам, занимавшимся на родине подготовкой революции. Но в отсутствие Бисмарка чиновники из министерства иностранных дел в споре со Швейцарией инициативу из рук выпустили. Вдоль границы ужесточились таможенные требования, и один переход вообще закрыли. Эти меры рассердили германских либералов с южных границ страны, которые со своими швейцарскими соседями прежде никогда не ссорились; торговля Бадена, Вюртемберга и Баварии понесла существенные потери. Великий герцог Баденский Фридрих, дядя молодого императора по линии жены, всегда восхищался политикой Бисмарка, но теперь дело Вольгемута и последовавшая психологическая война со Швейцарией положили конец его приверженности канцлеру. Великий герцог был тем человеком, которого Вильгельм II уважал; личный представитель герцога в Берлине, Маршалл фон Биберштейн был одним из наиболее способных посланников малых государств. Поэтому Бисмарк не мог допустить, чтобы его врагом стал такой влиятельный при дворе человек, каким являлся великий герцог Баденский¹⁷.

В июле Герберт Бисмарк признался великому герцогу, что не понимает поведения своего отца.

Одного дела Вольгемута уже было достаточно для сожаления, но прежде чем оно разрешилось, критически настроенные к Бисмарку люди выкопали другое. Российское правительство, чтобы закончить строительство стратегически важной железнодорожной сети на Украине и в Польше, для превращения ценных бумаг в деньги собиралось обратиться в Германскую фондовую биржу. Главным агентом в этой сделке был Блейхредер, давно специализировавшийся на ведении дел с Россией. Как только об этих намерениях стало известно Вандерзее, он тотчас поставил в известность императора. Того и самого давно тревожил объем российского капитала, хранившегося в банках и у частных инвесторов Германии. Вильгельм отправил Бисмарку в Фридрихсруэ депешу, в которой настоятельно посоветовал ему предостеречь германский народ относительно российских ценных бумаг и остановить операции Блейхредера по конвертации. Бисмарк счел возможным возразить, что экономическое давление такого рода может быть воспринято русскими как проявление враждебности, и это заставит их обратиться за финансовой поддержкой к Франции, что в свою очередь откроет дорогу к франко-русскому политическому и военному сотрудничеству. Но Вильгельм оставался непоколебим. Проконсультировавшись с Блейхредером, Бисмарк сообщил императору, что, поскольку остановить операции по конвертации российских ценных бумаг на Берлинской фондовой бирже не в состоянии, он начнет неофициальную прессинговую кампанию среди германских инвесторов, направленную на то, чтобы предостеречь их против покупки российских облигаций. Вильгельм II был удовлетворен: он чувствовал, что снова одержал над канцлером победу и на этот раз в вопросе, из-за которого Вандерзее и Генераль-

ный штаб проявляли вечное недовольство. Кроме того, император был рад тому, что сумел расстроить махинации этих ловчил-дьяволов — еврейских банкиров. Все же этот случай вселил в его душу подозрительное отношение к Блейхредеру и его деятельности¹⁸.

Затем последовали и другие случаи разногласий между канцлером и монархом. Духовные власти Баварии давно добивались разрешения вернуть в Германию один из религиозных орденов, который наряду с иезуитами был изгнан из страны в разгар «Культуркампф». Бисмарк против этого возвращения в принципе не возражал: он говорил Герберту о возможности папской поддержки в польском вопросе и надеялся, что этот жест будет с радостью встречен в Южной Германии и сможет способствовать урегулированию печальных последствий дела Вольгемута. Но мысль о том, что монахи вернутся не только в Баварию, но и в области Пруссии, где исповедовалась римско-католическая вера, вызвала в Вильгельме пыл протестанта. Поддерживаемый Гинцпетером император заявил о своем категорическом несогласии с предложением. В качестве довода он заявил, что если в этом году разрешить вернуться одному ордену, то на следующий год всеми правдами и неправдами захотят вернуться и иезуиты. Готовность канцлера, зависевшего в рейхстаге от «Картели», пойти на уступку католикам показалась Вильгельму примером нелогичного поведения — при условии, конечно, что канцлер не собирается выйти из существующей правительственной коалиции. У самого Вильгельма сомнений на счет собственной позиции в этом вопросе не осталось: 2 октября в официальном бюллетене «Рейхсанцайгер» появилось формальное заявление, что Его Величество откровенно поддерживает «Картель»¹⁹. Через три дня,

несмотря на продолжавшееся отсутствие председателя, в Берлине собрался Прусский государственный совет, на котором приняли решение, не разрешавшее монахам вернуться в Пруссию.

Было странно, что в такое время Бисмарк продолжал оставаться у себя в поместье. В столице он впервые объявился только в первую неделю октября. Но причиной этого послужили не дела внутренней политики. 11 октября в Берлине начинался трехдневный визит царя. Свое присутствие Бисмарк считал обязательным. Нужно было успокоить русских, чувствовавших враждебное к ним отношение со стороны клики Вандерзее. Поведение Вильгельма II не могло желать лучшего. Во время званного обеда император предложил тост за продолжение более чем столетней дружбы между Романовыми и Гогенцоллернами. В этот момент он ощущал в себе особый солдатский энтузиазм, поскольку снисходительный Вандерзее на осенних маневрах позволил ему одержать победу. Большую радость доставило Вильгельму приглашение Александра III в следующем году посетить Россию для ознакомления с царскими армиями в условиях полевых маневров. Бисмарка визит царя несколько разочаровал. Не ускользнул от его внимания холодный прием, который оказали жители Берлина своим русским гостям. Бисмарку так хотелось оказать на царя благоприятное впечатление, что он впервые за двадцать лет отправился в оперный театр и мужественно от начала до конца просидел на опере Вагнера, хотя этого композитора не любил. Он развеял тревоги царя относительно враждебного отношения Вандерзее, а также воспротивился намерению Вильгельма II в ноябре с помпой посетить Константинополь. Но Александр и его свита видели, что Бисмарк больше не в состоянии контролировать события. Они замети-

ли, как быстро канцлер состарился. Он казался таким слабым, что Александр, принимая его у себя, предложил канцлеру стул, в то время как сам остался стоять. Александр, может быть, несколько грубовато спросил его, насколько уверен он в том, что еще несколько лет сумеет продержаться в должности канцлера. Вопрос этот привел Бисмарка в смущение, но старый политик дал понять, что собирается умереть на посту и делать это пока не торопится. Царя, задавшего вопрос, состояние здоровья Бисмарка, вероятно, интересовало в меньшей степени, чем решил тот, давая ответ.

Александр покинул Берлин 13 октября. Через пять дней Вильгельм в сопровождении Герберта отправился сначала в Афины, а оттуда в Константинополь. На другое утро канцлер поспешно выехал в Фридрихсруэ: полутора недель на Вильгельмштрассе оказалось для него более чем достаточно. Весь остаток года он провел за пределами столицы. Если он хотел проконсультировать партийных лидеров или послов, им приходилось садиться на гамбургский экспресс и минимум день и две ночи оставаться в Фридрихсруэ в качестве гостей канцлера. Когда Кальноки, — вот уже девять лет пребывавший на посту министра иностранных дел Австрии, — выразил в ноябре желание обсудить с Бисмарком состояние дел в Тройственном союзе, ему, чтобы повстречаться с Бисмарком, тоже пришлось предпринять путешествие на север Германии. Никогда еще стиль правления канцлера не был до такой степени окружен покровом тайны, как в последние месяцы его власти.

Никто в Берлине не сомневался в том, что неисправимый фокусник готовит новые трюки. В 1887 году он сочинил миф об иностранной угрозе из-за Рейна, который во многих отношениях походил на

кризис, имевший место за двенадцать лет до этого. Теперь казалось, что выборы 1890 года должны были стать повторением 1878, когда канцлер явился во втором любимом образе — защитника церкви и семьи от красного социализма и анархии. Во время забастовки рурских шахтеров в мае 1889 года он попросил рейхстаг одобрить план, согласно которому государство должно осуществлять помощь в создании фонда пенсий по старости. Этот пункт его программы социального обеспечения «Картель» приняла большинством голосов, внося, правда, множество поправок. Но, как всегда бывало при Бисмарке, уступки шли рука об руку с репрессиями. В октябре он одобрил проект антисоциалистического закона, назначение которого состояло в том, чтобы сделать постоянными «исключительные меры», обновляемые каждые три года после принятия их рейхстагом в 1878 году. В законопроекте содержался параграф, в котором предусматривалась ссылка социалистов-агитаторов за пределы страны. Это предложение вызвало сильное сопротивление со стороны национал-либерального «охвостья» правительственной коалиции. Консерваторы отстаивали строгие антисоциалистические меры. Партия «Центра» тоже была готова поддержать их, если бы канцлер пошел на уступки в религиозном вопросе. Пока император находился в Константинополе, Бисмарк заверил лидеров партии «Центра» в том, что будет добиваться освобождения священнослужителей от военной службы и пообещал заставить своих прусских коллег согласиться с этой мерой. Но как бы много слов не было произнесено им о своем желании сохранить «Картель», мало кто из наблюдателей поверил ему. К концу года повсеместно считалось, что «Картель» стал «коалицией кайзера», а не Бисмарка²⁰.

Вернувшись из Турции, Вильгельм с головой окунулся в политику. Он внес предложение подготовить черновой план закона, регламентирующего продолжительность дня и условия работы на шахтах и заводах, в котором в первую очередь должны защищаться права женщин и детей. Генрих фон Беттихер, статс-секретарь по внутренним делам, был удивлен внезапным проявлением активности императора в области трудового законодательства. Поскольку номинально фон Беттихер являлся помощником канцлера, он считал необходимым отправиться в Фридрихсруэ и обрисовать Бисмарку сложившуюся ситуацию. Потом последовал один бестолковый эпизод, который мог возникнуть в результате неправильной оценки ситуации в Фридрихсруэ, но вину Бисмарк возложил на самого статс-секретаря. Личный секретарь канцлера настоятельно попросил Беттихера не предпринимать поездки, поскольку Бисмарк был нездоров. Это соответствовало действительности: в письме сестре он жаловался на астму, невралгию и ревматизм. Не понятно только, почему меморандум по социальным вопросам, отправленный Беттихером в Фридрихсруэ, Бисмарку не показали. Герберт информировал отца по всем дипломатическим и военным делам. Но он, похоже, проглядел важность последней идеи императора, превратившейся в навязчивую. Только 7 января 1890 года, когда Беттихер наконец прибыл в Фридрихсруэ, Бисмарк узнал, в какой мере волновало Вильгельма трудовое законодательство. Но это не произвело на него должного впечатления: такой «гуманистический вздор» только усилит недовольство среди городских масс, сказал он Беттихеру²¹. Как только он вернется в Берлин, сразу заставит императора забыть об этой чепухе. Но отправиться в столицу тотчас канцлер отказался: Герберт заверил отца, что

в его присутствии необходимости не было; свой совет оставаться в деревне он повторил снова, когда приехал навестить отца в конце следующей недели.

Вильгельм II начал терять терпение. Он не хотел возвращения Бисмарка в Берлин, где в рейхстаге тот будет снова встречаться с лидерами противоборствующей партии, но он был исполнен решимости навязать правительству свою социальную программу до выборов, которые планировалось провести в феврале. Утром в среду 23 января в Фридрихсруэ была отправлена телеграмма, в которой сообщалось, что канцлера просят присутствовать на королевском совете в шесть часов вечера следующего дня. Император полагал, что будет лучше, если свои идеи он представит на рассмотрение совета до того, как Бисмарк успеет заставить его членов ходить по струнке.

Канцлер приготовился к сражению. Настроенный самым агрессивным образом, на Вильгельмштрассе он прибыл в четверг во второй половине дня. «В ожидании Юпитера» министры, как всегда, находились в состоянии «ужасного трепета» (если использовать образную метафору Эйленбурга). По прибытии канцлер тотчас созвал собрание. Участники собрания договорились, что ко всем предложениям Вильгельма государственный совет отнесется со сдержанным вниманием, отложив вынесение окончательного решения до более детальной проработки вопроса. После чего министры послушно отправились за «Юпитером» во дворец²².

Заседание совета проходило не так, как рассчитывал Вильгельм. Он обратился к членам совета с красноречивым выступлением, в котором просил улучшить условия работы на фабриках и заводах. Монарх хотел, чтобы имперский манифест вышел в свет до проведения выборов, чтобы его подданные увидели,

что их монарх «близко к сердцу принимает заботу о благосостоянии рабочих и готов оказать им помощь», одновременно Вильгельм призывал их к законопослушанию, решительно указывая, что «за каждым актом правонарушения будет следовать наказание». После чего совету была зачитана программа реформ, включавшая ограничение работ в воскресные дни и ограничение использования труда женщин и детей. Бисмарк, начавший говорить сдержанным тоном, просил дать время, чтобы изучить предложения более внимательно. Но, так как Вильгельм настоятельно просил, чтобы решение этого вопроса не откладывалось в дальний ящик, канцлер начал кипятиться. Он красочно расписал, как опасно будоражить рабочих накануне выборов. В этот момент Беттихер спросил, когда будет распущен рейхстаг. Вильгельм собирался распустить рейхстаг на другой день, но надеялся, что к этому времени парламент закончит третье чтение антисоциалистического законопроекта. Император высказал сомнение по спорному пункту, в котором говорилось о высылке агитаторов из страны, и попросил исключить его, чтобы сохранить национал-либералов и умеренных консерваторов в составе «Картели». Но Бисмарк твердо стоял на своем: никакого компромисса, никакого примирения, никакого «припускания флага». Антисоциалистический законопроект останется без изменения. Если рейхстаг отвергнет его, он после выборов новой палаты пойдет на еще большее ужесточение мер и поставит смутьянов на место. Императору придется либо молча созерцать длительную борьбу против губительного для устоев общества социализма, либо поискать себе другого канцлера²³.

Первый раунд Вильгельм проиграл. Пока к отставке Бисмарка он еще готов не был. Все же, как

подчеркивал император, ему не хотелось первые годы своего правления омрачать кровью рабочих. Вильгельм в отчаянии обратился к министрам королевского совета. Но они, как и всегда, поддерживали Бисмарка. Наиболее наблюдательный из его министров Луций Бальхгаузен написал в своем журнале: «Мы расстались, так и не разрешив наших противоречий. Мы чувствовали, что между канцлером и его государем возникла невосполнимая брешь. Конечно, Его Величество пытался делать вид, что хорошо относится к канцлеру, но внутри у него все кипело. По крайней мере, он сохраняет над собой полный контроль»²⁴.

В последующие четыре недели трещина между ними продолжала расти. Первой реакцией Вильгельма стало желание попытаться найти потенциального преемника. Вандерзее как политик был чересчур реакционным и неумеренно амбициозным. Только спустя пять дней после королевского совета великий герцог Баденский узнал от своего посланника о том, что следующим канцлером рейха будет генерал Каприви; 1 февраля Каприви на самом деле был вызван из Ганноверского дворца, и император объявил ему, что рассматривает возможность его назначения на этот пост²⁵. Идея эта была вполне здоровой. Каприви считался человеком, способным удержать в согласии и сторонников Бисмарка, и военачальников, поскольку уважение к нему испытывали и те, и другие. Подав в 1888 году в отставку из-за несоблюдения административного протокола, он доказал Вильгельму, что является не просто военным авторитетом, а министром, искренне верившим в соблюдение конституционных форм. Несмотря на тот факт, что к подобной перспективе Каприви отнесся без энтузиазма, Вильгельм тем не менее получил в руки козырь, который мог

предъявить Бисмарку в случае новой угрозы канцлера подать в отставку.

Бисмарк о поступившем Каприви предложении ничего не знал. Сначала события развивались именно так, как он и предполагал. 25 января рейхстаг отверг антисоциалистический законопроект. Вильгельм распустил ассамблею и объявил о том, что выборы состоятся 20 февраля. Однако 31 января произошел странный инцидент, когда император вдруг прервал собрание прусских министров (как это уже произошло во время рурской забастовки) и потребовал, чтобы канцлер ответил ему, собирается ли удовлетворить его желания по трудовому законодательству. Бисмарк заверил его, что подготовка двух манифестов, на которых настаивал Вильгельм, осуществляется под его личным контролем: однако он забыл добавить, что перо его работало над ними с такой же вольностью, как над Эмской депешой. В официальном бюллетене от 4 февраля было помещено две декларации: одна заверяла германский народ в стремлении их правителя усовершенствовать трудовое законодательство; вторая была представлена в форме приглашения, с которым германский император обращался к правительствам Европы прислать своих представителей на международную конференцию по труду, которую следовало созвать в Берлине в марте того года. Подпись Бисмарка, как правило, скреплявшая все подобные документы со дня установления империи, на декларациях отсутствовала, и никто за пределами прусского правительства не знал, что резкий и почти радикальный тон императорских прокламаций является в большей степени делом рук самого Бисмарка, чем Вильгельма. Как это ни покажется странным, но отсутствие подписи канцлера и редакторская правка не вызвали у императора никаких вопросов²⁶.

Невзирая на тот факт, что Вильгельм одобрял проводимую «Картелью» политику, выборы в рейхстаг стали для него поражением. Наибольшую сплоченность продемонстрировала партия «Центра», в то время как наибольшее количество голосов набрали социал-демократы. Трудовое законодательство императора усилило «респектабельность» социализма, но границы избирательных округов были проведены таким образом, что полтора миллиона избирателей, голосовавших за социал-демократов, сумели вернуть в парламент только тридцать пять членов. Результаты выборов Бисмарк не был склонен рассматривать как свое поражение. Он уже настроился на создание коалиции между консерваторами и «Центром». Результаты избирательной кампании подтвердили его ожидания. Император оказался перед необходимостью пойти католикам на уступки. Через пять дней после выборов между Вильгельмом II и Бисмарком состоялась длинная беседа, во время которой они обсуждали будущую законодательную программу вновь избранного рейхстага²⁷. Но они оба не поняли друг друга. Бисмарк полагал, что императора всерьез беспокоит угроза социализма, и по этой причине в случае, если во главу угла он поставит вопрос о трудовом законодательстве, Вильгельм позволит ему обратиться к репрессивным мерам и увеличить ассигнования на военные нужды. Вильгельм II, в свою очередь, верил, что канцлер собирается удовлетворить два его основных требования: провести социальные реформы и увеличить армию. Они оба считали, что на социализм «не поддадутся»; Бисмарк — потому что намеревался запретить его пропаганду, Вильгельм — потому что верил, что улучшение условий жизни рабочих развеет притягательность революционной догмы.

Но примирение продлилось не более нескольких дней. Вильгельм видел, что Бисмарк замышляет против него интриги. Когда накануне выборов канцлер навестил вдовствующую императрицу, Вильгельм скорее обрадовался, чем огорчился, хотя хорошо понимал, что ничего хорошего о нем они не скажут. Из себя его по-настоящему вывели неловкие попытки канцлера расстроить международную конференцию по труду, которую кайзер намеревался провести. Он узнал, что Бисмарк рекомендовал иностранным послам в Берлине посоветовать своим правительствам отклонить приглашение Вильгельма, сославшись на то, что они уже приняли приглашение участвовать в подобной конференции в Швейцарии. Более того, в тот самый день, когда состоялось их видимое примирение, Бисмарк издал меморандум, запрещающий вносить предложения по защите труда до завершения конференции, проведение которой планировалось в конце марта. Еще, по-видимому, от Беттихера Вильгельм узнал, что 2 марта Бисмарк напомнил членам прусского правительства о том, что согласно указу, регламентирующему работу кабинета, изданному еще Фридрихом Вильгельмом IV в 1859 году, им запрещалось ведение дел непосредственно с кайзером, минуя главу правительства. Спустя два дня император направил Бисмарку дворцовый приказ, в котором запретил проводить антисоциалистическое законодательство. К его удивлению, Бисмарк тотчас пошел на попятную. Даже имея такой малый опыт работы с канцлером, император понял, что у канцлера для такого случая, по всей видимости, припасен другой выход, иначе он с такой готовностью никогда бы не пошел на удовлетворение требований своего суверена.

К этому моменту тактика отца не на шутку встревожила обоих сыновей Бисмарка. Младший считал,

что примирения между монархом и канцлером быть не может: «Я все больше и больше опасаясь, что окажусь прав, полагая, что дольше лета они вместе не просуществуют», — сказал он 2 марта Гольштейну²⁸. Герберт тем временем старался заниматься внешней политикой Германии. В частности, он пытался определить странное настроение русских, которые 27 февраля внезапно отозвали из Берлина своего посла и, как выяснилось, обратились к Франции за крупным денежным займом. Но здоровье его было настолько расстроенным, что он почти в такой же степени зависел от доктора Швеннигера, как и его отец, — строгости внутреннего распорядка министерства утомляли его, и ему не доставало силы воли, той странной, прямо-таки демонической энергии, которой обладал канцлер. 5 марта Герберт отправил своему зятю, графу Ранцау, мрачную записку. Написана она была по-английски, по-видимому, для того, чтобы застраховаться от любопытных слуг: «Мы все больше теряем почву под ногами, и теперь уже совершенно бесполезно пытаться справиться с уже давшими корни проклятыми промахами», — писал он²⁹.

Оставшись наедине с собой, его отец тоже уже начал сомневаться относительно будущего. В конце недели 8-9 марта он повстречался со своим банкиром Блейхредером. В первые часы следующей недели Блейхредер ликвидировал все крупные вклады Бисмарка в акции германского правительства и по сходной цене купил государственные облигации Египта³⁰. Но канцлер по-прежнему продолжал вести борьбу, с помощью своего банкира он установил связь с лидерами партии «Центра». 12 марта в своей официальной резиденции Бисмарк принял Виндхорста и наконец сделал попытку создать коалицию, куда бы вошли представители консерваторов и партии «Центра». Но

Виндхорст потребовал привилегий для римско-католической церкви, на что Бисмарк не мог пойти даже в своем теперешнем положении. Беседа не принесла никаких плодов. «Я побывал у смертного, в политическом смысле, ора великого человека», — вспоминал впоследствии Виндхорст.

Император, услышав о встрече, впал в бешенство. Причин для досады у него имелось более чем достаточно. Сотрудничать в вопросе организации международной конференции по труду канцлер по-прежнему упрямо отказывался. 13 марта он одобрил подготовленную военным ведомством директиву, согласно которой социалистических агитаторов следовало держать под стражей в камерах для военных преступников; еще он с одобрением встретил план по использованию армии для подавления беспорядков, организуемых социалистами. Вильгельм не без оснований полагал, что во время проведения международной конференции будут провоцироваться выступления рабочих. Открытие ее должно было состояться в субботу 15 марта в том самом конференц-зале, где проходил большой Берлинский конгресс. Император не мог позволить Бисмарку поставить себя в неудобное положение. Поздно вечером в пятницу он отправил Бисмарку записку, в которой уведомил, что в субботу утром сам лично появится в канцелярии³¹.

Записку Бисмарк получил только после того, как отправился спать. На другое утро, когда прибыл император, он все еще находился в постели. Пока он одевался, им все больше овладевал гнев. То же можно было сказать и о состоянии Вильгельма. Кайзеру не терпелось узнать, по какому праву Бисмарк принимал у себя Виндхорста, предварительно не поставив в известность своего монарха. Почему он заигрывал с «евреями и иезуитами»? Зачем он «откопал» указ 1852

года? Его давно следовало списать со счета, ибо монарх имеет право обсуждать дела со своим кабинетом министров, «если каждый год большую часть времени вы проводите в Фридрихсруэ». Бисмарк попытался спрятать некоторые из лежавших на его письменном столе бумаги. Заметив это, Вильгельм потребовал показать их ему. Бисмарк запротестовал, тогда Вильгельм самовольно взял одну из них и прочитал. Это была конфиденциальная записка из Санкт-Петербурга, в которой высказывалось мнение царя. На прощание Вильгельм бросил канцлеру, чтобы тот позаботился об отмене указа по кабинету министров от 1852³².

После обеда того же дня император принял Вальдерзее. Начальник Генерального штаба пожаловался на неуклонно миролюбивую политику канцлера по отношению к России. Вильгельм попросил Вальдерзее развить свою мысль более подробно. В конце концов из-за того, что Бисмарк отказался поддержать военных, те решили пойти на долговременную осаду Бисмарка. В завершение Вальдерзее честно признался кайзеру, что не видит основания для того, чтобы оставлять канцлера на его посту. На другой день император занимался изучением рапортов о перемещении русских армий на Украине. Они были присланы в Берлин германским консулом из Киева. Помещенные в них сведения, похоже, подтверждали точку зрения Вальдерзее. Канцлеру тотчас была отправлена срочная депеша, в которой говорилось, что он не потрудился обратить внимание императора «на эту ужасную опасность, угрожающую нам». В тот же день к Бисмарку прибыл один из военных помощников императора. Цель его визита состояла в том, чтобы узнать, отменил ли он указ по кабинету министров от 1852 года. Бисмарк пояснил, что не может согласить-

ся с этим распоряжением, поскольку в противном случае подорвет власть главы правительства. В понедельник утром военный помощник прибыл снова. Бисмарк был поставлен перед дилеммой: либо отменить пресловутый указ, либо подать прошение об отставке. Не получив от канцлера никаких известий, император тем же вечером отправил к нему своего представителя. Тот должен был узнать у Бисмарка, почему прошение об отставке во дворец так и не поступило. Наконец во вторник 18 марта Бисмарк направил императору официальное прошение об отставке. Заявление было тщательно составлено, и в нем ни слова не говорилось ни о антисоциалистическом законе, ни о праве принимать Виндхорста по собственному усмотрению, ни о взглядах на отношения с рабочими. Основной упор в нем делался на необходимость соблюдать конституционные нормы (что проявилось в его приверженности к указу по кабинету министров от 1852 года) и, в большей степени, на необходимость сохранить мир в Европе и не спешить поддаваться паническим настроениям Генерального штаба, которые могут спровоцировать военную угрозу. Два дня спустя отставка Бисмарка была официально принята. Германия и весь мир узнали об этом из официального бюллетеня в четверг вечером 20 марта. В нем печаталось любезное послание Вильгельма II, в котором тот сетовал, что желание канцлера выйти в отставку принимает «глубоко взволнованным» и «с тяжелым сердцем». Текст письма Бисмарка напечатан не был.

Последовало девять дней политического междуцарствия. На международной конференции по труду, проводившейся в бальном зале дворца Радзивиллов председательствовал прусский министр торговли. Но внимание публики было рассеянным. После двадцати

семи лет доминирующего положения на дипломатической сцене Бисмарку под занавес следовало сделать несколько обязательных визитов. Этот ритуал он выполнил с достоинством и пафосом. Напоследок он возложил три розы на саркофаг Вильгельма I в Шарлоттенбурге, нанес визит вежливости вдове Фридриха III, где выслушал от нее выражение признательности, и с генералом Каприви, принявшим из его рук бразды правления, в грандиозной процессии проследовал во дворец. Там Вильгельм II удостоил его титулом герцога Лауенбургского («Титулом я буду пользоваться во время путешествий инкогнито», — заявил канцлер.) и присвоил звание генерал-полковника с пожалованием должности фельдмаршала. «Отец сказал, что все было очень странно, — написал Герберт Розбери. — Император называет канцлером своего лучшего генерала, а своего лучшего канцлера — фельдмаршалом»³³.

В канцелярию еще несколько дней продолжали поступать телеграммы с выражением признательности, визитные карточки и цветы. Бисмарку произвольно пришла в голову ассоциация с похоронами. Трудно было найти время для всех посетителей, и принять он смог далеко не всех желающих — например, лютеранского пастора с проповедью на тему «Возлюби врагов своих», присланного Иоганной, воспылавшей религиозной самоотверженностью, достойной королевы Елизаветы I, он отправил восвояси. С большим уважением встречал он отпрысков королевской фамилии и партийных лидеров. Среди гостей оказалось два неожиданных — принц Уэльсский и его второй сын (будущий Эдуард VII и будущий Георг V), находившиеся в тот период в Берлине с визитом. Принц Уэльсский, как написал его официальный биограф, пришел навестить смещенного канцлера из

чувства «обычного любопытства». Его интересовало, насколько хорошо сумеет бывший канцлер скрыть свой гнев по отношению к Вильгельму и как станет говорить о несчастьях, ожидающих Германию и Европу, обездоленных без его чуткого руководства. Со своей стороны, принц Георг таких тонкостей не заметил — в его дневнике о Бисмарке нашлось единственное замечание: «По-английски он говорит превосходно»³⁴.

В субботу 29 марта Бисмарк в последний раз покинул свою официальную резиденцию и сопровождаемый толпами поклонников направился в сторону вокзала, где его ждал почетный караул и военный оркестр из собственного полка. Смешавшись с толпой, вслед отходившему поезду приветственно махали многие важные сановные особы. Бисмарк стоял у окна вагона. Император, конечно, отсутствовал³⁵. Но о молодом хозяине Бисмарку забыть не дали. В следующий вторник под торжественную музыку местных оркестров в Фридрихсруэ он отмечал свое семидесятипятилетие. Из дворца прибыл подарок — Бисмарк обнаружил, что для полного счастья и успокоения в своей вынужденной отставке ему не хватало только увеличенного портрета своего монарха. Впервые в жизни он не нашелся что сказать.

ГЛАВА 16

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ

«Не могу же я бездельничать, как залегший в спячку медведь», — посетовал Бисмарк вскоре после возвращения в Фридрихсруэ¹. Он занялся тем, что наслаждался конными, автомобильными и пешими прогулками по имению, с удовольствием наблюдал за веселыми выходками детей своей дочери Марии, интересовался благосостоянием крестьян и их семей из окрестных деревень, проживавших на территории его поместья. Он был слишком зол и полон энергии, чтобы принять отставку спокойно. Когда он оставался еще при делах, то бегство в Фридрихсруэ воспринимал как приятное манкирование службой. За ним сюда устремлялись послы, министры и государственные сановники. Заканчивалось все тем, что приземистый двухэтажный особняк у гамбургской железной дороги становился центральным командным пунктом, откуда осуществлялось руководство всеми делами Европы. Теперь же, летом 1890 года, его не навещил ни один политик. На станции Фридрихсруэ экспрессы остановок по требованию больше не делали. Временами бывшего канцлера одолевала невыразимая тоска и скука.

Свое состояние он переносил бы лучше, если

бы отправился путешествовать. Лорд Розбери пригласил Герберта в Англию, надеясь, что тот приедет в компании отца. Но Бисмарк, достигший семидесяти пяти лет, больше не испытывал желания пересекать Северное море, и в Англию Герберт отправился один². Сказать, что Бисмарк никуда не ездил, нельзя. Иногда он все же совершал поездки. В августе, как обычно, он отправился в Киссинген. И на этот раз его встретили с воистину королевскими почестями. Но отставной политик не испытывал больше желания видеть новые места или радоваться свежими впечатлениями. Он хотел только одного — мести «амбициозным и бесталанным интриганам», которые, как он полагал, настроили против него его суверена.

Вернувшись из Киссингена, Бисмарк начал работать над своими мемуарами. В сентябре в Фридрихсруэ его посетил Лотар Бюхер, прослуживший в министерстве иностранных дел в должности советника двадцать два года из двадцати восьми лет пребывания Бисмарка во главе ведомства. На протяжении всей холодной зимы он пытался навести порядок в стиле изложения своего бывшего начальника. Часто Бюхер впадал в уныние — потерявшая покой душа не находила успокоения в воспоминаниях. Когда Бисмарк диктовал Бюхеру тот или иной отрывок, в памяти его чаще, чем события последних лет, всплывали старые обиды. Иногда он погружался в молчание, откидываясь на спинку дивана и, предаваясь переживаниям по поводу былых неурядиц, проводил в таком положении минут тридцать. Дополнительные трудности подстерегали Бюхера и в тех случаях, когда эпизоды, рассказанные Бисмарком, не совпадали с материалами, содержащимися в массе документов, которые низвергнутый канцлер на протяже-

нии десяти дней после своего выхода в отставку забирал с Вильгельмштрассе. Нельзя было сказать, что он умышленно фальсифицировал факты, просто память иногда проделывает с нами шутки, видоизменяя события и заставляя рассказчика поверить в то, что он присутствовал во время того или иного происшествия, в то время как на самом деле его и близко там не было. По прошествии более двадцати лет официальную версию события он не всегда мог отделить от того, что произошло на самом деле. Во всяком случае, один раз Бюхер попал в неловкое положение, когда бывший канцлер отказал ему в дипломатической находчивости, проявленной им при выборе кандидатуры Гогенцоллерна³. Бюхеру понадобился весь его огромный такт и опыт, чтобы исключить искажение событий и не дать повествованию скатиться до печально знаменитых мемуаров Талейрана, которые впервые увидели свет именно в тот период, когда Бюхер помогал Бисмарку в его работе.

Бюхер, даже если бы очень захотел, не смог бы заставить Бисмарка быть объективным. Ему пришлось принять точку зрения своего хозяина, сущность которой состояла в том, что процесс объединения Германии развивался согласно заранее продуманному грандиозному плану. К тому же невозможным для него оказалось освободить излагаемый материал от субъективного, зачастую окрашенного раздражением, отношения Бисмарка к тем лицам при дворе, которых он считал своими врагами. Даже у преданного Бюхера, делавшего эту благодарную работу, порой опускались руки: «Сегодня он рассказывает одно, завтра — совершенно другое», — жаловался он Морицу Бушу, но самые большие нарекания с его стороны вызывал тот факт, что Бисмарк

«никогда не признавал, что играл какую-то роль в событиях, который приняли неправильный оборот»⁴. Напряжение, требовавшееся от него во время работы с неуравновешенным «шефом», оказалось для Бюхера непосильным, особенно в Варцине. «На протяжении всех месяцев, что мы провели вместе, — говорил он Бушу, — температура в моей комнате не поднималась выше 12 градусов, и это пагубно отразилось на моем здоровье»⁵. Завершив только треть работы, Бюхер тяжело заболел. В октябре 1892 года он умер. И Бисмарк сразу утратил интерес к своему крупномасштабному проекту. Хотя позже, получив гранки своей книги «Мысли и воспоминания», он еще трудился над ней, стремясь сделать ее более значительным литературным трудом, чем другие уже вышедшие в свет автобиографии политических деятелей. Тем не менее искать нового секретаря взамен умершего Бисмарк не стал. С рукописью он возился вплоть до последнего месяца своей жизни. Он менял последовательность глав, смягчал тон личных высказываний, делал все возможное, чтобы показать свое политическое кредо более понятно, проводил четкую грань между возможным и желаемым. Но сущность работы, в основе которой лежали личные заметки о событиях прошлого, написанные под влиянием нынешних недовольств и обид, при этом не менялась. Она осталась такой же, как в те дни, когда бедный Бюхер на продуваемой сквозняками мансарде в Варцине бился над расшифровкой стенограмм.

Бюхер часто сетовал, что «мыслями Бисмарк все еще в настоящем, влиять на которое ему так хотелось бы». В этом комментарии содержится изрядная доля правды. В марте 1891 года Бисмарк написал Вальдерзее (который к этому времени потерял былую благосклонность кайзера): «Одна страсть всегда истребляет

другую. Политика всегда была моей последней любовью, и она поглотила все остальные. Теперь я сижу здесь, не в состоянии следить за ней, и мне это очень тяжело»⁶. В политике Каприви было много такого, что Бисмарку хотелось бы подвергнуть критике: попытки примириться с рабочими, колониальные уступки Британии в благодарность за Гельголанд, ухудшение отношений с Россией. Не имея возможности выступать в рейхстаге, Бисмарк нашел иной способ для выражения своих взглядов. Он принял предложение редактора и издателей «Гамбургер Нахрихтен» писать для них регулярные комментарии на события, происходящие на политической сцене как дома, так и за границей. Продиктованные в спешке и небрежно отредактированные, статьи Бисмарка не пользовались у читателей такой популярностью, как ранние упражнения в журналистике. Преклонный возраст наложил отпечаток на стиль, лишив его остроты, сделал высказывания менее четкими и более похожими на догмы. Временами в тексте встречались досадные повторы. Но, несмотря на то, что его фразы больше никого не впечатляли, все же эти публикации обладали определенной привлекательностью, поскольку всегда интересно было узнать, каким секретом поделится отставной политик с читателями. Вскоре его статьи начали также печатать газеты Мюнхена и Лейпцига. Часто его широко цитировали в иностранной прессе. В то же время в Фридрихсруэ, Варцине и Киссингене Бисмарка продолжали посещать маститые журналисты. В «Ле Матен» появилось эксклюзивное интервью, из которого французский народ узнал, с какой настойчивостью Бисмарк всегда стремился к сохранению мира, одновременно читатели «Дейли телеграф» получили заверения о невозможности англо-германской войны, о маловероятности

скольконибудь серьезного конфликта между двумя странами. К марту 1891 года, когда Бисмарк использовал страницы «Гамбургер Нахрихтен» для дискредитации своего бывшего помощника Беттихера, министры в Берлине начали воспринимать бывшего канцлера как сильного противника. Сам за себя говорит тот факт, что, хотя Бисмарк избегал прямых нападок на своего монарха, тем не менее газетная кампания настолько рассердила Вильгельма II, что в 1891 году он перестал посылать Бисмарку поздравления по случаю личных дат и национальных праздников. В июне того года в разговоре с высшими офицерами своей армии Вильгельм сказал, что Бисмарк систематически противопоставляет себя ему. «В один прекрасный день князь окажется за решеткой тюрьмы Шпандау», — прозорливо заметил он генералам. Им предстояло обдумать варианты, как объяснить его арест войскам. «Бог Мой! Бисмарк в Шпандау! — патетически воскликнул один из них в тесном кругу. — Для германского народа это стало бы плевком в лицо»⁷.

Но был ли Бисмарк по-настоящему опасен для императора и его министров? В апреле 1891 года во время дополнительных выборов в рейхстаг его уговорили выступить в качестве кандидата от либерал-националов по ганноверскому избирательному округу. Он не стал особенно суетиться по поводу предвыборной кампании, но все-таки испытал глубокое разочарование, когда обнаружил, что одного его имени оказалось недостаточно для получения абсолютного большинства во время первого голосования. По этой причине ему пришлось участвовать во втором туре, на котором его противником оказался социал-демократ, рабочий небольшой фабрики, производящей сигареты. Победить в тот раз Бисмарку удалось толь-

ко благодаря поддержке, оказанной ему местной партией «Центра»⁸.

По поводу возможного появления экс-канцлера в парламенте в роли обыкновенного депутата в обществе царило возбуждение. Но шли недели, а Бисмарк ехать в Берлин и не думал; недели складывались в месяцы, месяцы в годы. Осенью 1892 года одному французскому журналисту он объяснил, почему не воспользовался полученным местом. «В Берлине у меня нет дома, а я ненавижу гостиницы и гостиничные кровати», — объяснил он, хотя слова его прозвучали не слишком убедительно. «В Берлине, не вызвав столпотворения, я не смог бы даже перейти на другую сторону улицы... Ни одно сказанное мной слово не осталось бы без внимания, муссирования и перевирания». Еще он откровенно добавил: «У меня больше нет власти, которую я имел, возглавляя канцелярию. Я стал бы простым рядовым солдатом, возможно, даже помехой»⁹. К значительному облегчению Вильгельма II, порог рейхстага после своего падения Бисмарк больше так и не переступил. Вероятно, помня об унижении, которое испытал во время избирательной кампании, он боялся стать мишенью для насмешек в глазах старых парламентских волков, которых и в грош не ставил, находясь у вершины власти.

К весне 1892 года положение Каприви пошатнулось. Причиной тому послужила долгая полемика в рейхстаге и в стране в целом по поводу законопроекта об образовании. Кроме того, Каприви также отдалился от некоторых из своих прежних коллег-генералов (в частности, Вальдерзее) и от некоторых влиятельных промышленников, не разделявших проводимую им социальную политику. В результате Вальдерзее первым начал искать пути примирения импе-

ратора и Бисмарка. 4 мая 1892 газеты поместили объявление о помолвке Герберта Бисмарка с графиней Маргаритой Хойос, которая происходила из аристократической венгерской семьи, проживающей в Фиуме. Герберту, забытому сразу же после его ухода из министерства иностранных дел, состоявшегося после падения канцлера, император Вильгельм II незамедлительно отправил многословную поздравительную телеграмму. Германские и австрийские газеты запестрели предположениями о том, что брак Герберта станет для Вильгельма II блестящей возможностью помириться с «раненым львом» Фридрихсруэ¹⁰. Но император считал, что инициатива должна исходить от Бисмарка. В конце месяца он послал в Фридрихсруэ барона фон Штамма, надеясь, что барон сумеет убедить Бисмарка проявить жест доброй воли. Но миссия не принесла успеха. «Он пришел просить меня пойти на унижение», — сказал Бисмарк своей будущей снохе после отъезда Штамма¹¹. Две недели спустя императорский поезд проходил мимо границы имения Бисмарка, но в Фридрихсруэ остановки он не сделал.

Свадьба Герберта состоялась 21 июня 1892 года. Проходила она не в безвестном Фиуме, а в Вене при полном освещении событий. Не оказав услугу в примирении отца с Вильгельмом II, свадьба Герберта стала для обоих политиков кульминационным моментом их взаимных мелочных обид. Узнав о том, что брачная церемония должна состояться в австрийской столице, Вильгельм сам лично написал Францу Иосифу и попросил не принимать «непослушного подданного» Бисмарка. Тем временем Каприви распорядился, чтобы работники германского посольства в Вене не принимали приглашений на бракосочетание. Слух об этом недалёковидном решении быстро

распространился, и Бисмарк не без помощи «Гамбургер Нахрихтен» использовал его в своих интересах. Симпатии общественности в Вене оказались явно на стороне отца и сына Бисмарков. Экс-канцлера, где бы он ни появлялся, неизменно встречали бурным ликованием с приветственными возгласами и аплодисментами. Похоже, теперь никто не помнил о трагедии братоубийственной войны¹².

Свою симпатию к Бисмарку люди проявляли не только в Вене. Его путь в Киссинген лежал через Мюнхен и Аугсбург. На железнодорожных станциях его встречали восторженные толпы народа, и он произносил перед ними импровизированные речи, исполненные простых патриотических деклараций. В стареющем мужчине в черном фраке и белом галстуке едва ли можно было узнать «железного канцлера», переодетого в штатское платье. Пройдя в Киссингене курс водолечения, он отправился в Шенхгаузен. Путь его лежал через Йену. И там он тоже выступал с речами. На старой рыночной площади Бисмарк обратился к профессорам, выпускникам и студентам древнего университета. В речи он высказал опасение, что в имперской конституции слишком большой властью наделил корону и одновременно «умалил влияние рейхстага». Парламент нуждается в свободе, чтобы иметь должную возможность «критиковать, предупреждать, а при определенных условиях и направлять деятельность правительства». «Люди не должны думать, что слушаются Господа, подчиняясь на деле высокопоставленному служителю гражданской власти», — заявил он¹³. Никогда раньше не появлялся он перед своими согражданами в такой роли. Странно было для человека, всегда сожалевшего о возможности «гладстоновского кабинета», в преклонном возрасте начинать выступать в пользу парламентских свобод.

Поздно проснувшийся в Бисмарке ораторский талант, мало что мог сделать лично для него: благодаря его выступлениям читающая публика с большим интересом обратилась к его газетным статьям, из Гамбурга в сторону Фридрихсруэ потянулись караваны паломников. Своими выступлениями он поставил в неловкое положение Каприви и убедил Вильгельма II в том, что рано или поздно Бисмарка придется либо заставить замолчать, либо польстить его самолюбию. Но возможности восстановить его на прежнем посту не возникло. Много лет назад он сказал Наполеону III, что в Пруссии революции устраивались королями, теперь этот афоризм, похоже, оказался справедливым для Германии в целом. Теперь, как бы он ни сокрушался по поводу авторитарной системы, она была творением его собственных рук, и в ней не осталось места для сильного лидера оппозиции. На протяжении последующих двенадцати месяцев Каприви вызывал к себе все более выраженное чувство враждебности, но она никогда не исходила от Бисмарка. Когда в августе 1893 года он приехал в Киссинген, то впервые за все это время смирился с необратимостью своего ухода из канцелярии. В начале августа Бисмарк нанес визит вежливости другому гостю Киссингена, лорду Рэндольфу Черчиллю (старший сын которого в качестве кадета кавалерии недавно вступил в Сэндхерст). На другой день лорд и леди Рэндольф отобедали в компании четы Бисмарков. Живой ум бывшего канцлера оказал на них хорошее впечатление, и лорд Рэндольф обнаружил, что у них имеются точки соприкосновения, поскольку они оба оплакивали парламентскую активность Гладстона. Леди Рэндольф нашла достаточно приятной старомодную галантность Бисмарка — он восхитился красотой ее глаз, — но

его жену сочла отрешенной и болезненной¹⁴. В действительности в тот период нездоровилось самому Бисмарку: в Киссинген он приехал, страдая от опоясывающего лишая, и опасения Швеннигена вызывал воспалительный процесс в легких. Известие о болезни экс-канцлера появилось в газетах только в третьей четверти сентября, когда непосредственная угроза миновала. Вильгельм II прислал ему телеграмму с пожеланием скорейшего выздоровления и предложил к его услугам для поправки здоровья королевский замок. Но, имея в своем распоряжении Шенхгаузен, Варцин и Фридрихсруэ, Бисмарк вряд ли нуждался в такой щедрости императора. Тем не менее телеграмма монарха обязывала его отправить ответную¹⁵. Поскольку такие обмены любезностями неминуемо освещались в печати, газеты повторно начали муссирование темы возможного примирения.

Трезвого политического ума Вильгельму II не доставало, но он был весьма восприимчив к колебанию популярности, а болезнь Бисмарка взбудоражила общественное мнение. Император просчитал, что если его подданные увидят, как их кайзер оказывает Бисмарку всяческие почести, достойные «Великого старика» Германии, то сумеет пережить момент, когда назначенный им в качестве преемника Бисмарка канцлер не найдет ни в ком поддержки. 18 января 1894 года, впервые после отставки отца, Герберта Бисмарка пригласили на прием во дворец. Четырьмя днями позже в Фридрихсруэ прибыл адъютант. Он привез бутылку «Штейнбергер кабинетт» и приглашение на торжества в честь дня рождения императора, которые должны были состояться в конце недели. К такому вниманию со стороны дворца Бисмарк отнесся с осторожностью — он сказал, что здоровье

не позволяет ему посещать светские приемы, но он с признательностью отнесся бы к возможности лично поблагодарить императора за его заботу¹⁶. Таким образом экс-канцлер застраховал себя от необходимости появления в столице в толпе многочисленных верноподданных монарха, прибывших поздравить его с днем рождения. Бисмарк решил, что если и отправится в Берлин, то только в качестве лица, осыпаемого почестями, но никак не дарителя.

Вильгельм оказался на этот раз сгорчивым. Он пригласил Бисмарка в столицу 26 января, в канун своего дня рождения он обставил этот визит с грандиозной помпой. Когда поезд прибыл на вокзал, экс-канцлера встретил принц Генрих Прусский, оказав гостю почести, достойные особы королевской фамилии. В сопровождении дворцовой кавалерии гостя доставили в замок. Вместе с Бисмарком прибыли его сыновья, Герберт и Вилли. Пока Бисмарки находились во дворце, собравшаяся снаружи толпа, не смолкая, распевала песни. В его стенах тем временем велась светская, ни к чему не обязывающая беседа, никаких упоминаний о политике не было. Император, проехавший во второй половине дня по городу верхом на лошади, был встречен с редким энтузиазмом. Бисмарков проводили на вокзал, и публика снова тепло рукоплескала им¹⁷. Три недели спустя императорский поезд наконец сделал остановку в Фридрихсруэ. Между монархом и его верным слугой снова состоялась беседа, еще один светский разговор, «достойный бальной залы», — вынесла суровый приговор Иоганна. Бисмарк видел, что примирение поверхностно, но он понимал, что это облегчит жизнь Герберту. Сам он лелеял надежду стать старейшим государственным деятелем, каким в последние восемь лет своей жизни был Меттерних —

уважаемым авторитетом, стоящим за тронем. Но в расчеты Вильгельма это не входило. «Теперь в Мюнхене и Вене они могут возвести в его честь триумфальные арки, — заметил Вильгельм после визита экс-канцлера в Берлин. — Я всегда опережаю его на корпус лошади»¹⁸.

Через восемь месяцев Каприви подал в отставку, и Вильгельм назначил его преемником князя Гогенлоэ, баварского католика, который был моложе Бисмарка всего на четыре года. В начале своего своего пребывания на посту канцлера Гогенлоэ посетил Фридрихсруэ, но никакого предложения ни одному из Бисмарков не сделал, как не удалил из администрации ни от одного из их личных врагов — Беттигера, барона Гольштейна и Маршалла фон Биберштейна (занявшего в министерстве иностранных дел кресло, принадлежавшее ранее Герберту). Гогенлоэ в большей степени, чем кто бы то ни было, зависел от Беттигера и Маршалла. А Гольштейн сыграл существенную роль в назначении на пост канцлера его кандидатуры. С такими незаменимыми на Вильгельмштрассе людьми Бисмаркам там делать было нечего.

Если стареющий политик и был разочарован, то виду не подавал. Вскоре его постигло семейное горе. Иоганна, проболевшая несколько месяцев кряду, ослабленная астмой, стала страдать затмением разума. 27 ноября 1894 года в Варцине она скончалась. Смерть наступила во сне. Бисмарк рыдал, как дитя. Такое с ним случилось пятьдесят лет назад, когда в юном возрасте умерла Мария фон Тадден. Иоганна не отличалась ни красотой, ни яркостью ума, но она была преданной женой. И если ей с трудом удавалось соответствовать именитости своего мужа, то в более трудные для него дни она служила ему опорой

и поддержкой. На другой день, вытащив белую розу из одного из траурных букетов, принесенных покойной, он взял с полки своей библиотеки исторический труд и с головой погрузился в историческое прошлое Германии¹⁹. Чтение, как он обнаружил, стало единственным средством отвлечься от постигшего его горя.

Вскоре после этого он уехал из Варцина и больше туда никогда не возвращался. Большую часть последних трех с половиной лет он провел в Фридрихсруэ. Гости посещали его чаще, чем в эпоху Каприви, но временами он испытывал невыносимое одиночество, и жалость к самому себе всецело охватывало все его существо. Из живых оставалось только несколько его старых друзей. Екатерина Орлова умерла в 1875 году; Джон Мотли — двумя годами позже; его школьный друг Блакенбург — в 1888 году; талантливый спутник его университетских дней Александр фон Кейзелринг — в 1891; и брат Бернар — незадолго до кончины Иоганны. Из всей родни у него оставалась только сестра Мальвина, его дети и внуки. Один раз он попытался разжалобить мужа Мальвины, Оскара фон Арнима, и уговорить приехать навестить его²⁰. Они вместе учились в гимназии на Фридрихштрассе, и в своем письме Бисмарк вспоминал, как они тайком в школьном здании пили пиво, но эти воспоминания более шестидесятипятилетней давности не всколыхнули «красного Оскара». Отношения между бывшим канцлером и кланом Арнима все еще были напряженными и не могли способствовать восстановлению былой школьной дружбы. Бисмарку ничего другого не оставалось, как довольствоваться преданным вниманием Мальвины и восхищением племянницы и невестки Сибиллы, которых он очень любил. Другие посетители, приез-

жавшие к нему из Гамбурга, чтобы час-другой провести за беседой и, возможно, остаться в Фридрихсруэ на ночь, порой думали, что большее удовольствие Бисмарку доставляли не гости, а огромные псы, которых он держал в доме. Вероятно, они были недалеко от истины.

В канун восьмидесятилетия Бисмарка император объявил, что намеревается навестить в Фридрихсруэ с визитом. На этот раз он привез с собой кавалерийский эскадрон и приветствовал генерал-полковника по всей форме военного этикета. Старик еще раз облачился в военный мундир, но попытки взобраться на лошадь предпринимать не стал. Он сидел, опершись на массивную трость, у ног его дежурил послушный и бдительный, как телохранитель императора, мастифф. Вальдерзее, давно разочаровавшийся в Вильгельме II, находился между императором и государственным деятелем, стать преемником которого когда-то надеялся. За встречей он наблюдал с циничным отчуждением. «Обе стороны остаются холодными, — заметил он в своем журнале. — Они говорят на языке близких друзей, и император оказывает ему исключительные знаки внимания, но для них обоих это не более чем игра. Тем, кто ничего не знает, все представляется весьма благопристойным, но все же это всего лишь притворство»²¹. Вильгельм II начал обращаться с Бисмарком как с живой легендой, с человеком в политическом смысле совершенно безобидным. Поэтому в октябре 1896 года, когда неисправимый старик в одной из статей, помещенной в «Гамбургер Нахрихтен», раскрыл секрет существования с Россией «Договора перестраховки», император пришел в ужас и страшно разгневался. Вильгельм так разъярился, что снова заговорил о государственной измене Бисмарка. Все же он отлично понимал, что,

если предпримет против павшего гиганта какие-либо репрессивные меры, его собственной популярности придет конец.

Некоторые представители ближайшего окружения императора считали, что благословение Бисмарка многое значило для любого начинания рейха. Адмирал Тирпиц пытался добиться его поддержки в создании флота для плавания в международных водах, но план этот не воодушевил бывшего канцлера, поскольку он считал, что его осуществление неминуемо привело бы к сравнительному ослаблению мощи германской армии. Бисмарк никогда не понимал, зачем Германии нужен флот более мощный, чем флот Голландии, — крупная программа в области судостроения казалась ему непростительной роскошью. Услышав доводы Тирпица, он с сомнением покачал головой²².

В последние годы его жизни вообще случалось много такого, что вызывало у него недоумение. В июне 1896 года по пути домой из России, где он участвовал в церемонии коронации российского царя Николая II, в Фридрихсруэ заехал выдающийся государственный деятель Китая Ли-Хунчан. У Бисмарка он хотел получить совет относительно модернизации Китайской империи. Но эта тема выходила за рамки компетенции Бисмарка. «Я не могу судить о делах страны, столь удаленной», — сказал он Ли. Единственное, что он смог посоветовать, так это создать «маленькую, но достаточно боеспособную» армию. С присущей китайцам обходительностью гость сказал Бисмарку: «На прожитую вами жизнь вы будете оглядываться с удовлетворением». Но Бисмарк был настроен более пессимистично. «Есть одна древнегреческая пословица, которая справедлива как у нас, так и в Китае, — ответил он. — Все течет, все

изменяется, всему наступает конец»²³. Это настроенное уныние стало доминирующим в последние месяцы его жизни. В декабре 1897 год Бисмарк в Фридрихсруэ в последний раз принимал Вильгельма II. Вильгельм хотел, чтобы их беседа прошла в обстановке сердечности, любезности и рождественского хорошего настроения. Лицам, сопровождавшим Вильгельма, казалось, что Бисмарк хотел сказать что-то важное. Но каждый раз, когда он пытался перевести разговор на серьезную тему, Вильгельм успешно обращал все в шутку. Среди присутствующих был генерал фон Мольтке, племянник великого солдата, который в 1914 году возглавит Генеральный штаб. Его поразила легкомысленная настрой императора. «Это ужасно», — пробормотал он находившемуся рядом Тирпицу. Но Бисмарк не позволил отвлечь себя от главного. «Ваше Величество, — сказал он, — до тех пор пока у вас есть настоящий офицерский корпус, вы можете поступать так, как вам заблагорассудится. Но, когда его больше не будет, все станет по-другому»²⁴.

Это было последнее предупреждение, сделанное Бисмарком. Больше он практически ничего сделать не мог. Теперь он почти не вставал с инвалидного кресла и без сильных очков уже не мог видеть поля и леса своего владения. В середине 1898 года у него развилось воспаление легких, и Швеннигер теперь почти не покидал канцлера. Несколько недель Бисмарк сражался с постигшим его недугом и как будто начал поправляться, но 30 июля случился рецидив. Домашние собрались у его постели и пытались разобрать слова, которые он силился произнести. Вечер стоял жаркий, и его мучила жажда. Вдруг, собравшись силами, он схватил стакан с питьем и воскликнул: «Vorwärts» (Вперед), — и упал на подушки. Вско-

ре после одиннадцати ночи его дочь заметила, что отец больше не дышит²⁵.

Мориц Буш сразу же передал прессе письмо Бисмарка 1890 года, в котором тот просил об отставке. В нем содержались обвинения в адрес Вильгельма II по поводу того, что он хочет изменить внешнюю политику Германии, разрушить добрые отношения с Россией. Для Пруссии, которая хотела освободиться от подчинения Австрии в Германии и Франции в Европе, добрососедство с Россией было наиважнейшим условием. В письме ответственность за сохранение рейха всецело ложилась на плечи молодого монарха. Поступок Буша снова угрожал ввергнуть семейство Бисмарка в императорскую немилость. Раздувание старых обид не соответствовало интересам Герберта, и на дальнейшие публикации отцовских документов и воспоминаний, в которых упоминалось имя суверена, он наложил запрет.

Когда объявили о смерти Бисмарка, Вильгельм находился на борту императорской яхты в плавании у берегов Норвегии. Он тотчас приказал повернуть судно в сторону Киля и послал в Фридрихсруэ телеграмму с предложением осуществить похороны на государственном уровне в Берлине. Откровениям Буша он разумно решил не придавать значения, желая, по всей видимости, чтобы отсвет славы легендарного Бисмарка способствовал его собственной популярности. Так что по поводу событий 1890 года он предпочел молчать. 2 августа Вильгельм прибыл на станцию Фридрихсруэ, где тепло поздоровался с обоими сыновьями Бисмарка. Вместе с ними он прошел в дом, где в бывшей спальне Бисмарка был установлен гроб с телом покойного. Комната уже утопала в цветах и венках: дань уважения к усопшему со стороны финансового дома Блейхре-

дера была настолько велика, что для размещения всех цветов понадобилось отдельное помещение. От себя лично император возложил к гробу большой венок. Лютеранский пастор провел короткую службу. Вильгельм попробовал уговорить Герберта устроить похороны в столице, но Бисмарк уже выбрал место для усыпальницы на территории своего имения на поляне, обсаженной хвойными деревьями. Герберт объяснил императору, что отец хотел, чтобы его останки покоились в Фридрихсруэ²⁶.

Вильгельм был разочарован: статус Германии как Великой державы требовал, чтобы похороны прошли не менее торжественно, чем погребение Гладстона, шесть недель назад состоявшееся в Вестминстерском аббатстве. Проведя с семьей Бисмарка не более получаса, Вильгельм вернулся в поезд и отбыл в Берлин.

На другой день в официальном бюллетене появилось сообщение, что «Его Императорское Величество» посетил Фридрихсруэ с тем, чтобы почтить память «человека, которого Господь Бог сделал в своих руках инструментом для реализации бессмертной идеи германского объединения и Величия»²⁷. Цветистая фраза хорошо отражала характер правителя, который видел себя в роли адъютант-генерала Всевышнего. Не менее характерным был и ответный удар, нанесенный из могилы. Ибо Бисмарк потрудился отдать распоряжение, чтобы на надгробии не указывались ни должность, ни звание, которыми его удостоил Вильгельм II. Когда усыпальница была закончена, на надгробии значилась простая без вычурностей надпись: «Fürst von Bismarck ... Ein treuer Diener Kaiser Wilhelms I» (Преданный слуга немецкого кайзера Вильгельма I).

Если Герберт, новый князь фон Бисмарк, после смерти отца надеялся заняться политической дея-

тельностью, то его ждало разочарование. Работу в министерстве иностранных дел ему не спешили предоставлять и места в каком-нибудь посольстве, как ему хотелось бы, тоже не предлагали. Избранный в рейхстаг, он на протяжении нескольких лет часто выступал по вопросам внешней политики, настаивая на важности поддержания тесных отношений между Германией и Россией. Но его склонность к пьянству и постоянная меланхолия помешали ему снискать поддержку рейхстага. Здоровье его стремительно ухудшалось. В 1904 году в возрасте пятидесяти четырех лет он скончался. Его старший сын, появившийся на свет в последний год жизни старого канцлера и названный в честь деда, в гитлеровский период истории Германии служил при германских посольствах в Лондоне и Риме; второй сын после заговора 20 июля 1944 года был арестован нацистами и конец войны встретил в концентрационном лагере Заксенхаузен.

Вилли Бисмарк, тяжело больной человек, продолжавший страдать от избытка веса, вопреки всем назначениям Швеннигера, пережил отца всего на три года. Самым жизнеспособным из детей Бисмарка оказался его первенец, дочь Мария, графиня Ранцау. Она пережила рейх, созданный ее отцом и умерла в 1926 году в возрасте семидесяти восьми лет. Дольше всех из семейного клана прожила вдова Вилли, Сибилла, дочь сестры Бисмарка Мальвины. Период Веймарской республики и эпоху нацизма Сибилла провела в Шенхгаузене. В апреле 1945 года ей сообщили, что к Эльбе с востока приближается Красная армия. Испугавшись, что будет интернирована русскими, графиня застрелилась. В ту пору ей шел восемьдесят второй год. Не прошло и несколько часов после ее смерти, как советские солдаты дотла

сожгли дом, в котором родился «железный канцлер»²⁸.

Уничтожение Шенхгаузена русскими, с точки зрения военной необходимости, было лишено всякого смысла — оно, скорее, носило символический характер. Ибо если в конце первой мировой войны пала Германская Империя, то в конце второй прекратила существование Пруссия. Город, где короновались Гогенцоллерны, стал советской территорией и назывался теперь Калининградом. Старинные провинциальные географические названия исчезли с карты. Вскоре и сам Берлин оказался поделенным на части с еще большей легкостью, чем Германия в годы юности Бисмарка. Одновременно прекратили существование и многочисленные юнкерские поместья. Некоторые из них, включая Варцин и Книпгоф, оказались в пределах новых границ Польши. Пятьдесят лет спустя после смерти Бисмарка в дорогом его сердцу Пруссии не осталось и следов его деятельности. Не многим больше из его наследства досталось Федеративной Республике Германии: черный, красный и желтый цвета национального флага, развевающегося над Гольштейном и южным Шлезвигом, долговременная граница, отделившая Баварию от независимой Австрии, бюрократическая традиция социального страхования, отдельные заросли деревьев в Фридрихсруэ. Ришелье, Наполеон I, даже Наполеон III оставили после себя во Франции более долговечную память, чем Бисмарк. На небосклоне Второго рейха он оказался не указующей звездой, как считали многие из его современников, а скорее метеором, на короткий срок осветившим своим ослепительным светом, а потом упавшим на брэнную землю бесформенным куском не поддающегося ковке железа. Его свечение запечатлилось в человечес-

кой памяти, потому что после себя он не оставил сияния, и мир снова погрузился во тьму.

Всегда было модным изображать Бисмарка как последнего представителя государственной дипломатии девятнадцатого века, таким, как те государственные деятели, которые боролись за мир в Европе еще в тот год, когда он только появился на свет²⁹. Но это не соответствовало истине. Меттерних, Кэслри и царь Александр I в определенной мере были оторванными от жизни мечтателями: питаемые из разных источников, все они, тем не менее, считали возможным становление упорядоченного и сбалансированного общества в постоянно изменяющемся мире. Бисмарк пошел дальше классической традиции. Для него политика никогда не являлась точной, поддающейся логике наукой, а была скорее искусством, свободным от догматических ограничений. Его мастерство во владении деталями, в умении выгодно использовать ситуации за девять лет позволило ему создать Великую Пруссию и назвать ее Германией. Таким образом, его способность создавать хитроумную систему союзов и коалиций помогла ему установить в Европе прочный мир, которого так долго и тщетно добивались маститые дипломаты.

Во внутренней политике Германии Бисмарк допустил промах в одном очень важном аспекте: он никогда не стремился создать в рейхе безопасную форму правления. Этот промах стал тем более ощутимым, что он не пытался найти себе преемника, не видя его ни в ком, кроме собственного сына. Ни с кем не поделился он своим мастерством и опытом в искусстве дипломатии. Причина этого кроется в характерных особенностях самой личности Бисмарка. Еще будучи молодым человеком, он никогда не был пылким поборником каких-либо политических уче-

ний, хотя и отдавал дань должного модным в ту пору политическим убеждениям юнкерства. Первоначально на раннем этапе карьеры Бисмарка его движущей силой было желание обрести власть ради власти и таким образом управлять работой государственной машины. Находясь у руля государственной власти, о личном благополучии он заботился не меньше, чем о создании длительного порядка, а в последние годы пребывания на посту канцлера слишком часто думал о династии Бисмарков и мало о Германии и Европе. Бисмарк увековечил искусственную систему, основанную на конституции, наспех выстроенной вокруг его власти. Германским избирателям он навязывал революцию «сверху», у которой в прошлом их страны не имелось естественных корней. Хотя начиная с 1871 года и позже он раз в три года пытался манипулировать электоратом. Творение его рук, рейхстаг, для германского общественного мнения был своего рода выпускным клапаном, не более того. Депутаты могли брюзжать, высказывать недовольство и задавать вопросы, но возможности управлять государственными делами им не давали. Единственным почитаемым институтом со своими собственными независимыми традициями была армия.

Как это ни печально, но результатом деятельности Бисмарка стало то, что для этой военной касты, которая доминировала в Пруссии задолго до его рождения, имперской Германии в конце пришлось искать вождя. Фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, почти полвека спустя ставший ветераном Кёниггретца и победителем Теннеберга, был архетипичным прусским рыцарем, которым Бисмарк никогда не мог стать, несмотря на частые появления перед публикой в островерхой каске пехотинца и генеральском мундире. Именно Гинденбург, попечитель старого офи-

церского корпуса, в 1918 году с поклоном проводил Гогенцоллернов и через пятнадцать лет протянул руку Гитлеру. Роон, выдвинувший на должность канцлера свою кандидатуру, лучше разбирался в свойствах человеческого характера, чем Гинденбург.

Демагогические призывы к мировому господству, звучавшие в эпоху нацизма, не имели причинно-следственной связи с силовой политикой, проводимой Бисмарком. Ученые историки, приверженцы Бисмарка более поздних дней, неоднократно указывали, как сильно методы Гитлера противоречили наставлениям Бисмарка³⁰. Совершенно справедливо они подчеркивали ограниченный характер амбиций для Германии, проповедуемых Бисмарком, его неприязнь к националистическому фанатизму, его неприятие политики превентивных войн и его постоянное стремление держать Генеральный штаб в узде. За три недели до покушения на Гитлера в 1944 году один из главных заговорщиков Ульрих фон Хассель посетил Фридрихсруэ, после чего записал в своем дневнике: «Все кажется ничтожным в сравнении памятью о великом человеке ... При мысли о погибшей всеу работе у меня на глаза почти всегда наворачивались слезы»³¹. Несмотря на то, что впоследствии Бисмарк стал героическим символом сопротивления, оказываемого нацизму консерваторами, все же в определенной мере и он несет ответственность за анархию, разгулявшуюся в дипломатии в двадцатом веке. Его манипулирование прессой, намеренное раздувание мелких беспорядков до кризисных масштабов, умение прибегать к хитроумным уловкам, противоречившим его убеждениям, использование полуправды, ходовых фраз и политики устрашения — все эти аспекты его системы нашли применение во времена, когда внешнюю политику диктовали более мелкие

личности, не обладавшие его находчивостью в критических ситуациях, когда военный конфликт казался неизбежным. Главным в искусстве управления государственными делами Бисмарка стало его убеждение в том, что проводимая политика не должна переходить определенную черту безопасности и что всегда важно иметь наготове альтернативное решение, обеспечивающее достойное отступление или перегруппировку. Мало кто из политиков Германии или других стран обладал когда-либо подобной гибкостью ума.

ПРИМЕЧАНИЯ

- APP: *Die Auswärtige Politik preussens, 1859-71*
Busch, *Secret Pages*. Monte Busch, *Bismarck, Some Secret Pages of his History*
DDF: *Documents diplomatiques français, 1871-1914*
Eyck: Erich Eyck, *Bismarck, Leben und Work*
GP: *Die grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871-1914*
GW: Bismarck, *Die gesammelten Werke* (Friedrichsruher ausgabe) 1924-1935
HZ: *Historische Zeitschrift*
JMH: *Journal of Modern History*
Keudell: R. von Keudell, *Fürst und Fürstin Bismarck*
Kohl: Horst Kohl, *Die Politischen Reden des Fürsten Bismarck*
Luclus: Luclus von Ballhausen, *Bismarck-Erinnerungen*
Marcks: Erich Marcks, *Bismarck, Eine Biographie 1815-51*
Orig. dipl. Les origines diplomatiques de la guerre de 1870-71
Orloff: Nicolai Orloff, *Bismarck und Katharina Orloff*
Pflanze: O. Pflanze, *Bismarck and the Development of Germany*, Volume I
Remers: Ludwig Remers, *Bismarck*
Srbik, *Quellen*: Heinrich Ritter von Srbik, *Quellen zur deutschen Politik Osterreichs 1859-66*

Глава I: ЛИС РАБЕНМАРК

- 1 Marcks, pp. 3-23.
- 2 Busch Journal entry, 10 Jan. 1871, GW VII, no. 362, p. 468.

- 3 See the letters from Wilhelmine von Bismarck to her two sons printed (with Introductory commentary by Charlotte Sempell), Hz, no, 214 (1972), pp. 557-79.
- 4 Marcks, report for 1822, p. 48; report for 1826, p. 49.
- 5 GW XV, p. 14; cf. Keudell, p. 161.
- 6 Bismarck to his wife, 18 Feb. 1851, GW XIV, no. 300, pp. 195-96 (cf. Bismarck to Harmsch, 16 Feb. 1849, Rothfels, *Bismarck Briefe*, p. 121).
- 7 H. Holborn article in *Journal of History of Ideas*, XXI (1960), p. 85. See also Bismarck's letter to Puttkamer, 23 Feb. 1847, GW XIV, no. 85, p. 67, and his conversation with Ludwig von Gerlach, 26 March 1865, GW VII, p. 100.
- 8 GW XV, p. 5; Lucius, p. 492.
- 9 Motley, *Morton's Hope*, I, pp. 172, 173, 205 and 210; Marcks, pp. 77-84.
- 10 GW XV, pp. 7-8.
- 11 *Ibid.*, p. II; Marcks, pp. 118-20; Bismarck to his brother, 10 Aug. 1836, GW XIV, no. 17, p. 8.
- 12 For the Loraine and Loraine-Smith families see the *Register of Members of Cambridge University* (Christ's College); references to Dr Loraine Loraine-Smith are in *Victoria County History* of Northamptonshire and *Gentleman's Magazine* for 1857 (pp. 98-99). Clerical registers of the period show no other Anglican clergyman named Loraine, with or without a hyphenated appendage. I am grateful for additional information on the Loraine-Smiths to Isabella Loraine-Smith's granddaughter. Miss Katherine Bevan. See, also, Marcks, p. 120 and the letters to Savigny and Scharlach in GW XIV, cited below.
- 13 Marcks, p. 122-24; Bismarck to K. F. von Savigny, 30 Aug. and 3 Sept. 1837, GW XIV, nos. 19 and 21, pp. 8 and 10; Eyck I, pp. 27-29.
- 14 Bismarck to Scharlach, 13 Sept. 1837, GW XIV, no. 22, p. 11.
- 15 Bismarck to Savigny, December 1837, GW XIV, no. 24, p. 11.
- 16 Bismarck to his father, 25 Jan. 1838, GW XIV, no. 25, p. 12.
- 17 Marcks, pp. 129-34.: letters to his father, 29 Sept. 1838; to Savigny, 21 Dec. 1838; to the chief of police at Griefswald, 25 March 1839; GW XIV, nos 27, 28, 29, pp. 13-18.

18 Marcks, pp. 134-35; Bismarck to his father, GW XIV, no. 27, p. 15.

Глава 2: «БЕШЕНЫЙ БИСМАРК»

- 1 GW XV, p. 14.
- 2 Eyck I, p. 32; Werner Richter, *Bismarck*, p. 34.
- 3 Reiners I, pp. 27-31; Marcks, pp. 157-59.
- 4 Bismarck to Puttkammer, 21(?) Dec. 1846, GW XIV, no. 71, p. 46.
- 5 For the English visit see Bismarck's letter to his father, 28 July 1842, GW XIV, no. 30, pp. 18-19; Busch, *Secret Pages I*, pp. 241-42; and further letters of Bismarck, GW XIV, nos. 34, 45 and 47.
- 6 Marcks, pp. 217-29.
- 7 Bismarck to his sister, 4 Dec. 1844, GW XIV, no. 46, p. 29.
- 8 See Bismarck's letters to his father and sister, Aug-Sept. 1844, GW XIV, nos. 44-45, pp. 26-29.
- 9 Bismarck to Puttkammer, December 1846, GW XIV, no. 71, p. 47; for the Kardemm 'aesthetic tea-party' see Bismarck's letter to his sister, 27 April 1845, GW XIV, no. 50, p. 34..
- 10 Bismarck to his brother, 31 Jan. 1847, GW XIV, no. 76, p. 50; cf. Marcks, pp. 400 and 403-4. On Johanna, see *ibid.*, pp. 272-74.; and Sell, *Fürst Bismarcks Prim* (especially pp. 12-36 for this period of her life).
- 11 *ibid.*, pp. 277-78; see also Johanna's three letters to her mother, July 1846, Marguerite von Bismarck, *Braut-Briefe der Fürstin Johanna van Bismarck*, pp. 11-13.
- 12 Meinecke article, *Hz go* (Neue Folge 54.) (1903), pp. 56-92; A. O. Meyer, *Bismarcks Glaube*, pp. 2-3; and the letter to Puttkammer already cited, GW XIV, no. 71, pp. 46-49.
- 13 Bismarck to Johanna von Puttkammer, 17 Feb. 1847, GW XIV, no. 81, p. 59.
- 14 Bismarck to Johanna, 17 Feb. and 4 March 1847, GW XIV, nos. 81 and 88, pp. 59 and 73.
- 15 Same to same, 8 May 1847, GW XIV, no. 99, p. 86.
- 16 GW XV, p. 17; Kohl I, pp. 8-10.

- 17 Bismarck to Johanna, 18 and 21 May 1847, GW XIV, nos. 102, 103, pp. 88-90.
- 18 Valentin, 1848, *Chapters in German History*, p. 48.
- 19 GW XV, p. 17.
- 20 Metternich, *Memoires*, VII, p. 382.
- 21 Bismarck to his brother, 5 April 1847, GW XIV, no. 94, p. 83.
- 22 Bismarck to Johanna, I July 1847, GW XIV, no. 115, pp. 96-97; Marcks, pp. 369-73.
- 23 Bismarck to his sister, 24 Oct. 1847, GW XIV, no. 123, p. 100; Marcks, pp. 373-79.
- 24 Bismarck to his brother, 24 Oct. 1847, GW XIV, no. 122, p. 100; see also the letter to his brother from Innsbruck and Vicenza, *ibid.*, nos. 119 and 120.
- 25 Marcks, pp. 378-83.

Глава 3: 1848 И ДРУГИЕ ГОДЫ

- 1 Bismarck to his brother, I March 1848, GW XIV, no. 127, p. 102.
- 2 GW XV, pp. 18-19.
- 3 *Ibid.*, pp. 19-21; Marcks, pp. 426-27.
- 4 GW XV, p. 22; Craig, *Politics of the Prussian Army*, p. 100.
- 5 Bismarck to his brother, 28 March 1848, GW XIV, no. 138, p. 102
- 6 Kohl, I, pp. 45-46.
- 7 Bismarck to his wife, 3 April 1848, GW XIV, no. 133, p. 104; and his article in the *Kreuzzeitung* of 11 July 1848 printed in *Bismarck Jahrbuch* I, pp. 478-80.
- 8 Conversation of 9 June 1848 recorded by Wagoner, GW VII, no. 7, p. 13.
- 9 See Bismarck's letters to Wagoner and Ludwig von Gerlach, 5 July, 7 July, 25 Aug. 1848, GW XIV, nos. 142, 143 and 148, pp. 109-11; Pflanze, p. 63.
- 10 GW XV, pp. 47-48; Bismarck to Scharlach, 4 July 1850, GW XIV, no. 238, p. 161, Marcks, p. 467.
- 11 GW XV, p. 34; Petersdorff, Friedrich Wilhelm IV, pp. 13-14; Marcks, p. 452.

- 12 Draft petition to Frederick William, August 1848, GW I, no. 1, p. 1.
- 13 Bismarck to Puttkammer, 21 Aug. 1848, GW XIV, no. 146, pp. 110-11 (and other letters on Immediately succeeding pages).
- 14 Marcks, p. 467.
- 15 Bismarck to his wife, 10 Nov. 1848, GW XIV, no. 160, p. 116.
- 16 Marcks, p. 472, GW XV, p. 39 (with editorial comments).
- 17 Marcks, pp. 480-81; Bismarck to his brother, 10 Feb. 1849, GW XIV, no. 173, pp. 123-24.
- 18 The same to the same, 2 Feb. 1849, GW XIV, no. 171, pp. 122-23.
- 19 Marcks, pp. 488-89.
- 20 Kohl, I, pp. 81-96; Eyck I, p. 125.
- 21 Bismarck to his wife, 23 July 1849, GW XIV, no. 186, p. 131.
- 22 Kohl, I, pp. 103-15.
- 23 Bismarck to his wife, 19 April 1850, GW XIV, no. 230, p. 155.
- 24 Kohl, I, pp. 228-41.
- 25 Bismarck to Wagener, 7 Nov. 1850, GW XIV, no. 265, p. 180.
- 26 GW XV, pp. 32-53; Bismarck to his wife, 18 Nov. 1850, GW XLV, no. 268, p. 181, Srbik, op. cit., 11, pp. 44 and 55; Roan, *Denkwürdigkeiten*, I, pp. 261-62.
- 27 Kohl, I, pp. 257-79.
- 28 Pflanze, p. 194; Marcks, p. 601.
- 29 Letters from Bismarck to his wife, 20 and 23 Jan., 3 and 28 Feb., 3 and 5 March 1851, GW XIV, nos. 288 (p. 189), 290 (p. 191), 295 (p. 193), 302 (h. 196), 303 (pp. 196-97), 304 (p. 197).
- 30 Leopold Gerlach, *Denkwürdigkeiten*, pp. 737-38; Ludwig Gerlach, *Auswöhnungen*, 11, p. 124, Bismarck to his wife, 25 April 1851, GW XIV, no. 317, p. 205.
- 31 The same to the same, 28 April 1851, GW XIV, no. 319, pp. 206-207.
- 32 The same to the same, 1 May 1851, GW XIV, no. 320, p. 207.

Глава 4: ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОС- ЛАННИК

- 1 Journal of Mane de la Matte-Fouque, May 1851, cited by Meyer, *Bismarcks Kampf*, p. 505.
- 2 Bismarck to his wife, 18 May 1851, GW XIV, no. 328, p. 213.
- 3 Bismarck to O. Manteuffel, 26 May 1851, GW I, no. 4, p. 3; Bismarck to Wagener, 5 June 1851, GW XIV, no. 334, p. 217.
- 4 Bismarck to O. Manteuffel, 29 June 1851, GW I, no. 9, p. 17.
- 5 Bismarck to his wife, 18 May 1851, *tee. cit.*; see also his letters to her of 4 and 26 June, GW XIV, nos 333 and 343.
- 6 The same to the same, 3 July 1851, GW XIV, no. 346, p. 229.
- 7 Melaine Mettermich's Journal, August 1851, Metternich, *Ménloires VIII*, pp. 105-106; Srbik, *Metternich, Der Staatsmann und der Mensch*, 11, pp. 41.4.- 15; Palmer, *Metternich*, p. 326; Bismarck to his wife, 5 Aug. 1851, GW XIV, no. 354, p. 235 (and the letter to his wife of 11 Aug., *ibid.* 355, p. 236). See also Bismarck's general comments after his second visit to Metternich at Johannisberg on 5 July 1857, GW II, no. 261, p. 246.
- 8 Busch, *Secret Pages*, I, p. 370 (cf. GW VII, p. 437).
- 9 Meyer, *Bismarck's Kampf*, pp. 41-42, Reiners I, pp. 208-209; Werthelmer, *Bismarck im Politischen Kampf*, pp. 9-10; GW VII, p. 354; Bismarck to his mother-in-law, 4 April 1852, GW XIV, no. 390, p. 258.
- 10 Bismarck to his wife, 23 June 1852, GW XIV, no. 408, p. 268.
- 11 *Ibid.*, p. 269; Bismarck to O. Manteuffel, 25 June 1852, GW I, no. 176, p. 195; Bismarck to Gerlach, 25 June 1852, GW XIV, no. 409, p. 269.
- 12 Reiners, I, p. 205; Eyck I, pp. 210-11.
- 13 Bismarck to O. Manteuffel, 15 Feb. 1854, GW I, no. 473, pp. 425-27.
- 14 Pflanze, pp. 97-100; S. A. Kaehler article, HZ, vol. 174. (1952), pp. 436-78; GW XV, p. 73.

- 15 Bismarck to Leopold von Gerlach, 11 May 1857, GW XIV, no. 648, p. 469.
- 16 Bismarck to his sister, 28 June 1854, GW XIV, no. 318, p. 361.
- 17 Bismarck to O. Manteuffel, 13 April 1855, GW II, no. 45, pp. 40-42, Bismarck to Leopold von Gerlach, 27 April 1855, GW XIV, no. 566, pp. 397-99.
- 18 Bismarck to his wife, 2 September 1855, GW XIV, no. 580, p. 414.
- 19 Queen Victoria, *Leaves from a Journal*, pp. 125-26.
- 20 Corti, *The English Empress*, pp. 20-26; Elizabeth Longford, *Victoria R.I.*, pp. 326-28.
- 21 Bismarck to Leopold von Gerlach, 19 March 1856, GW XIV, no. 603, p. 4.36.
- 22 Bismarck to O. Manteuffel, 26 April 1856, GW II, no. 152, pp. 138 ff., Bismarck to Leopold von Gerlach, 28 April 1856, GW XIV, no. 608, pp. 440-41; Taylor, *Struggle for Mastery in Europe*, p. 86.
- 23 Bismarck to his wife, 6 April 1857, GW XIV, no. 637, P. 459.
- 24 The same to the same, 9 April 1857, GW XIV, no. 639, p. 460.
- 25 Bismarck to O. Manteuffel, 13 April 1855, GW II, no. 45, pp. 40-42.
- 26 Bismarck to Leopold von Gerlach, 2 May 1857, GW XIV, no. 647, pp. 464-69; Eyck I, pp. 270-71; cf. Bismarck to O. Manteuffel, 29 April 1857, GW II, no. 236, p. 207.
- 27 To Leopold von Gerlach, a May 1857, GW XIV, no. 647, p. 465.
- 28 To O. Manteuffel, 18 May 1857, GW II, no. 246, pp. 217-22; Taylor, *Struggle...*, p. 97.
- 29 Memorandum of late March 1858, GW II, no. 343, pp. 302-22.
- 30 Eyck I, pp. 305-306; Pflanze, p. 122, Hamerow, *Social Foundations*, pp. 38-48.
- 31 Bismarck to his wife, 13 Jan. 1859, GW XIV, nos. 689-90, pp. 496-97.
- 32 GW XV, p. 142; Bismarck to his brother-in-law, 6 Feb. 1839, GW XIV, no. 691, pp. 497-98, Bismarck to G. von Werthern, 6 Feb. 1859, *ibid.* no. 692, p. 498; Bismarck to Gustav von

Alvensleben, 8 Feb. 1859, *ibid.*, no. 694, p. 500, Bismarck to his wife, 29 March 1859, *ibid.*, no. 712, pp. 507-508; Bismarck to his sister, 10 Dec. 1858, *ibid.*, no. 686, P. 495.

Глава 5: ШУМ ЗА СЦЕНОЙ

- 1 Bismarck to his wife, 4. April 1859, GW XIV, no. 715, p. 510.
- 2 The same to the same, 19 April 1859 (describing St Petersburg), GW XIV, no. 719, pp. 513 ff.; and 6 June (describing Moscow), *ibid.*, no. 738, pp. 525 ff.
- 3 Many of Bismarck's letters from St Petersburg in GW XIV make this point: to his wife, 5, 6 and 7 May 1859, nos. 725-27; to his sister, 1 May, no. 723 ; to his brother, 8 May, no. 728. See also his letter to Alvensleben of 5 May in Rothfels, *Bismarck Briefe*, p. 246.
- 4 Schlözer, *Petersburger Briefe*, pp. 122-23; Gooch, *Studies in German History*, p. 322.
- 5 Bismarck to Schleinitz, 4 May 1859, GW II, no. 27, p. 28, Bismarck to Alvensleben, 3 May 1839, Rothfels, *Bismarck Briefe*, no. 128, pp. 244 ff. (extracts GW XLV, no. 724).
- 6 Nolde, *Petersburger Mission*, pp. 67-68; Pflanze, p. 127.
- 7 Bismarck to his sister, 29 June 1859, GW XIV, no. 744, pp. 530-31.
- 8 GW XV, pp. 158-59; Keudell, pp. 71-72; Bismarck to his wife, 22 Oct. 1859, GW XIV, no. 772, p. 542.
- 9 Bismarck to Otto von Wentzel, 3 Feb. 1860, GW XIV, no. 776, p. 544; Bismarck to Moritz von Blankenburg, 12 Feb. 1860, Rothfels, *Bismarck Briefe*, no. 141, p. 266.
- 10 Pflanze, p. 131-32; Nolde, *op. cit.*, p. 204; Kohl, *Bismarck Jahrbuch IV* (1897), pp. 154-57.
- 11 GW XV, pp. 161-62 , Bismarck to Wentzel, 10 April 1860, GW XIV, no. 778, p. 545.
- 12 Bismarck to Schleinitz, 6 April 1861, GW II, no. 176, p. 207.
- 13 The same to the same, 10 Dec. 1860, *ibid.* no. 127, pp. 147-48.
- 14 Rich and Fisher, *Holstein Papers I*, p. 5.
- 15 Bismarck to his sister, 26 March 1861, GW XIV, no. 815, pp. 567-68.

- 16 On E. von Manteuffel see: Ritter, *Sword and Sceptre I*, pp. 180-81; Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 148-54; and Craig's article in *Political Science Quarterly* LXVI (1951), pp. 1-36, reprinted in Craig, *War, Politics and Diplomacy*.
- 17 Bismarck memorandum 11-16 July (revised In October) 1861, GW II, no. 234, pp. 266-70.
- 18 Rich and Fisher, *Holstein Papers*, I, p. 21; Bismarck to his sister, 17 Jan. 1862, GW XIV, no. 836, p. 581.
- 19 Bismarck to his wife, 23 May 1862, GW XIV, no. 848, p. 587.
- 20 Queen Victoria to the crown princess, 11 June 1862, Fulford, *Dearest Child*, p. 72.
- 21 Bismarck to his wife, 1 June 1862, GW XIV, no. 854, pp. 89-90; Bismarck to Bernstorff, 6 June 1862, GW II, no 323, p. 363.
- 22 The same to the same, 28 June 1862, GW II, no. 354, p. 380; Mitchell, *Bismarck and the French Nation*, p. 23.
- 23 See, in particular, the letters of 2, 8 and 22 June 1862, GW XIV, nos. 855, 858 and 864.
- 24 Bismarck to Bernstorff, 28 June 1862, GW II, no. 354, p. 380; Bismarck to his son, Herbert, same date, GW XIV, no. 867, p. 597.
- 25 Bismarck to his wife, 5 July 1862, GW XIV, no. 872, p. 599.
- 26 Robert Blake, *Disraeli*, p. 430, Vitzthum von Eckstaedt, *St Petersburg and London*, II, p. 176; Bismarck to his wife, 30 June 1862, GW XIV, no. 870, p. 598.
- 27 Bismarck to his wife, 25 July 1862, GW XLV, no. 882, p. 604.
- 28 Orloff, pp. 38-39; Bismarck to his sister, 20 Aug. 1862, GW XIV, no. 897, p. 613. Bismarck to his wife, 11 Aug. 1862, GW XIV, no. 896, p. 611.
- 29 The same to the same, 19 Aug. 1862, GW XIV, no. 896, p. 612.
- 30 Keudell, p. 96.
- 31 Bismarck to Roan, 12 Sept. 1862, GW XIV, no. 908, p. 619.
- 32 Busch, *Secret Pages I*, pp. 244-45.
- 33 Orloff, p. 65-66, (cf. footnote 3 in GW III, p. 399).
- 34 GW XV, p. 177.

35 Bismarck to his wife, 21 Sept. 1862, GW XIV (ii), no. 911, p. 620.

Глава 6: КРОВЬ, ЖЕЛЕЗО, СЛЕЗЫ

- 1 Promnitz, *Bismarcks Eintritt*, pp. 67-99 and pp. 117-54, Pflanze, p. 167; Ludwig Dehio article, HZ 144 (1931), pp. 31-47; and see the article by Michael Howard on 'William I and the Reform of the Prussian Army' in Martin Gilbert (ed), *A Century of Conflict*, pp. 91-103.
- 2 Cord, *English Empress*, pp. 92-93; Frederick III, *Tagebucher 1848-66*, pp. 494-97.
- 3 Corti, op. cit., pp. 93-94; Pflanze, pp. 167-68.
- 4 GW XV, pp. 177-80; for the king's version see Frederick III's *Tagebucher*, pp. 497-500.
- 5 Bismarck to his wife, 24 Sept. 1862, GW XIV, no. 016, p. 621; Keudell, pp. 110-12.
- 6 Promnitz, op. cit., pp. 99-101; Hamerow, *Social Foundations*, pp. 158-62; Eyck, *Bismarck and the German Empire*, p. 38, Marx and Engels, *Briefwechsel*, III, pp. 125 and 134; Reiners, I, p. 334.
- 7 Kohl, II, pp. 15-18; Reiners I, p. 356; Eyck I, p. 428.
- 8 Kohl, II, pp. 19-20; GW X, pp. 140-41; Bismarck to the king, 3 Oct. 1862, GW XIV, no. 916, pp. 622-23, GW XV, p. 194.
- 9 Treitschke to Wilhelm Nokk, 29 Sept. 1862, cited by Gooch, *Studies in German History*, p. 275; see also Simon, *Germany in the Age of Bismarck*, p. 118.
- 10 GW XV, p. 194. (cf. Pflanze, p. 175 and footnote).
- 11 Schtözer, *Petersburger Briefe*, p. 261.
- 12 GW XV, pp. 194-95; Poschinger, *Bismarck und die Parlamentarier*, III, p. 209.
- 13 Pflanze, pp. 194-95, GW X, p. 158.
- 14 Bismarck to his wife, 31 Oct. and 2 Nov. 1862, GW XIV, nos. 926 and 927, p. 626; Bismarck to Prince Reuss, 29 Nov. 1862, *ibid.*, no. 932, p. 623.
- 15 Circular to embassies in London, Paris and Vienna, 8 Nov. 1862, GW IV, n. 6, pp. 10-11; Bismarck to Reuss, 18 Nov. 1862, GW XIV, no. 929, p. 627.

- 16 Karolyi to Rechberg, 5 Dec. 1862, app III, no. 60, p. 100; Bismarck to Werther, 13 Dec. 1862, app III, no. 71, pp. 114-18; Drouyn to Talleyrand, 25 Dec. 1862, app III, no. 88, pp. 140-43.
- 17 Pflanze, pp. 184-85.
- 18 Bismarck to Kathy Orlov, 28 Jan. 1863, Orloff, pp. 141-42.
- 19 Bismarck to his sister, 14 March 1861, GW XIV, no. 815, p. 568; Pflanze, p. 186.
- 20 Alvensleben to King William, 6 Feb. 1863, app III, no. 164, pp. 231-32; Bismarck to Alvensleben, 7 Feb. 1863, app III, no. 165, pp. 232-33.
- 21 Mosse, *The European towers and the German Question*, p. 115.
- 22 Bismarck to Redern, 27 Feb. 1863, GW IV, no. 45, p. 69 (and notes); King William to Alexander II, 17 June 1863, app III, no. 557, pp. 626-29; Mosse, op. cit., p. 119; Srbik, *Deutsche Einheit*, III, pp. 480-84.
- 23 Crown princess to Queen Victoria, 11 May 1863, Corti, op. cit., p. 102; Fulford, *Dearest Mama*, p. 211.
- 24 Frederick In, *Tagebucher*, p. 198; Anderson, *Social and Political Conflict*, pp. 205-208; Pflanze, pp. 204-205; Corti, op. cit., pp. 103-104.; Eyck I, pp. 502-507.
- 25 Francis Joseph to William I, 31 July 1863, app III, no. 610, pp. 683-84; Austrian Memorandum on Federal Reform, 3 Aug. 1863, app III, no. 617, p. 688; Bismarck to the Prussian Foreign Ministry, 4 Aug. 1863, App III, no. 623, p. 701. See also the Ministerial Declaration prepared in Vienna on 9 July 1863, Srbik, *Quellen* III, no. 1163, pp. 229 ff.
- 26 Remers, I, p. 441, Hohenlohe-Ingelfingen, *Aus meinen Leben* 11, p. ¼, GW XV, p. 234.
- 27 Grant Robertson, *Bismarck*, p. 153, Busch, *Secret Pages I*, pp. 175-76.
- 28 Orloff, pp. 141-43.
- 29 Richter, *Bismarck*, p. 141, Kendell, p. 126.

Глава 7. ГЕРЦОГСТВА ШЛЕЗВИГ И ГОЛЬШТЕЙН

- 1 Busch, *Secret Pages* (20 Oct. 1877) 11, p. 337. For the problem of the duchies in general, see Steefel, *The Schleswig-Holstein Question*.

- 2 King Leopold to Queen Victoria, 2 Feb. 1864, *Queen Victoria's Letters* (2nd Series), vol. I, p. 155.
- 3 See, for example, Bismarck to Manteuffel, 27 May 1856, GW II, no. 158, p. 155; and Bismarck to Schlemitz, 28 June 1861, GW III, no. 231, pp. 263-64, cf. Eyck I, pp. 553-54 and Steefel, op. cit., pp. 48-52.
- 4 Blankenburg to Ludwig von Gerlach, 4 Dec. 1863, Gerlach, *Aufzeichnungen* II, p. 259.
- 5 Bismarck to Goltz, 24. Dec. 1863, GW XIV, no. 999, pp. 658-59.
- 6 Fleury to Napoleon III, 24 Dec. 1863, *Orig. dipl.* I, pp. 2-4; Geuss, *Bismarck und Napoleon III*, pp. 97-98.
- 7 Crown princess to Queen Victoria, 25 Dec. 1863, Fulford, *Dearest Mama*, p. 283.
- 8 Srbik, *Deutsche Einheit*, IV, pp. 126-33; Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 185-87.
- 9 Steefel, op. cit., pp. 227-36; Eyck I, pp. 618-25; Mosse, *European Powers and the German Question*, pp. 187, 193-95 and 201-202.
- 10 Karolyi to Rechberg, 14 Jan. 1864, Steefel, op. cit., pp. 311-14.; also Srbik, *Quellen* III, p. 621.
- 11 GW XV, p. 254; Steefel, op. cit., pp. 108-109, Friedjung, *Struggle for Supremacy*, p. 51.
- 12 Talleyrand to Drouyn, 9 Feb. 1864, *Orig. dipl.*, p. 282.
- 13 GW VII, p. 85.
- 14 Memorandum on meeting with Augustenburg, 3 June 1864, GW IV, no. 394, pp. 448-50, Schüssler and Buchner, *Bismarck, Werke in Auswahl*, III, print extracts from a memorandum by the Prince (no. 265, p. 299).
- 15 GW XV, p. 256; see the long critical analysis of the Schonbrunn meeting by Srbik in *hz.* vol. 153 (1935-36), pp. 43-88, especially, for this question, p. 53; Clark, *Frank Joseph and Bismarck*, Appendix B, pp. 573 ff., Steefel, op. cit., p. 258.
- 16 Orloff, pp. 145-46; Bismarck to his wife, 7 Oct. 1864, GW XIV, no. 1059, p. 681.
- 17 Bismarck to Rechberg, 4 Oct. 1864, GW IV, no. 481, pp. 565-66; memoranda by Bismarck of 10 Oct. and 16 Oct. 1864, GW IV, nos. 483 and 486, pp. 569-72; Bismarck to Roon, 16 Oct. 1864., GW XIV, no. 1064, pp. 683-84.

- 18 Bismarck to Kathy Orlov, 25 Oct. 1864, Orloff, pp. 146-47.
- 19 Oubril to Gorchakov, 9 Nov. 1864, app V, no. 332, p. 474.
- 20 Bismarck to his wife, 30 Oct. 1864., GW XIV, no. 1071, p. 687.
- 21 Oubril to Gorchakov, 21 Nov. 1862, app V, no. 346, p. 498.
- 22 Bismarck to Werther, 25 Nov. 1864, app V, no. 355, pp. 509-10; Bismarck to Ladenburg, 13 Dec. 1864, app V, no. 401, pp. 557-61.
- 23 The February Conditions, Bismarck to Werther, 22 Feb. 1865, GW V, no. 62, pp. 96-103 (also printed as app V, no. 471, pp. 687 ff.), Clark, op. cit., p. 197.
- 24 Crown Council of ag May 1865: official record in app VI, no. 100, pp. 174-79; see also Moltke's separate note printed as app VI, no. 101, pp. 179-80.
- 25 Craig, op. cit., pp. 172-73; Ritter, *Sword and Sceptre*, I, p. 182; Stadelmann, *Das Jahr 1865*, pp. 39 and 79-81.
- 26 Crown Council official record, app VI, no. 100, p. 179; Pflanze, pp. 256-57.
- 27 Taylor, *Struggle for Mastery*, p. 157; note especially Bismarck's letters to Roan from Carlsbad of 3 and 7 July 1865, GW XIV, no. 1104, pp. 697-98 and GW V, no. 131, pp. 223-25.
- 28 Eyck, II, p. 79; Friedjung, op. cit., p. 75.
- 29 Reiners, 11, pp. 91-95; Clark, op. cit., p. 190.

Глава 8: ВОЙНА МЕЖДУ БРАТЪЯМИ

- 1 See, for example, Bismarck's letters of 28 June, 17 July, 1 and 2 I August 1865 to his wife and of I a July to his sister, GW XIV (ii), nos. 1101, 1111, 1117, 1123, 1107, pp. 696-703, *passim*.
- 2 Bismarck to Kathy Orlov, 21 October and 30 October 1865, Orloff, pp. 148-50. Johanna von Bismarck appears to have had no such complaints; Sophie von Sell, *Fürst Bismarcks Frau*, pp. 142-47.
- 3 Lefebvre to Drouyn, 27 Sept. 1865, *Orig. dipl.* VII, no. 1590, pp. 89-91.
- 4 Bismarck to the king, 3 Oct. 1865, GW V, no. 188, pp. 306-7 (also printed as app VI, no. 313); the same to the same,

- II Oct., *ibid.* no. 190, pp. 307-11. On the Biarritz talks see Paul Bernstein's article. *Revue d'Histoire diplomatique*, vol. 78 (1964), pp. 330-39.
- 5 Bismarck to Thile, 23 Oct. 1865, GW XIV (ii), no. 1129, P. 707.
- 6 Bismarck to Werther, 26 Jan. 1866, GW V, nos. 229 and 230, pp. 365-69.
- 7 Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 143-44; Eyck, I, p. 362.
- 8 Moltke, *Gesammelte Schriften* III, p. 427, cited by Craig, *Battle of Königgrätz*, p. 15.
- 9 Corti, *English, Empress*, p. 145, Official records of Prussian Crown Council, 28 Feb. 1866, app VI, nos. 499 and 500, pp. 611-19.
- 10 Karolyi to Mensdorff, 14 April 1866, *Srbik*, *Quellen* V (I), no. 2545, pp. 486-87.
- 11 Roan, *Denkwürdigkeiten* II, pp. 400-402 and p. 421.
- 12 Karolyi to Mensdorff, 21 March 1866, *Srbik*, *Opellen* V (i), no. 2418, pp. 336-37.
- 13 King William I to Alexander II, 29 March 1866, app VI, no. 662, pp. 780-81; Clark, *Franz Joseph and Bismarck*, p. 398.
- 14 Notes of 4 April 1866, *William I and Bismarck Letters* I, p. 60; Clark, *op. cit.*, pp. 374-76.
- 15 On the Gablenz Plan see especially Clark, *ibid.*, p. 414 and Appendix 18, pp. 568 ff.; Eyck II, pp. 174-79; Friedjung, *Struggle for Supremacy*, pp. 170-75, Becker, *Bismarcks Ringen*, pp. 121-59; Taylor, *Struggle for Mastery in Europe*, pp. 162-63.
- 16 Reiners, II, p. 135; Clark, *op. cit.*, p. 346 (citing Memoirs of General Govone).
- 17 See Bismarck's conversation with earl Schurz at the end of January 1868, GW VII, p. 231.
- 18 Eyck II, p. 183; Keudell, pp. 261-62 (cf. GW VII, no. 105, pp. 116-17).
- 19 Eyck II, pp. 185-88; Hamerow, *op. cit.*, p. 273; Frederick III, *Tagebucher*, p. 424.
- 20 Gerlach's account of the interview, *ow vii*, pp. 119-22; Keudell, p. 263.

- 21 Bismarck to Goltz, 30 March 1866, GW V, no. 283, p. 430.
- 22 Taylor, *op. cit.*, p. 164.
- 23 Bismarck to E. Manteuffel, 2 June 1866, GW V, no. 365, pp. 519–20; Mensdorff Circular, 29 May, Srbik, *Quellen* V (2), no. 2828, pp. 800-801; Kubeck to Mensdorff, 1 June, *ibid.* no. 2828, pp. 813-16.
- 24 Bismarck to E. Manteuffel, 4 June, GW V, no. 372, pp. 526-27, and 9 June 1866, GW XIV, no. 1149, p. 714.
- 25 Clark, *op. cit.*, pp. 346-51; Friedjung, *op. cit.*, pp. 190-94, Pflanze, p. 297.
- 26 Loftus, *Diplomatic Raminiscences* I, p. 60.
- 27 Bismarck to Kathy Orlov, 29 June 1866, Orloff, p. 151.
- 28 Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 195-97.
- 29 Bismarck's letters to his wife of 1 and 2 July 1866, GW XIV, nos. I 155-56, pp. 716-17; and his verbal reminiscences in 1892, GW IX, p. 268.
- 30 The best account of Königgrätz-Sadowa in English is in Craig's *Battle of Königgrätz*, pp. 99-175; Bismarck to his wife, 9 July 1866, GW XIV, no. 1157, p. 717.
- 31 Craig, *Battle..*, p. 122; Keudell, pp. 288-92.
- 32 Craig, *Battle..*, p. 206 (citing Wartenleben's memoirs, *Ein Lebensbild*, p. 44).
- 33 Cralg, *Battle..*, pp. 174-75; Bismarck to his wife, 11 July 1866, GW XIV, no. 1158, pp. 171-18; Busch, *Secret Pages*, I, pp. 94-95.
- 34 Napoleon III to King William, 4 July 1866, *Orig. dipl.* X, no. 2861, pp. 314-15; Keudell, p. 191; and conversation of 5 July recorded in GW VII, pp. 137-38.
- 35 Bismarck to his wife, 9 July 1866, GW XIV, no. 1157, p. 717.
- 36 Bismarck to Redern, 10 July 1866, GW VI, no. 465, pp. 48-49.
- 37 Drouyn to Benedetti, 14 July 1866, *Orig. dipl.* XI, no. 2980, pp. 30-32.
- 38 GW XV, pp. 271-73; Keudell, pp. 296-97; Craig, *Politics of...*, pp. 200-203.
- 39 *Ibid.*; Drouyn to Benedetti and Benedetti to Drouyn, 19 July 1866, *Orig. dipl.* XI, nos. 3048 and 3053, pp. 106-108 and 112-15.
- 40 Cortl, *loc. cit.*, p. 154.

- 41 Bismarck to King William, 24 July 1866, GW VI, no. 498, pp. 78-80.
- 42 The king's annotations to the above documents (25 July), *ibid.*, p. 81, on Bismarck's despair, see GW XV, p. 279 (cf., on the same page, his version of the king's comments with the annotations cited above).
- 43 See GW VII, no. 122, p. 140; Corti, *op. cit.*, p. 155.

Глава 9: ГЕРМАНИЯ САДИТСЯ НА КОНЯ

- 1 See the article by G. R. Mörk on Bismarck and German liberalism, *JMH*, vol. 43 (I), March 1971, pp. 59-75.
- 2 Frederick III, *Tagebucher*, p. 454; Corti, *English Empress*, pp. 155-56; Pflanze, p. 322.
- 3 See the extracts from Treitschke's writings in Simon, *Germany in the Age of Bismarck*, pp. 120-22.
- 4 Eyck II, P. 305.
- 5 Eyck II, pp. 298-99; Seeker, *Bismarck's Ringen*, pp. 200-10.
- 6 Bismarck to Goltz, 31 July 1866, GW VI, no. 515, pp. 92-93; Bismarck to E. Manteuffel, 7 and 9 Aug., GW VI, nos. 535 and 543, pp. 103-104 and 114-15.
- 7 Bismarck to Goltz, 5 and 8 Aug. 1866, GW VI, no. 530, p. 101 and no. 538, pp. 106-10.
- 8 Same to the same, 20 Aug., GW VI, no. 579, pp. 135-37; Pflanze, pp. 373-75.
- 9 Bismarck to Cote, 7 Sept. 1866, app VIII, no. 20, pp. 61-62; Goltz to Thile (Foreign Ministry), 20 and 27 Oct. 1866, app VIII, nos. 58 and 65, pp. no and 121.
- 10 Keudell, pp. 309-10 (cf. GW VII, p. 160).
- 11 Sell, *Bismarcks Frau*, pp. 155-57; Keudell, pp. 319-42.
- 12 Memoranda dictated by Bismarck, 30 Oct., 19, 21 and 26 Nov. 1866, GW VI, nos. 615, 617-18 and 620, pp. 167-72.
- 13 Eyck II, pp. 325-26, Pflanze, pp. 337-38; Grant Robertson, *Bismarck*, p. 226.
- 14 Draft constitutional text, GW VI, no. 629, pp. 187-96. See the detailed analysis in Keeker, *op. cit.*, pp. 241-75.
- 15 Conversation with Friesen, early Jan. 1867, GW VII, no. 147, pp. 173-77 (quotation from p. 174).
- 16 Becker, *op. cit.*, pp. 273-77 and 359-63.

- 17 The fullest discussion of the constitutional problem in English is in Pflanze, pp. 348-63. See also Hamerow, *Social Foundations Struggles*, pp. 322-34.
- 18 Kohl III, pp. 167-80.
- 19 Bismarck to Goltz, 15 Feb. 1867, app VIII, no. 243, pp. 393-94; see also Goltz to Bismarck, same date, *ibid.* no. 245, pp. 395-98.
- 20 Bismarck to Eichmann, 19 Feb. 1867, GW VI, no. 689, p. 273, Bismarck circular to German courts, 20 Feb., *ibid.* no. 690, pp. 273-74; Bismarck to diplomatic missions in southern Germany, 8 March, *ibid.* no. 704, pp. 296-97.
- 21 Ritter, *Sword and Sceptre*, I, pp. 219 and 311.
- 22 Conversation with Bethusy-Hue, March 1867, GW VII, no. 156, pp. 186-87.
- 23 Kohl III, pp. 263-65.
- 24 Ritter, *op. cit.*, p. 219.
- 25 Keudell, pp. 365-66; Grant Robertson (*op. cit.*, p. 250) cites the comment of Madame Carette, as well as of Leboeuf and Vaillant.
- 26 Bismarck to Rosenberg, 20 Aug. 1867, App IX, no. 128, pp. 181-82.
- 27 Bismarck to Reuss (reporting conversation with Russian ambassador), 22 March 1868, app IX, no. 680, pp. 799-803 (also GW VI (a), no. 1108, pp. 318-22).
- 28 Same to the same, 18 Jan. 1868, GW VI (a), no. 1024, pp. 214-15; Bismarck to south German diplomatic missions, 1 Feb., *ibid.* no. 1037, pp. 227-28.
- 29 Stehlin, *Sismarek and the Guelph Problem*, *passim*, and for the Guelph Fund especially, see pp. 194-211.
- 30 Pflanze, pp. 391-94 and 399-401; Eyck II, pp. 391-92 401.
- 31 Bismarck to Werthern, 26 Feb. 1869, GW VI (b), no. 1327, pp. 1-2.
- 32 Busch, *Secret Pages* I, p. 4.
- 33 Becker, *op. cit.*, pp. 612-24, Bismarck circular, 10 Jan. 1870, GW VI (b), no. 1469, p. 201, Bismarck to Werther, 11 Jan., GW VI (b), no. 1470, pp. 201-202.
- 34 Bonnin, *Bismarck and the Hohenzollern Candidature*, p. 28.
- 35 Bismarck telegram from Varzin to Foreign Ministry, 3 Oct. 1868, GW VI (a), no. 1186, p. 412.

- 36 Bismarck to Solms, 11 May 1869, GW VI (b), no. 1389, p. 78.
- 37 Lord, *Origins if the War*, pp. 14-16.
- 38 Bolhun, op. cit., p. 62-65.
- 39 Eyck II, p. 445; Keudell, pp. 430-32.
- 40 Bismarck's Memoranda, 9 March 1870, GW VI (b), no. 1521, pp. 266-68.
- 41 Minutes written by Charles Anthony, 16 March 1870, Bonnin, op. cit., pp. 291-94. See also the interesting letter from Charles Anthony to his son, the Prince of Roumania, on 20 March, of which translated extracts are in Medlicott and Coveney, *Bismarck and Europe*, pp. 68-69.
- 42 Bismarck to Arnim, 25 March 1870, GW VI (b), no. 1540, pp. 301-302; Bismarck to Bernstorff, 25 March, *ibid.* no. 1541, pp. 302-305.
- 43 Bucher's report, 14 April 1870, Bonnin, op. cit., pp. 114-18; Versen Diary, *ibid.*, pp. 261-62.
- 44 Bismarck (Varzin) to Thile (Foreign Ministry), 18, 20, 27 April, Bonnin, op. cit., pp. 122, 131-34 and 139-43; Versen Diary, *ibid.*, p. 264.
- 45 Bismarck to Charles Anthony, 28 May, *ibid.*, p. 158; Charles Anthony to Bismarck, 31 May, *ibid.*, pp. 162-63; Thile to Prussian Legation, Madrid, 11 June, *ibid.*, p. 178, Bismarck to Versen, 11 June, *ibid.*, p. 179; Bismarck to the crown prince, 11 June, *ibid.*, pp. 180-81.
- 46 *Ibid.*, pp. 166 and 233-34; Pflanze, p. 452 (citing Ollivier's *L'Empire liberale*); Lynn Case, *French Opinion...*, pp. 244-51; Keudell, p. 429.
- 47 Fritz Stern, 'Gold and Iron', *Am. Hist. Rev.*, vol. 75 (i), 1969, p. 43 (printing extracts from the Bleichroeder archives).
- 48 Bismarck (Varzin) to the Foreign Ministry, 11 July 1870, GW VI (b), no. 1591, p. 354.
- 49 Bonnin, op. cit., pp. 244, 248 and 250.
- 50 *Ibid.*, pp. 248-49; see Langer's article on 'Bismarck as a Dramatist' in Sarkissian, *Studies in Diplomatic History*, p. 202. A. J. P. Taylor, *Bismarck*, pp. 116-22 offers an interesting interpretation of the chancellor's policy in 1870.
- 51 Bismarck to Abeken (Ems), 12 July 1870, GW VI (b), no. 1601, p. 360, Langer, *loc. cit.*, p. 203.

- 52 Langer, loc. cit., pp. 202-204; C. W. Clark, 'Bismarck, Russia and the War of 1870', *JMH*, vol. XIV, no. 2 (1942) prints reports from Gorchakov to Alexander II, sent on 12 July (pp. 200-201) and two sent on 13 July (pp. 201-202).
- 53 Langer, loc. cit., p. 208; Lord, op. cit., nos. 159 and 181.
- 54 The Ems Telegram legend is critically analysed by Langer, loc. cit., pp. 210-11. There are many Bismarckian versions, culminating in the famous account in his memoirs, gw xv, pp. 307-11. See also the tale as told to Lucius von Ballhausen (Sept 1876 in Lucius, pp. 91-92) and twice to Monte Busch, Dec. 1870 (*Secret Pages I*, pp. 404-405) and Oct. 1877 (ibid. II, pp. 340-41).
- 55 Steefel, *Bismarck, the Hohenzollern Candidacy... War of 1870*, pp. 208-209 for events in Paris and p. 216 for the declaration of war; Case, op. cit., pp. 254-57; Frederick III, *War Diary*, p. 9.

Глава 10: СЕДАН И ВЕРСАЛЬ

- 1 Busch, *Secret Pages I*, p. 64; Bismarck to his wife, 16 Aug. 1870, GW XIV (ii), no. 1321, p. 785.
- 2 Busch, *Secret Pages I*, pp. 88-89 and 95; Howard, *Franco-Prussian War*, pp. 144-66, Bismarck to his wife, 16, 17 and 19 Aug., GW XIV (ii), nos. 1320-25, pp. 784-86.
- 3 Frederick III, *War Diary*, pp. 64-65; Howard, op. cit., pp. 162 and 167- 82.
- 4 Ibid., pp. 212-23; Busch, *Secret Pages I*, pp. 140-43; Keudell, p. 455, Bronsart, *Kieegstagebuch*, pp. 58-59.
- 5 Howard, op. cit., pp. 218-21; Bronsart, op. cit., p. 61; Frederick III, op. cit., pp. 90-93; Busch, *Secret Pages I*, pp. 143-47.
- 6 Bismarck to his wife, 3 Sept. 1870, GW XIV (ii), no. 1374., p. 789.
- 7 Bronsart, op. cit., p. 65; Busch, *Secret Pages I*, p. 159.
- 8 Bismarck to Bernstorff, 16 Sept. 1870, GW VI (b), no. 1805, pp. 497-98; Bismarck to Bernstorff et al., 16 Sept. 1870, ibid. no. 1808, pp. 500-502.
- 9 Bismarck circular, 27 Sept. 1870, GW VI (b), no. 1835, pp. 519-21; Busch, *Secret Pages I*, pp. 191-94.

- 10 Ibid., p. 194.
- 11 Frederick III, op. cit., p. 215.
- 12 Home, *Fall of Paris*, p. 144; Busch, *Secret Pages I*, pp. 215, 246 and 250.
- 13 Ibid., p. 246 (for Keudell's remark); Keudell, pp. 458-60.
- 14 Frederick III, op. cit., pp. 150-51 and p. 181 (9 Oct. and 6 Nov. diary entries).
- 15 Craig, op. cit., pp. 204-209, Feder (ed), *Bamberger, Bismarcks grosses Spiel*, p. 207; Ritter, *Sword and Sceptre I*, pp. 219-22.
- 16 Bismarck to his wife, 20 Oct. 1870, GW XIV (ii), no. 1350, p. 796; Bismarck to King William, 5 Dec., GW VI (b), no. 1950, pp. 615-17; Busch, *Secret Pages I*, p. 254.
- 17 Craig, op. cit., pp. 209-11; Howard, op. cit., pp. 350-57.
- 18 Busch, *Secret Pages I*, pp. 293, 306, 315, 325, 332 and 336; Bronsart, op. cit., p. 212 (7 Dec. 1870).
- 19 Bismarck to Bernstorff, 24. Nov. 1870, GW VI (b), no. 1928, pp. 597-98; Taylor, *Struggle for Mastery*, pp. 214-15.
- 20 There is a good impression of the general strain at Versailles in Holstein's memoirs. Rich and Fisher, *Holstein Papers*, I, pp. 49-52.
- 21 Bismarck to Roan, 7 Nov. 1870, GW VI (b), no. 1910, pp. 583-84; Becker, *Bismarcks Ringen*, pp. 727-29.
- 22 See Wilhelm Schössler's contribution to Göhring and Scharf (eds), *Geschichtliche Kräfte*, pp. 206-209, especially the letter from Bismarck to Ludwig of Bavaria on 27 Nov. 1870 (p. 207); see, also Acton, *Historical Essays*, pp. 204-205. Of recent discussions, Stehlin, *Bismarck and the Guelph Problem*, pp. 206-207 is preferable to the over-dramatised version in Noll v. d. Nahmer, *Bismarcks Reptilienfonds*, pp. 150-65.
- 23 Frederick III, op. cit., p. 212.
- 24 Ibid., pp. 180, 224, 251, 253, 257-59 and 263; Bronsart, op. cit., p. 301.
- 25 Ritter, op. cit., I, pp. 222-23 and 310; Bismarck to King William, 14 Jan. 1871, GW VI (b), no. 2005, pp. 665-69; General Stosch to the crown prince, same date, Hollyday, *Bismarck's Rival*, pp. 85-86.
- 26 Frederick III, op. cit., pp. 261-62, 265-68; GW XV, p. 327.

- 27 Ibid., pp. 328-29; Frederick III, op. cit., pp. 268-74; Bronsart, op. cit., p. 298; Rich and Fisher, *Holstein Papers I*, p. 79. The proclamation, written by Bismarck, is printed in GW VI (b), no. 2007, pp. 671-72. W. H. Russell wrote a vivid description of the scene in the *Calorie des Glaces*. It appeared in his book, *My Diary during the last Great War* (1874) but is less known in England than Russell's earlier writing. An extract is in Home, *Fall of Paris*, p. 301.
- 28 Bismarck to his wife, 21 Jan. 1871, GW XIV (ii), no. 1389, p. 810.
- 29 Eyck II, pp. 563-64.
- 30 Craig, op. cit., pp. 213-14; Bronsart, op. cit., pp. 309-11.
- 31 Howard, op. cit., pp. 438-43; Busch, *Secret Pages I*, pp. 486-87; Frederick III, op. cit., p. 282.
- 32 Howard, op. cit., pp. 446-49.
- 33 Frederick III, op. cit., p. 317; Bronsart, op. cit., pp. 370-73.
- 34 Frederick III, op. cit., pp. 319-22.
- 35 Bismarck to his wife, 5 March 1871, GW XIV, no. 1410, p. 816; Bronsart, op. cit., p. 372; Busch, *Secret Pages I*, pp. 563-64.

Глава 11. КОНФЛИКТ НЕПОГРЕШИМЫХ

- 1 Frederick III, *War Diary*, pp. 336-37, Emperor William to Bismarck, 21 March 1871 ; *William I and Bismarck Letters I*, p. 130.
- 2 Schmidt-Volkmar, *Der Kulturkampf*, p. 24.
- 3 Bismarck to Arnim, 20 July 1870, GW VI (b), no. 1689, p. 409.
- 4 GW XV, p. 330 ; Busch, *Secret Pages I*, pp. 294-95; Kent, Arnim and Bismarck, p. 42; Eyck III, pp. 83-84.
- 5 Minutes of Prussian Council of Ministers, I Nov. 1871, A. Constabel, *Die Vorgeschichte des Kulturkampfes*, no. 119, pp. 136-41.
- 6 Stehlin, *Bismarck and the Guelph Problem*, p. 101.
- 7 Schmidt-Volkmar, op. cit., pp. 77-79; Ruhenstroth-Bauer, *Bismarck und Falh*, pp. 23-31.
- 8 Schmidt-Volkmar, op. cit., p. 119.
- 9 Ibid., p. 79.

- 10 Eyck III, p. 100 ff., see Bismarck's speeches to the Prussian deputies in January and February 1872, Kohl V, pp. 225-81, and to the Upper House, 7 March 1872, *ibid.*, pp. 305-307.
- 11 Kohl V, pp. 336-37.
- 12 Odo Russell to Granville, 18 Oct. 1872, Knaplund, *Letters from the Berlin Embassy*, p. 71.
- 13 GW XV, p. 333. For contemporary evidence of the significance of the Polish aspect, see Russell's comments in March 1872; Taffs, *Ambassador to Bismarck*, p. 13. Falk emphasized the importance of Poland when writing to William I on 3 March 1872, Constabel, *op. cit.*, no. 153, pp. 187-89.
- 14 Bismarck to Reuss, 22 Aug. 1872, GW XIV (ii), no. 1462, pp. 836-37, Wertheimer, *Andrassy*, II, p. 71; Langer, *European Alliances and Alignments*, pp. 21-22.
- 15 Gorchakov to Brunnow, 11 Sept. 1872, cited by Sumner, *Russia and the Balkans*, p. 89; Schweinitz, *Denkwürdigkeiten I*, p. 299.
- 16 Bismarck to his wife, 3 May 1873, GW XIV (ii), no. 1486, p. 849.
- 17 Convention of 6 May 1873, GP I, no. 127, pp. 203-204.
- 18 Protocols of 6 June and 22 Oct. 1873, GP I, no. 129, pp. 206-207; Pribram, *Secret Treaties of Austria-Hungary I*, Appendix A, pp. 184-87.
- 19 Bismarck to the Emperor, 14 Oct. 1872, GP I, no. 91, pp. 153-54 (cf. also GP I, no. 95); Kent, *op. cit.*, pp. 70-72 and 92.
- 20 Arnim to Bismarck, 3 Oct. 1872, GP I, no. 90, pp. 150-53; Kent, *op. cit.*, pp. 187-88.
- 21 Bismarck to Arnim, 20 Dec. 1872, GP I, no. 95, pp. 157-62.
- 22 Kent, *op. cit.*, pp. 91-94 and 96-106.
- 23 *Ibid.*, pp. 93-94.
- 24 Emperor William I to Bismarck, 12 Dec. 1872, *ibid.*, p. 101.
- 25 Bismarck to Arnim, 19 June 1873, GP I, no. 115, pp. 189-31, Kent, *op. cit.*, pp. 116-21.
- 26 Footnote in GP I, p. 191; Kent, *op. cit.*, pp. 121-22.
- 27 Lucius, pp. 35-36; Sell, *Fürst Bismarcks Frau*, p. 196; Bismarck to E. Billow, 7 July 1873, GW XIV (ii), no. 1494, pp. 852-53.
- 28 Kent, *op. cit.*, pp. 124-27.

- 29 Lucius, p. 46; Eyck III, p. 70; Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 220-21.
- 30 Kent, op. cit., pp. 129-40, Lucius, p. 64.
- 31 Kent, op. cit., pp. 144-49 and 194-97; Rich and Fisher, *Holstein Papers I*, pp. 95-96.
- 32 Snyder, *Blood and Iron Chancellor*, pp. 237-39 Prints some interesting extracts from the *New York Times* reporting Bismarck's attempted assassination; Bismarck to Reuss, 30 July 1873, GW XIV (ii), no. 1521, p. 862; William I to Bismarck, 17 July 1874, *William I - Bismarck Letters I*, no. 197, p. 155.
- 33 Kent, op. cit., pp. 152-53; Extracts from Hohenlohe memoirs, Oct. and Nov. 1874, GW VIII, nos. 88 and 89, pp. 123-26, Lucius, pp. 60-61.
- 34 Speech of 4 Dec. 1874, Kohl VI, pp. 214-26; other *Reichstag* speeches in this period, *ibid.*, pp. 190-239.
- 35 Taffs, op. cit., pp. 45-46. For the Arnim Trial in general, Kent, op. cit., pp. 163-70.
- 36 Rich, *Friedrich van Holstein I*, pp. 81-83. Holstein's testimony at the trial is printed in Rich and Fisher, *Holstein Papers III*, pp. 31-36.
- 37 Tiedemann's memoirs, 25 Jan. 1875, GW VIII, no. 97, pp. 138-39. The translation of Bismarck's remarks in Eyck, *Bismarck and the German Empire*, p. 205, is more epigrammatic, but slightly misleading.
- 38 Bismarck to Nicholas Orlov, 10 Feb. 1875, Orloff, pp. 162-63.
- 39 Bismarck to Hohenlohe, 26 Feb. 1875, GP I, no. 155, p. 245.
- 40 Andreas Hillgruber article on the 'War in Sight' Crisis, Schulin (ed), *Gedenkeschrift Martin Göhring*, pp. 239-53.
- 41 Hillgruber, loc. cit., especially pp. 247-48; Mitchell, *Bismarck and the French Nation*, p.86. See, also, the footnote to GPI, no. 160, pp. 253-54.
- 42 Eyck III, p. 161 ; Emperor William I to Foreign Ministry, 11 April 1875, GP I, no. 162, p. 255; Bulow (on Bismarck's instructions) to the emperor, 12 April, GP I, no. 163, pp. 255-57.
- 43 *Ibid.*, p. 85; Rich and Fisher, *Holstein Papers I*, p. 94; Gontaut-Biron to Decazes, 21 April 1875, DDf I, no. 395, pp. 415-21 ; Radowitz's account, 12 May 1875, Gp I, no. 177, pp. 275-77.

- 44 Decazes Circular, ag April 1875, DDF I, no. 399, pp. 426-33; Taffs, op. cit., pp. 85-86.
- 45 Bismarck to Munster, 12 May 1875, GP I, no. 176, pp. 273-75. As well as Taffs and Hillgruber, loc. cit., see the general discussions by Taylor, *Struggle for Mastery*, pp. 225-26, Sumner, op. cit., pp. 95-99 and Seton-Watson, *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*, pp. 11-14.
- 46 Bismarck's conversation with Aegidi, May 1875, GW VIII, no. 104, pp. 144-45; Sumner, op. cit., p. 98; Eyck III, pp. 173-74 (but compare Berchem to Foreign Ministry, 14 May, GP I, no. 182, p. 295).
- 47 Eyck III, p. 181; Russell to Robert Morier, May 1875, Medlicott, *Bismarck and Modern Germany*, p. 117.
- 48 Wertheimer, op. cit., II, p. 243.
- 49 Bismarck to Emperor William I, 4 May 1875, GW VI (c), pp. 58-59 (also *William-Bismarck Letters* I, no. 207, pp. 162-63); William to Bismarck, 11 May, *ibid.* I, no. 208, p. 164.

Глава 12. ЧЕСТНЫЙ МАКЛЕР

- 1 Bismarck to Motley, 6 July 1872, GW XIV (ii), no. 1458, p. 835.
- 2 Compare especially the two speeches of 22 November and 3 December 1875 (Kohl VI, pp. 291 ff. and 309 ff.) with the provocative speeches of 4 Dec. 1874 (Kohl IV, pp. 214. ff.).
- 3 Eyck, pp. 191-96.
- 4 Sumner, *Russia and the Balkans*, pp. 137-52.
- 5 Russell to Derby, 29 Nov. 1875, Taffs, op. cit., pp. 112-15.
- 6 Kohl vi, pp. 446 ff.
- 7 Werthelmer, *Andrassy* II, pp. 271-73.
- 8 Taffs, op. cit., pp. I 18-22; Bulow to Munster, 4 Jan. 1876, GP II, no. 227, pp. 29-31.
- 9 Medllcott on 'Bismarck and Beaconsfield' In Sarkissian (ed), *Studies in Diplomatic History*, p. 228, Monypenny and Buckle, *Disraeli* V, p. 420.
- 10 Tails, op. cit., pp. 122-26; Monypenny and Buckle, op. cit., VI, pp. 18-21; Medllcott In Sarkissian, op. cit., p. 229.
- 11 Oubril to Gorchakov, 5 Jan. 1876, Gorlalnov, *La Question d'Orient*, pp. 65-66, originally cited In the same author's

- Le Bosphore et les Dardanelles* from documents obtained when he was archivist in the Imperial Russian Foreign Ministry.
- 12 Wertheimer, op. cit., II, pp. 295-99; Sumner, op. cit., p. 164; Schweinitz, *Denkwürdigkeiten* I, pp. 329-30.
 - 13 Blake, *Duraeli*, pp. 588-90; Monypenny and Buckle, op. cit., VI, pp. 22-23; Seton-Watson, *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question*, p. 33.
 - 14 Medlicott in Sarkissian, op. cit., pp. 235-36.
 - 15 Disraeli to Derby, 4 Sept. 1876, Monypenny and Buckle, VI, pp. 52-53.
 - 16 For the Reichstadt Agreement and its consequences, Sumner, op. cit., pp. 173 ff. and 583-85; and for the Congress proposal, *ibid.*, p. 199 and the editorial note on p. 32 of GP II, relating suggestions transmitted by Schweinitz on 6 and 7 August to the letter cited immediately below.
 - 17 Bismarck to Bulow, 14 Aug. 1876, GP II, no. 228, pp. 31-34.
 - 18 Manteuffel mission, Sumner, op. cit., pp. 201-207; Schweinitz, *Briefwechsel*, pp. 115-16 and *Denkwürdigkeiten* I, pp. 348-50; Bismarck's directive, 30 Aug. 1876, GP II, no. 229, pp. 34-37, Manteuffel to William I, 6 Sept., GP II, no. 231, pp. 38-44. For the Werder episode, see Werder to the Foreign Ministry, 25 Sept., GP II, no. 237, p. 52 and 1 Oct., *ibid.* no. 239, p. 53. For the Austrian approach (the 'Munch mission') see Sumner, p. 210 and accompanying footnote. Bismarck's annoyance, especially with Werder, is evident in his memorandum of 2 Oct., GP II, no. 240, p. 54.
 - 19 Schweinitz, *Denkwürdigkeiten* I, pp. 355-56 and 359-64; Schweinitz, *Briefwechsel*, p. 120; Schweinitz to the Foreign Ministry (from Yalta), 1 and 2 Nov. 1876, GP II, no. 252 (pp. 80-81) and no. 253 (pp. 82-84).
 - 20 Medlicott in Sarkissian, op. cit., p. 242; Taffs, op. cit., pp. 177-79. See the extract from the letter of Shuvalov to Gorchakov, 20 Feb. 1877 printed (from *Slavonic Review* IV, pp. 746-47) in Medlicott and Coveney, *Bismarck and Europe*, pp. 100-101.
 - 21 See, in general, for Stosch the biography by Frederick Hollday, *Bismarck's Rival*. The 1877 Crisis is covered on pp.

- 164-70. For Bismarck's hostility to Stosch in 1874 see Lucius, p. 57.
- 22 Busch, *Secret Pages II*, pp. 269-72; Crown princess to Queen Victoria, 7 April 1877, Corti, *English Empress*, p. 201.
- 23 Feder (ed), Bamberger, *Bismarcks grosses Spiel*, p. 322.
24. Busch, *Secret Pages 11*, p. 328.
- 25 Eyck III, pp. 204-207; GW XV, pp. 368-70: Emperor William I to Bismarck, 30 Dec. 1877, *William I – Bismarck Letters I*, no. 229, p. 185.
- 26 Schmidt-Volkmar, *Der Kulturkampf*, pp. 219-36.
- 27 Speech of 19 Feb. 1878, GW XI, pp. 520-29; for the 'honest broker' phrase, and its reception. In the chamber, p. 526.
- 28 Billow to Stolberg, 3 March 1878, GP II, no. 332, p. 207, Werthelmer, op. cit., III, p. 86; Saint-Valuer to Waddington, 2 March 1878, DDF II, no. 256, pp. 261-63.
- 29 Sumner, op. cit., p. 493; Munster to Bismarck, 2 June 1878, GP II, no. 425, p. 323.
- 30 GW XV, p. 372; Eyck III, pp. 220-29; Lucius, p. 139-40; Bismarck's telegram to Billow, 11 May 1878, GW VI (c), no. 119, p. 109; see also Bismarck's remarks to Busch on the dissolution of the Reichstag, *Secret Pages III*, p. 32 (15 Nov. 1881).
- 31 Sumner, op. cit., p. 501; for Bismarck's annoyance at Gorchakov's decision to come to Berlin see his comments to Shuvalov, quoted by Waller, *Bismarck at the Crossroads*, p. 75.
- 32 Beaconsfield to Queen Victoria, 17 June 1878; Money Penny and Buckle, op. cit., VI, p. 322; Taffs, op. cit., pp. 236-40.
- 33 Cecil, *Salisbury*, II, pp. 286-87.
- 34 Caratheodory Pasha (Turkish delegate), cited by Sumner, op. cit., p. 511.
- 35 Medlicott in Sarkissian, op. cit., p. 250.
- 36 Beaconsfield to Queen Victoria, 17 June and 5 July 1878, Money Penny and Buckle, op. cit., VI, p. 322, 335.
- 37 Beaconsfield to Tenterden, 2 July 1878, cited Sumner, op. cit., p. 505.
- 38 Eyck III, p. 264.
- 39 For Bismarck's failing health, see Medlicott, *Congress of Berlin*, p. 71; cf. Richter, *Bismarck*, p. 244.

Глава 13: РАСЦВЕТ СИСТЕМЫ БИСМАРКА

- 1 Eyck III, pp. 237-38 and 278-79; LUCIUS, pp. 142-45.
- 2 Eyck III, p. 282. Note to the Federal Council (from Friedrichsruh), 15 Dec. 1878, GW VI (c), no. 138, p. 128.
- 3 See the two articles by Fritz Stern on 'Money and Morals in Bismarck's Society', *Central European History* III, pp. 55-56, and on Bleichroeder and Bismarck in *Am. Hist. Rev.*, vol. 75 (I), p. 42.
- 4 Vagts' article on 'Bismarck's fortune'. *Central European History* I, p. 210.
- 5 Poschinger, *Bismarck und die Parlamentarier* I, p. 144, Schmidt-Volkmar, *Kulturkampf*, pp. 249-53; Ruhenstroth-Bauer, *Bismarck und Falk*, pp. 82-83.
- 6 See the extract from Bishop Ketteler's 'Christianity and the Problem. of the Workers' (1864) In Simon, *Germany in the Age of Bismarck*, pp. 185-86, together with Professor Simon's editorial comments, *ibid.*, pp. 71-72.
- 7 Eyck I, pp. 295-97 and 599-600; Taylor, *Bismarck*, p. 60; Pflanze, pp. 227-29.
- 8 Bismarck's speech of 2 April 1881, Rothfels, *Bismarck und der Staat*, p. 358; extract, in an English translation, in Simon, *op. cit.*, pp. 200-202; cf. Busch, *Secret Pages* II, p. 483.
- 9 Russell to Granville, 17 Jan. 1881, Knaplund, *Letters from the Berlin Embassy*, pp. 188-89.
- 10 Summer, *Russia and the Balkans*, pp. 489-90 and 555-56; Waller, *Bismarck at the Crossroads*, pp. 80-83.
- 11 *Ibid.*, pp. 82-83; Dr Bruce Waller's detailed analysis of these events outclasses all earlier accounts.
- 12 Schweinitz, *Denkwürdigkeiten* II, p. 60; Waller, *op. cit.*, p. 190; Windel- band, *Bismarck and die europaischen Grossmächte*, p. 66.
- 13 Windelband, *op. cit.*, pp. 66-89; Waller, *op. cit.*, pp. 192-93.
- 14 Alexander II to William I, 15 Aug. 1879, GP III, no. 446, pp. 14-16.
- 15 Radowitz (Berlin) to Bismarck (Gastein), 9 Sept. 1879, GP III, no. 463, pp. 59-60 and Bismarck's reply, *ibid.* no. 464, pp. 60-61; memorandum by Emperor William, 9 (?) Sept. 1879, *ibid.* no. 465, pp. 62-64.

- 16 Hohenlohe, *Memoirs* II, pp. 245-47 (22 Sept. 1879).
- 17 Bismarck to Andrassy, 29 Sept. 1879, GW XLV (ii), no. 1619, pp. 908-9; extracts in English (together with comments by Andrassy, from a version preserved in the Vienna archives) in Medicott and Coveney, *Bismarck and Europe*, pp. 116-17.
- 18 Windelband, op. cit., p. 83; William I to Bismarck, 2 and 4 Oct. 1879, GP III, nos. 495 and 496, pp. 111-16.
- 19 Medicott in Sarkissian, op. cit., p. 249; cf. Medicott, *Congress of Berlin and After*, pp. 385-98; Taylor, *Struggle for Mastery*, p. 263; Beaconsfield to Queen Victoria, 27 Sept. 1879, Monypenny and Buckle, *Disraeli* VI, p. 386; Mimster to Bismarck, 27 Sept. 1879, GP IV, no. 712; Cecil, *Salisbury* II, P. 373.
- 20 Windelband, op. cit., pp. 71-74; Waller, op. cit., p. 215.
- 21 Simpson, *Saburov Memoirs*, pp. 70-92; Medicott, *Congress and After*, pp. 390-92.
- 22 For this paragraph, see in addition to the preceding references, the paper read by Medicott on Bismarck and the Three Emperors Alliance, *Transactions of the Royal Historical Society* (4th Series, vol. 27), 19451 especially pp. 66-70.
- 23 Bismarck to Schweinitz, 26 Feb. 1884, cited (from German Foreign Ministry archives) by Medicott, *Bismarck, Gladstone and the Concert of Europe*, p. 343.
- 24 *Ibid.*, pp. 178-86; Bismarck to Rantzau, 8 Sept. 1880 in Windelband, op. cit., pp. 195-97; cf. *Ibid.*, pp. 173-74.
- 25 Medicott, *Bismarck...*, p. 283; Limns, p. 205.
- 26 Medicott, op. cit., p. 300.
- 27 Bismarck to Emperor Willam I, 15 June 1881, GP III, no. 531, pp. 173-76.
- 28 K. A. Busch to Reuss, 28 Feb. 1882, GP III, no. 548, pp. 211-12.
- 29 Langer, *European Alliances* p. 244, Taylor, *Bismarck*, p. 212.

Глава 14: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВИЛЬГЕЛЬМА I

- 1 William I to Bismarck, 30 Oct. 1882, *William I – Bismarck Letters* I, no. 269, p. 213.
- 2 The same to the same, 10 May 1882, *ibid.* I, no. 266, p. 210.

- 3 The same to the same, 18 Dec. 1881, and Bismarck to William I (same date), *ibid.* nos. 261 and 262, p. 207; GW XV, pp. 376-77.
- 4 Speech of 12 June 1882, GW XII, pp. 343-66; speech of 14 June, *ibid.*, pp. 366-98; Lucius, pp. 330-32.
- 5 Bismarck to William I, 24. Feb. 1883, GW VI (a), no. 264, pp. 274-76 (with editorial comment by Werner Frauendienst, pp. 273-74).
- 6 Lucius, p. 249 and 258-59; Rich and Fisher, *Holstein Papers II*, p. 35 (18 Feb. 1883).
- 7 Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 228-30; Waldersee, *Denkwürdigkeiten I*, pp. 224-25.
- 8 Hollyday, *Bismarck's Rival*, pp. 210-11.
- 9 See the journal of Dr Eduard Cohen for 1 and 5 Nov. 1883, GW VIII, nos. 354 and 358, pp. 480 and 484; Lowe, *Bismarck's Table-Talk*, pp. 276-79.
- 10 Bismarck to William I, 25 Dec. 1883, GW XIV (ii), no. 1709, pp. 945-46.
- 11 Rich and Fisher, *op. cit.*, II, p. 167 (Holstein's journal for Nov. 1884).
- 12 Bismarck to William I, 2 June 1873, cited by Wehler in his article on 'Bismarck's Imperialism' in *Past and Present*, no. 48 (Aug. 1970), p. 129.
- 13 Speech in the *Reichstag*, 26 Jan. 1889, GW XIII, p. 384.
- 14 As well as the Wehler article already cited, see his detailed study *Bismarck un der Imperialismus* (1969) and the article by Hartmut Fogge von Strandmann on the domestic origins of Bismarck's colonial policy in *Past and Present*, no. 41 (Feb. 1969), pp. 140-59. See also, H. A. Turner's contribution on Bismarck's 'imperialist venture' in Gifford and Louis, *Britain and Germany in Africa* (1967), pp. 47-82. Earlier studies include A. J. P. Taylor, *Germany's First Bid for Colonies* (1938), and M. E. Townsend. *The Rise and Fall of Germany's Colonial Empire* (1942).
- 15 Courcel to Ferry, 25 April 1884, DDF V, no. 249, pp. 267-71.
- 16 Taylor, *Germany's Bid*, pp. 66-67; Wehler, *Bismarck und Imperialismus*, pp. 393-94.

- 17 H. Bismarck to Bismarck, 16, 17 and 22 June 1884, GP IV, nos. 745, 746 and 747, pp. 64-74; Taylor, *Germany's Bid*, pp. 40-44.
- 18 Limns, pp. 297-98 (22 July 1884.); Rich and Fisher, op. cit., h, p. 161. Holstein himself believed the colonial question was closely linked with the election campaign; see Rich, *Friedrich van Holstein I*, pp. 145-46; and also the interesting letter from Bill Bismarck to Holstein, 27 Aug. 1884, Rich and Fisher, op. cit., III, pp. 128-29.
- 19 Ramm, *Political Correspondence... Gladstone and Granville II*, pp. 242-43 and 251.
- 20 Speech of 26 June 1884, GW, XIII, pp. 4-5.
- 21 Courcel to Ferry, 12 Nov. and 3 Dec. 1884, DDF V, no. 450 (pp. 469-70) and no. 475 (pp. 501-503).
- 22 See, for example, Courcel to Freycinet, 11 April and 10 May 1885, DDf VI, no. 6, p. 6 and no. 23, pp. 21-27; and in contrast Raindre (Berlin) to Freycinet, 6 Aug. 1885, DDF VI (2), no. 2, pp. 5-9. See also Windelband, *Bismarck und die europäischen Grossmächte*, pp. 640-56.
- 23 Speech in Reichstag, 2 March 1883, GW XIII, pp. 4-5.
- 24 Rich and Fisher, op. cit., II, p. 237 (Aug. 1885).
- 25 Eulenburg, *Aus 50 Jahre*, pp. 81-107, Snyder article on 'The Political Implications of Herbert von Bismarck's Marital Affairs', *JMH XXXVI*, no. 2 (June 1964), pp. 156-61.
- 26 Rich and Fisher, op. cit., II, p. 200 (May 1885); for the small-bore incident, see *ibid.*, pp. 283-84. Holstein was, however, a prejudiced and vindictive observer. Lord Randolph Churchill, visiting Berlin two years later, mentioned Herbert von Bismarck's 'delightful' company in a letter home, commenting on his frankness and honesty; and Lady Randolph found Herbert a charming companion; see Ralph Martin, *Lady Randolph Churchill*, vol. I, pp. 205-206.
- 27 Richter, *Bismarck*, p. 263; Eyck on 'Holstein as Bismarck's critic' in Sarkissian, op. cit., pp. 255-57.
- 28 Rich and Fisher, *Holstein Papers II*, pp. 272-73 (29 Dec. 1885).
- 29 Bismarck to Emperor William I, 29 Sept. 1884, GW VI (c), no. 295, pp. 304-306; see also the editorial footnote, GP III, p. 369.

- 30 Corti, *English Empress*, pp. 208-209; Corti, *Alexander of Battenberg*, pp. 88-92; Queen Victoria's diary for 8 June 1879, *Letters of Queen Victoria*, and series, III, p. 26; Langer, *European Alliances and Alignments*, p. 337.
- 31 Corti, *Alexander of Battenberg*, pp. 203-49.
- 32 See Bismarck's memoranda, as drafted by Rantzau at Friedrichshruh, 14 and 16 Dec. 1886, GP V, pp. 96 and 149, with editorial notes; Lucius, p. 359.
- 33 Eyck, III, pp. 447-48; Lucius, p. 359 (for Bismarck's fears in Dec. 1886); Rich and Fisher, op. cit., II, pp. 388-93 and III, p. 188.
- 34 Reichstag Speech, 11 Jan. 1887, GW XIII, p. 213.
- 35 Corti, *English Empress*, pp. 235-49.
- 36 Prince William to Eulenburg, 8 Jan. 1887, cited from the Potsdam archives by Röhl, *Historical Journal*, vol. 9 (1966), p. 68; cf. Röhl, *Germany without Bismarck*, p. 29.
- 37 M. Balfour, *The Kaiser and his Times*, pp. 91-92 and 114; Rich, *Friedrich van Holstein I*, pp. 228-29.
- 38 Craig, *Politics of the Prussian Army*, pp. 268-70.
- 39 Balfour, op. cit., p. 115; Rich and Fisher, op. cit., II, p. 87; Röhl article, loc. cit., p. 70.
- 40 Reichstag speech of 6 Feb. 1888, GW XIII, p. 347.
- 41 *The Times* (London), 10 March 1888.

Глава 15: НИЗВЕРЖЕНИЕ ЮПИТЕРА

- 1 Corti, *Alexander*, pp. 287-94.
- 2 Cord, *English Empress*, pp. 273-74.
- 3 Corn, *Alexander*, p. 294.
- 4 Lucius, p. 450, Busch, *Secret Pages III*, p. 187; Rich and Fisher, *Holstein Papers I*, p. 142, Longford, *Victoria R. I.*, p. 634.
- 5 Busch, *Secret Pages III*, p. 231.
- 6 GW XV, pp. 458-71, Waldersee, *Denkwürdigkeiten I*, pp. 338-39, 343-44 and 353-55.
- 7 Balfour, *The Kaiser and his Times*, pp. 125-26.
- 8 Holstem letter of 15 Oct. 1888 cited (from Rogge's biography of Holstein) by Rich, *Friedrich von Holstein I*, p. 246.

- 9 Nichols, *Germany after Bismarck*, p. 31; Waldersee, *Denkwürdigkeiten* 11, p. 4.
- 10 Herbert Bismarck to Rosebery, 16 Dec. 1888, Bussmann, *Staatssekretar Graf Herbert van Bismarck*, no. 374, P. 533.
- 11 On the Morler Affair, see the article by F. B. M. Hollyday In *Central European History* I, no. 1 (March 1968), pp. 56-79.
- 12 Extract from Blsmarck's speech, 26 Jan. 1889, GW XIII, p. 380, Bismarck to Hatzfeldt, 11 Jan. 1889, GP IV, no. 943, pp. 400-402.
- 13 Waldersee, *Denkwürdigkeiten* II, pp. 42 and 45, Craig, *Politics of the Prussian Army*, p. 270.
- 14 Ibid. (quoting from Waldersee to Engelbrecht, 13 Feb. 1889); Rich, *Friedrich von Holstein* I, pp. 249-50.
- 15 Eyck III, p. 560; Lucius, p. 496; Nichols, op. cit., p. 13; Balfour, op. cit., pp. 76-79.
- 16 Waldersee, op. cit., II, pp. 54-56; Röhl article on the 'Disintegration of the *Kartell*', *Historical Journal*, vol. 9 (1966). p. 73.
- 17 Rich, op. cit., pp. 250-54; Waldersee, *Denkwürdigkeiten* II, pp. 58-63; Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, p. 284. In 1972 Dr Renk Hansjörg published an exhaustive study of the Wohlge-muth Crisis, placing it in the context of Bismarck's general policy towards Switzerland, *Bismarcks Konflikt mit der Schwe-iz*. (for the crisis itself see pp. 128-358).
- 18 GW XV, p. 559; Waldersee, op. cit., II, pp. 54-56 and 65-66; Rich, op. cit., I, P. 251.
- 19 Röhl article, loc. cit., pp. 77-79; Lucius, pp. 502-503; Her-berth Elsmarck to Rantzau, 27 June 1889, Bussmann, op. cit. 3 June 1889, no. 380, p. 538.
- 20 Röhl article, loc. cit., pp. 81-83, Idem, *Germany without Bismarck*, pp. 47-50.
- 21 Rich, op. cit., I, pp. 264-63.
- 22 GW XV, pp. 490-91 and 592-93; Lucius, pp. 506-507. For Eulenburg's use of the 'Jupiter' phrase, see Crag, op. cit., p. 271.
- 23 Translated extracts from the minutes of the Crown Council are printed in Simon, *Germany in the Age of Bismarck*, pp.

- 224-27; for Bismarck's version, see GW XV, pp. 491-94, for Herbert von Bismarck's account (dated April 1890), see *ibid.*, pp. 593-94.
- 24 Lucius, p. 509
- 25 Nichols, *Germany after Bismarck*, pp. 32-33. See also the extract from Marschall's diary for 29 January printed by Röhl in his review article, *Historical Journal* IX, p. 383.
- 26 Eyck III, pp. 573-79; GW XV, pp. 499-502; Lucius, p. 515.
- 27 For the election, see Rahl's article on the *Kartell*, *loc. cit.*, pp. 85-86 and Nichols, *op. cit.*, pp. 18-19. See also GW XV, p. 508, Waldersee, *op. cit.*, II, p. 106; Eulenburg, *op. cit.*, pp. 293-94.
- 28 Bill Bismarck to Holstein, 2 March 1890, Rich and Fisher, *op. cit.*, In, no. 307, pp. 329-30.
- 29 Herbert Bismarck to Rantzau, 5 March 1890, Bussmann, *op. cit.*, no. 403, pp. 562-63.
- 30 Fritz Stern's article on Bleichroeder and Bismarck, *Am. Hist. Rev.*, vol. 75 (i), 1969, p. 43.
- 31 Röhl, *Germany without Bismarck*, p. 89; on the emperor's mounting irritation, see Waldersee, *op. cit.*, II, p. 113; and for the note to Bismarck on the Friday evening, see Eyck III, p. 589.
- 32 Bismarck's account of the meeting is in gw xv, pp. 312-15. William II's version is in K. F. Nowak, *Kaiser and Chancellor*, pp. 204-208. See also Eulenburg, *op. cit.*, pp. 223-35, Lucius, pp. 521-22.
- 33 Herbert Bismarck to Rosebery, 30 March 1890, Bussmann, *op. cit.*, no. 407, p. 567.
- 34 Nicholson, *George V*, p. 75. Prince George was in Berlin for his investiture as a Knight of the Order of the Black Eagle.
- 35 *The Times* (London), 30 March 1890.

Глава 16: ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ

- 1 Coach, *Studies in German History*, p. 380.
- 2 Herbert Bismarck to Rosebery, 30 March 1890, Bussmann, *Staatssekretar... Bismarck*, no. 407, p. 567.

- 3 Bucher to Busch, 1 Sept. 1891, Busch, *Secret Pages II*, pp. 373-74.
- 4 *Ibid.*, p. 377.
- 5 *Ibid.*, p. 374.
- 6 Waldersee, *Denkwürdigkeiten II*, p. 202 (March 1801).
- 7 Nichols, *Germany after Bismarck*, p. 107, citing Count Wedel's memoirs.
- 8 *Ibid.*, pp. 105-106.
- 9 Interview given to Henri de Houx, Nov. 1802, GW IX, no. 92, pp. 292-99, quoting from p. 293.
- 10 Nichols, *op. cit.*, pp. 190-95.
- 11 See the article by Louis Snyder on 'The political implications of Herbert von Bismarck's marital affairs', *JMH*, vol. XXXVI, no. 2 (June 1964), pp. 162-66; Nichols, *op. cit.*, p. 194.
- 12 Meyer, *Bismarck, Mensch and Staatsmann*, pp. 691-93; Bismarck to the editor of the *New Freie Presse* (Vienna), 23 June 1892, GW IX, no. 76, pp. 215-19.
- 13 Eyck III, pp. 620-21, Snyder article, *loc. cit.*, p. 167.
- 14 Churchill, *Lord Randolph Churchill*, II, pp. 447-81, Ralph Martin, *Lady Randolph Churchill*, vol. I, pp. 263-65.
- 15 Bismarck to William II, 19 Sept. 1893, GW XIV (ii), no. 1891, p. 1011; Nichols, *op. cit.*, p. 298.
- 16 *Ibid.*, p. 299; Eulenburg, *op. cit.*, pp. 256-58; Hohenlohe, *Memoirs* 11, p. 451.
- 17 Nichols, *op. cit.*, p. 301; Eulenburg, *op. cit.*, p. 268; GW IX, pp. 383-88.
- 18 Hohenlohe, *op. cit.*, 11, p. 452, for Hohenlohe's visit to Friedrichsruh see *ibid.*, pp. 461-62.
- 19 For Johanna's last days, see Sell, *Fürst Bismarcks Frau*, pp. 252-53, Eyck III, p. 633; Bismarck to his sister, 19 Dec. 1894, GW XIV (ii), no. 1908, p. 1017.
- 20 Bismarck to Oscar von Arnim, 18 May 1895, *ibid.*, no. 1918, p. 1020.
- 21 Waldersee, *Denkwürdigkeiten II*, pp. 341-42 (28 March 1895); Cooch, *op. cit.*, p. 388.
- 22 Conversation with Tirpitz in the summer of 1897; GW IX, no. 161, pp. 477-79; Tirpitz, *Erinnerungen*, pp. 88-90.
- 23 Conversation with Li Hung-chang, 25 June 1896, GW IX, no. 157, pp. 465-69; the quotation is from p. 468.

- 24 Conversation with William II and his suite, 15 Dec. 1807, GW IX, no. 166, pp. 488-89, Tirpitz, op. cit., pp. 93-95.
- 25 Whitman, *Personal Reminiscences... Bismarck*, pp. 256-63; Taylor, *Bismarck*, p. 265.
- 26 Snyder, *Blood and Iron Chancellor*, pp. 401-403; Eulenburg, op. cit., pp. 276-79.
- 27 Waldersee, op. cit., h p. 418; Eulenburg, op. cit., p. 280.
- 28 Cola Mann, *Germany since 1789*, p. 325.
- 29 Gerhard Ritter, *Europa and die deutsche Frage*, pp. 83-86; cf. Henry Kissinger, 'Bismarck, the White Revolutionary', *Daedalus*, Summer 1968, pp. 918-22.
- 30 See the Interesting surveys by Halls Kohn (ed), *German History, some new German Views*, especially pp. 11-43, and Michael Stunner, 'Bismarck In Perspective', *Central European History*, vol. 4, no. 4 (1971), especially pp. 326-31; see also Taylor, op. cit., pp. 271-73 and Pflanze, pp. 3-8.
- 31 Ulrich von Hassell, *The Van Hassell Diaries*, p. 316 (10 July 1944).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Книги:

- Albertini, Luigi, *The Origins of the War 1914*, volume I (Oxford, 1952).
- Anderson, E. N., *The Social and Political Conflict in Prussia* (Lincoln, Nebraska, 1954).
- Balfour, Michael, *The Kaiser and his Times* (London, 1968).
- Becker, O., *Bismarcks Ringen um Deutschlands Gestaltung* (Heldelberg, 1958).
- Blake, Robert, *Disraeli* (London, 1966).
- Bonin, G., *Bismarck and the Hohenzollem Candidature for the Throne of Spain* (London, 1957).
- Brandenburg, Erich, et al. (eds), *Die amwartige Politik Prewsens, 1858-1871*, vols. III, V, VI, VIII, IX (Berlin, 1932-).
- Brauer, A. von, *Im Dienste Bismarcks* (Berlin, 1936).
- Bronsart von schellendorff, Paul, *Geheimes Kriegstagebuch* (Bonn, 1954).
- busch, moritz, *Bismarck, Some Secret Pages of his History*, 3 vols. (London, 1898).
- Bussmann, W., *Staatssekretar Graf Herbert von Bismarck* (Göttingen, 1964).
- Case, Lynn, *French Opinion on War and Diplomacy during the Second Empire* (Philadelphia, 1954).
- Cecil, Lady Gwendolen, *Life of Robert; Marquis of Salisbury*, vols. 2, 3 and 4 (London, 1921-32).
- Churchill, Winston, *Lord Randolph Churchill*, volume 2. (London, 1906).

- Clark, C. W., *Franz Joseph and Bismarck* (Cambridge, Mass., 1934.).
- Constabel, Adelheid (ed): *Die Vorgeschichte des Kulturkampfes: Veröffintlichung aus dem Deutschen Zentralarchiw* (Berlin, 1936).
- Corti, E. E. C., *Alexander of Battenberg* (London, 1954).
 ----- *The English Empress* (London, 1967).
- Craig, Gordon A., *The Politics of the Prussian Army* (Oxford, 1955, paperback 1964).
 ---- *The Battle of Königgrätz* (London, 1965).
 ---- *War, Politics and Diplomacy* (London, 1966).
 ---- *From Bismarck to Adenauer, Aspects of German Statecraft* (London, 1966).
- Crankshaw, Edward, *The Fall of the House of Habsburg* (London, 1963).
- Darmstaedter, *Bismarck and the Creation of the Second Reich* (London, 1948).
- Eulenburg, Furst Philipp Zu, *Aus 50 Jahren* (Berlin, 1925).
- Eyck, Erich, *Bismarck, Leben und Werk*, 3 volumes (Zurich, 1941-44).
 ---- *Bismarck and the German Empire* (London, 1950).
- Feder, E. (ed): *Bismarcks grosses Spiel: die geheimen Tagebücher Bambergers* (Frankfurt-am-Main, 1932).
- France, Ministfcre des Affaires Etrangfcores, *Les engines diplomatiques de la guerre de 1870-71* (Paris, 1910-).
 ---- *Documents diplomatiques francaises, 1871-1914*, First Series, vols. 1-7 (Paris, 1929-35).
- Friedjung, h., *The Struggle for Supremacy in Germany* (London, 1933).
- Fulford, Roger, (ed.) *Dearest Child*, letters between Queen Victoria and the Princess Royal, 1858-61 (London, 1964).
 ---- *Dearest Mama* (London, 1968).
 ---- *Your Dearest Letter* (London, 1971).
- Fuller, J. V., *Bismarck's Diplomacy at its Zenith* (Cambridge, Mass., 1922).
- Gerlach, Leopold von, *Denkwürdigkeiten*, 2 vols. (Berlin, 1891).
- Gerlach, E. Ludwlg von, *Aufzeichnungen aus seinen Leben und Wirken*, vol. 2 (Schwerin, 1903).
- Geuss, Herbert, *Bismarck und Napoleon III* (Cologne, 1959).

- Gilbert, Martin (ed), *A Century of Conflict; Essays for A. J. P. Taylor* (London, 1966), contains contribution by: Howard, Michael, 'William I and the Reform of the Prussian Army'.
- Göhring, Martin and scHarf, ALEXANDER, *Geschichtliche Kräfte* (Wiesbaden, 1954); contains a contribution from Wilhelm Schussler, 'Gas Geheimnis des Kaiserbriefes Ludwigs II'.
- Gooch, G. P., *Studies in German History* (London, 1948).
- Goriainov, Serge, *La Question d' Orient* (Paris, 1938).
- Grant-Robertson, C., *Bismarck* (London, 1918).
- Hamerow, T. S., *Restoration, Revolution, Reaction* (Princeton, 1938, paperback 1966).
- *The Social Foundations of German Unification, iSjS-iSyl. I. Ideas and Institutions* (Princeton, 1969), 2. *Struggles and Accomplishments* (Princeton, 1972).
- Hansjörg, Renk: *Bismarcks Konflikt mit der Schweiz* (Basle and Stuttgart, 1972).
- Hassell, Ulrichvon, *The Van Hassell Diaries, 1938-44* (London, 1948).
- Hayward, Henry (ed), *Bismarck and All about Him, by a Fellow Student* (London, 1898).
- Hertel, Willy, *Bismarck Bibliographie* (Cologne and Berlin, 1966).
- Hertslet, Edward, *The Map of Europe by Treaty*, 4 vols. (London, 1875- 91).
- Hesekiel, J. G. L., *Bismarck* (London, 1870).
- Hohenlohe-Schillingsfuerst, Prince Chlodwig of, *Memoirs*, 2 vols. (New York, 1906).
- Hollyday, P. B. M., *Bismarck's Rival: Albrecht von Stosch* (Durham, North Carolina, 1960).
- Horne, Alastair, *The Fall of Paris* (London, 1965, paperback 1968).
- Howard, Michael, *The Franco-Prussian War* (London, 1960, paperback edition, 1967).
- Keudell, Robert, *Fürst und Fürstin Bismarck* (Berlin, 1901).
- Kent, George O., *Arnim and Bismarck* (Oxford, 1968).
- Knaplund, Paul, *Letters from the Berlin Embassy, 1871-74 and 1880-85* (American Historical Association Report vol. I, Washington 1944).
- Kohl, Horst (ed), *Bismarck-Jahrbuch*, 6 vols. (Berlin, 1984-99).

- Kohn, Hans (ed), *German History, some new German views* (London, 1954.).
- Langer, W. L., *European Alliances and Alignments* (revised edition. New York, 1950).
- Leslie, R. F., *Reform and Insurrection in Russian Poland 1856-65* (London, 1963).
- Loftus, Lord Augustus, *Diplomatic Reminiscences*, vol. I (London, 1894).
- Longford, Elizabeth, *Victoria R. L.* (London, 1964).
- Lord, R. H., *The Origins of the War of 1870* (Cambridge, Mass., 1924).
- Lowe, C., *Bismarck's Table-Talk* (London, 1900). [See also under Poschlner.]
- Lowe, C. J., *Salisbury and the Mediterranean 1886-96* (London and Toronto, 1965).
- Lucius von Ballhausen, *Bismarck-Erinnerungen* (Stuttgart and Berlin, 1921).
- Ludwig, E., *Bismarck* (London, 1927).
- Macartney, C. A., *The Habsburg Empire, 1790-1918* (London, 1968).
- Marcks, Erich, *Bismarck, eine Biographie 1815-51* (Stuttgart, 1951).
- Martin, Ralph O., *Lady Randolph Churchill, 1854-95* (London, 1969).
- Medligott, W. N., *The Congress of Berlin and After* (London, 1938).
- *Bismarck, Gladstone and the Concert of Europe* (London, 1956).
- *Bismarck and Modern Germany* (London, 1965).
- Medligott, W. N. and Coveney, Dorothy, *Bismarck and Europe* (London, 1971).
- Mendelsohn-Bartholdy, A., Lepsius, I. and Thimme, F., *Die grosse Politik der europäischen Kabinette*, vols. I-IV (Berlin, 1922-26).
- Metnecke, f., *Radowitz und die deutsche Revolution* (Berlin, 1913).
- *The German Catastrophe* (Harvard, 1950).
- Metternich, R. Von (ed), *Memoires, Documents et Ecrits laisses par le Prince de Metternich*, Tome VIII (Paris, 1884).

- Meyer, A. O., *Bismarcks Kampf mit Oesterreich am Bundestag zu Frankfurt* (Leipzig and Berlin, 1927).
- *Bismarcks Glaube* (Munich, 1933).
- *Bismarck, der Mensch und der Staatsmann* (Stuttgart, 1949).
- Mitchell, Allan, *Bismarck and the French Nation* (New York, 1971).
- Monypenny, W. F. and Buckle, G. E., *The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield*, vols. V and VI (London, 1920).
- Mosse.w.e., *The European Powers and the German Question, 1848-71* (Cambridge, 1958).
- Motley, John L., *Morton of Marton's Hope*, 3 vols. (London, 1839).
- Nichols, J. A., *Germany after Bismarck, The Caprivi Era* (Cambridge, Mass., 1958).
- Nicolson, Harold, *King George V* (London, 1932, paperback, 1967).
- Nolde, B., *Die Petersburger Mission Bismarcks, 1859-62* (Leipzig, 1936).
- Nöll von der Nahmer, Robert, *Bismarck Reptilienfonds* (Mainz, 1968).
- Nowak, Karl, *Kaiser and Chancellor* (London, 1930).
- Orloff, N., *Bismarck und Katherina Orloff* (Munich, 1936).
- Palmer, Alan, *Metternich* (London, 1972).
- Petersdorff, h. von, *Konig Friedrich Wilhelm IV* (Stuttgart, 1900).
- Pflanze, Otto, *Bismarck and the Development of Germany : The Period of Unification* (Princeton, 1963; paperback, 1971).
- Ponsonby, Sir Frederick, *Letters of the Empress Frederick* (London, 1928).
- Poschinger, H. Von, *Furst Bismarck und die Parlamentarier* (Breslau, 1894-96). (Three volumes, for an abridged translation, see Charles Lowe, *Bismarck's Table-Talk*.)
- Pribram, A. f., *The Secret Treaties of Austria-Hungary* (Cambridge, Mass., 1920).
- Ramm, Agatha, *Political Correspondence of Mr Gladstone and Lord Granville, 1876-1886*, 2 vols. (Oxford, 1960).
- *Germany 1789-1919* (London, 1967).
- Reiners, Ludwig: *Bismarck* [2 vols. to 1871] (Munich, 1957).

- Rich, Norman, *Friedrich von Holstein, Politics and Diplomacy in the Era of Bismarck and Wilhelm II*, vol. I (Cambridge, 1965).
- Rich, Norman and Fisher, M. H., *The Holstein Papers*, 4 vols. (Cambridge, 1955-63).
- Ritter, Gerhard, *Europa und die Deutsche Frage* (Munich, 1948).
- *The Sword and the Sceptre*, vol. I : *The Prussian Tradition 1740-1890*, a translation of the 1964. edition of *Staatkunst und Kriegshandwerk* (London, 1972).
- Robertson, Priscilla, *Revolutions of 1848* (Princeton, 1932).
- RohL, J. C. O., *Germany Without Bismarck* (London, 1967).
- Roon, Count A. von, *Denkwürdigkeiten*, 3 vols. (Berlin, 1905).
- Rothfels, H., *Bismarck Briefe* (Stuttgart, 1955).
- *Bismarck, der Osten und das Reich* (Stuttgart, 1960).
- Ruhenstroth-Bauer, Renate, *Bismarck und Falk im Kulturkampf* (Heidelberg, 1944).
- Sarkissian, A. O. (ed), *Studies in Diplomatic History and Historiography in honour of G. P. Gooch* (London, 1961). Contains the following relevant contributions: W. L. Langer, 'Bismarck as a Dramatist'; L. D. Steefel, 'Bismarck and Bucher, the Letter of Instructions of June 1870'; W. Norton Medlicott, 'Bismarck and Beaconsfield'; Erich Eyck, 'Holstein as Bismarck's Critic'.
- Schlözer, Kurt Von, *Petersburger brief* (Berlin, 1921).
- Schmidt-Volkmar, E., *Der Kulturkampf in Deutschland, 1871-1890* (Göttingen, 1962).
- Schulin, E., *Gedenkschrift Martin Göhring* (Wiesbaden, 1968), contains a contribution from Andreas Hillgruber, 'Die Krieg-in-Sicht Krise'.
- Schweinitz, H. L. von, *Denkwürdigkeiten*, 2 vols. (Berlin, 1927).
- *Briefwechsel* (Berlin, 1928).
- Sell, Sophie von, *Fürst Bismarcks Frau* (Berlin, 1914).
- Seton-Watson, R. W., *Disraeli, Gladstone and the Eastern Qyestion* (London, 1935).
- Simon, W. M., *Germany in the Age of Bismarck* (London, 1968).
- Simpson, J. Y., *The Saburov Memoirs* (Cambridge, 1929).
- Snyder, L. L., *The Blood and Iron Chancellor* (New York, 1967).
- Srbik, H. Ritter von, *Deutsche Einheit* (Munish, 1935-42).

- Srbik, H. (ed), *Quellen zur deutschen Politik Oesterreichs 1859-66*, vols. III, IV, V (Vienna, 1936-38).
- Steeffel, L. D., *The Schleswig-Holstein Question* (Cambridge, Mass., 1932).
- *Bismarck, the Hohenzollern Candidacy and the Origins of the Franco-German War of 1870* (Cambridge, Mass., 1962).
- Stehlin, Stewart A., *Bismarck and the Guelph Problem* (The Hague, 1972).
- Sumner, B. H., *Russia and the Balkans, 1870-80* (Oxford, 1937).
- Taylor, A. J. P., *Germany's First Bid for Colonies, 1884-85* (London, 1938; paperback, 1970).
- *The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918* (Oxford, 1954).
- *Bismarck, the Man and the Statesman* (London, 1935).
- Tirpitz, Alfred von, *Erinnerungen* (Leipzig, 1919).
- Townsend, M. E., *The Rise and Fall of Germany's Colonial Empire* (New York, 1930).
- Valentin, Veit, *Geschichte der deutschen Revolution von 1848-49* (Berlin, 1930-31).
- Victoria, Queen, *Letters, First Series*, 3 vols, edited A. C. Benson and Viscount Esher (London, 1907); *Second and Third Series*, 6 vols, edited G. E. Buckle (London, 1926 and 1930).
- *Leaves from a Journal*, edited Raymond Mortimer (London, 1961).
- Vitzthum von Eckstaedt, C. F., *St Petersburg and London*, vol. 2 (London, 1887).
- Waldersee, Alfred von, *Denkwürdigkeiten* (edited by H. O. Melssner, Stuttgart, 1923).
- Waller, Bruce, *Bismarck at the Crossroads, 1878-80* (London, 1974).
- Wertheimer, E., *Graf Julius Andrassy*, vols. II and III (Stuttgart, 1911-13).
- Whitman, Sidney: *Conversations with Prince Bismarck* (London and New York, 1900).
- *Personal Reminiscences of Prince Bismarck* (London, 1902).
- Windelband, Wolfoang, *Bismarck und die europäischen Grossmächte, 1879-85* (Essen, 1942).

Статьи в периодических изданиях:

- Bernstein, Paul, 'Leg entrevues de Biarritz et de Saint-Cloud', *Ravue d'Histoire Diplomatique* (Paris), vol. 78 (1964), pp. 330-39.
- Clark, C. W., 'Bismarck, Russia and the War of 1870', *Journal of Modern History* (Chicago), vol. 14, no. 2 (1942), pp. 199-202.
- Craig, Gordon, 'Edwin von Manteuffel; Portrait of a Political General', *Political Science Quarterly*, vol. 66, no. 1 (1951), pp. 1-36.
- Holborn, Hajo, 'Bismarck's Realpolitik', *Journal of the History of Ideas* (Lancaster, Pa.), vol. 21 (1960), pp. 83-94.
- Hollyday, F. B. M., 'Love your enemies! Otherwise bite them' *Central European History* (Atlanta, Georgia), vol. I, no. 1 (March 1968), pp. 56-79.
- Kaehler, S. A., 'Realpolitik zur Zeit des Krimkrieges', *Historisches Zeitschrift* (Munich), Vol. 174 (1952), pp. 436-78.
- Kissinger, Henry, 'Bismarck, the White Revolutionary', *Daedalus* (Cambridge, Mass.) (Summer 1968), pp. 888-922.
- Lord, R. H., 'Bismarck and Russia In 1863', *American Historical Review* (Washington), vol. 29 (1923), pp. 24-48.
- Medlicott, W. N., 'Bismarck and the Three Emperors' Alliance, 1881-87', *Transactions of the Royal Historical Society* (London), 4th Series, vol. 27 (1945), pp. 61-83.
- Meinecke, Friedrich, 'Bismarcks Eintritt in den chrstllch-germanschen Kreis', *Historische Zeitschrift* (Berlin and Munich), vol. 90 (Neue Folge 54) (1903), pp. 56-92.
- Mörk, G. R., 'Bismarck and the Capitulation of German Liberalism', *Journal of Modern History* (Chicago), vol. 43, no. 1 (March 1971), pp. 59-75.
- Pogge von Strandmann, Hartmut, 'The Domestic Origins of Germany's Colonial Expansion under Bismarck', *Past and Present* (Oxford), no. 42 (February 1969), pp. 140-59.
- Rich, Norman, 'Holstein and the Arnim Affair', *Journal of Modern History* (Chicago), vol. 28, no. 1 (March 1956), pp. 35-54.
- Röhl, J. C. G., 'The Disintegration of the *Kartell* and the Politics of Bismarck's Fall from Power, 1887-90', *Historical Journal* (Cambridge), vol. 9, no. 1 (1966), pp. 60-89.

- 'Friedrich von Holstein' (Review article). *Historical Journal* (Cambridge), vol. 9, no. 3 (1966), pp. 379-88.
- Rothfels, Hans, 'Problems of a Bismarck Biography', *Review of Politics* (Notre Dame, Indiana), IX (1947), pp. 362-80.
- Sempell, Charlotte, 'Briefe der Eltern Bismarcks an seinen Bruder Bernhard', *Historische Zeitschrift* (Munich), vol. 214., part 3 (1972), pp. 557-79.
- Snyder, Louis L., 'The Political Implications of Herbert von Bismarck's Marital Affairs, 1881, 1892', *Journal of Modern History* (Chicago), vol. 36, no. 2 (June 1964), pp. 162-68.
- Srbik, H. Ritter von, 'Die Schönbrunner Konferenzen von August 1864', *Historische Zeitschrift* (Berlin and Munich), vol. 153 (1935-36), pp. 43-88.
- Stern, Fritz, 'Gold and Iron: Bleichroeder and Bismarck', *American Historical Review* (Washington), vol. 75, no. 1 (1969), pp. 37-46.
- 'Money and Morals in Bismarck's Society', *Central European History* (Atlanta, Georgia), vol. 3, nos. 1/2 (March/June 1970), pp. 49-72.
- Sturmer, Michael, 'Bismarck in Perspective', *Central European History* (Atlanta, Georgia), vol. 4, no. 4 (December 1971), pp. 291-331.
- Vagts, Alfred, 'Bismarck's Fortune', *Central European History* (Atlanta, Georgia), vol. I, no. 3 (September 1968), pp. 203-32.
- Wehler, Hans-Ulrich, 'Bismarck's Imperialism 1862-90', *Past and Present* (Oxford), no. 48 (August 1970), pp. 119-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Лис Рабенмарк	5
«Бешеный Бисмарк»	34
1848 и другие годы	58
Чрезвычайный и полномочный посланник	88
Шум за сценой	112
Кровь, железо, слезы	137
Герцогства Шлезвиг и Гольштейн	163
Война между братьями	192
Германия садится на коня	228
Седан и Версаль	268
Конфликт непогрешимых	298
Честный маклер	335
Расцвет системы Бисмарка	368
Последние годы Вильгельма I	399
Низвержение Юпитера	434
После падения	469
<i>Примечания</i>	494
<i>Избранная библиография</i>	529

Научно-популярное издание

Алан Палмер

БИСМАРК

Художник А. А. Шуплецов

Технический редактор Е. В. Михалкина

Корректор Т. В. Новик

OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 23.03.97.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Times». Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 11 000 экз.
Заказ 406.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

БИСМАРК

78

XII,7

II

32,00

0.50